АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ФИРМА «ПЕНТИМЭКС»
ОБЩЕСТВО КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ С ИНДИЕЙ

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI—XIV вв.

Сборник 5

Москва 1992

Академия наук России
Институт мировой литературы
Ассоциация исследователей Древней Руси
Фирма "Пентимэкс"
Общество культурных связей с Индией

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
XI – XIV вв.
Сборник 5

Москва 1992

Утверждено к печати Ученым Советом ИМЛИ РАН
28 мая 1990 г.

Коллектив авторов выражает глубокую признательность директору фирмы "Пентимакс" Белоусову С.А. и первому вице-президенту Общества культурных связей с Индией к.ф.н. Сенкевичу А.Н. за бескорыстную финансовую поддержку, без которой это издание было бы невозможно, а также директору ИМЛИ РАН чл.-корреспонденту РАН Кузнецову Ф.Ф. за неизменную помощь в реализации научных замыслов.

СОДЕРЖАНИЕ

"СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

РАННИЕ ПАМЯТНИКИ

Из научного наследия В.Ф.Ржиги

ГАРМОНИЯ РЕЧИ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Посвящается С.К.Шамбинаго в связи с 25-летием его научной деятельности

(- Украина, Кiiв, 1926, кн.: 4, с.24-34)

При реконструкции ритмики "Слова о полку Игореве" исследователь встречается с серьезными препятствиями, например, с неясностью вопросов древнерусского ударения и слогового значения конечных Ъ и Ь [I] . Такого рода трудностей нет при изучении другой стороны Слова, его звуковой и словесной гармонии. Здесь уже главную роль играют согласные и сам текст Слова вообще. Согласные в течение времени подвергались собственно небольшим изменениям, и эти изменения легко выявить. Что касается самого текста Слова, то по мнению новейших исследователей, которое я целиком разделяю, он не так уже сильно испорчен, как это казалось сначала. Большинство же отдельных ошибок исправляется усилиями палеографической и филологической критики. Все это является добрым предзнаменованием. Однако в затронутом во-

---

[I] Эти трудности пытался преодолеть акад. Ф.Е.Корш, в своей известной ритмической реконструкции Слова /Ф.Е.Корш. "Слово о полку Игореве". Изд. Отд.русск.яз. и слов. АН. СПб, 1909. Исследования по русскому языку. Т.П, вып.6/. Хотя гипотезу Ф.Е.Корша о том, что Слово написано былинным стихом, нельзя принять, однако отдельные его замечания об ударении в Слове заслуживают серьезного внимания. Вопрос этот, однако, настолько сложен, что заслуживает специального рассмотрения.

просе возникают совершенно новые трудности с другой стороны. Речь идет о том, что инструментовка поэтических творений, несмотря на ряд новейших интересных работ в этой области, все же недостаточно изучена, тем более в области древнерусской литературы и устной словесности. И настоящая статья является только попыткой затронуть данный вопрос. Начиная ее, я исхожу из следующего размежевания фактов звучания памятника: I) аллитерация в ее различных видах и разновидностях; под аллитерацией я разумею такое созвучие рядом стоящих слов, которое обусловлено их синтаксической или этимологической связью; 2) созвучия синтаксического характера, т.е. созвучия целых предложений между собой; 3) тавтология, т.е. созвучие этимологически родственных слов.

Вопрос об аллитерации в Слове о полку Игореве" как известно, не новый. Еще в 1877 г. кн. П.П.Вяземский в своем "Исследовании о вариантах "Слова" между прочим обратил внимание на аллитерацию Слова и дал десять примеров: из них пять ставят аллитерацию на С, два на И, по одному на К, Р, О. Аллитерацию Слова кн. Вяземский охарактеризовал, как "весьма роскошную", но в то же время настолько натуральную, "что можно даже сомневаться - действительно ли она намеренная; во всяком случае весьма ясно, что она не заимствованная. "Между тем "древнейшая аллитерация англо-саксонская вполне искусственная". Этими коротенькими замечаниями кн. Вяземский и ограничился [I].

[I] "Слово о полку Игореве". Исследование о вариантах кн. П.П.Вяземского. СПб., 1877. - С.29.

Барсов в своем исследовании [2] признал, что "аллитерация, которую первый заметил в Слове кн.Вяземский, заслуживает особенного внимания", но работу в этом направлении не продолжил. Он дал лишь два новых примера: один – аллитерации на С: "Тогда при ОлЗѣ ГориСлавличи СѣяшетСя и раСтяшеть уСобицами"; другой на О: "Нъ нечестнО ОдОлѣсте, нечестнО бО крОвь пОганую прОлѣясте".

Сопоставления Слова о полку Игореве с поэзией скальдов, которое сделал Абихт, снова дало повод коснуться аллитерации. Намереваясь доказать родство метрики Слова с северной метрикой, Абихт должен был, однако, признать, что аллитерация в Слове, хотя и встречается в большом количестве, играет совсем иную роль, нежели в поэзии скальдов. Там, у скальдов как говорит Сиверс, "каждая пара полустиший связывается аллитерацией в один сложный из двух частей, длинный стих", – между тем как в Слове аллитерации "составляют только случайное поэтическое украшение речи, а не служат его связи полустиший" [2]. В качестве примера из Слова Абихт дает один случай аллитерации, ранее не указанный:

То Почнуть нам Птици бити
в Полѣ Половецкомъ [3].

---

[1] Барсов Е.В. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружиной Руси. Т.I – С.172, 173.

[2] Prof. Dr. Abicht. Das südrussische Igorslied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung. S.4 (Vierundachtzigster Jahres-Bericht der schlesischen Gesellschaft für vaterländische Cultur. Breslau. 1907

[3] Там же.

Отдельные указания на аллитерацию в Слове о полку Игореве сделали также Ив.Франко [I] и английский исследователь Магнус [2]. Эти исследователи признают важную роль аллитерации в Слове, но характеризуют ее только негативно по признаку несходства с аллитерацией древнегерманской, ближайшим же образом роль аллитерации в Слове остается невыясненной, как со стороны количества содержания, так и со стороны качества формы. Заинтересовавшись данным вопросом, я нашел тут широкое поле для работы, и уже теперь имею возможность намного увеличить число аллитераций в Слове, и вместе с тем обратить внимание на их качественную неравноценность.

По внешнему признаку все случаи аллитерации в Слове можно разделить на 5 групп: I) аллитерация на согласный звук, 2) на группы согласных, 3) на гласный, 4) созвучие соседних слогов одного и того же слова, либо двух, которые стоят рядом, 5) созвучие целых слов.

Аллитерации на согласный весьма часты. Так на Б: "Немизѣ кровави Брезѣ не Бологомъ Бяхуть посѣяни" /36/ [3]. На П, кроме

I Ів.Франко. "Слово о Лазаре Воскресении" Староруська поема на апокріфічні теми, с.33 (Записки Наукового Товариства Імени Шевченка, р.1900, кн.Ш І ІУ, т.XXXУ-XXXУI.

2 The tale of the armament of Igor A.D. 1185. A russian historical epic. Edited and translated by Leonard Magnus. With revised russian text, translation, notes, introduction and glossary. Oxford 1915, стр. 52, 88, 97, 100, 106.

3 Цифры в скобках указывают страницы I издания. В приведенных примерах выделены аллитерирующие звуки не только в слогах под современным ударением, но во всех случаях, обращая внимание на то, что акцентологический вид памятника был несколько иным нежели теперь.

упомянутого выше: "то Почнуть нар".../44/: I) "камо Туръ ПосКочяше своимъ златымъ шеломомъ Посвѣчивая, тамо лежать Поганыя головы Половецкыя, Посѣчаны саблями калеными"... /13/, 2) "та Преди Пѣснь Пояше" /3/; 3)"уже бо бѣды Пасеть Птиць По дубІю" [I] /9/; 4) "Пороси Поля Прикрывають" /12/.

На В: I) "чили Въспети было Вѣщей Бояне, Велесовъ Внуче!" /7/; 2) "се Вѣтри, Стрибожи Внуци Вѣютъ"/12/. Иногда встречаются аллитерации на Т: I) "не мыслІю Ти перелеТѢТи издалеча, оТня злаТа сТола поблюсТи?" /28/; 2) "сыпахуТь ми Тщими Тулы поганыхъ Тльковинъ" /23/; 3) "Тугою имъ Тули заТче" /39/.

Гораздо реже, нежели губные аллитерируются задне-язычные; вот пример, приведенный еще кн. Вяземским: "а Княэи сами на себе Крамолу Коваху" /21/. Особенно часто встречаются аллитерации на С и созвучный с ним З: I) "два Солнца померкоСта, оба багряная Стлъпа ПогаСоСта, и Съ нима [2] молодая мѣСяца, Олег и СвятъСлавъ тьмою Ся поволокоСта" /25/; 2) "Уже бо Сула не течеть Сребреними Струями к граду ПереяСлавлю" /33/; 3) "единъ же ИЗяславъ Сынъ ВаСильковъ поЗвони Своими оСтрыми мечи о шеломы литовСкІя" /33/; 4) "уже пониЗите [3] СтяЗи Свои, вонЗите [4] Свои мечи вережени" /34/; 5) "тому въ ПолотСкѣ поЗвониша Заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ в Киеве Звонъ Слыша" /36/; 6) "Се ли СотвориСте моей Сребреней Сѣдинѣ!" /26/; 7) "тогда при ОлЗѣ ГориСлавличи СѣяшетСя и раСтяшеть

[I] I изд.: подобІю.

[2] I изд.: и съ нимъ.

[3] I изд.: понизить.

[4] I изд.: вонзить.

уСобицами" /16/; 8) "и Стрѣлы по Земли Сѣяше. Ступаеть въ Златъ Стремень"... /15/; 9) "Съ толже Коязи Святополкъ повелѣя [1] отца Своего межди угорьСкими иноходьцы ко СвятѢЙ СофІи к КІеву" /16/; 10) "А СвятьСлавь мутень Сонь видѣ в КІевѣ на горах: "Си ночь Съ вечера одѣвахьте мя"... /22,23/; 11) "Тогда Игорь възрѣ на Свѣтлое Солнце" /5/; 12) "и жалоСть ему ЗнаменІе Заступи, иСкуСити Дону великаго" /6/; 13) "Сабли изЪоСтрени, Сами Скачють акы Сѣрыи вльци въ полѣ" /8/; 14) "Тогда въСтупи Игорь князь въ Златъ Стремень" /8/.

Аллитерация на Ж встречается редко: "а мы уЖе друЖина Жадни веселІя" /26/. Неоднократно встречаются аллитерации на плавные. Примером может служить хотя бы вышеприведенный в качестве аллитерации на С: "уже бо СуЛа не течеть сРебРеными стРуями къ гРаду ПеРеясЛавЛю"... /33/ или: "вЛъци гРозу въсРожать по яРугам" /9/, или еще более характерное звучание Р и Л при описании [redacted] фатальной сечи на Каяле: "съ заРанІа до вечеРа, съ вечеРа до свѣта Летять стРѣЛы каЛеныя, гРимЛють сабЛи о шеЛомы; тРещать копІа хаРаЛужныя в поЛѢ незнаемѢ сРеди земЛи ПоЛовецкыи" /17/.

Плавные доминируют также и в плаче Ярославны.

Из аллитераций группы согласных наибольшее внимание привлекают такие, в состав которых входят снова плавные с предшествующей согласной, напр.: "тогда ВеЛикІЙ СвятСлавъ иЗРони СЛово съ [2] СЛезами смешено"... /26/. Случаев много; Р с предшествующей согласною чаще в описании боя, войскового пыла отважных, триумфа победы: а) "дѣти бѣсови КЛикомъ поля ПРегоро-

---

[1] I изд.: повѣлея.

[2] I изд.: "съ" - нет.

дища, а ХРаБРIи Русици ПреГрадиша ЧРълеными щиты" /I3/;
б) "ЧРълень стягъ, бѣла хоругвь, ЧРълена чолка, СРеБРено сТРужIе ХРаброму СвятъСЛаВИчю. ДРеМлетъ въ полѣ Ольгово хороБРое гнѣздо" /II/. Следует указать также аллитерации на СТ - иногда с Р: "и СТругы роСТре на куСТу" /42/, иногда без Р: "СТоятъ СТязи" /7/. В аллитерациях на гласный преобладают О и У. Еще кн. Вяземский [I] и Барсов [2] обратили внимание на аллитерирующее О в строках: "дремлетъ въ пОлѣ ОльгОвО хОрОбрОе гнѣздО, далече залетѣлО, не бынО ОнО [3] Обидѣ пОрОжденО, ни сОкОлу, ни кречету, ни тебѣ чрьный вОрОнъ, пОганый ПОлОвчине" /II/.

Вот примеры аллитерации на У: "тIи бо два храбрая Святъславлича. Игорь и Всеволодъ жаУ УбУдиста [4] кОтороЮ; тУ [5] бяше Успилъ отецъ ихъ"... И далее: "наступи на землЮ ПоловецкУЮ, притопта хлъми и яругы; взмУти рѣки и озеры, иссУши потоки и болота" /2I/ ... К предложенной классификации аллитераций в Слове о полку Игореве мы ввели далее созвучия соседних слогов того же самого слова либо двух, которые стоят рядом. Такие случаи не раз встречаются в Слове; они различаются между собою лишь качеством повторяемости: в одних случаях полная повторяемость, в других - частичная, она касается только согласного

I Вяземский П.П. "Слово о полку Игореве". Исследование о вариантах. СПб., I877. - С.29.

2 Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве" как художественный памятник Киевской дружинной Руси". Т.I. М., I877. - С.I72.

3 I изд.: небылонъ.

4 I изд.: убуди.

5 I изд.: которую то.

звука. Характерным примером для случаев того и другого рода могут служить сочетания: "чръною ПАПОломою на кроваТИ ТИсовѣ" /23/. Обычно, созвучие в слове "паполомою" обуславливается данным его лингвистическим складом, но интересно, что поэт не избегает таких слов, но иногда, как видно, с охотою их вводит, напр.: "ЗЕгЗИцею", "мыЧЮЧИ", "възЛЕЛѣяни" и др. Другие примеры созвучия соседних слогов, как в одном слове, так и в двух, что стоят рядом, найти не трудно: а) "УЖе лЖУ" /21/, б) "темно БО БѢ в Г҃ день: два солнца помьркоста, оБА БАгряная стлъПА ПОгасоста" /25/, в) "обѣСИСя СИнѢ мьглѣ" /35/. Плач Ярославны особенно богат аллитерациями такого рода: а) "ЗЕгЗИцею", б) "полЕЧЮ РЕЧЕ" – в данном случае созвучие захватывает даже две пары слогов; в) "кроВАВЫя его раНЫ НА жестоцѣмъ его тѣлѣ", г) "чеМУ МЫчеши", д) "маЛО ЛИ", е) "ЛЕЛѣяли", ж) "сквоЗЬ ЗЕмлю", з) "ты ЛЕЛЬялъ еси", и) "възЛЕЛЕЙ", к) "абых не сЛАЛА", л) "на моРЕ РАно". Дополнительным аргументом в пользу выделения рассматриваемой группы аллитераций может служить еще одно соображение. Автор Слова рядом с обычными словосочетаниями: "Русская земля": "по Рускои земли" /17,18,20,25/, "на Рускую землю" /21/, "Руской земли" /37,44/, "О, Руская земле" /10,12/, – считает лучшим менять после предлога "за" этот обычный порядок слов и ставить прилагательное после определяемого существительного, таких случаев пять – и в каждом из них мы встречает неизменно: "ЗА ЗЕмлю Рускую" /5,18,30,30,33/.

Об излюбленности некоторых определенных тонов свидетельствуют и другие признаки. Чем же как не этой излюбленностью объяснить такие явления? Если бы кто захотел раскрыть степень встречающихся в Слове отдельных прилагательных-определений, то увидел бы, что наиболее часто встречаются – "рускІй" (26 раз)

и "половецкІй" (18 раз). Это обычно и понятно в произведении, которое воспевает эпизод борьбы Руси с половцами. Но как объяснить то, что больше всего из других прилагательных-определений, даже больше слова "рускІй", встречается слово "свой" в различных комбинациях: "своими крамолами" /35/, "главы своя" /32/, "свою рѣчь" /17/, "главу свою" /6/, "къ дружинѣ своей" /5/, "своя милыя хоти" /14/, "своихъ милыхъ ладъ" /20/, "своя храбрыя плъкы" /5/ и т.д. и т.д., всего тридцать раз. Неужели тут сыграло роль только значение этого слова, которое как бы дает почувствовать интимную близость владельца с владением? Подобное объяснение, если и можно допустить, то далеко не во всех случаях. Оно не удовлетворит нас целиком. Неизбежно требуется отвести место и чисто звуковому фактору. Вспомним, что аллитерациями на С Слово особенно богато. Это целиком согласно с теми наблюдениями, что почти в половине данных случаев слово "свой" соединяется с такими словами, которые гармонируют с ним большею частью – С и З: "на своемъ златокованнѣмъ столѣ" /30/, "своимъ златымъ шеломомъ" /13/, "своими злачеными стрълами" /43/, "своими желѣзными плъки" /30/, "своими острыми мечи" /33/, "своими острыми стрѣлами" /33/, "своими сильными плъки" /21/. "на своихъ сребреныхъ брезѣхъ" /42/, "стязи свои" /34/, "дѣду своему Всеславу" /33/, "сулицы своя" /32/, гнѣзда своего" /27/, "сердца своего" /5/, "крѣпосІю своею" /5/.

Наконец, последняя категория аллитераций, которую мы определяем по формальным признакам: это созвучия целых слов, напр.: "вся свОЯ ВОЯ" /5/, "страны РАДИ, ГРАДИ весели" /45, 46/.

Переходя теперь к рассмотрению аллитераций Слова о полку

Игореве по существу, мы невольно замечаем, что звукопись некоторых из них настолько очевидна, что переходит даже в звукоподражание. Начала слов, которые идут одно за другим: ВР, ГР, ТР, - передают карканье воронов: "врани граяхуть, трупIа себѣ дѣляче" /I7/.

Зловещие завывания ночи, что раздавались в природе во время затмения, записываются скоплениями звуков С, З, Ц, Ч, Ш, Щ и доминирующим У: /СолнЦе емУ тьмоЮ пУть застУпаШе; нощЬ стонУЩи емУ гроЗоЮ птичЬ УбУди; СвиСть ЗвѣринЪ въ Стаи Зби"... [1] /8, 9/.

В смысле звукоподражания можно рассматривать и аллитерацию на П, которая уже обращала на себя внимание исследователей [2] в этом месте: "Съ заранIя въ Пятъкъ ПотоПташа Поганыя Пльки Половецкыя; и рассушясь стрьлами По Полю Помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато и Паволоки и драгыя оксамиты"... /I0, II/.

Другие аллитерации в Слове совсем не имеют, как видно, звукоподражательного характера и объясняются ассоциацией не со внешними звуками, а с эмоциональным тоном соответствующего места. Такова, например, аллитерация на У: "не тако ли, рече, рѣка СтУгна, хУдУ стрУЮ имѣя, пожрьши чУжи рУчьи, и стрУгы, ростренa к УстУ [3], УношУ князЮ РосиславУ затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по Уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобоЮ, и древо съ тУгоЮ [4] къ земли прѣклони-

---

[1] 2 изд.: звѣринъ въ стазби.

[2] Вяземский П.П. Указ.соч. - С.29.

[3] I изд.: ростре на кусту.

[4] I изд.: стугою.

лось"[1] /42,43/. Здесь передается тот элегический настрой общей скорби и печали матери по преждевременно погибшем юноше Ростиславе, что увековечено даже в летописи: "и плака ся по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немъ по велику, уности его ради" /ПСРЛ, т.I, с.94/.

Из остальных групп аллитераций, что не поддаются непосредственному объяснению, мне представляется возможным выделить еще одну, которой я даю условное название символической. Самостоятельность ее можно мотивировать той особой суггестивностью, что в древние времена дружинного быта, как видно, была связана с собственными именами аристократического круга. С одной стороны особый словесный материал их был овеян прелестью иноземного звучания: Рюрик, Олег, Игорь, Ольга, с другой, значительная часть их была сложена из живых славянских корней, что преисполнены сознанием отваги, силы и славы: Володимир, Ярослав, Всеволод, Изяслав, Ярополк, Святослав и др. В них слышалось очарование власти, виделось сияние света, слышался звон славы. Особое свойство подобных имен княжеского круга должно было еще более приподнять их среди большинства обычных слов.

Подобное отношение к имени подтверждается, возможно, и теми местами древнерусских дружинных сказаний, где говорится о распространении славы князей-победителей в соседних краях и про страх далеких народов перед *самим именем победителя*. Привлечение внимания поэта к звуку славных имен и могло создать тот особый вид аллитерации, которому я даю название символического. Этот вид аллитерации заключается в том, что в общей

---

[1] I изд.: прѣклонило.

звуковой структуре выделяются те звуки, которые характерны для данных собственно личных или родовых имен. Игорь и Всеволод собираются в поход, один брат ждет другого, оба они – сыны одного отца Святослава, оба они Святославичи, и соединение звуков, характерных для имени Святослава, "СВ" несколько раз звучит при описании их встречи: "Игорь ждет мила брата Всеволода. И рече ему буй Тур Всеволод: один брат, один СВѣтъ СВѣтлый ты Игорю, оба есвѣ СВятославлича, сѣдлай, брате, СВои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои Куряне СВѣдоми къмети" [I] /7,8/.

Также можно объяснить и излюбленное поэтом сопоставление слова "слава" с именем князей, сочетаемым с этим словом:
а) "Бориса же ВЯЧЕСЛАВЛИЧА СЛАВА на судъ приведе"... /15/;
б) "единъ же ИЗЯСЛАВЪ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа СЛАВУ дѣду своему ВСЕСЛАВУ"... /33/; в) "ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють СЛАВУ СВЯТЪСЛАВЛЮ"... /22/; г) "съ дымочи изъ Бѣлаграда обѣсися синѣ мьглѣ, утрь же вознись трикуси оттвори врата Новуграду, разшибе СЛАВУ ЯРОСЛАВУ..." /35/.

Слава князей и дружинников, которую воспевает поэт, представляется ему звоном: "звенить слава въ Кіевѣ" и черниговские дружинники "кликомъ плъкы побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу". Слава героев воспевается и звучит во всем Слове. И в именах князей слышится ее звон, резонируясь в звуковой эвфонии песни. И наоборот, имена князей звенят не только в славе, но и во всей музыке Слова.

Аллитерации связывают созвучностью главным образом слова,

[I] I изд.: къ мети.

которые стоят рядом. Но в Слове о полку Игореве господствует еще другой не менее важный эвфонический факт. Он лежит в созвучии целых фраз, что является следствием построения их по особому принципу. Мы можем назвать этот принцип синтаксическим параллелизмом. Синтаксический параллелизм состоит в симметричном построении родственных по значению предложений и приводит к появлению стихов, разнообразных на современный взгляд: здесь бывает и рифма в нашем понимании слова, большей частью глагольная, что появляется то в конце, то в начале связанных стихов, то повторением одних и тех же самых слов, то такими взаимоотношениями между параллельными частями, которые характеризуются повторяемостью лишь гласных и которые нельзя иначе назвать, как ассонансом. Слово дает весьма много примеров такого параллелизма. На самый факт его уже обращали внимание, но совсем с иной точки зрения [I]. Нас же будет интересовать лишь звуковая сторона этой симметрии. А потому все явления, которые относятся сюда, мы можем разделить на такие категории: I) синтаксический параллелизм с повторением одних и тех же слов, 2) параллелизм без повторения, 3) обычная глагольная рифма.

Первая группа наиболее большая и наиболее характерная для Слова; в пределах ее особенно часто встречается двухчлен-

---

[I] Бирчак В. ВизантIйська церковна пIсня I Слово о полку ИгоревI. - Записки Наукового Товариства Iм. Шевченка. I9I0. Т.ХСУ. - С.5-29.

ная формула, меньше трехчленная и очень редко, всего один раз - четырехчленная. Чтобы судить о характере и объеме явления в целом, я даю все наблюденные случаи его в Слове.

а) "луце жъ [I] бы потяту БЫТИ,
неже полонену БЫТИ" /5/.

б) Нъ НЕЧЕСТНО одолѣсте:
НЕЧЕСТНО бо кровь поганую пролiясте" /26/.

в) "Ваю храбрая сердца ВЪ жестоцемъ харалузѣ скована
а ВЪ буести закалена" /26/.

г) "въ полѣ безводнѣ жаждею ИМЪ лучи съпряже,
тугою ИМЪ тули затче" /39/.

д) "съ заранiя въ пятокъ потопташа поганыя плъкы
ПОЛОВЕЦКЫЯ;
и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы
ПОЛОВЕЦКЫЯ" /10/.

е) "аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
НИ НАМА будетъ сокольца,
НИ НАМА красны дѣвице" /44/.

ж) "ТУ СЯ копiемъ приламати,
ТУ СЯ саблямъ потручяти..." /12/.

з) "ЧТО МИ шумить,
ЧТО МИ звенить..." /18/.

и) "БИШАСЯ день,
БИШАСЯ другый..." /18/.

к) "УЖЕ бо, братiе, не веселая година въстала,
УЖЕ пустыни силу прикрыла" /19/.

л) "ТУ Нѣмци и Венедици,
ТУ Греци и Морава

I I изд.: луцежъ.

поют славу Святъславлю
каютъ князя Iгоря..." /22/.

м) "Не ВАЮ ЛИ злачеными [1] шеломы по крови плаваша?
НЕ ВАЮ ЛИ храбрая дружина рыкаютъ акы туры..." /39/.

н) "ЧЕМУ, господине, насильно вѣеши?
ЧЕМУ мычеши хиновьскыя стрѣлкы
на своею нетрудною [2] крилцю
на моея лады вои?" /38/.

о) ... "О Днепре словутицю!
ТЫ пробилъ ЕСИ каменныя горы сквозь землю Половецкую,
ТЫ лелѣялъ ЕСИ на себѣ Святославли носады до полку
Кобякова" /38,39/.

В вещем сне Святослава после аналогичных глагольных форм дважды повторяется "МЯ" и "МИ".

п) "одѣвахъте МЯ... чрьпахуть МИ... сыпахуть МИ...
и нѣгуютъ МЯ..." /23/.

И наконец, в обращении к вел. кн.Всеволоду встречаем также дважды:

р) "Ты бо можеши..." /28/.

Трехчленные формулы, хотя и реже, но выразительнее:

а) "ИГОРЬ спитъ
ИГОРЬ бдитъ
ИГОРЬ мыслIю поля мѣритъ..." /40/.

б) "Стрежаше его [3] гоголем НА водѣ,
чайцами НА струяхъ,
чрнидьми НА ветрѣхъ" /42/.

---

[1] I изд.: злачеными.

[2] I изд.: не трудною.

[3] I изд.: е.

в) "ТУ ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каяли.

ТУ кроваваго вина не доста;

ТУ пиръ докончаша храбрIи Русичи..." /18/.

Либо, наконец, трехчленная формула, которая объединяет со строгостью своего параллелизма двойную повторяемость двух слов:

г) "УЖЕ снесеся хула НА хвалу;

УЖЕ тресну нужда НА волю;

УЖЕ връжеся дивь НА землю" /25/.

Один случай четырехчленной формулы с повторностью - в плаче русских жен:

"Уже намъ своихъ милыхъ ладъ НИ мыслIю смыслити,

НИ думою сдумати,

НИ очима съглядати,

а злата и сребра НИ мало того потрепати" /20/.

Из приведенного материала видно, что слова, которые повторяются в параллелизмах, весьма различны, и место их в формулах не одинаково: они встречаются больше всего в начале, иногда в середине и редко в конце синтаксических единиц.

Обычный синтаксический параллелизм без повторения отдельных слов - явление, которое также довольно часто встречается в Слове. В приведенных далее примерах указывается созвучие элементов, что сами собою возникают на почве параллелизма.

а) "Два солнца помѣркОСТА,

оба багряная стлъпа погасОСТА,

и съ нима молодая мѣсяца, Олег и Святъславъ,

тьмою ся поволокОСТА" /25/.

б) "Тогда врани не граахуть

галици помлъкОША

сороки не трыскотАША,

полозію полэОША только;
дятлове текутомъ путь къ рѣцѣ кажУТЪ,
соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаЮТЪ" /43/.

в) "О Донче! не мало ти величія,
лелѢЯВШУ князя на влънах,
стлАВШУ ему зелѣну траву на своих сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвАВШУ его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу"
/41,42/.

г) "СтоИШИ на борони,
прыЩЕШИ на вои стрѣлами,
гремлЕШИ о шеломы мечи харалужными" /13/.

д) "настУпи на землю ПоловецкУю,
притопта хлъми и ярУгы,
взмУти рѣки и озеры,
исоУши потоки и болоти..." /21/.

И данному примеру нельзя отказать в известной звуковой организованности на основе параллелизма, если принять во внимание, что "У" в словах "наступи", "взмути", "иссуши" было под ударением, по мнению Ф.Е.Корша [I]. Кроме того см. еще этот же пример в качестве аллитерации на "У".

е) "поЮТЪ время Бусово,
лельЮТЪ месть Шароканю" /25,26/.

ж) "... ЗАступИВЪ королеви путь,
ЗАтворИВЪ [2] Дунаю ворота" /30/.

И в плаче Ярославны:

I Корш Ф.Е. Слово о полку Игореве. СПб., 1909. - С.13.

2 I изд.: затвори въ

з) "полеЧЮ, рече, зегзицею по Дунаеви,
омоЧЮ бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
утрУ князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ"
/37,38/.

Как видим, приведенные примеры различаются между собой и количеством паралельных синтаксических единиц и степенью самой параллельности. Наиболее обычны группы в 2, 3, 4 члена. Только один раз встречается многочленное построение, хотя и сложенное из двучленных и трехчленных звеньев:

"А мои ти Куряни свѣдоми къмеТИ: яругы ИМЪ знаеМИ,
ПОДЪ трубами повИТИ луци у них напряжЕНИ,
ПОДЪ шеломы ВЪзлелѢЯНЫ тули отворЕНИ,
конец копIя ВЪскръмлЕНИ сабли изъострЕНИ..."
пути ИМЪ вѢдоМИ /8/.

Невыдержанный параллелизм оборачивается иногда в обычную глагольную рифму, например:

"Всеславъ князь людемъ судЯШЕ,
князем грады рядЯШЕ,
а сам въ ночь влъкомъ РЫСКАШЕ;
изъ Кыева ДОРИСКАШЕ до куръ Тмуторокани,
великому Хръсови влъкомъ путь ПРЕРЫСКАШЕ" /36/.

Или еще:

"Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикАХУТЬ;
нъ часто врани граЯХУТЬ, трупIя себѣ дѣляче;
а галици свою рѣчь говорЯХУТЬ..." /17/.

Сам факт синтаксического параллелизма, который мы наблюдаем в Слове, очень важен, особенно для изучения стилистики памятника и для тех или иных допущений его родства с иностранными литературами. Теперь же для нас достаточно общего выяснения,

как много созвучий в Слове выходило из указанной особенности, связанной с синтаксической структурой песни.

Мы не рассмотрели бы всей гармонии Слова, если бы еще не вспомнили про один факт, пусть и не такой важный, но достаточно характерный: это - тавтология, т.е. связь этимологически родственных слов, хорошо известная как устной поэзии, так и книжному стилю. Таких случаев в Слове немного, но все-таки их необходимо выделить в особую группу. Вот она: а) прежде всего выражение "трубы трубять" - встречается дважды /7,34/; б) потом: "свѣтъ свѣтлый" /7/, "мосты мостити" /11/, "ни мыслію смыслити" /20/, "ни думою сдумати" /20/, "пѣше пѣснь" /46/, "пѣснь пояше" /3/. Если сюда прибавить еще выражение "свычая и обычая" /14/, то и весь состав данной группы будет исчерпан.

Итак, мы убедились, сколь различна эвфония Слова и из каких различных источников она возникает. Мы расчленили целое на его элементы. Но общий основной вопрос о тайне эвфонии Слова, о том важнейшем, что из этих многочисленных атомов и клеточек создает единый художественный организм, - этот вопрос остается для нас таким же таинственным, как и ранее. К попытке разрешения его можно подойти лишь с одной стороны, со стороны художественной индивидуальности поэта. Всем, кто изучал Слово, хорошо известно, как полно умел автор его наблюдать тогдашнюю действительность и как красочно умел передавать свои поэтические воззрения. Он воспринимал мир как картину, полную драматизма, что сверкает яркими красками золотых шеломов, червленых щитов, озаренных кровавой зарей и синею молнией. Но это только одна сторона восприятия. Орлиный полет и орлиная острота зрения сочетается с поразительным слухом. Различные голоса птиц

и зверей хорошо известны и понятны автору Слова. Он вслушивается в говор галок, понимает их речь. Для него соловьи поют веселые песни, которые возвещают рассвет, дятлы своим стуком указывают путь к реке. Звуки животного мира наполнены таинственным значением: волки на грозу воют по оврагам, орлы клекотом на кости зверей зовут, лисицы лают на червленые щиты; загадочный Див, - тоже вероятно, птица, - кличет на вершине дерева. Лебедь и соловей особенно полюбились поэту. Он упоминает и лебединые песни, и испуганный крик лебедей, и плеск лебединых крыльев. Песнопение Бояна - это щебетание соловья. И не раз то тут, то там человеческие звуки напоминают животное царство. В плаче Ярославны слышится кукушка, в стонах раненой дружины - рыкание туров, в разговоре половецких ханов - стрекотание сорок. И от неживой природы, от земли, туч, моря и рек доносятся вещие голоса: земля то глухо гудит, "тутнеть", то содрагается от тревожного стуку, "стукну земля, въсшумѣ трава". Тучи и молнии предвещают гром. Дон, обращаясь к князьям, кличет их на помощь. Во тьме ночи слышнее становятся голоса немой природы: "Нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свисть звѣриң въ станъ зби". В полночь заговорило и море: "прысну море полунощи"...

А человеческая жизнь, как она богата звуками, как наполнена криками, шумами, стонами, песнями и звонами. Вот собираются в поход: "Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ... Трубы трубять въ Новѣградѣ...". И с южных степей слышится скрипение половецких телег: "крычать тѣлѣгы полунощи". Вот, наконец, бой: гремят и звенят мечи о шеломы, "трещать копIа харалужныя". На поле боя раздается шум и крики: "дѣти

бѣсови кликомъ поля прегородиша", "се у Римъ [I] кричатъ подъ саблями половецькими". Поражение, несчастье, горе русской земли также в звуках: "а въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми". "О! стонати Руской земли...". Поэт приметил и другие, совсем не трагические звуки: и свист Овлура за рекой, крики ратаев. Но больше всего его захватывает песня и звон. Он очарован песнопением Бояна и рокотом живых струн под его перстами. Он чуток и к песням не на родном языке, а на чужих, к художественной и музыкальной красоте западно-европейской поэзии: "ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю". Даже песни врагов не чужды его слуху: "се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю". С песнею соединяется звон: готские "красныя дѣвы" поют, "звоня рускымъ златомъ". Песня и звон объединяются в понятие славы: можно петь песню славы и можно звонить "въ прадѣднюю славу". Такие песни и звон преодолевают время и пространство. Из далекого прошлого, от времен прадедов доходит до поэта звон "давный" в Тмуторокани, звон, к которому прислушивался великий князь Всеволод, и от которого затыкал уши Владимир Мономах в Чернигове. Если в Полоцке звонили в колокола в честь Всеслава, он в Киеве слышал этот звон. Своих героев автор наделил той чудесной чуткостью к звуку, какой еще больше отличался сам. Он слышит, как девицы поют на Дунае и их голоса "вьются" через море до Киева. А сколько поэзии звука в этом дивном: "что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?" В мировой литературе вряд ли найдется другое произведение, в котором воплотилось бы столько звуковых впе-

[I] I изд.: Уримъ.

чатлений. Автор Слова был, бесспорно, высоко одаренной музыкальной натурой. В исключительности его дарования и нужно искать главного объяснения фактов эвфонии, которые мы наблюдаем в Слове. Много элементов этой эвфонии возникают обычно из поэтического замысла: каковы, быть может, отдельные наиболее ясные случаи звуковых аллитераций. Но аллитерация в целом, самый способ приложения синтаксического параллелизма и сама суть эвфонии Слова объясняется лишь одним - музыкальным чутьем поэта. Тут мы должны остановиться, здесь последний рубеж нашим вопросам, но тут же и свет, который убеждает, что намеченный путь правильный. Слово представляется нам героической симфонией гениального музыканта и в свете этого взгляда оно раскрывается для новых и новых исследований [I].

Методы изучения гармонии Слова могут быть полезными и для критики самого текста, по крайней мере они не раз помогают нам разобраться в огромном количестве предлагаемых поправок и выделить те, что наиболее соответствуют духу памятника. Ограничусь некоторыми примерами.

Немало толкований связано с таким местом вступительной части Слова: "спала князю умь похоти, и жалость ему знаменIе заступи искусити Дону великаго" /6/. Первая часть фразы вызывала ряд кон'ектур. В.Ф.Миллер предлагал читать: "вспала (либо впала) князю в умь похоть"; Тихонравов (I изд.): "спалъ князю умь похоти". Потебня в духе Миллера: "успала князю у умь похоть". Корш: "отъяла кънязю умь похоть". Таким образом, большинство

I Другая сторона памятника, его поэтическая композиция рассмотрена в моей статье "Композиция Слова о полку Игореве". „Slavia" 1925. Т.IУ, вып.I.

комментаторов считала "спала" - глаголом, сказуемым, а "похоти" - именем существительным, только один Барсов предложил тут сделать наоборот и дал кон'ектуру: "спала князю умь похоти", понимая "спала" - в связи с древнерусским "спалка" в значении современного польск. "spala" - inflammatio, а "похопить" - в значении "схватить, захватить, овладеть". Одним из мотивов Барсова явилось также синтаксическое взаимоотношение данной части фразы со следующей: "и жалость ему знаменIе заступи", где сказуемое в конце, а подлежащее на первом месте [I]. Прочтение Барсова, соответствуя принципу синтаксического параллелизма, имеет перевес и если и потребует какого-либо улучшения, то может быть со стороны глагола "похопити", необычного для Слова; не лучше ли прочитать "полони", т.е. "спала князю умь полони". Такое прочтение лучше и в палеографическом отношении, потому что "л" легко могло дать "х" в полууставе и в скорописи; кроме того прочтение "полони" больше соответствует словоупотреблению самого памятника, как видно из дальнейшего: "уже, княже туга умь полонила", - говорят бояре Святославу Киевскому. Как известно, спорным является для понимания и такое место:

"Заря свѣтъ запала,
мъгла поля покрыла,
щекотъ славIй успе,
говоръ галичь убуди..." /10/.

Прежде всего укажу, что в последних двух строчках наблюдаем не только синтаксический параллелизм, но почти полный

[I] Барсов Е.В. Слово о полку Игореве..., Т.II. М., 1887. - С.147-153.

параллелизм гласных, т.е. ассонантное отношение между ними:

"щекОтъ слАвIй Успе,

гОвОръ гАличь Убуди..."

Естественно и первые две строчки комментировать в духе параллелизма. Трудно согласиться с теми исследователями, что рассматривают слово "свѣтъ" в качестве дополнения к "заря" и соединяют его тире (Тихонравов, Огоновский). Более правильную позицию занимают те, кто соответственно характера структуры этих строк смотрят на "свѣтъ" как на приложение и предлагают поправки для слова "запала", а именно: "запобѣдала" (Потебня), "запяла" (Миллер). Поправка Потебни, однако, трудна палеографически; поправка Миллера, хотя и блестяща своей палеографической простотой, однако не дает удовлетворительного понимания. Поэт рисует картину пасмурного утра (так понимали еще Максимович, Ап.Майков, Потебня, Барсов, С.К.Шамбинаго), и значит здесь речь идет не об угасании вечерней зари, а о появлении утренней; понимание наиболее лучше передается переводом: "заря свет заронила" (Барсов). Поэтому вместо слова "запала" я предложил бы прочитать "запалила", что целиком допустимо палеографически: слог "ли" мог быть надписан над строчкой, а потом не обратить на себя внимание переписчиков. Кроме того новое прочтение еще больше выравняло бы параллелизм первых двух строчек:

"Заря свѣтъ запалила,

Мъгла поля покрыла".

В спорах о Трояне, стоя на точке зрения тех, кто считает такое прочтение первоначальным и не заменяет Трояна Бояном, можно было б привести в качестве дополнительного аргумента прекрасную аллитерацию на "Р", в том числе на "ТР": "рища въ

тропу Трояню" /6/ и идя за акцентологией Корша: "РИща въ тропу ТрОянЮ".

Наконец, памятуя о звукописном способе Слова, нельзя не присоединиться к тем комментаторам, которые в отрывке "ступаеть въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ, то же звонь слыша давный великый Ярославль сынъ Всеволодь [1], а ВладимIръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ" определение-прилагательное "давный" относят не к кн. Всеволоду, а к слову "звон" [2]. И у нас невольно появляется мысль, не слышится ли в слове "давный", отделенного от своего определяемого слова глаголом "слыша" - далекого глухого резонанса к слову "звон": тот самый звон, что доходил из глубин прошлого, от времен дедов.

---

[1] I изд.: Ярославь син Всеволожь.

[2] Так: Огоновьский. Слово о полку Игоревѣ. У. Львов. 1876. - С.62.

Перевод с украинского В.Кускова

Амелькин А.О.

Об авторе "Слова о полку Игореве"

Поиск автора "Слова о полку Игореве" издавно привлекает к себе внимание исследователей. Однако, в условиях, когда от нескольких миллионов современников новгород-северского князя до нас дошло две-три сотни имен, когда многие из них, лишь единожды мелькнув на страницах летописи, навсегда исчезли во тьме веков, разрешение такой задачи представляется почти невероятным. Более того, остается неясным сам характер памятника, жанровая природа которого определяется учеными по-разному, а значит различным оказывается и место автора в процессе создания "Слова о полку Игореве". Так, представление о "Слове", как о дружинной песне, ставит вопрос о степени воздействия эпической традиции на творчество его создателя, по-разному оцениваемой специалистами /вплоть до признания им составления этого памятника из нескольких песен, сложенных разными певцами[1]/. Вытекающий из этого же предположения вопрос о том, сразу ли была записана песня, требует исследования изменений авторского текста в ходе его устного бытования. В связи с предположением о диалогическом строении "Слова"[2] необходимо выяснить роль каждого из певцов в творческой судьбе памятника. Признание же "Слова о полку Игореве" произведением книжной культуры /повестью, памятником ораторского искусства[3]/ оставляет за его создателем больше прав на индивидуальное авторское начало. Но и при этих условиях могут возникнуть вопросы о редакторских переделках памятника и их роли в ходе формирования окончательного текста "Слова"[4].

Тем не менее вопрос об авторстве "Слова о полку Игореве" имеет большое значение, поскольку ясное представление той позиции, с которой описываются события похода новгород-северского князя, позволяет лучше проникнуть в мир художественных образов этого памятника. И если в XIX в. господствовало представление о средневековой литературе, как об анонимной, по преимуществу, то на протяжении XX в. появилась масса гипотез об авторстве конкретных лиц. Все гипотезы о создателе гениального произведения можно сгруппировать по социальному положению предполагаемого автора: дружинному, княжескому или церковному.

Несмотря на разнообразие мнений, общим методологическим основанием всех исследований об авторе "Слова" было убеждение, что его имя обязательно сохранилось в том небольшом списке современников князя Игоря, который дошел до нас. Такой подход обеднял представление о древнерусской культуре, ограничивая наши знания о ее деятелях лишь чрезвычайно узким кругом людей, обезличивая и не воспринимая огромное множество тех, чьи имена остались нам неизвестными. Отсюда проистекает методическая ошибка: поиск идет от имени к тексту, т.е. в биографии предполагаемого автора гипотетически восстанавливаются те факты, которые не противоречили бы написанию им "Слова о полку Игореве".

Однако, в большинстве случаев эти факты домысливаются, а не извлекаются из источников, и говорят лишь о потенциальной возможности написания, но не являются достаточными для однозначной атрибуции. Кроме того они часто основываются на иных, нежели само "Слово", источниках и не связаны с историей создания памятника. Поэтому до сих пор для каждого из предполагаемых создателей "Слова" "остается недоказанным умел ли он писать, сочинял ли что-нибудь или пел, был ли он в живых во время похода Игоря и в ближайшее время"[5].

Широкий кругозор автора, его благожелательное, а порой и восторженное, отношение к современным ему князьям, этикетное обращение к ним в порядке генеалогического старшинства[6] предельно осложняют анализ политической позиции поэта с точки зрения пристрастий, вызванных его происхождением и судьбой. Поиск местных особенностей в языке создателя "Слова" так же пока крайне затруднен, поскольку нам недостаточно хорошо известны региональные и социальные особенности речи домонгольской Руси. К тому же некоторые из них могут принадлежать переписчикам памятника. В связи с этим все попытки доказать авторство конкретного лица, исходя из реконструкций его биографии, не представляются убедительными.

Речь может идти лишь об определении в самых общих чертах облика автора: его социальном статусе, политической ориентации, происхождении и месте жительства, возрасте, уровне образованности и т.д. Причем единственным источником для нас может служить только само "Слово". Яркая фигура автора, который был одновременно деятельным воином, охотником и гениальным литератором, добрым христианином и знатоком языческой мифологии, не могла не проявить свою незаурядность, и безымянный поэт оставил нам множество сведений не только о мире, в котором он жил и творил, но и о себе самом. Что же мы можем, опираясь на эту информацию, сказать об авторе гениальных строк поэмы о трагическом походе князя Игоря?

"Слово о полку Игореве" - памятник книжной культуры, а, следовательно, не смотря на влияние песенных традиций, этикетных формул и литературных штампов, это произведение одного автора, подчиненное единой творческой воле. Такая оценка "Слова" позволяет искать в нем сведения о его создателе, а не о группе лиц, причастных к сложению текста этого памятника.

Первое, что приходит в голову, когда начинаешь представлять автора "Слова о полку Игореве", это образ человека, профессионально слагавшего и исполнявшего свои произведения. Об этом свидетельствуют как высокое мастерство автора "Слова", так и само существование такого круга людей не только в Западной Европе, но и на Руси[7]. Но, подобно многим европейским певцам, он мог выполнять и другие функции при дворе князя[8], мог быть и не связан с ним.

Поэтому один из основных вопросов - из какой же социальной среды происходил автор "Слова"? Безусловно, он был человеком мирским. Еще Н.М.Карамзин отмечал, что "Слово о полку Игореве" написано, "без сомнения, мирянином, ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные"[9]. Не принадлежал певец и к княжескому сословию, поскольку присутствующее в тексте обращение "господине" было естественно в разговоре подданного и князя, но неуместно в междукняжеских отношениях[10]. Обращает на себя внимание и необычайно глубокая осведомленность автора в военных вопросах[11], однако последнее обстоятельство было весьма естественным у достаточно широкого круга лиц в эпоху феодальных усобиц и постоянной половецкой опасности. Так кто же он - безымянный автор?

Человек "с ястребом на плече", называл его И.Шкляревский. Действительно, давая обобщенную картину природы, автор не знал названий отдельных деревьев и трав, но много и подробно говорил о птицах и зверях, образы соколиной охоты в "Слове" занимают одно из ведущих мест[12]. Это позволяет выдвинуть предположение о том, что поэт - ловчий. Но, возможно, он был про-

сто любитель соколиной охоты. И в том, и в другом случае он - представитель феодального сословия. Автор прямо отождествляет себя с этой социальной группой: "а мы уже, дружина, жадни веселия".

Какому же князю он служил? Попытки опереться на те места "Слова", где он говорит о событиях как очевидец, не смогли привнести ясности в этот вопрос, поскольку поэт широко использовал прием передачи событий в ярких зрительных образах, причем даже в тех случаях, когда автор явно не видел происходившего лично. Он подробно описывает Игоревы войска накануне битвы, гридницу великого князя киевского в момент получения известия о разгроме новгород-северских дружин, бегство Игоря из плена, разговор преследующих его половецких ханов и т.д. Следовательно, важно определить не просто то, о чем певец говорит как очевидец, а понять, что он реально видит.

И здесь большую роль играют известия о последствиях Игорева поражения. Из городов, пострадавших от ответного набега половцев, названы только два - Переяславль Русский и Римов, входящие в Переяславское княжество. О разорении городов в Новгород-Северском княжестве поэт ничего не знает[13]. Странным кажется и горячий призыв автора на борьбу с Кончаком и только Кончаком, хотя в "Слове" упоминается имя и другого предводителя половцев - Гзы. В 1185 г. Кончак играл очень специфическую роль в борьбе половцев с князем Игорем. Он, скорее всего, не принял активного участия в разгроме новгород-северских дружин, тут же на поле битвы поручился за своего свата Игоря, во время ответного набега напал на земли не принимавшего участие в походе соперника князя Игоря - переяславского князя Владимира Глебовича. Если предположить переяславское происхождение

автора, то станет понятной его неприязнь к Кончаку, молчание о набеге Гзы на Сейм и те образы разорения Русской земли, в действительности быстро локализованного в пределах двух княжеств.

Вряд ли автор проживал при дворе Святослава Киевского, поскольку ему осталось неизвестным, что князь получил сообщение о разгроме Игоря не в Киеве, а в Чернигове. Подробно говоря о последствиях поражения для Переяславской земли, певец ничего не знает о Новгород-Северской, хотя заботу об обороне обоих княжеств взял на себя киевский князь. Едва ли киевлянина заинтересовало бы и взятие небольшого пограничного города в чужом ему княжестве. Эти факты одновременно говорят и о невозможности считать автора "Слова о полку Игореве" обитателем Черниговщины и Северщины, поскольку он не знает ни о разорении Посемья Гзой, ни о мероприятиях направленных на защиту этих земель. Думается, черниговцу было бы приятно упомянуть, что первое известие о поражении Игоря киевский князь получил в Чернигове, но в "Слове" об этом ничего не говорится.

Разбор политических пристрастий "Слова о полку Игореве" породил множество точек зрения на политическую ориентацию автора. Явное сочувствие всем участникам борьбы с половецкой опасностью крайне затрудняет поиск того князя, которому служил поэт. Однако само избрание в качестве темы неудачного похода князя Игоря, заставляет сомневаться в том, что именно он был сюзереном создателя "Слова". Автор поддерживает Святослава Киевского, но осуждение поэтом Олега "Гориславича", который был дедом не только Игоря, но и Святослава, не позволяет думать, что "Слово о полку Игореве" было написано при дворе великого киевского князя. В то же время гипотезе о сложении памятника в Переяславле Русском нет серьезных препятствий. В произведении упомянут подви

переяславского князя Владимира Глебовича, говорится о князьях, принимавших реальное участие в борьбе с половцами, причем их список возглавляют родной дядя переяславского князя - Всеволод Большое Гнездо, и троюродные братья Рюрик и Давыд, а заслуги оцениваются через призму их активности в этом противостоянии, что соответствовало политическим интересам переяславцев. Предположение о переяславском происхождении автора объясняет и причины появления на страницах "Слова" рыцарственного образа брата новгород-северского князя - Всеволода Трубчевского и Курского, поскольку последний был женат на сестре Владимира Глебовича - "красныя ГлЪбовны".

В связи с этим представляется неслучайным и проходящий через всю песнь спор сказителя с певцом дома Ольговичей - Бояном. Автор подчеркивает, что начинает свое произведение не по замышлению Бояна, риторически вопрошает его, как бы тот смог воспеть поражение Игоря. Но спор создателя "Слова" с любимцем князя Олега носит не только поэтический, но и политический характер, в отличии от Бояна поэт осуждающе относится к "Гориславичу".

Еще одним аргументом в пользу той или иной гипотезы может выступить анализ литературной среды в которой сложился памятник. А.А.Косоруков убедительно доказал, что при создании текста поэт опирался на источники, а Д.С.Лихачев обратил внимание на текстологические переклички "Слова о полку Игореве" и статьи 1185 г. Ипатьевской летописи, высказав мнение о существовании общего для обоих произведений источника[14]. Следует заметить, что отзвуки гениального произведения встречаются и в других частях Ипатьевской летописи. Так в "Сказании о Емшан-траве" говорится, что Владимир Мономах пил золотым шеломом Дон, а Кончак - вычерпал Сулу, нося котел на плече. Эти образы в древнерусской

литературе очень редки. В то же время в "Слове о полку Игореве" князь Игорь хочет "испити шеломомь Дону", а князь Всеволод может "Донъ шеломы выльяти". Сложный состав интересующей нас части Ипатьевской летописи, т.н. Киевского свода 1199 г., включавшей в себя многие памятники исторического повествования, в том числе летописец Ростиславовичей, летописец Владимира Глебовича Переяславского и летописец Игоря Святославовича Новгород-Северского и Черниговского, заставляет предпринять поиск того памятника местного летописания, к которому восходят строки, созвучные "Слову".

Статья 1185 г. составлена на основании не менее трех источников. Полный замечательных подробностей рассказ о походе Игоря, о распределении знатных пленников между половцами и о бегстве князя из плена[15] восходит, скорее всего, к черниговскому летописанию. Запись покаянной речи Игоря, который в момент гибели собственного войска сожалеет о разорении Переяславля,/С. 643-644./, сделана, очевидно, переяславцем. Ему же принадлежат рассказ о подвиге Владимира Глебовича, отступлении Давыда Смоленского и взятии половцами Римова,/С. 646-648./ и отрывок о возвращении князей из погони /С. 648./, в котором опять упоминается переяславский князь. Такое происхождение этих фрагментов подтверждается и тем, что очень близкий рассказ об обороне Владимиром Глебовичем Переяславля встречен в Лаврентьевской[16] летописи, связи которой с переяславским летописанием хорошо известны[17]. Более сложно определить происхождение еще одной /?/ группы текстов, хотя именно в ее составе находятся интересующие нас строки. Это помещенное между описанием битвы и покаянной речью Игоря высказывание о плаче и стенании поднявшихся в результате поражения на реке Каяле,/С. 642-643./, рассказ о действиях Святослава Киевского /С. 644-646./, повествование о спорах среди

половцев, походе Кончака на Переяславль /С. 646./, столкновении его с русскими князьями /С. 648./ и набеге Гзы на Путивль /С. 648-649./// Возможно, первые два отрывка, в которых как раз и прослеживаются отголоски "Слова", происходят из иного источника, нежели последующие. Во всяком случае, в последних наблюдается повторение сюжета о Давыде Смоленском, ранее изложенного в переяславской редакции, в то время как второй фрагмент обнаруживает свою связь с переяславским рассказом об этом князе. "Сказание о Емшан-траве" так же восходит к летописанию Мономашичей. Все это свидетельствует о том, что при создании как Ипатьевской летописи, так и "Слова о полку Игореве" использовался переяславский по происхождению источник.

Наконец, еще одна сторона, важная для создания образа автора, может быть раскрыта на материале текста самого "Слова". Поэт, безусловно, уже вышел из юношеского возраста, о чем свидетельствует его высказывание о возрасте Ростислава - "юноша". Так может говорить только более старший по возрасту человек,но автор и не стар, поскольку энергичная лексика выдает в нем человека деятельного, или, по крайней мере, сохранившего до глубокой старости живой ум и сильный характер[18]. Если эти предположения верны, то создатель "Слова" мог родиться около 1140 г. и начать свою активную деятельность около 1160 г., при Глебе Юрьевиче, или, возможно, несколько позднее - при вступлении на Переяславский стол Владимира Глебовича. И в том, и в другом случае автор входил в число испытанных дружинников князя.

Д.С.Лихачев отмечал: Автор "Слова" мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует и ему. Он мог быть

черниговцем или киевлянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно образованным человеком, и по своему социальному положению он вряд ли принадлежал к эксплуатируемым классам населения..Однако в своих политических воззрениях он не был ни "придворным", ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства. Где бы ни было создано "Слово" - в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгород-Северском, - оно не воплотило в себе никаких областных черт. И это произошло в первую очередь потому, что автор "Слова" занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси - единых повсюду и повсюду стремившихся к единству Руси[19].

Предложенная в этой статье гипотеза о Переяславском происхождении автора, как кажется, объясняет эту уникальную особенность памятника - свободу от узких княжеских интересов.Находящееся на границе Русской земли с Половецкой степью Переяславское княжество могло чувствовать себя в безопасности лишь в условиях совместных действий всех княжеств против кочевников. Отсюда происходит и политическая доктрина автора: требование совместных усилий русских князей в борьбе с половцами и прекращения усобиц. Таким образом отражающие местные и общерусские интересы взгляды создателя "Слова о полку Игореве" не опережали время, а были вполне созвучны своей эпохе. Это объясняет и ориентацию поэта на Святослава Киевского, на деле показавшего свою способность организовать силы многих русских княжеств на борьбу с кочевниками. Становится понятной и та двойственность

которая наблюдается в отношении автора к Игорю Святославичу: он - виновник разорения Кончаком Переяславской земли, бывший соперник Владимира Глебовича, но ныне - кающийся в содеянном союзник, сам пострадавший от половцев. Переяславский автор мог проявить некоторую свободу в отношении к князьям других русских земель. Понятен и его интерес к походу Новгород-Северского князя, поскольку эта операция привела к срыву общерусского похода в степь и сильно дестабилизировала обстановку на границах с половцами. В контексте такого определения авторства "Слова о полку Игореве" становится вполне объяснимым и обилие тюркизмов в этом памятнике, поскольку Переяславское княжество было окружено поселениями степных половцев, поросских торков, черниговских ковуев.

Какое же место в поисках автора "Слова о полку Игореве" занимает предложенная здесь гипотеза, и что мешает принять какое-нибудь из выдвинутых к настоящему моменту отождествлений?

Не смотря на высказанный еще Н.М.Карамзиным довод против церковного происхождения создателя бессмертного произведения, исследователи время от времени возвращаются к поискам автора в среде духовенства. Так, в 1846 г., Н.Головин пытался доказать авторство премудрого книжника Тимофея, упоминаемого под 1205 г. в Ипатьевской летописи. Увлекшись обнаруженным именем книжника, исследователь не обратил внимание на ярко выраженную церковно-религиозную направленность творчества Тимофея и не нашел аргументов против предположения о светском происхождении автора "Слова о полку Игореве"[20]. Другим примером такого рода стала гипотеза Глушенко, представленная в докладе на Общемосковском семинарии по проблемам древнерусской культуры в 1991 г. В качестве предполагаемого автора исследователь назвал Киево-Печерского архимандрита Василия, но кроме блистательно сделанной атрибутации одной из надписей в алтарной части Софийского собора в Киеве, как автографа этого церковно-

го иерарха Глущенко не привел каких-либо доказательств своей точки зрения и не отверг возражений Н.М.Карамзина.

Гипотезы о княжеском происхождении автора опираются на мнение, "что "Слово о полку Игореве" сложилось не в дружинной среде, а в княжеской"[21]. Хотя высказывавшие эту мысль исследователи имели в виду придворного поэта, тесно связанного с княжеским родом[22], в последние 25 лет появилось несколько предположений о конкретных князьях, возможных создателях "Слова".

Все эти гипотезы были подвергнуты критике со стороны Б.А.Рыбакова и В.Ю.Франчук, убедительно доказавших неуместность употребления некоторых обращений в устах князя[23]. Но помимо этого, общего для всех предположений данной группы, каждое конкретное отождествление обладает еще целым рядом слабых мест, характерных только для него. Так в гипотезе Н.В.Шарлеманя, И.И.Кобзева и В.А.Чивилихина об авторстве самого князя Игоря серьезным аргументом является то, что, якобы, поэт был свидетелем всех событий, связанных с князем[24]. Но как было показано ранее, автор говорит словно очевидец и о таких событиях, при свершении которых Игорь никак не мог присутствовать. Непонятными при этом оказываются политические и моральные оценки "Слова".

В.В.Медведев пытался доказать авторство великого киевского князя Святослава Всеволодовича[25], но создание великим киевским князем произведения, посвященного его вассалу, представляется невероятным. В.Грабовский и А.М.Домнин считали, что автор "Слова" — князь Святослав Ольгович Рыльский[26]. Но этот князь отличался молодостью /19 лет/ и скорее всего погиб в половецком плену, во всяком случае после 1185 г. в летописях о нем не упоминается. Кроме того, обе эти гипотезы основываются на весьма надуманном объяснении фразы "Слова о полку Игореве": "рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени..."

Этот же текст, но уже в интерпретации И.Е.Забелина: "Рекъ Бо-

янъ и Ходыка Святъславля пѣснотворца стараго времени...", лежит в основе гипотезы А.Ю.Чернова и Г.В.Сумарукова о том, что гениальным поэтом был нигде более неизвестный Ходына. Высказывалось предположение о принадлежности этого имени княгине. Однако эти интересные догадки нуждаются в веской аргументации.

С.Г.Пушик и Л.Е.Махновец высказали предположение о создании "Слова" Владимиром Ярославичем Галицким. Однако отсутствие описания обороны Путивля, связанной с походом Игоря, свидетелем которой был князь Владимир, позволяет усомниться в реальности этой гипотезы. Кроме того, наблюдается несоответствие политических позиций автора и этого князя[28].

Еще более сомнительными представляются гипотезы о принадлежности "Слова" перу княгинь. Так, вряд ли правомерен вывод об авторстве вдовы Олега Святославовича Агафьи Ростиславовны, причем не только потому, что о самой княгине достоверно известно только три факта[29], но и потому, что в "Слове" никак не отмечено участие в походе ее сына Святослава Рыльского. Выдвинутая М.А.Абрамовым гипотеза о создании "Слова о полку Игореве" женой Новгород-Северского князя – Ярославной, основана на далеко не однозначной психологической интерпретации текста[30], но не объясняет плохое знание автором обстановки в Северской земле во время отсутствия Игоря. Невероятным представляется и знание княгинями всех тонкостей военного и охотничьего быта, проявляемое создателем "Слова".

Более основательным представляется поиск автора в среде светского окружения князя, однако попытки более точно определить дружинное или придворное его происхождение едва ли могут быть признаны удачными[31], поскольку грань между этими социальными группами не была четкой и во многом определялась личными отношениями. К настоящему моменту существует несколько гипотез о принадлежности "Слова" перу светского феодала.

В 1938 г. И.Новиков, основываясь на указании Ипатьевской летописи о том, что вместе с Игорем в плену был сын тысяцкого и конюший, высказал предположение о том, что этот юноша и был автором гениального произведения. Учитывая сообщение В.Н.Татищева, что князь выдал за организовавшего его побег Лавора дочь тысяцкого Рагуила, автор гипотезы называет юношу его сыном и произвольно присваивает ему имя премудрого книжника Тимофея[32]. Однако остается не ясным, почему из двух упомянутых в летописи приближенных Игоря избран сын тысяцкого, и почему именно в их среде ищется автор "Слова"? Несоответствующим характеру текста памятника оказывается и достаточно юный возраст предполагаемого Тимофея Рагуиловича.

Это последнее обстоятельство заставило В.Г.Федорова выдвинуть на роль создателя "Слова" самого тысяцкого Рагуила[33]. Однако скудные сведения о нем не позволяют понять, почему именно Рагуил был его автором.

И.М.Кудрявцев также предположил, что "Слово о полку Игореве" было написано тысяцким, сын которого находился в плену с князем Игорем, но исходя из наличия в тексте памятника сведений, известных только Новгородскому летописанию, считал его новгородским тысяцким Миронегом, которого, без всяких на то оснований, отождествлял с новгородским посадником Мирошкой Нездиничем и киевским зодчим Петром Милонегом. В сочетании характеристик этих разных людей И.М.Кудрявцев искал доказательство принадлежности ему и поэтического произведения[34].

Три названные гипотезы не только не имеют достаточной аргументации, но и порождают новые вопросы: например, отчего о пребывании Игоря в плену вместе с сыном тысяцкого мы узнаем из Ипатьевской летописи, а не из "Слова о полку Игореве"?

Существует еще несколько предположений о принадлежности "Сло-

ва" перу политических деятелей конца XII в. Так М.Т.Сокол высказал мысль о возможном авторстве Ольстина Олексича – крупного полководца и дипломата[35]. С.Тарасов выдвинул гипотезу о создании "Слова" милостником великого князя Святослава Всеволодовича Киевского – Кочкарем[36]. Говорилось и о возможном авторстве Беловода Просовича, принесшего в Чернигов весть о поражении Игоря[37]. Однако о занятии этих лиц литературой у нас нет никаких данных.

Несколько гипотез связаны с приурочиванием памятника к имени какого-либо известного поэта домонгольской Руси. Так А.К.Югов в "изобилующей историческими ошибками"[38] статье утверждает, что автором "Слова" был "словутный певец Митуса", упомянутый в Ипатьевской летописи под 1240 г.[39] Исследователь не обращает внимания на то, что появление этого поэта отделено от похода Игоря 55 годами.

Столь же странной кажется попытка отождествить создателя "Слова" с внуком Бояна[40]. В тексте памятника автор постоянно спорит с певцом Ольгова времени, что делает предположение об их близких родственных отношениях невероятным.

Наиболее аргументированной следует признать точку зрения Б.А. Рыбакова, считавшего автором "Слова о полку Игореве" киевского боярина и летописца Петра Бориславича. Основным звеном в системе доказательств ученого было предположение о составлении этим крупным феодалом летописи, охватывающей период с 1153 по 1196 гг., что подтверждало его образованность, интерес к истории, и светский характер его творчества, а учитывая социальное происхождение Петра Бориславовича, можно отметить совпадение такой его характеристики с образом автора, создавшего "Слово"[41].

Основным аргументом в системе доказательств здесь является составление Петром Бориславичем летописи, охватывающей период с 1153 по 1196 гг. Однако этот довод не представляется бесспорным. Во-первых, у нас нет свидетельств жизни Петра Бориславича в последней четверти XII в., т.к. сведения о нем исчезают со страниц

летописей после 1169 г. Во-вторых, приписываемые ему тексты были объединены в одну статью только в составе Киевского свода 1199 г. (составленного, возможно, в начале XIII в.), и восходят к различным ветвям южнорусского летописания. Некоторые фрагменты из сочинения В.Н.Татищева принадлежат не киевскому боярину, а волынскому книжнику. Спорной является принадлежность Петру Бориславичу даже статьи о его посольстве в 1153 г., поскольку как очевидец автор описывает и то, что творилось с Петром Бориславовичем, и то, что происходило в его отсутствие. К тому же упоминание в летописи потомков боярина Борислава сопровождается далеко не лестными отзывами.

Подводя итоги этого беглого обзора, можно сделать вывод, что наиболее убедительными выглядят гипотезы о создании "Слова о полку Игореве" светским феодалом, хотя ни одно из предложенных имен не может быть безоговорочно нами принято. Поиск причин ошибок исследователей, занимавшихся этим вопросом, убеждает, что домысливание фактов к биографии того или иного человека, из коих следует, что он мог иметь симпатии политические близкие к взглядам автора "Слова", не является надежным доказательством, а из предположения о занятии литературным трудом не следует возможность создания "Слова".

Исходя из этого, большинство исследователей отказывается от поиска имени гениального автора, ограничиваясь определением его политических симпатий, места жительства и социального происхождения. Таким образом, предлагаемая в этой статье гипотеза следует в русле существующих ныне тенденций в исследовании вопроса об авторстве "Слова о полку Игореве". Она опирается непосредственно на текст памятника, ведет поиск его создателя в кругу светских феодалов и стремится в первую очередь к воссозданию образа автора, а не определению его имени.

Новым в ней является то, что, говоря об поэте, мы отказываемся говорить о его происхождении на основе политических симпа-

тий и антипатий, проявляемых в памятнике. Новым является и определение места создания "Слова" (Переяславль). Традиционный район поиска – Киев и Чернигов; связь с этими центрами предполагается даже если говорится о Галицко-Волынском, Полоцком или Новгородском происхождении автора[42]. Гипотеза о Переяславском происхождении памятника позволяет по-новому взглянуть на призыв к объединению сил для защиты Русской земли, перечень князей, к которым обращается автор и многое другое.

Слабой стороной этой гипотезы является то, что "Слово" посвящено событиям в соседнем княжестве, которым уделено гораздо больше внимания, чем переяславским делам.

Дальнейшее изучение этого вопроса, возможно, пойдет по пути поиска текстологической связи "Слова" с другими памятниками древнерусской литературы, и прежде всего, теми из них, какие оказались тесно связанными с тем или иным княжеством. В этой связи, помимо уже упоминавшихся перекличек с Ипатьевской и Новгородской летописями, хотелось бы обратить внимание на имя Рогнеды – "Гориславе" в Радзивиловской летописи[43], напоминающее отчество князя Олега в "Слове о полку Игореве"

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Франко И. Композиция "Слова о полку Игореве".// Archiv für slavische Philologie. – Berlin, 1907. – Bd. 29. – H. 2-3. – S.299-307

2. Лихачев Д.С. Предположения о диалогическом строении "Слова о полку Игореве". // Лихачев Д.С. Избранные работы. – Л.: Худ.лит., 1987. – С. 198-220.

3. Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – Л.: Изд. ЛГУ, 1987. – С. 235-238.

4. Грушевський М.С. Історія української літератури. – Київ; Львів, 1923. – Т. 2 (частини першої книга друга). – С. 166-226;

Никитин А.Л. К вопросу о стратификации "Слова о полку Игореве"// Герменевтика древнерусской литературы. - М., 1989. - Сб. 2. XI - ХУ1 века. - С. 135-187.

5. Робинсон А.Н. Автор "Слова о полку Игореве" и его эпоха. // Слово о полку Игореве. 800 лет. - М.: Советский писатель, 1986. - С. 153-154.

6. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. Поиск автора "Слова о полку Игореве". - М.: Молодая гвардия, 1991. - С. 125-126, 132.

7. Лихачев Д.С. Размышления об авторе "Слова о полку Игореве".// Лихачев Д.С. Избранные работы. - Л.: Худ. лит., 1987. - С. 165-170.

8. Адмони В.Г. Скальды при дворе конунгов. // ТОДРЛ. - Л.: Наука, 1985. - Т. 38.

9. Карамзин Н.М. История государства Российского. - СПб., 1816. - Т. 3. - С. 215.

10. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич...; Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать "Слово о полку Игореве"? (Наблюдения над языком "Слова" и Ипатьевской летописи). // ТОДРЛ. - Л.: Наука, 1976. - Т. 31. - С. 77-92.; Франчук В.Ю. К вопросу об авторе. // Вопросы литературы. - 1985. - № 9. - С. 157-163.

11. Федоров В.Г. Кто был автором "Слова о полку Игореве" и где расположена река Каяла. - М., 1956.

12. Шкляревский И. Читаю "Слово о полку..." - М.: Просвещение, 1991. - С. 20-22.

13. Никитин А.Л. К вопросу о стратификации "Слова о полку Игореве"... - С. 177-187.

14. Косоруков А.А. Гений без имени:/ к 800-летию "Слова о полку Игореве". - М.: Современник, 1986. - С. 7-9.; Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л.: Наука, 1978. - С. 125.

15. ПСРЛ. - М.: Наука, 1962. - Т. 2. - С. 636-651.; далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

16. ПСРЛ. - М.: Наука, 1962. - Т. 1. - С. 397-400.

17. Воронин Н.Н. Существовал ли "Летописец Андрея Боголюбского".// Памятники истории и культуры. - Ярославль, 1976. - Вып. 1. - С. 28-43.; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.; Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. - Л., 1967; Насонов А.Н. Об отношении летописания Переяславля-Русского к Киевскому (ХП век).// Проблемы источниковедения. - М., 1959. - Т. 8.; Приселков М.Д. История русских летописных сводов XI-XV вв. - Л., 1940.; Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. - М.; Л., 1938.

18. Шкляревский И. Читаю "Слово о полку..." - С. 20-24.

19. Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве": Историко-литературный очерк. - М.; Л., 1955. - С. 144.

20. Головин Н. Примечания на "Слово о полку Игореве" - М., 1846

21. Ржига В.Ф. "Слово о полку Игореве" как поэтический памятник Киевской феодальной Руси ХП века.// Слово о полку Игореве. - М.; Л.: Academia, 1934. - С. 158.

22. Ржига В.Ф. "Слово о полку Игореве"... - С. 158.

23. Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать "Слово о полку Игореве"...; Рыбаков Б.А. Петр Бориславич...

24. Мариамень Н.В. Попытка раскрытия анонима автора "Слова о полку Игореве. - Київ, 1985.; Кобзев И. Автор "Слова" - князь Игорь. // Лит.Россия. - 1978. - 22/IX № 38. - С. 15.; Чивилихин В.А. Память.// Наш современник. - 1984. - № 3, - С. 98-128.; № 4. - С. 90 - 120.

25. Медведев В. Автор невідомий и... відомий?// Літературна Україна. - 1984 - 26/1.

26. Грабовський В. Сяйво червлених щитів.// Літературна Україна. - 1985. - 20/VI - С. 7.; Домнин А.И. Тропы предков. - Пермь, 1978. - С. 145-260.

27. Чернов А. Поэтическая полисемия и сфрагида автора в "Слове о полку Игореве".// Исследования "Слова о полку Игореве". -

Л.; Наука, 1986. - С. 270-295.; Древнерусская литература: изображение общества. - М.:Наука, 1991. - С. 221.

28. Пушик С. Автор "Слова" - син Осмомысла?// Прикарпатська правда. - 1985. - 5/1.; Махновець Л. Про автора "Слова".// Пам'ятники України. - Київ, 1985. - № 3. - С. 24-27.

29. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич... - С. 156.

30. Абрамов М.А. К проблеме авторства "Слова о полку Игореве"// "Слово о полку Игореве" и мировоззрение его эпохи. - Киев: Наукова думка, 1990. - С. 154-163.

31. Иловайский Д.И. Несколько слов по поводу вопроса о древней русской поэзии.// Русское слово. - 1859. - № 12. - С. 515-520. Ржига В.Ф. "Слово о полку Игореве"... - С. 158-159.

32. Дмитриев Л.А. Автор "Слова о полку Игореве".// Словарь-справочник книжников и книжности Древней Руси. - Л.: Наука, 1987. - Вып.1. (XI-первая половина XIV в.). - С. 25.

33. Федоров Р.Г. Кто был автором "Слова о полку Игореве"...

34. Кудрявцев И.М. Заметка к тексту: "С тоя же Каялы Святоплъкъ ..." в "Слове о полку Игореве".// ТОДРЛ. - Л., 1949. - Т. 7. - С. 407-409.

35. Сокол М.Т. К вопросу о творце "Песни о полку Игореве".// Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения. - Днепропетровск, 1976. - Вып. 3. - С. 50-78.

36. Якобсон Р.О. Изучение "Слова о полку Игореве" в Соединенных Штатах Америки.// ТОДРЛ. - Л., 1958. - Т. 14. - С. 115.

37. Абрамов М.А. К проблеме авторства... - С. 154-163.

38. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - М.: Наука, 1972. - С. 394.

39. Югов А.К. Историческое разыскание об авторе "Слова о полку Игореве"// Слово о полку Игореве. - Л., 1945. - С. 171-179.

40. Щепкина М.В. О личности певца "Слова о полку Игореве".// ТОДРЛ. - Л., 1960. - Т. 16. - С. 73-79.

41. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич...

42. Дмитриев Л.А. Автор "Слова о полку Игореве"... – С. 22-23.

43. ПСРЛ. – Л.: Наука, 1989. – Т. 38. – С. 107.

Ф.Батлер (США, Беркли)

Герой и звери: два мотива древнегерманского эпоса в "Слове о полку Игореве"*

В статье, опубликованной в 1955 г., американский ученый Ф.П.Магун выделил постоянно повторяющийся мотив в англо-саксонской поэзии, который он назвал "Звери боя". Он описал этот мотив, как состоящий из "упоминания волка, орла и ворона как зверя и птиц, присутствующих на месте резни" и заметил, что не в каждом примере темы все эти животные появляются[1]. Другой такой мотив был выделен Д.Крауном. Он был назван "Герой на берегу" и описан, как состоящий из "1) Герой на берегу, 2) со своими вассалами, 3) в присутствии сверкающего света, 4) в конце (или в начале) похода"[2]. С тех пор, А.Ренуар, Д.К.Фрай и другие установили, что этот мотив присутствует в германских поэтических традициях, кроме англо-саксонской, и что "дверь" или любая другая символическая граница между двумя мирами может заменить берег в парадигме Крауна[3]. Хочу привести доводы, что мотивы "Зверей боя" и "Героя на берегу" присутствуют в "Слове о полку Игореве".

Первое проявление "Героя на берегу" в "Слове" находится в описании решения Игоря отправиться против половцев: "Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своеи: "Братие и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони да позримъ синего Дону". Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. "Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго, съ вами Русици, хощу главу свою приложити,

---

* Текст статьи представлен и отредактирован А.Н.Робинсоном.

а любо испити шеломомь Дону"[4].

Здесь присутствуют все элементы парадигмы Крауна: I) Герой желает посмотреть на Дон и пить из него, что он может сделать только на берегу. К тому же, конец Половецкого поля является границей между его родной землей и чужим миром его врагов[5]; 2) вассалы (дружина) упоминаются; 3) элемент сверкающего света проявляется, хотя в довольно странном виде. Солнце называется "свѣтлое", но по интерпретации этого места можно заключить, что солнце излучает тьму[6]. На поэтическом уровне можно принимать упоминание затмения солнца, которое произошло I мая II85 г. во время похода Игоря против половцев, как предзнаменование поражения: князь будет так же полностью, но временно, затемнен, как и солнце; 4) герой готовится к походу.

После этого места есть второе упоминание затмения солнца: "Тогда вступи Игорь князь въ злать стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въста... Игорь к Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орлы клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты. О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!" (46).

Здесь опять упоминаются герой, вассалы и поход. Несмотря на отсутствие явного упоминания берега, словосочетание "къ Дону" указывает не на то, что войска войдут к реку или перейдут ее, а на то, что они к ней подойдут. Чтобы это сделать, им придется выйти на берег. В своей статье, Д.Краун пишет: "Мотив "Героя на берегу" часто предшествует описанию (или упоминанию) места резни, в котором используется мотив "Зверей боя""[7]. Здесь волки и орлы (упомянутые Ф.П.Магуном животные) вместе с лисицами готовятся к грядущей резне. Д.Фрай заметил, что "звери боя" "обычно следуют за побеждающим до боя, а нападают на побежденных после него"[8]. В рассматриваемом от-

рывке текста, если мы принимаем его в буквальном смысле, звери уже до боя следуют за тем, кого ждет поражение. Но, как доказывает Б.М.Гаспаров, упоминание затмения до отправления указывает на то, что Игорь и его дружина уже в мифологическом плане разгромлены[9]. Предвещая этот разгром, звери уже, в некотором смысле, нападают на побежденных. Восклицание "О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!" можно воспринимать как еще одно доказательство, что русские уже пересекли символическую границу и вошли в мир тьмы и смерти.

Мотив "Героя на берегу" проявляется опять в описании войск, расположенных на ночь на поле сражения: "Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронъ, поганыи Половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону Великому. Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблями потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго. О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!" (47).

Здесь русские - "Ольгово гнѣздо", завершив поход, ждут боя на берегу. Обычно считается, что четыре солнца обозначают четырех князей, участвующих в походе[10]. Итак, герою (Игорю) и трем его главным вассалам придано сходство с объектами, излучающими свет. Эти объекты опять будут затемнены, в этом случае надвигающимися тучами.

Отождествление половцев с воронами соотносится с замеченной Д.К.Фраем связью между зверями и победителями.

Вышеуказанные проявления парадигмы "Героя на берегу" следуют довольно быстро друг за другом. Они относятся к тому же герою, походу и берегу, тем же вассалам, и предвещают то же поражение. В каждом

случае сверкающим светом является солнце (или солнца), подвергшееся влиянию тьмы.

Еще одно выполнение парадигмы Крауна (ретроспективное описание того же поражения) отражено в речи бояр великому князю Святославу: "Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколама крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святославъ, тъмою ся поволокоста" (50, 51).

Полет соколов является реминисценцией похода к полю сражения; два солнца означают Игоря и брата его Всеволода, которых можно воспринимать как пару героев. Б.М.Гаспаров убедительно предполагает, что два багряных столпа означают Святослава Рыльского и Владимира - племянника и старшего сына Игоря, а два месяца - Олега и Святослава, двух младших сыновей Игоря, которые, на символическом уровне, делят судьбу с отцом[11]. Таким образом, столпы и месяцы можно воспринимать и как сверкающие объекты и как вассалов князя. Намек на присутствие берега отмечается дважды: упоминание утоления жажды водой из Дона и движение в сторону моря.

Последний пример "Героя на берегу" в "Слове" можно найти в описании возвращения Игоря на Русь: "Солнце свѣтится на небесѣ - Игорь князь в Руском земли. Дѣвици поютъ на Дунаи - вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи. Страны ради, гради весели" (56).

Самый побег князя является завершенным походом, а девиц на Дунае можно условно считать вассалами. На этот раз солнце не затемнено: возвращение его света совпадает с возвращением героя.

Дополнительное указание на присутствия мотивов "Героя на бере-

гу" и "Зверей боя" можно найти в тексте пространной редакции "Задонщины". Первое интересующее нас место в этом произведении близко походит на первый вышеуказанный пример "Зверей боя" в "Слове". Но в отличие от этого примера, он предвещает резню не русских, а их врагов, то есть татар: "А уже бѣды их пасоша птицы крылати под облак лѣтят, вороны часто грают, а галицы своею речью говорят, орлы хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на костѣх брешут"[12]. Интересно здесь отметить присутствие воронов, упоминаемых в парадигме "Зверей боя", которые отсутствуют в соответствующем отрывке "Слова".

Первый пример "Героя на берегу" в "Задонщине" похож на приведенное выше описание отправления Игоря в поход: "Тогда князь велики Дмитреи Иванович вступив во златое свое стрѣмя и взем свои мечь в правую руку и помолися богу и пречистои его матери. Солнце ему на восток сияет и путь повѣдает, а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя. Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимеръ Андрѣевичъ полки пребирает и ведет к великому Дону" (537).

Здесь солнце светит на великого князя Димитрия, пока двоюродный брат Димитрия - князь Владимир - ведет вассалов к реке. Таким образом, элементы "Героя на берегу" разделяются между двумя героями. Д.Краун пишет о "Герое на берегу", что "время этого действия обычно - рассвет, но упоминание времени иногда отсутствует"[13]. В рассматриваемом отрывке солнце находится на востоке, что указывает на раннее время дня. Поскольку в "Задонщине" рассказывается о победе, а не о поражении, небо не затемняется.

Еще один пример "Героя на берегу" в "Задонщине": "Того же дни в суботу на рожество святыя Богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речьке Напрядѣ. И ... князь велики Владимеръ Андрѣевичь гораздо и скакаше во полцех поганых в татарских, а сла-

ченым тым шеломом посвѣльчивает, а скакаша со всем своим воиским" (539).

Опять мы видим героя, берег, вассалов и сверкающий объект[15]. Последний, в этом случае не солнце, а шлем героя. Вскоре после этого упоминается поход: "И тогда аки соколы борзо полѣтели. И поскакивает князь великии Дмитреи Ивановичь с своими полки и со всею силою" (539).

Как хищные птицы, соколы здесь походят на упомянутых Магуном орлов и воронов. В двух соответствующих отрывках из других сохранившихся списков "Задонщины" упоминаются орды вместо соколов, что указывает на близость символических значений этих двух видов птиц в древнерусском поэтическом сознании[15]. Так же, как в третьем вышецитированном отрывке из "Слова", где половцы представляются волками и воронами, в этом отрывке "Задонщины" русские как бы становятся соколами, спешащими к месту резни. Стоит заметить, что в обоих случаях проявление мотива "Зверей боя" связано с отождествлением людей со зверями или птицами. Выражение "злаченым тым шеломом посвѣльчивает" интересно тем, что оно представляет самого героя как сверкающий (благодаря шлему) объект. Отождествление Владимира с источником света соответствует отождествлению Игоря с солнцем в "Слове". Предполагая, что оба произведения включают элементы, восходящие к древней восточнославянской устной традиции, и соглашаясь с тем, что мотивы "Героя на берегу" и "Зверей боя" присутствуют в них, мы можем заключить, что восточнославянские варианты первого мотива обычно отличаются тем, что герой ассоциируется со сверкающим объектом, и это обычно - солнце[16]. Аналогично, примеры второго мотива часто характеризуются отождествлением зверей с людьми.

Допуская, что мотивы "Героя на берегу" и "Зверей боя" присутствуют в древнерусской традиции, необходимо этот факт объяснить.

Присутствие двух таких мотивов допускает возможность случайного совпадения маловероятной. Возможно также, что эти мотивы, присутствующие также в древнескандинавской традиции[7], вошли в древнерусскую устную и литературную традиции вследствие скандинавского влияния[18]. Но возможно и то, что эти мотивы восходят к общему субстрату - древней индоевропейской культуре. Осветить этот вопрос могли бы исследования рассматриваемых мотивов в южнославянских и западнославянских эпосах. Кроме того, перспективно изучение возможных проявлений двух германских мотивов в славянских произведениях и, наоборот, славянских мотивов - в разных германских произведениях.

1) Magoun F. P. The Theme of the Beasts of Battle in Anglo-Saxon Poetry // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1955. Vol. 56. P. 83-90. См. также Neckel G. Die Kriegerische Kultur der heidnischen Germanen // Germanische – Romanische Monatsschrift. Heidelberg, 1915. Jg. 7. S. 17-44; Bonjour A. Beowulf and the Beasts of Battle // PMLA: Publications of the Modern Language Association of America. 1957. Vol. 72. P. 563-73; Bodvarsdottir H. The Function of the Beasts of Battle in Old English Poetry: Ph.D. dissertation. State University of New York at Stony Brook. 1976.

2) Crowne D. The Hero on the Beach: An Example of Composition by Theme in Anglo-Saxon Poetry // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1960. Vol. 61. P. 368.

3) См.: Renoir A. 1) Oral-Formulaic Theme Survival: A Possible Instance in the "Nibelungenlied" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1964. Vol. 65. P. 70-75; 2) A Key to Old Poems: The Oral-Formulaic Approach to the Interpretation of West-Germanic Verse. University Park and London, 1988. P. 96-100; Fry D. K. 1) The Hero on the Beach in "Finnsburgh" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1966. Vol. 67. P. 27-31; 2) The Heroine on the Beach in "Judith" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1967. Vol. 68. P. 168-84; Wolf C. J. Christ as Hero on the Beach in "The Dream of the Rood" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1970. Vol. 71. P. 202-10; Olsen A. H. Guthlac on the Beach. // Neophilologus. Gronigen, 1980. Vol. 64. P. 290-96; Johnson J. D. A Note on the Substitution of "Door" for "Beach" in a Formulaic Theme // Neophilologus. Gronigen, 1983. Vol. 67. P. 596-98; Cherniss M. D. King Harald on the Beach: An Oral-Formulaic Theme in Old Norse Prose and its Implications // Res Publica Litterarium. 1986. Vol. 9. P. 89-100. О значении дверей и воды в древней индоевропейской культуре см.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. ⟶

Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тблиси, 1984. Т. 2. С. 743, 825-26.

4 Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. изд. 2-е. Л., 1967. С. 44. Далее текст "Слова" цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте.

5 О значении берегов и других границ в "Слове" см.:Гаспаров Б. М. Поэтика "Слова о полку Игореве". Wien, 1984 (=Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 12) С. 129-138. Ср. Higley S. L. Aldor on Ofre, or The Reluctant Hart: A Study of Liminality in "Beowulf" // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki, 1986. Vol. 87. P. 342-53.

6 О солнце как источнике тьмы в "Слове" см.:Робинсон. А. Н. Солнечная символика в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и исскуства XI-XVII веков. М., 1978. С. 41-42, 48-49; Лихачев Д. С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. изд. 2-е. Л., 1985. С. 262-63.

7 Crowne D. The Hero... P. 372.

8 Fry D. K. Themes and Type-Scenes in "Elene" 1-113 // Speculum. 1969. Vol. 44. P. 41. Ср. Bodvarsdottir H. The Theme... P. 202-04.

9 Гаспаров Б. М. Поэтика... С. 96.

10 См.:Лихачев, Д. С. Коментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. Литературные памятники. М.; Л., 1950. С. 402-403; Творогов О. В. Дмитриев Л. А. Примечания // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. изд. 2-е. С. 486-87; Робинсон. А. Н. Солнечная символика... С. 48; Гаспаров Б. М. Поэтика... С. 89.

11 Гаспаров Б. М. Поэтика... С. 90-93, 145-46.

12 Тексты "Задонщины" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". М; Л. 1966. С. 537. Далее текст "Задонщины" цитируется по этому изданию, страницы ~~указываются в тексте~~. Указания на раскрытие титлов и восстановление испорченных мест не воспроизводятся.

13 Crowne D. The Hero... P. 368. См.: Робинсон А.Н. Солнечная символика в повестях о Куликовской битве // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С 184-189.

14 В соответствующем отрывке из "Слова" (Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. С. 47) отсутствует берег.

15 См.: Тексты "Задонщины" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. С. 544, 547, 555. О трудности установления первичного чтения этого места, см.: Дмитриева Р. П. Взаимоотношение списков "Задонщины" и текст "Слова о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. С. 204. О сходстве функций орла и сокола в "Слове", см.: Гаспаров Б. М. Поэтика... С. 180, 191.

16 Об отождествлении Игоря и его родственников с солнцем в "Слове", см.: Робинсон, А. Н. Солнечная символика... С. 48.

17 Neckel G. Die Kriegerische Kultur... S. 26-30; Cherniss M. D. King Harald...; Bodvarsdottir H. The Function... P. 12-16, 137-43, 238-40.

18 Среди многочисленных работ о русско-скандинавских отношениях см. ~~например~~: Varangian Problems. Copenhagen, 1970 (=Scando-Slavica Supplementum I); Ловмянский Х. Русь и норманны / ред. В. Т. Пашуто и др. М., 1985; Славяне и скандинавы / Общ. ред. Е. А. Мельникова. М. 1986.

А.С.Демин

Изобразительная анималистика "Слова о полку Игореве" и "Сказания о Мамаевом побоище"

К древнерусской литературной анималистике применимы очень различающиеся подходы. Они уводят далеко друг от друга, и поэтому целесообразно их не смешивать, а, наоборот, четко выбрать один из них. Первый подход - богословский и мифологический, т.е. изучение христианской и языческой символики животных. Богатейшая символика животных издавна и поныне пользуется непреходящей популярностью у исследователей[1]. Она помогает понять поэзию понятий и общих категорий в древнерусской общественной мысли. Однако сейчас хочется какого-то объекта поновее. Поновее оказывается второй подход - естественнонаучный, т.е. изучение реальных знаний писателей о природе. Естественнонаучному подходу к литературной анималистике едва ли исполнилось больше полувека. Тут каждая работа на счету. Однако пишут их, как правило, биологи. Это и понятно: их увлекает поэзия рационального опыта на Руси. Литературоведу, казалось бы, должен быть ближе третий подход к анималистике - искусствоведческий и психологический, т.е. изучение изобразительного начала в повествованиях о животных, изучение образов

---

[1] Из давних работ см., например: Дурново Н.Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. М., 1901; Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. Из современных работ см.: Лихачева О.П. Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 99-105.

животных как неких содержательных целых. Увы, третий подход вызывает наибольшие сомнения в ученой среде и разработан как раз меньше всего. Именно его я и стараюсь оправдать. Анализ образов раскрывает поэзию реальности у древнерусских авторов, типы их воображения.

Для изучения древнерусской изобразительной анималистики нам очень пригождается банальное деление животных на диких и домашних. От рассказов и многочисленных упоминаний о домашних животных в памятниках, в том числе о конях, мы с легким сердцем можем отказаться. Иначе мы незаметно и неизбежно впадем в обозрение картин человеческого быта, включая воинский и охотничий быт. В то время как наша главная тема - изображение природы. Именно дикие животные в литературе являются объектом нашего повышенного внимания.

Начнем с краткой характеристики переводных памятников, потому что переводные памятники раньше оригинальных внесли анималистические темы в древнерусскую литературу. К изображению диких животных переводные памятники подступались с нескольких вполне предвидимых нами сторон. Но довольно своеобразно в каждом случае. Самое, на наш современный взгляд, естественное - описание отдельно взятого реального животного - почти не практиковалось в древнерусской литературе. А если описания все-таки встречались, то только фантастических животных. Наиболее потрясающие примеры содержит "Александрия", сначала хронографическая, затем так называемая сербская. Сербская "Александрия" развила анималистические тенденции хронографической "Александрии" в довольно полную систему. Она использовала все основные варианты мыслительного конструирования фантастических животных и фантастических людей. В "Александриях" изображены зверелюди, т.е. "звѣри человѣкообразны" ("двоеглавнии змиевы", но "ноги имѣяху" - "Александрия" сербская, 54) и людезвери ("половину человекъ, половину песъ" - "Александрия" хронографическая, 188; "все тѣло их че-

ловѣческо, глава же песья" - "Александрия" сербская, 102). Изображены безумно огромные твари ("блъхы скачюща, яко и жабы" - "Александрия" хронографическая, 76; "рацы исходяще, кони ухапаху" - "Александрия" сербская, 202) и удивительно миниатюрные люди ("локтя величеством" - 98). Изображены существа с необычно большим числом членов ("о шести ногъ и о трехъ очесѣхъ и о пяти очесехъ" - "Александрия" хронографическая, 77) и, наоборот, с недостатком или вообще отсутствием отдельных частей тела ("люди... о единои ноги... по каменью скачюще" - "Александрия" сербская, 114; "человеци безглавни" - "Александрия" хронографическая, 77. В "Луцидариусе" пояснено: "... люди бѣзглавнии, им же очи на плечахъ, и место устъ и носа имѣють на персехъ две диры" - 432). Изображены те существа, для кого смертельны обычные земные условия ("вѣтру студену дохнувшю на них, вси изомроша" - "Александрия" сербская, 114), и те, кто, наоборот, чудесно жизнестоек ("повар рыбы сухие... во евере... измочи и рыбы сухие ожиша и во езеро втекоша" - 112), и больше того - те, кто неуязвим в самых ужасных обстоятельствах ("птици... приближашеся къ огню, вхожаху въ огнь и паки без вреда вылетаху изъ огня" - "Александрия" хронографическая, 188).

"Александрии" поощряли, как мы определили бы сейчас, комбинаторное мышление, лоскутную сшивку разнообразных сведений (ср.: "... до пояса имуще образ человечь, рогы же на главѣ - оленя, прочее же от пояса звѣрино тѣло имуща, нозѣ же прежнии - птичьи, задании же - коневѣ" - "Александрия" хронографическая, 234). Та же фантастическая комбинаторика местами проявлялась и в "Физиологе", "Сказании об Индийском царстве", "Шестодневах" и "Палеях", в некоторых житиях, а затем в "Луцидариусе". За деловито сконструированными монстрами "Александрий" и иных памятников стояли энциклопедически осведомленные авторы и редакторы. Их творчество заключалось в самоумножении

этого энциклопедизма за счет внутренних, комбинаторных резервов. В художественном отношении от описаний животных в древнейший период больше ждать нечего.

В древнерусской литературе XI–XIУ вв. гораздо чаще, чем особое описание животных, встречалось включение животных в пейзаж или ландшафт. Однако только в виде слабой тенденции, потому что ни пейзажей, ни прочих художественных картин с участием диких животных древнейшие памятники не развертывали. Они чаще всего связывали одного животного с какой-нибудь одной, скупо упоминаемой деталью природы. Характерно, например, что в "Физиологе" природа, окружающая животное, всегда представлена одинокой глухой деталью. Обычно это – древо, реже – гора или река, иногда – пустыня или небо. Но без малейшей картинности.

Еще один способ анималистического изображения состоит в сцеплении, казалось бы, разрозненных упоминаний об отдельных животных в единое смысловое целое. Образ животного мира может пронизывать все произведение. Но таковой отсутствовал в подавляющем большинстве памятников на анималистические темы. Так, совокупность всех рассказов "Физиолога" не объединяла животных в цельный мир. Они не имели художественного отношения друг к другу. Разрозненными оставались и детали природы, сопровождавшие животных. К примеру, деревья в рассказах "Физиолога" никак друг с другом не связаны. То это "древа ливаньска" (203), то это дуб в Индии (340), то древо у Евфрата (351), то дуб близ рая (366) и т.д. Изолированы друг от друга животные и в "Александрии", в "Космографии" Козмы Индикоплова и пр.

Наконец, не часто, но иногда все-таки использовался в памятниках и иной способ анималистического описания. Обозначались некие сборища животных, даже перечислялись эти животные. Но опять-очень лаконично и без явственного художественного результата. Так, в рассказах

того же "Физиолога" животные минимально связаны друг с другом, обычно лишь попарно. В одном рассказе действуют лиса и птицы, в другом - кит и рыбы, в третьем - ибис и рыбы, в четвертом - выдра и крокодил, в следующем далее - ихневмон и змей, затем - олень и змей. или - голубь и змей, или - слон и змей и т.п. Действительные скопища животных упоминаются в рассказах очень редко и невнятно. Однажды - пантера и змеи, в другой раз - горгона и звери.

В "Физиологе" наблюдается лишь одно исключение. Это сказание о том, как слетаются на брань враждующие стаи птиц. С одной стороны, стаи "водных птиць и житоядець" - аисты, гуси, утки, журавли, неясыти. С другой стороны, стаи "плотоядець птиць" - враны, вороны, галки и др. (ХУ). Одно из мест данного повествования, пожалуй, создает образ массовой суеты сражающегося птичьего войска: "Да есть слышати до небеси голву... и отпадѣнию пѣрию бес числа" (ХУ-ХУI). Две складывающиеся детали - голошение птиц и множество у них вырванных перьев - ассоциируются с представлением о возбужденной птичьей драке. Две другие взаимодополняющие детали - крик до неба и устилание земли перьями - обозначают масштабное пространство от земли до неба, охваченное птичьим сражением. Образ этот явно гиперболизированный. Но он не относится к древнерусской литературе XI-XII вв., потому что входит в довольно позднее сказание, присоединенное в списке ХУI в. к концу старого текста "Физиолога".

Правда, в группе древнейших произведений - в "Шестодневах", "Палеях", "Хрониках",- бывало, и по-настоящему обильно перечислялись животные. В основном в рассказах о пятом дне творения мира. Но и здесь изобразительные достижения были слабы. Памятники лишь поясняли библейскую идею о внезапной заполненности всего мира животными. Ср. "Бытие",гл. I: "И наполните воды, яже въ морѣхъ, и птицы да умножатся на земли" (I.2). "Шестоднев" Иоанна Экзарха: "И плъни бѣаху тъси

брѣзи; нирааху сквозѣ глубины; такожде и морские удоли, и великые и малые пучины въсѣчьскыихъ и различныхъ рыбъ плъны бѣаху", "не бы же праздна ни тина, ни калъ", "овы по ширинѣ плавающе, а другые – по краю, а другые – по глубинѣ, а другые – подъ камениемъ" (162.2-162 об.1, 164,2, 165.1. То же в "Толковой палее", 20 об.2, 21.1 и сл.). Подобные описания сборищ животных трудно признать разнообразными.

Таков традиционный литературно-анималистический фон, на котором можно оценить оригинальность "Слова о полку Игореве".

I. Воображение "аборигена" ("Слово о полку Игореве")

Слово о полку Игореве", разумеется, кое в чем смыкается с традиционным фоном. Так, когда автор "Слова" упоминает то или иное реальное животное, то, как это было принято в его время, он не дает развернутых описаний. Кроме того, в каждом отдельном случае он довольствуется одной-единственной деталью из мира природы. Например, автор связывает орла с облаками – и все ("растѣкашется... подъ облакы" – 43). Сокола – с ветром ("на вѣтрехъ ширяся" – 52). Притом в "Слове", как и в других памятниках, нет жесткой привязки этих конкретных деталей к определенным животным. В других местах "Слова" с облаками связываются не только орел, но и соловей ("летая... подъ облакы" – 44), и сокол ("полетѣ... подъ мьглами" – 55). Также и с ветром связываются не только сокол, но и чернядь ("стрежаше... на ветрѣхъ" – 55). С небесной высотой связываются опять-таки не только орлы, но и соколы ("высоко плаваеши" – 52; "высоко птицъ възбиваетъ" – 51). Общее здесь то, что птицы мыслились летящими в небесном верху. Это была стойкая ассоциация автора "Слова".

Но и она усвоена из древнейшей литературы, где выражалась повсеместно. Так, орел связывался с облаками (в хронографической "Алек-

сандрии": "... възлѣте на облакы"; в другом списке - "под облакы" - 34). И с небесами ассоциировался орел ("Сказание Агапия о рае": "... идущь съ небесе" - 467.I; "Житие Макария Римского": "Летаи... под небесем" - 53). И с воздухом ассоциировался орел, летая по воздуху (Поучение Кирилла Философа, 53)или паря по воздуху ("Моление Даниила Заточника", 394). И с высотой связывался орел, возлетая на высоту ("Физиолог", УI; "Слово о прилюблении убогих" Иоанна Златоуста, 321.2) или выспрь возлетая ("Слово похвальное Кириллу и Мефодию", 200.I). Птицы связывались с небом, летая по тверди небесной ("Библия", I.2, "Бытие", гл. I) или паря по тверди нéбесной ("Шестоднев" Иоанна Экзарха, I60.2, I6I об.2, I62.I). С воздухом связывались вообще птицы, плавающие сквозь воздух и парящие по воздуху ("Шестоднев" Иоанна Экзáрха, I75 об.I-2), парящие по аеру ("Палея толковая", 20 об.2) и летящие по аеру ("Повесть об Акире Премудром", 254). С высотой ассоциировались птицы, приходящие сверху ("Синайский патерик", 60), высоко парящие ("Шестоднев" Иоанна Экзарха, 236.I), с высоты прилетающие ("Слово о трех мнисех", 6I).

Во множестве памятников, как правило, только одна реальная деталь использовалась при упоминаниях птиц, и обозначала она их принадлежность верху, небу. Образов тут не было. Здесь работало не воображение авторов, а знание общепринятой классификации животных - по местам их обитания. Отсюда исходили и библейские формулы - "птицы небесные", "звери земные", а "рыбы морские". На эту тему специально рассуждало "Слово пятое" в "Шестодневе" Иоанна Экзарха. Соответствующие эпитеты и детали были сравнительно однообразны во всех литературных памятниках. К ним относится, кстати, и деталь в выражении "растѣкашется... вълкомъ по земли" из "Слова о полку Игореве" (43), - ведь волк, согласно классификации, зверь "земный".

Автор "Слова" упоминал, правда, и не летящих в небе, но, как

можно догадываться, лишь попархивающих птиц. Однако тоже в связи только с одной деталью из мира природы - с деревьями. Соловей скачет "по древу", а птицы - "по дубию" (44, 46). Ассоциация "птицы - древо" - тоже распространеннейшая в литературе, начиная с "Библии". Птицы приходят на древо ("Библия", 8.I. "Евангелие от Матфея". Гл. 13), сидят на деревьях ("Сказание Агапия о рае", 468.I; "Слово о трех мнисех", 62; "Беседа трех святителей", 140; "Физиолог", УШ; "Житие Андрея Юродивого", 141), гнездятся на древе ("Житие Василия Нового", 372) и т.д. Связь птиц с дубами также повторялась в литературе. Птицы поют в дубраве ("Александрия" хронографическая, 122); вселяются на дубу ("Физиолог", 340-341); вьют гнездо на дубах ("Сказание об Индийском царстве", 466). В "Слове о полку Игореве" каждое отдельное упоминание одного животного в связи с одной же деталью природы питалось привычными ассоциациями того времени.

Но совсем не традиционным было то, что эти упоминания животных сцеплялись в "Слове" в единый сквозной образ. Подобных упоминаний в тексте "Слова" рассеяно необычайно много, притом они повсеместны и вкраплены близко друг к другу. Так что все предрасполагает к их смысловому сцеплению.

Упоминания о каждом животном, как правило, повторяются в "Слове" и обычно обозначают один и тот же его вид. Разумеется, не в биологическом смысле, а в художественном. Об однородности анималистического персонажа свидетельствуют повторяющиеся эпитеты и сходные указания действий. Если в "Слове" говорится, например, о волке или волках, то они серые (43, 46, 55) и бегущие, скачущие, рыскающие (43, 46, 47, 53, 54, 55). Различий у них нет. Соловей или соловьи - поют, издают щёкот (44, 46, 56). Сокол или соколы - прекрасно и целеустремленно летают, догоняют и бьют птиц (44, 49, 50, 51, 52, 55, 56). Галки - "говорят" или молчат (46, 48, 56). Вороны - "грают" или не

"граит" (48, 50, 56). Каждый род животных составляет однородную массу в "Слове".

Эти массы также связаны, если судить по их прямым перечислениям в тексте "Слова". Соколы и лебеди (44); соколы и галки (44); птицы и звери (46); птицы, волки, орлы, лисицы (46); соловьи и галки (46); враны и галки (48); чайки и черняди (55); сороки, враны, галки, дятлы, соловьи (56). Как видим, особенно активную связующую роль играют галки, сцепляя всех птиц в единый мир.

В различных сравнениях "Слова" активную сцепляющую роль уже играют волки. Герой действует волком и орлом (43); лютым зверем и волком (53); горностаем, гоголем, волком, соколом (55). В результате почти все звери и птицы, упоминаемые "Словом", художественно объединяются в цельный животный мир.

В дополнение к этому детали природы и ландшафта, сопровождающие животных, тоже сцепляются в образ. Земля в "Слове" - это одна и та же почва, которая зловеще гудит, дрожит, стучит (47, 52, 55). Это низшая плоскость действий. По земле "растекаются", по земле сеют, земля - под копытами коней, к ней клонятся, на нее свергаются (43, 48, 49, 51, 55). Облака в "Слове" - это один и тот же род легких высоких облаков, под которыми парят, летают, веют (43, 44, 54, 55), а иногда их и пронизывают (52). Низкие облака, или туманы в "Слове" - это уже "мьгла" или "мьглы" (46, 53, 55).

Поля в "Слове" - всегда просторные. Для героев это "великая поля", для отдельного героя это "чистое поле" (46). Через поля рыщут и несутся (44). В поле свободно скачут и далеко заходят (46, 47). По полю беспрепятственно едут и рассыпаются (46). Поля покрывают, их пытаются частично перегородить или измерить (46, 47, 55). Поле с иным эпитетом ("Поле Половецкое", "поле незнаемо", "поле безводно") - это всегда место сражения (44, 48, 52, 55, 56).

"Синее море" в "Слове" - это постоянно некий пограничный предел, отнюдь не идиллический, а больше тревожный и тревожащий (47, 49, 50, 51, 54, 55). Синий цвет, кстати говоря, вообще тревожен в "Слове" - синии молнии перед битвой (47), синее вино печали в мутном сне Святослава (50), синяя мгла Всеслава-оборотня (53), синий Дон как объект страстного желания мутящего ум Игорю (44), на синем море плещет крылами Обида (49), на синем море "лелѣютъ месть" Руси (51), на синем море ветер неотступно, настойчиво, беспокойно качает-лелеет корабли (54).

Из всех ландшафтных деталей в "Слове" лишь "древо" менее однородно, чем остальные. То это "зелено древо", с тенью (55). То "древо" "листвие срони" и клонится, как бы увядая (49, 52, 55). А то это "мыслено древо" (44). Временами же вообще не ясно, какое "древо" имеется в виду (43, 46). Однако, хотя контуры у такого "древа" расплываются, оно все-таки кажется одним и тем же. Потому что, во-первых, слово "древо" всегда употребляется в единственном числе. Потому что, во-вторых, оно при всех обстоятельствах является предметом активной деятельности, местом энергичных поступков, - по нему "растекаются" и скачут, с него "кличут", под ним одевают и пр. (43, 44, 55). И потому что, в-третьих, "древо" каждый раз мыслится находящимся на дальнем рубеже от Руси[2].

Обобщенные ландшафтные детали в "Слове" обильно и в разных вариациях связываются друг с другом. Особенно часто - земля, море, облака, древо, трава. В "Слове" присутствует цельный ландшафтный мир. Благодаря постоянной связи животных и ландшафта "Слово" создает образ единого мира природы. Это необычно сложный именно художественный

---

[2] Об этом см.: Демин А.С. Куда растекался мыслию Боян? // "Слово о полку Игореве": Комплексные исследования. М., 1988. С. 58.

образ. Он не отражает четко отграниченную географическую и биологическую реальность. Об этом написана книга[3]. Этот образ обозначает реальную природу широко, в известной мере неопределенно и очень выборочно. Недаром "Слово" пестрит географическими названиями от гор Угорских и Дуная до Волги и от Тмуторокани до Новгорода и Литвы. Правда, в этом животно-ландшафтном образе, пожалуй, все же больше деталей и названий южных, степных.

Однако дело не в географической окраске образа, а в его эстетическом своеобразии. Природа в "Слове" густо заполнена животными. Например, волки в "Слове" связываются помимо земли еще и с полем ("влъци въ полѣ" - 46), и с яругами ("влъци... по яругамъ" - 46), и с лугом ("влъкомъ... къ лугу" - 55). Каждая часть ландшафта в "Слове" представляется насыщенной живностью. Так, с полем связываются соколы, орлы, соловьи, галки, кречеты, враны, волки, лисицы, туры. К каждой детали ландшафта, даже мелкой, кто-то приставлен. В частности, горностай - "къ тростию", а чайки - "на струяхъ" (55).

Животный мир "Слова" свидетельствует о широте и насыщенности предметного воображения автора. То же демонстрируют не только животные, но и людские образы "Слова", "большие" и "малые". Так, Игорь предстает в очень полном предметном окружении, непосредственно к нему относящемся в тексте, - воинском (конь - 44, 46, 55; стремя - 46; седло - 50; шлем - 44; копье - 44, 47; щиты - 46; мечи - 51; стяги - 44, 47, 49; и пр.); ландшафтном (поле - 44, 55; древо с листвой и тенью - 49, 52, 55; трава - 49, 55; ковыль - 54; луг - 55; река - 44, 46, 50, 52, 55, 56; берега - 49, 55, 56; волны и струи - 55; море - 49, 55); суточном (солнце - 44, 46, 52, 55, 56; полдень - 49; тьма - 44, 46; ночь - 46; полночь - 55; зори - 47, 48, 55, 56; раннее утро - 46, 55); фенологическом (ветры - 47, 54, 55; мгла - 47, 55; роса - 55). Богато связаны с предметным миром Боян, русское

[3] Сумаруков Г.В. Кто есть кто в "Слове о полку Игореве". М., 1983.

войско (в том числе куряне), русские князья (включая сон Святослава и плач Ярославны), половцы и т.д. По широте воображения природы автору "Слова о полку Игореве" не подыскивается близких аналогий ни среди древнерусских писателей того времени, ни в фольклоре.

Широкое воображение автора "Слова" имело одну ограничительную особенность. Мир природы в "Слове" более всего переполнен птицами. Птицы связаны не только традиционно с небом и деревьями, но и со всеми основными частями ландшафта. С полем: "птици... въ полѣ Половецкомъ" (56; здесь имеются в виду и страна, и собственно поле), "соколы... чресъ поля широкая" (44), "врани на болони" - на лугу. Связаны и с водой: "гоголѣмь на воду" (55), "соколъ... къ морю" (49), "дятлове... къ рѣцѣ" (56), "галици... къ Дону Великому" (44), "зегзицею по Дунаеви" (54). Птицы мельтешат или слышатся всюду. Тут и "лебеди роспущени", и "щекотъ славии", и "говоръ галичь" (46), и "часто врани граяхуть" (48, 50), и "куръ Тмутороканя" (54; если имелись в виду петухи), и "гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ" (55), и "сорокы не троскоташа" (56), и многие другие упоминания птиц, а также птицеподобных существ, например, Обиды с "лебедиными крылы" (49). Даже у ветра упоминаются "крыльца" (54). Заполненность мира существами в "Слове" напоминает о "Шестодневе" Иоанна Экзарха. Но со странным различием: "Шестоднев" подчеркивает в основном рыбью заполненность мира, а "Слово" - птичью.

Рыбье преобладание объяснимо богословскими интересами автора "Шестоднева", а птичье преобладание - особой чертой воображения автора" Слова". Давно уже замечено: "Автор, без сомнения, был "птицегараздом" - птицеведом. Из всех животных он лучше всего знал птиц, их повадки"[4]. "Заптиченность" "Слова" сочетается с полным отсутствием упоминаний о рыбах. Глубины рек и моря пусты и словно безрыбны в

[4] Шарлемань Н.В. Природа в "Слове о полку Игореве" // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.;Л., 1950. С. 217.

"Слове". В лучшем случае упоминается речное дно (50, 55). Отсутствуют также упоминания о насекомых. А гад (гад ли, а не птица?) назван лишь однажды ("полозие" - 56). Автор "Слова" заполняет природу, в основном степную, как раз тем, что наиболее заметно человеку, в том числе воину, едущему по степи, - прежде всего птицами, а затем и зверями. Автор "Слова" относится к природе не как богослов, хозяйственный деятель, охотник или военный тактик, а преимущественно как "абориген". В понятие "абориген" не вкладывается какой-либо оттенок уничижения. Я не настаиваю также на том, что автор "Слова" обязательно был уроженцем степи или иной характерной местности. В понятие "абориген" вкладывается психологический смысл. Под"аборигеном" подразумевается тонкий и памятливый созерцатель природы. Он основывается на своих личных впечатлениях. Он создает как бы местную картину природы, а не рисует природу вообще. Но он дает обобщенную картину, а не частную зарисовку. В таком, психологическом смысле острая "аборигенность" была присуща воображению автора "Слова".

"Аборигенность" воображения автора дает знать о себе небывалой многочисленностью реальных цветовых и световых обозначений природы в "Слове". Серые волки (43, 46, 47, 55), сизый орел (43), светлое солнце (44, 55, 56), синий Дон (44), черный ворон, кровавые зори, черные тучи, синие молнии, мутные реки (47), черная земля (48), синее море (49, 50, 51, 54), багряные столпы (50), серебряные струи, синяя мгла (53), белый гоголь, зеленая трава, серебряные берега, зеленое дерево, темный берег (55). Эти цветообозначения сохраняли реальное содержание, а не стерлись в условные топосы. Оттого они образовывали гармоничные цветовые сочетания во фразах. Серое с серым: "сѣрымъ вълкомъ... шизымъ орломъ" (43). Черное с серым: "чръныи воронъ... сѣрымъ влъкомъ" (47). Красное, черное, синее: "кровавыя зори... чръныя тучя... синии млъныи" (47). Зеленое и серебряное: "зе-

лѣну траву... сребреныхъ брезѣхъ... подъ сѣнию зелену древу" (55). В "Слове" обильны еще цветовые обозначения лишь воинских предметов: черленые щиты (46, 47, 53), "чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие" (47), "златымъ шеломомъ посвѣчивая" (47), золоченые шлемы (52), золоченые стрелы (56). Отсюда и сочетание природы и войны, т.е. памяти "аборигена" и воина, – кровавая трава (5?), кровавый берег (54).

Не заимствовал ли откуда-нибудь автор "Слова" подобную, редкую для Древней Руси, манеру изложения? Из всех известных нам памятников той эпохи богатой цветностью повествования отличается "Хроника" Константина Манассии, особенно в начальных главках о сотворении мира и животных. Но "Хроника" Манассии переведена на болгарский язык в середине XIУ в., а на русский – в начале ХУI в. Она не могла непосредственно повлиять на "Слово о полку Игореве". При всем том между "Хроникой" и "Словом" наблюдается целый ряд перекличек в темах и мотивах. Одна из них уже была отмечена: рассуждения Манассии о своем стиле, его отличии от Гомера (127), и высказывания автора "Слова" о своем стиле и его отличии от Бояна (54)[5].

Некоторые другие переклички мотивов и литературных приемов укажем по ходу "Хроники". В общем виде сходны высказывания о неизбежности смерти даже самого крупного человека ("Хроника", 124 и "Слово", 54). Перекликаются многочисленные сны героев с последующими истолкованиями в "Хронике" и "Сон Святослава" с боярским истолкованием в "Слове". Сходны привычка ссылаться на притчи и чужие изречения в "Хронике" и та же склонность у автора в "Слове".

---

[5] См.: Jakobson R. L'authenticité du Slovo // La Geste du prince Igor' épopée russe du douzième siècle. New York, 1948. P. 292–293; Орлов А.С. Слово о полку Игореве. М.;Л., 1938. С. 42–44; Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 37.

В отдельных случаях при общем сходстве мотивов обнаруживаются и лексические параллели между "Хроникой" и "Словом". Например, потоп: "Львъ бѣше въ водахъ затворенъ" ("Хроника", 113); персонаж утонул: "... затвори днѣ" ("Слово", 55). Воспитание воинов: "въ оружих въспитана", "копиемъ потрясати научен и лук тяглити..." ("Хроника", 130, 207); "подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскръмлени... луци у них напряжени" ("Слово", 46). Знамения: "... влък искачя нѣкуду ис хлъма... Орел же прилѣтау, птищъ великокрилен... Лисица же нѣкаа лукава сим съпротивлѣущи ся..." ("Хроника", 133); "пасетъ птиць..., влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ..: зовутъ, лисици брешутъ..." ("Слово", 46). Содержание чужого сочинения: "... съписания рекошу, яко... прѣхраберъ явив ся, егда... копиемъ прободъ съпротивнааго и уязвивъ... того на земя низвръже и от сего име... красное звание" ("Хроника", 138); "пѣснь пояше... храброму Мстиславу, иже зареза Редедю..., красному Романови Святъславличю" ("Слово", 44). Смерть: "изврьже душу" ("Хроника", 146); "изрони душу" ("Слово", 53).

И еще встречаются относительные фразеологические соответствия вне сходства мотивов. "Птица же... крилѣ свои распростерша и творяща сѣнию..." ("Хроника", 156); "дружину... птиць крилы приоде" ("Слово", 53). "И скочи... акы звѣрь" ("Хроника", 222); "скочи... лютымъ звѣремъ" ("Слово", 53). Наконец, в обоих памятниках читаются сходные слова, не так уж часто употребляемые в литературе: "обѣси ся", "съмысленъ", "струя" (речные), "насады", "суд" (смерть) и пр.

"Хроника" была составлена Манассией не позднее 1187 г. (как и "Слово"?). Этим хронологическим совпадением, вероятно, подсказывается разгадка эпизодического сходства "Слова о полку Игореве" с болгарским переводом "Хроники" Манассии. Оба произведения, по всей вероятности, использовали общий фонд литературных средств византийской литературы, в том числе и "цветность" в изображении природы. А

болгарский перевод и "Слово" имели общую фразеологическую основу в староболгарской литературе.

Но и тут автор "Слова" удержал своеобразие. Большинство носителей цвета у него не те, что у Манассии. Например, у Манассии нет черной земли и черных туч, нет белого гоголя или иной белой птицы, нет зеленой травы и зеленого древа и пр. У автора "Слова" как раз больше окрашена природа, а у Манассии – быт. Автор "Слова" называет цвета, которые отсутствуют у Манассии – "сѣрыи" и "шизыи" (в применении к волкам и орлу). Кроме того, он гораздо чаще употребляет обозначения цветов, редких или редкостных у Манассии – "чръныи", "синии", "сребреныи" и "зеленыи". Не "аборигенна" ли такая сдержанная гамма цветов у автора "Слова" и их большая примененность к природе, сравнительно с пряной яркостью, но в основном быта в "Хронике" Манассии?

"Аборигенностью" воображения автора "Слова" объяснимо еще и то, что он "никогда не вводит в свое произведение иноземных зверей. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только к образам русской природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и не ясных для читателей"[6]. Таким образом, в "Слове о полку Игореве" своеобразный талант автора проявляется через своеобразие состава и сцепленности упоминаний о животных.

Но образ животного мира создается в "Слове" и более традиционным способом, когда автор описывает сборища животных. Вот эпизод: "Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зо-

---

6 Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" // Слово о полку Игореве. Л., 1990. С. 40.

вутъ, лисици брешутъ на чрълены щиты" (46). Перечень животных имеет зловещий смысл ("бѣды", "гроза", "на кости") и содержит пространственный оттенок как бы одновременного окружения войска, идущего по полю, стаями различных птиц и зверей, которые кроются поблизости, "по дубию" и "по яругамъ", появляются перед черлеными щитами и готовы броситься "на кости". И этот образ опять нетрадиционен. В фольклоре множество животных не собирается в единое место, а, наоборот, разбегается по своим местам, как например, в древней былине "Вольга". И вот какие их места:

Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темныи леса (537).

Воображение автора "Слова" - более предметное, но явственно "степное".

Правда, в книжности все же изображалось зловещее окружение людей животными, однако его обычно составляли змии, скорпионы, аспиды, ехидны, василиски (ср. "Евангелие от Луки", гл. 10: "Наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию" - 34.1; и ср. соответственно некоторые поучения Иоанна Златоуста, "Пчелу", "Шестоднев" Иоанна Экзарха, апокрифы - "Слово о трех мнисех", "Исход Моисеев", жития Иринии, Андрея Юродивого, Феодора Тирона и т.д.). Автор же "Слова" полностью сменил книжных животных на местных, то есть опять проявил вкус "аборигена".

Итак, при изображении природы автор "Слова" довольно далеко ушел от литературных традиций. В этом ему помогла "аборигенность" его воображения. Эта черта сказалась не только в анималистике. "Аборигенной", конкретизирующей настроенностью автор "Слова", возможно, отличался от своего предшественника Бояна и его песен. Ведь "содержание этих песен, относившихся к самому консервативному жанру скаль-

дической поэзии, скудно и трафаретно, окаменело-схематично и стереотипно"[7]. Во всяком случае, высказывания Бояна, цитируемые в "Слове", довольно отвлеченны, как например: "Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути" (54). Можно думать, что автор "Слова" был неудовлетворен "старыми словесы" Бояна, а именно их абстрактностью, и, будучи "аборигеном" по настрою, конкретизировал старые афоризмы "по былинам сего времени". Самый ясный случай: автор "Слова" ссылается на отвлеченное высказывание Бояна (и, наверное, еще одного старого певца – Ходыны) "тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы", но конкретизирует афоризм "аборигенным" добавлением: "... Рускои земли безъ Игоря" (56). В другом случае автор "Слова" не цитирует Бояна, но дает его пению общую характеристику, и затем, надо думать, уже от себя лично, как "абориген", раскрывает историко-географическую конкретику: Боян пел песнь "храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми" (44). В третьем случае, автор "Слова" то ли сочиняет в стиле Бояна, то ли советует ему, как надо бы воспевать ("Пѣти было пѣснь Игореви... Чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне"), сразу же переходит к конкретным реалиям: "... галици стады бѣжать къ Дону Великому... Комони ржуть за Сулою – звенить слава въ Кыевѣ. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стяви въ Путивлѣ" (44), – это сказано "не по замышлению Бояню", это слог уже самого автора "Слова", более историчного и более "аборигенного", чем Боян.

Элементы "аборигенного" подхода проникали в древнейшую литературу постоянно. Вспомним "Новгородскую летопись". Усиливаться стал

---

[7] Шарыпкин Д.М. Боян в "Слове о полку Игореве" и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 21.

"аборигенный" подход с архитектурно-городских мотивов. Так, если "Слово о законе и благодати" митрополита Илариона завершало лаконичное описание Киева, то "Повесть об убиении Андрея Боголюбского" уже начиналась с небывало подробного описания каменной церкви в Боголюбове. В "Слове о полку Игореве" же этот "аборигенный" подход распространился на природу, которая оказалась неожиданно уютней и интимней, чем в предшествующей литературе исторического монументализма[8]. Объяснение, отчего "аборигенное" воображение получило доступ в литературу, и чем дальше, тем больше, по-видимому, надо искать во влиянии социальных факторов на эстетические. "Аборигенность", должно быть, зависела от начавшегося феодального раздробления Руси. Автор "Слова о полку Игореве" был общерусским по воспитанию, но уже "аборигенным" по реальным впечатлениям.

2. Воображение книжника ("Сказание о Мамаевом побоище")

"Сказание о Мамаевом побоище" ясно изложено, легко читаемо и в своем роде энциклопедично своей массой тем и мотивов, в том числе довольно частыми упоминаниями различных животных (имеется в виду текст, наиболее близкий авторскому, - по классификации Л.А.Дмитриева, Основная редакция повести). Правда, здесь нет подробных описаний отдельных животных, но если собрать все мелкие упоминания о них, то

---

[8] Демин А.С. К вопросу о пейзаже в "Слове о полку Игореве" // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 143-147.

видно, что повесть очерчивает два животных мира, очень разных. Один животный мир - героический, связанный с ратными деяниями; другой мир, - так сказать, идиллический, связанный с покоем и отдохновением.

Последуем в порядке развития сюжета за миром, раньше всего появляющимся в "Сказании" и более заметным, - за героическим животным миром. Специфический тип картин возникал, когда автор рассказывал о воинском походе или непосредственно о битве: тогда рисовался мир лютой зверской злобы, с экзотическими животными, бросающимися на людей.

Вот в "Сказании" начало повествования о татарском нашествии: Мамай "аки левъ ревый пыхаа, аки неутолимая ехыдна гнѣвом дыша" (26), - автор сравнил Мамая со зверьми. Сочетание сравнений со львом и ехидной, пожалуй, не встречалось в других памятниках и не было подсказано автору какими-либо графическими припоминаниями (например, о каком-нибудь гербе со львом и ехидной). Сочетание сравнений имело "нагнетательный" смысл и обозначало некий небольшой зверский мирок. В зоологической реальности лев и ехидна вовсе не были дружны и не действовали воедино. Так что автор создал "малый" художественный образ, хотя и мимоходом. Автор сопроводил животных однотипными эпитетами: лев - "ревый пыхаа" (гневом), ехидна - "гнѣвом дыша"; представления о свирепости льва и ехидны были традиционны[8а] (ср. в "Шестодневе" Иоанна Экзарха: "... прие къ себѣ естественое свойство: роди се львъ съ гнѣвомъ" 227.1). Но от сочетания эпитетов возник образ особенно лютого и агрессивного зверского мирка. Аналогичный образ автор почти дословно повторил в конце "Сказания": "... аки левъ рыкаа и аки неутолимаа ехидна" (48), и даже подчеркнул злобность:

[8а] См.: Дурново Н.Н. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. С. 3, 8-9, 36-37; Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей... С. 5, 29-32.

"... гнѣвашеся, яряся зѣло, и еще зло мысля".

Сочетание звериных сравнений, с участием льва, часто встречалось в памятниках, и не так уже важно было, кто действовал вкупе со львом, - все равно создавался "нагнетательный" образ злобного зверского мирка. Так, нередки были упоминания льва и змия - преимущественно в переводной литературе (в библейских "Премудростях Соломона", "Шестодневе" Иоанна Экзарха, житиях и поучениях "Успенского сборника", в "Александрии", "Пчеле", "Параллелях" Иоанна Дамаскина и т.д.). Лев сочетался и с другими зверьми. К примеру, в "Житии Авраамия Смоленского": "И паки яко лев нападая, яко зверие лютии устрашающе" (80), - мир из льва и иных лютых зверей. Этот образ тоже чаще встречался в произведениях переводных, наподобие "Хроники" Константина Манассии: "Яко левъ зелми рыкающии, яко пардосъ наскочи лютѣ" (196), - лютый мир из льва и леопарда. Лев мог выступать в большом сонме зверей, как например, в "Галицко-Волынской летописи", в статье под 1201 г. о князе Романе: "Устремил бо ся бяше на поганыя, яко и левъ; сердит же быстъ, яко и рысь; и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ" (236), - здесь сравнения с животными перечислялись не так тесно, как в предыдущих примерах, и соответственно животные наступали более широким фронтом, с большей просторностью.

Показательно, что в последующих редакциях "Сказания о Мамаевом побоище", которые служили и своеобразным истолкованием авторского текста, в данном месте ко льву беспрепятственно добавлялись новые звери и существа, как например, в Киприановской редакции повести (или, по иному называнию, в редакции "Никоновской летописи"): "...яко лев ревый, и яко медведь пыхаа, и аки демон гордяся" (50). Однако образ злобного зверского мира, по существу, оставался тем же самым. В общем, автор "Сказания" действовал внутри богатейшей литературной

традиции, очень устойчивой, но структурно относительно свободной. Ничего принципиально нового он не добавил. Его воображение, если судить по данному примеру, не отличалось резкой оригинальностью, а являлось книжно-традиционным.

В тексте "Сказания" аналогичные примеры больше не встречаются, кроме, пожалуй, одного случая: сказано, что в битве с татарами русские воины "сердца имуща аки львовы, аки лютии влъци на овчии стада придоша" (45). Хотя весь эпизод, несомненно, восходит к "Задонщине" и главе 18 из библейской второй "Книги Царств", но процитированное место оригинально. Внешне в нем видится перечень сравнений ("аки... аки"), но на самом деле это какая-то необычная, и, вероятно, случайно получившаяся, нескладная форма - сочетание традиционной метафоры ("сердца львовы") и традиционного же сравнения ("аки влъци"). Но таким способом могло выразиться авторское представление о фантастических животных, - волках со львиными сердцами. Волки были традиционно люты в литературе[9], а уж "сдвоенные" животные мыслились тем более лютыми, что далее вроде бы подтверждалось дополнительным авторским замечанием: "... яко лютии звери растаху и изрываху" (45). И все же намечавшийся любопытный образ так и остался неотчетливым. Недаром он не закрепился в последующих вариантах и редакциях "Сказания". Так, в Печатном варианте Основной редакции было растолковано с разрушающим образ разделением уподоблений: "Им же сердца быша, аки львов, образ имуще сице: волки на овчее наехаша" (122). В Распространенной редакции сложный образ исчез вообще, вместе с волками: "Им же сердца бяху, аки львом, поистинне львови образ имуще" (99). В Забелинском списке первоначальный образ перевернулся: "... образом львовым, а сердцем бяше, аки серые звери" (197), то есть волки со львиными

---

[9] См.: Дурново Н.Н. К истории сказаний... С. 3.; Орлов А.С. Об особенностях формы... С. 32-33.

сердцами превратились в гораздо менее благородных львов с сердцами всего лишь волчьими. На этом фоне, вглядываясь в текст Основной редакции, мы вправе говорить не более чем о компиляции тропов для украшения повествования и соответственно о книжном характере памяти и воображения автора "Сказания".

Зверский мир не был у автора только агрессивным. В эпизодах, предшествовавших сражению, на передний план выступали иные черты животных. Вот картина выезда русского войска в поход - в форме развернутого сравнения с миром птиц: "Уже бо тогда аки соколи урвашася от златых колодиць ис камена града Москвы, и възлѣтѣша под синиа небеса, и възгремѣша своими златыми колоколы, и хотять ударитися на многыа стада лебедины и гусины" (33). Судя по деталям, соколы не злобны, а энергичны, элегантны, парадны. Однако весь этот текст был заимствован автором из "Задонщины", почти дословно (ср. 537-538, 542-543), скорее всего, из ее Синодального извода (552)[10]. Здесь воображение автора "Сказания" целиком шло за "Задонщиной".

Далее. Накануне битвы животный мир, раньше агрессивный или парадный, предстает растревоженным, даже мятущимся: "... мнози вълци... выюще грозно..., галици же своею рѣчию говорять, орли же мнози... слѣтошася, по аеру лѣтаючи клекчють, и мнози звѣрие грозно выють" (38). Однако и данный текст оказывается заимствованным из текста "Задонщины" (ср. 536 и 537; 542 и 544; 549; 552 и 555)[11]. Авторское до-

[10] О соотношении этого места "Сказания" с "Задонщиной" см.: Л.А.Дмитриев. Вставки из "Задонщины" в "Сказании о Мамаевом побоище" как показатели по истории текста этих произведений // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". М.;Л., 1966. С. 396-397.

[11] О соотношении с "Задонщиной" см.: Дмитриев Л.А. Вставки... С. 407-409.

бавление - о многих воющих зверях - лишь формально усиливало картину, будучи абстрактным обобщением, сделанным на основе текста источника же. И тут воображение автора "Сказания" питалось книжностью.

Затем в "Сказании" развертывается эпизод о предзнаменованиях накануне битвы, за ночь до нее. Животный мир, окружавший татарское войско, был четко распределен автором, так сказать, по отдельным секторам: "Съзади же плъку татарскаго волъци выють грозно велми; по дѣсной же странѣ плъку татарскаго ворони кличюще, и бысть трепетъ птичей великъ велми; а по лѣвой же странѣ, аки горам играющимъ - гроза велика зѣло; по рецѣ же Непрядвѣ гуси и лебеди крылми плещуще, необычную грозу подающе" (40). Детали, все до одной, были заимствованы из "Задонщины"[12], то есть воображение автора "Сказания" продолжало питаться книжным источником. Правда, детали были распределены автором по-своему - обозначили некие отряды животных, которые повторяли размещение людей по полкам. По сравнению с "Задонщиной" все эти мятущиеся и "недисциплинированные" животные не добавили какого-то нового настроения или хотя бы особо сгущенной грозности, но под пером автора "Сказания" были подчинены единой воинской "диспозиции". Здесь проявилось не художественное воображение автора, а его военно-деловое мышление.

Если просмотреть все "Сказание", то можно убедиться в частоте изложения таких "диспозиций", только не звериных, а людских. Так например, до эпизода с предзнаменованиями автор рассказывал с "диспозиционным" же уклоном о том, как великий князь уряжал полки, кого "себѣ же князь великий взя в полкъ", кого "правую руку уряди себѣ", кого "лѣвую руку себѣ сътвори", кого - "передовой же плъкъ" и пр. (34). После эпизода с предзнаменованиями автор снова размечал, кто

---

[12] Там же. С. 410-411.

"передовой плъкъ ведеть", кто "с правую руку плъка ведеть", кто "лѣвую же руку плъкъ ведеть" (43). Расположение войск и княжеских свит могло описываться в "Сказании" и в других выражениях, но с тем же деловитым и вполне традиционным распределением по секторам. Так что при описании мятущихся животных, процитированном выше, книжность автора ощущалась вдвойне, и только.

В общем, животный мир, несмотря на его разнообразие и даже яркость в "Сказании", рисовался по образцу "Задонщины" и с дополнительным использованием некоторых традиционных литературных средств, но в итоге без создания резко оригинальных картин. Автор являлся по-преимуществу книжником-компилятором.

И все же по мере чтения "Сказания" накапливаются впечатления, в какой-то степени противоречащие сделанному выводу, потому что в "Сказании" заметен второй животный мир, не сразу бросающийся в глаза и совсем другой, - мир идиллический, ласкающий, как бы независимый от битв. Это, вернее сказать, мир природы, а в него на правах детали входили кони, только кони и никакие иные животные. Притом в общую картину кони вписывались не как самостоятельные существа, а именно как боевые кони - вместе со всадниками, то есть эта деталь была "животной" наполовину. Но она настолько непривычно подаётся в "Сказании", что на нее стоит обратить внимание.

Вот, например, сцена выезда в поход. Великому князю сопутствует прекрасное утро: "Солнце ему на востоцѣ ясно сияеть, путь ему повѣдаеть" (33). Текст был дословно заимствован, конечно, из "Задонщины": "Солнце ему на восток сияет и путь повѣдает" (537. Ср. в других списках - 543, 549, 553[13]). Сцена являлась символичной - и в "Задонщине", и в "Сказании": хорошая погода - предзнаменование побе-

---

[13] См.: Дмитриев Л.А. Вставки... С. 396-397.

ды. Однако в том же отрывке автор "Сказания", настроенный несколько иначе, больше повернулся к реальности и повторил описание еще раз с дополнением предметных деталей: "Напреди же ему солнце добрѣ сияеть, а по нем кроткый вѣтрецъ вѣеть". Войско комфортно выезжало, словно и не на битву, а на отдохновение: солнце исполнено доброты ("добрѣ сиаеть"), "вѣтрецъ" необычайно ласков, не дует даже, а веет, и не в лицо войску, а в спину.

Эту картину, как бы заразившись ею, продолжили последующие варианты и редакции текста "Сказания", приводя все новые детали. Так, в Печатном варианте Основной редакции была усилена ласковость солнца, которое не только сияет, но "и добре греет" (III). В Киприановской редакции (то есть редакции "Никоновской летописи") была усилена ласковость ветра: "А ззади по нем кроткий и тихий ветр веаше и дыхаше" (57).

Картина идеально мягкого и приветливого утра не встречалась ни в "Задонщине", ни в "Слове о полку Игореве", ни в летописях, ни в каких-либо иных древнерусских памятниках, литературных и фольклорных. Во всяком случае она не принадлежала к какой-нибудь известной традиции.

Однако ни одна деталь этой картины не была найдена в реальной жизни именно самим автором "Сказания", каждую из них он взял из литературы или усилил, следуя обычной манере украшенного повествования. Правда, точно не известно, откуда заимствован "кроткый вѣтрецъ", - возможно из обыденной речи. В общем же, ювелирная литературная инкрустация, созданная автором "Сказания", свидетельствовала о том, что авторское воображение носило книжный характер, питалось прочитанными (или услышанными) описаниями, не более.

В составе данного эпизода о выезде при великолепной погоде упоминались кони: великий князь "възыде на избранный свой конь, и вси

князи и воеводы всѣдоша на коня своа". Тут "Сказание" ощутимо отличалось от "Задонщины". Упоминания коней в "Задонщине", как и во многих памятниках, относились к героической воинской сюжетике: кони представали оседланными, со златыми стременами, "поскакивали" парадно. В "Сказании" же стало иначе, - кони лишились этого, фактически всего. Приведенное упоминание коней - первое в "Сказании", и конь назван "избранным", то есть отменным (тот же эпитет в Распространенной редакции и в Забелинском списке. В Печатном варианте Основной редакции - конь "любимый", В Летописной редакции - конь "любезный", в Киприановской редакции - без эпитета). Отменная и приятная погода, отменны и приятны кони: сменился контекст, - кони отделились от героики и вставились в картину мирной природы. Кстати, "синиа небеса", упомянутые в этом же отрывке, тоже переместились из мира героического, характерного для "Задонщины", в мир идиллический, в картину идеального утра.

Мы наблюдаем любопытный структурный процесс: внутри традиционной героики автор стал изображать идиллическую природу, к этой картине начали стягиваться и другие детали, в том числе и конь (со всадником). Проявления подобного процесса мы находим в "Сказании" сплошь и рядом. Например, далее по тексту, в эпизоде о смотре русского войска великий князь видит: знамена "аки нѣкии свѣтилници солнечнии свѣтящеся въ врѣмя вѣдра... просьтирающеся, аки облаци, тихо трепещущи, ... доспѣхы же русских сыновъ, аки вода въ вся вѣтры колыбашеся, шоломы же на главах ихъ, аки заря утреняа въ врѣмя ведра свѣтящися..." (39). Нарисованы две картины: одна, прямая - построенного войска; другая, косвенная, через сравнения - картина погожего утра: ведро, утренняя заря, встающее солнце, легкие облака, тихо трепещущий ветерок и слегка колеблющиеся воды. Картина утра была не символичной, а тоже реальной: автор указал даже реальное время -

смотр проходил не быстро, "до шестаго часа" дня (38), то есть до полудня[14]. Но утро изображалось настолько идеально прекрасным, бодрящим, сияющим и свежим, что оно даже противоречило обстановке горестного и напряженного смотра, когда будущих павших, как говорилось тут же в тексте, "умилено бо видѣти и жалостно зрѣти" (39). Правда, противоречия особенно не чувствовалось, потому что оптимистическое мироощущение автора преобладало во всем.

Некоторые детали для картины идеального утра, по-видимому, были взяты автором из литературной традиции: вспомним о сопоставлениях воинских доспехов и солнечного света. Так например, в "Галицко-Волынской летописи", в повести под 1251 г. содержалось сходное описание войска: "Щитѣ же ихъ, яко заря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солнцю восходящю" (318)[15]. Ср. в "Хронике" Константина Манассии: "Облиставаху копиа, сиааху же шлѣмовѣ, и щитове зорѣаху ся, и въздухъ облисташе ся сулицами" (203). В летописи и "Хронике" мотив света скользнул, как солнечный зайчик, и не был продолжен. Это уже автор "Сказания о Мамаевом побоище" собрал чужие детали, не добавив ни одной своей, но развил их в образ утра. Компиляторство и тут сослужило хорошую изобразительную службу, но тем не менее еще раз свидетельствовало о книжности воображения автора "Сказания".

---

14 См.: Кирпичников А.Н. Великое Донское побоище // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 292; Дмитриев Л.А., Лихачева О.П. Историко-литературный комментарий // Там же. С. 390.

15 Связь замечена: Орлов А.С. Об особенностях формы... С. 15. Ср. также: Робинсон А.Н. Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 29-30.

Тут же был упомянут и конь: "Князь же великий, видѣвъ плъци свои достойно уряжены, и сшед с коня своего..." (39). Княжеский конь, разумеется, относился к воинской картине, но одновременно- благодаря нейтральности упоминания и отсутствию явных воинских признаков - вошел и в картину утра, находясь на периферии этого образа в качестве дополнительной "тихой" детали.

И дальше в "Сказании" подобное явление повторилось, например, в последующем эпизоде - ночном испытании примет князем. Мы уже знакомились с этим эпизодом на предмет выявления героического животного мира - в стане татар. В стане же русских - атмосфера противоположная. Ночь изображена исключительно мягкой: "Бысть же въ ту нощь теплота велика, и тихо велми, и мраци росни явишася" (40). Покойность этой ночи,пожалуй, усилена в "Сказании". Причем, продолжая тему, автор процитировал высказывание: "Нощь не свѣтла невѣрным, а вѣрным просвѣщена", - то есть автор,помимо символического смысла, намекнул и на реальную деталь, усилившую уютность ночи, теплой, тихой, росистой, светлой.

Конь снова был упомянут, хотя и не сразу: когда "заря померкла, нощи глубоцѣ сущи", один из персонажей, выехав в поле, "сниде с коня". Конь не связывался с приметами зловещими или жалостливыми, которые исходили издалека, на пределе зрения и слуха наблюдавших; конь, скорее, входил в картину ночи, идеально мягкой и обволакивающей, как дополнительная мирная деталь.

Так, повторялось и далее, например, в рассказе о выезде к месту битвы, когда русские воины принялись "рано утре... подвизатися на кони свое" (40) и "великому же князю пресѣдшу на избранный конь" (41). Кони (со всадниками) словно растворились в тумане, что и отметил автор: "Въсходящу солнцу, мгляну утру сущу... Плъки же еще не видятся, зане же утро мгляно" (41), - картина опять смягченная, изо-

бражено утро, продолжавшее уютность ночи; во всяком случае, "мглятость" не толковалась отрицательно (в противоположность пространной летописной повести о Куликовской битве, где туман, распространившийся в то утро, выглядел зловещим: "Бысть тма велика по всей земли: мьгламе бо было бѣаше того от утра..." - 20). Кони в "Сказании", таким образом, опять связывались с покоем, умиротворенностью природы, а тяжкие предзнаменования, о которых дальше говорилось ("рѣки же выступаху из мѣстъ своихъ" и пр.), коней пока не касались.

Думается, что у автора "Сказания" начала формироваться устойчивая ассоциация коня с хорошей погодой и мирной природой. Эта связь проявилась в таких эпизодах, где ее, казалось бы, не приходилось ожидать, - в повествовании о самой битве: "На том бо полѣ ... выступали кровавыа зари, а в них трепеталися силнии млъниа... люди, аки дрѣва дубравнаа, клонятся на землю... небо развръсто, из него же изыде облакъ, яко багрянаа заря..., дръжашеся низко... и опустишася над пльком..." (43-44), - все это символы ожесточенности, символы битвы, но параллельно и как бы реалии, составляющие картину природы, теперь уже грозной, потрясенной и взбаламученной. Кони, упоминавшиеся здесь же ("и удари всякъ воинъ по своему коню" - 43), входили в обе картины - преимущественно в свалку битвы, но одновременно и в вихрь природы. В картине природы выстроились, так сказать, три этажа. Верхний: разыгравшиеся небеса, зори, молнии, облака, древа дубравные; средний: под ними - мечущиеся кони; нижний: под конями - гибнущие люди ("под коньскыми ногами издыхаху" - 43, падали "под коньскыа копыта", даже "самого же великого князя... с коня его збиша" - 44).

Это не значит, что ассоциация, связанная с конями, резко переменилась у автора. Автор описал нарушения, отклонения от нормального мира, что с горестью и признал: "Яко не мощно бѣ сего гръкаго часа

зрѣти никако же..." (43-44). А что "мощно зрѣти", что не "грько"? Нормальный порядок вещей, воспринимаемый автором как естественный, подразумевается следующим: нормально, когда зори не кровавые, да еще с молниями, а ясные и спокойные; нормально, когда небо не разверсто, а ровно; нормально, когда облака не багряные, да еще низкие, а белые и высокие; нормально, когда дубрава не клонится, а стоит стройно; нормально, наконец, когда всадники находятся на конях, а не под копытами. В такой нормальной картине, правда, не рисуемой прямо, а лишь подразумеваемой автором, вроде бы все трафаретно, непривычна лишь прибавка коней: значит, кони все-таки связывались именно с покоем, тихой погодой, прекрасной природой.

Подобная же ассоциация, несмотря на скрытость, повторялась и в последующем тексте, например, в заключительном рассказе о битве: "... сѣчаху..., аки лѣс клоняху, аки трава от косы постилается... изрываху, аки овчее стадо, ... кони их утомишася" (45). Естественным, нормальным положением подразумевалось то, когда лес не клонится, а стоит ровно; когда трава не постилается, а тянется вверх; когда овечье стадо не разгоняемо, а цело; когда кони не утомлены, а бодры,- картина мирной природы, в которую были включены и кони.

И далее, при подведении итогов битвы: "Грозно, братие, зрѣти тогда, а жалостно видѣти и грько посмотрити..., а трупу человечья - аки сенныя громады; борзъ конь не может скочити, а в крови по колѣни бродяху, а рѣки по три дни кровию течаху" (45). А что же представлялось автору не грозным, не "жалостным" и не горьким, на что ему было смотреть приятно? - На мирный пейзаж: на стога действительно сена, на чистые реки, на беспрепятственно скачущего коня. Значит, место коню - в идиллическом мире природы, - опять та же ассоциация.

Эта авторская ассоциация, повторявшаяся в разных обстоятельствах, дошла и до одного из заключительных эпизодов "Сказания". Битва

завершилась, и воины, снедаемые беспокойством, ищут пропавшего великого князя - и вот находят: "... уклонишася в дуброву... и наѣхаша великого князя бита, и язвена вельми, и трудна, отдыхающи ему под сѣнию ссѣчена дрѣва березова" (46), - картина, редчайшая для древнерусской литературы, она лишена воинской героики и содержит болезненный мотив - обессиленого отдохновения человека, оцепенения вместе с природой: в дуброве (она названа и "дебрью" - 44), лежит ссеченная береза, лежит и контуженный князь - в ее тени (в Киприановской редакции добавлено: "Под ветвми лежаше, аки мрътв" - 67). Сразу следуют упоминания коней, хотя упоминать их было не обязательно: "И видѣша его и, спадше с коней... и приведоша ему конь". Кони вписались в картину, довольно специфическую: природа смиренна, смиренны люди и кони (недаром добавлено: "И приведоша великому князю конь кроток" - Печатный вариант Основной редакции, I24), - кони ассоциировались с покоем, пусть и болезненным.

Конечно, в "Сказании" встречались эпизоды, где конь связывался только с ратью, только с воинской картиной (например: "И всѣде на избранный свой конь, и веземъ копие свое и палицу желѣзную, и подвижеся ис полку", - о природе ничего, 42). Но такие случаи единичны. В подавляющем большинстве эпизодов, если в "Сказании" упоминались кони, то они ассоциировались с тихостью, с хорошей погодой, с приятным ландшафтом, с отдохновением от напряжения, в общем, с мирной или смиренной природой. Ассоциация "конь - мирная природа" пронизала все "Сказание", хотя конь оставался боевым и не становился "сельскохозяйственным".

Откуда автор "Сказания" мог перенять подобную ассоциацию? "Задонщина", а тем более "Слово о полку Игореве" не связывали коней со спокойной природой. Значит, эта ассоциация вряд ли была подсказана автору литературными источниками. Но нечто похожее существовало в

фольклоре, например, в былинах, где не раз упоминались кони во зеленых тихих заводях ("Алеша Попович", "Михайла Казаринов", "Потук Михайла Иванович", "Царь Саул Леванидович" - перечисляем былины, как они следуют в "Сборнике" Кирши Данилова. Сверх того ср. былины "Илья Муромец и Сокольник", "Сухман" и др.). Конь упоминался и у березы "покляпыя" (в былине "Илья Муромец и Соловей-разбойник"). Связь коней с тихой природой в "Сказании о Мамаевом побоище", вероятно, была навеяна фольклором, устными преданиями. Странного тут нет: исследователи отмечали в "Сказании" и многие другие фольклорные мотивы[16]. За этой ассоциацией все-таки не скрывалось резкого творческого своеобразия автора, который и тут проявил себя как памятливый и переимчивый компилятор.

Тем не менее, автор "Сказания" был одним из первых, кто подключил коня (со всадником) к идиллической картине природы. В литературе XV в. аналогий этому, пожалуй, и не подыскивается. Лишь с конца XV - начала XVI в. конь снова появился в идиллической обстановке. Например, в "Повести о Тимофее Владимирском", где герой и его конь действовали в покойном и умилительном месте: "Ѣдущу же ему чистымъ и великимъ полемъ... Ѣдущу же ему на конѣ своемъ... и поше умилно красный стих любимый пресвятѣи Богородицѣ: "О тебе радуется, обрадованная, всякая тврь"" (60), - здесь каждая деталь украшала и успокаива-

---

[16] Ср., например: Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 56; Путилов Б.Н. Куликовская битва в фольклоре // ТОДРЛ. М.;Л., 1961. Т. 17. С. 115-128; Азбелев С.Н. Об устных источниках летописных текстов (на материале Куликовского цикла) // Летописи и хроники: 1976 г. М., 1976. С. 98-101; Дмитриев Л.А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 379-380.

ла, здесь герой "свое сердце во умиление положи" и "спа до утра на травѣ" (60, 62).

Затем конь неожиданно стал являться в светлых благостных видениях. Например, в "Степенной книге" рассказывалось о том, что в 1491 г. Александр Невский привиделся "на кони... ядяща" в облаке, а "облакъ легкий протязашеся или яко дымъ тонокъ изливаяся, бѣлостию же яко иней чистъ, свѣтлостию же яко солнцу подобообразно блещася" (569), - в такой прохладной белизне и сиянии находился конь. В аналогичном сиянии представал конь в рассказе о явлении Николы Мирликийского в 1559 г.: "Свѣтлый онъ мужъ, на кони едя..., вниде на кони въ церковь. И въ церкви тако же свѣтъ велий явися" (672), - вместе с конем некое сияние из внешнего мира вошло в интерьер.

К началу ХУП в. конь занял постоянное место в красивых, цветных, почти лубочных пейзажах, как например, в повестях о Бове и о Еруслане Лазаревиче. Первый и до поры незаметный шаг к этому сделал конь в "Сказании о Мамаевом побоище".

Итак, в "Сказании" присутствовало два мира животных: один - героический, а другой мир, так сказать, идиллический. Каждый мир держался на своих шаблонах. Но возьмем почти любой эпизод, например, сцены начала похода, которые мы уже разбирали: здесь одновременно и бок о бок действовали и героически неукротимые соколы со стадами лебедиными и гусиными, и комфортные кони, овеваемые "ветрецом" и озаряемые тихим утренним солнцем. Такие примеры в "Сказании" повсеместны. Миры легко и пестро сочетались, не порождая принципиально нового целого, потому что автор "Сказания" в первую очередь являлся искусным книжником, он всюду основывался на одинаковом принципе, естественном для него, высококвалифицированном по тем временам, но,на наш взгляд, все-таки ремесленном, - на игре формулами и шаблонами,

на эклектическом эффекте украшенности[17].

Своеобразие автора "Сказания" заключалось в том, что он почти каждый эпизод насыщал небывалым множеством деталей, пусть книжных или фольклорных. Почти каждый такой эпизод сопровождался неоднократными замечаниями о том, как все это "видѣти", "зрѣти" или "посмотрити" - и персонажам, и авторам, и читателям: "... възъехавъ на высоко место и увидѣвъ" (39), "на высоцѣ мѣсте стоя, видѣти" (40), "въѣхав на высоко мѣсто... зрят" (43), "особь стояти и нас смотрити" (42), "и видѣти добро" (41), "видиши ли что, княже? - ... Вижу" (40) и т.д. и т.п. В древнерусских памятниках учащение упоминаний о зрении и смотрении на события всегда было связано с усилением изобразительности повествования. Тем более это касалось очень частых упоминаний о "видении" в "Сказании". Автор "Сказания", по-видимому, хотел усилить зримость изображаемых картин. Но он делал это, оставаясь по-преимуществу книжником, - только за счет увеличения количества традиционных деталей и эклектического их смешения, без привлечения деталей, им лично наблюденных. В историко-литературной перспективе "Сказание о Мамаевом побоище" знаменовало собой своего рода напряжение старой манеры описаний, но еще без открытия манеры новой.

---

[17] Ср.: Колесов В.В. Стилистическая функция лексических вариантов в Сказании о Мамаевом побоище // ТОДРЛ. Л., 1979. С. 33–46. В.А.Кучкин видит в "Сказании" "творчество умного человека" (устное высказывание исследователя на обсуждении моего доклада в ИРЛИ в 1989 г.).

Цитированные источники

"Александрия" сербская - ПЛДР. Т. 5 / Текст памятника подгот. Е.И.Ванеева.

"Александрия" хронографическая - Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893. Приложения.

"Беседа трех святителей" - ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. М.В.Рождественская.

"Библия" - Библия. Острог, 1581. Указываются листы и столбцы издания.

"Вольга" - Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.;Л., 1950. Т. 2.

"Галицко-Волынская летопись" - ПЛДР. Т. 3. / Текст памятника подгот. О.П.Лихачева.

"Житие Авраамия Смоленского" - Древнерусские предания (XI-XVI вв.) / Текст памятника подгот. В.В.Кусков. М., 1982.

"Житие Андрея Юродивого" - Великие минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1870. Октябрь, дни 1-3. Указываются столбцы издания.

"Житие Василия Нового" - Вилинский С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2: Тексты жития.

"Житие Макария Римского" - цит. по: Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII веков. Л., 1968.

"Задонщина" - Тексты "Задонщины" // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова" / Тексты памятника подгот. Р.П.Дмитриева. М., 1966.

Летописная повесть (пространная) о Куликовской битве - Сказания и повести о Куликовской битве / Текст подгот. Л.А.Дмитриев. Л., 1982.

"Луцидариус" - Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.

"Моление Даниила Заточника" - ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. Д.С.Лихачев.

"Палея толковая" - Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. / Труд учеников Н.С.Тихонравова. М., 1892. Вып. 1.

ПЛДР - Памятники литературы Древней Руси. М., 1980. Т. 2: ХП век; 1981. Т. 3: ХШ век; 1981. Т. 4: ХIУ-середина ХУ века; 1982. Т. 5: Вторая половина ХУ века; 1984. Т. 6: Конец ХУ-первая половина ХУI века.

"Повесть о Тимофее Владимирском" - ПЛДР. Т. 6 // Текст памятника подгот. Н.С.Демкова.

"Повесть об Акире Премудром" - ПЛДР. Т. 2 / Текст памятника подгот. О.В.Творогов.

Поучение Кирилла Философа - цит. по: Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-ХШ веков. Л., 1968.

"Синайский патерик" - Синайский патерик / Изд. подгот. В.Е.Голышенко, В.Ф.Дубровина. М., 1967.

"Сказание Агапия о рае" - "Успенский сборник".

"Сказание о Мамаевом побоище", Забелинский список - Повести о Куликовской битве // Текст подгот. М.Н.Тихомиров. М., 1959; Летописная редакция - Там же / Текст подгот. он же.

"Сказание о Мамаевом побоище", Киприановская редакция - Сказания и повести о Куликовской битве / Текст подгот. О.П.Лихачева. Л., 1982; Основная редакция // Там же / Текст подгот. В.П.Бударагин и Л.А.Дмитриев; Печатный вариант Основной редакции // Там же / Текст подгот. Л.А.Чуркина; Распространенная редакция // Там же / Текст подгот. Л.А.Дмитриев и Л.А.Чуркина.

"Сказание об Индийском царстве" - ПЛДР. Т. 3. / Текст памятника подгот. Г.М.Прохоров.

"Слово о полку Игореве" - Слово о полку Игореве / Тексты подгот. Л.А.Дмитриев и Д.С.Лихачев. Л., 1967.

"Слово о прилюблении убогих" Иоанна Златоуста - "Успенский сборник".

"Слово о трех мнисех" - Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2.

"Слово похвальное Кириллу и Мефодию" - "Успенский сборник".

"Степенная книга" - ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2 / Подгот. П.Г.Васенко.

"Толковая палея" - Толковая палея 1477 года: Воспроизведение Синодальной рукописи № 210 / Под набл. П.П.Новицкого. СПб., 1892. Указываются листы и столбцы издания.

"Успенский сборник" - Успенский сборник XII-XIII вв. / Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971. Указываются страницы и столбцы издания.

"Физиолог" - Карнеев А.Д. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890. Страницы издания указываются: по списку XV в. - арабскими цифрами, по списку XVI в. - римскими цифрами.

"Хроника" Константина Манассии - Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Тексты подгот. М.А.Салмина. Словоуказатели подгот. О.В.Творогов. София, 1988.

"Шестоднев" Иоанна Экзарха - Шестоднев, составленный Иоанном екзархом болгарским. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года. Слово в слово и буква в букву / Подгот. О.М.Бодянский // ЧОИДР. 1879. Кн. 3. Указываются листы и столбцы издания.

А.Н.КАРСАНОВ

"ГОТСКИЕ ДЕВЫ" В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Отрывок "Слова", в котором упоминаются "готские девы" [I], давно привлекает внимание исследователей. По вопросу о том, где проживали упоминаемые в "Слове" готы, были высказаны различные версии. В настоящей работе, на основе комплексного подхода с привлечением письменных и археологических источников, обосновывается точка зрения, согласно которой готы в "Слове" - это готы, жившие в Юго-Западном Крыму.

А.С Орлов считал, что в "Слове" речь идет о готах, осевших на берегах Черного и Азовского морей во второй половине П в. н. э. и там уцелевших в остатках [2].

В комментариях к "Слову" Д.С.Лихачев, со ссылкой на работу В.В.Мавродина, указал, что речь идет "о тех готах, которые жили где-то рядом с половцами или даже под их властью. Таковыми могли быть только крымские готы или готы-тетракситы, жившие в то время на Тамани и южнее ее, по берегу Черного моря... поход Игоря Святославича угрожал не только половцам, но и готам. Поход был предпринят не в Крым, а на Дон, Лукоморье, на Тмутаракань... Отсюда ясно, что готы, о которых идет речь, не крымские, а тмутараканские" [3].

В Словаре-справочнике "Слова о полку Игореве": "I. Готы, обитавшие на южном берегу Крыма и в Приазовье... 2. Германский народ, жители острова Готланда на Балтийском море" [4].

По мнению Б.А.Рыбакова, средневековые готы сохранялись до ХУI в. в Приазовье и в Крыму, и"в руки прибрежных, приазовских готов попала добыча, взятая у тех воинов Игоря, которым удалось доскакать до Азовского моря ("а прочии в море истопоша"). Как бы в благодарность за это готские девушки, звоня русским златом, вспомнили о древней победе над славянами, об имени антского князя и лелеяли "месть Шароканю" [5]. Позднее в другой работе Б.А.Рыбаков писал, что "пребывание готов, начиная с Ш в. у Азовского моря, хорошо документировано источниками. Вполне достоверен образ готских дев, позванивающих русским златом: именно сюда к северному берегу Азовского моря (где-то близ Бердянска или Жданова), доскакала горстка воинов Игоря, прорвавшаяся из половецкого окружения в мае 1185 г." [6].

А.Л.Никитин считает, что в Подунавье, "направляли свои основные походы половцы...Их привлекали богатства Византийской империи. Именно там, а не на побережье Крыма, они входили в тесный контакт с торговцами-готами, населявшими приморские города к югу от дельты Дуная. Туда же отправляли половцы полон и туда, по-видимому, притекало "русское золото", которое они получали в качестве выкупа за пленных" [7].

В конце II в. н.э. с берегов Балтики в Северное Причерноморье переселились германские племена готов. В начале III в. они возглавили союз варварских племен, который вел наступательные войны с Римской империей. В сер. IV в. из Средней Азии началось движение гуннских племен, положившее начало эпохе "Великого переселения народов". Гунны подчинили аланские племена, населявшие степи от Аральского моря до Дона. В 375 г. гунны в союзе с аланами начали наступление на готов и нанесли им поражение. Одержав победу над готами, гунны включили их в состав своего племенного объединения. Гунны, готы и аланы двинулись на Балканы, развернув наступление против Римской империи. В Крым готы проникли еще в III в. н.э. В горном Крыму части готов удалось укрыться от гуннского нашествия.

В могильнике III – V вв. на склоне г.Чатырдаг были исследованы одиннадцать погребений, совершенных по обряду трупосожжения. Кремация совершалась на стороне. Обломки сожженных костей были перемешаны с остатками костра и положены в урны или ямы. Чатырдагский могильник аналогичен другим крымским биритуальным некрополям III – V вв. "Появление погребений, совершенных по обряду трупосожжения, в могильниках Крыма некоторые исследователи связывают с проникновением на полуостров в середине III в. н.э. черняховских племен... Анализ погребального обряда и инвентаря из Чатырдагского могильника позволяет заключить, что население,оставившее его, по своему этническому составу относилось к группе германских племен, которые, по мнению различных исследователей, были носителями пшеворской, восточнопоморско-мазовецкой или вельбарской культур..." [8].

Византийский историк Прокопий Кесарийский в 560 г. писал о готах в Крыму: "Здесь же на этом побережье есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались

здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами, отправлялись вместе с ними в поход, когда римляне шли на своих врагов, всякий раз когда императору было это угодно. Они достигают численностью населения до трех тысяч бойцов, в военном деле они превосходны и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны, гостеприимны они больше всех людей. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть заключенными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях" [9]. Ранее в другом труде Прокопий сообщил: "Само это "Болото" (совр.Азовское море - А.К.) вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, откуда начинается устье "Болота", живут так называемые готы-тетракситы, они немного и тем не менее не хуже многих других соблюдают христианский закон" [10]. Больше о готах-тетракситах другие источники не упоминают. Вероятно, эти готы объединились с готами, жившими в горном Крыму.

Согласно анонимному автору (У в.) Перипла Черного моря: "... от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся Керкеты или Тореты, а ныне живут так называемые Евдусианы, говорящие на готском или таврском языке". В.Ф.Миллер отмечал, что готы, поселившиеся между Анапой и Геленджиком, назывались евдусиане и говорили на готском или таврском языке. "В виду того, что, по словам того же анонима, выше приведенное название Феодосии принадлежит аланскому или таврскому, следует думать, что и таврский язык, который употребляли готы, выселившиеся из Тавриды, наравне со своим родным, был язык аланский, т.е., как мы доказали в "Осетинских этюдах", предок нынешнего осетинского языка. Чтобы говорить, кроме собственного, еще и на аланском языке, Готы должны были находиться с Аланами в тесных сношениях и жить с ними в соседстве" [II].

А.И.Айбабин в обзорной работе рассмотрел вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего в Крыму могильники, датируемые IУ - первой половиной УП вв. Исследователи обратили внимание на "сходство полихромных вещей, орлиноголовых пряжек и фи-

буя из раннесредневековых склепов и могил, раскопанных в Керчи и на Южном берегу Крыма, с соответствующими находками из захоронений германцев, открытых в Западной Европе и в Скандинавии". В.И. Ростовцев (1922 г.) связывал раннесредневековые могильники Боспора и Южного берега Крыма с сарматами и готами. В.И.Равдоникас предполагал, что "раннесредневековые крымские склепы и подбойные могилы по конструкции близки сармато-аланским погребальным сооружениям, выявленным в Подонье и на Северном Кавказе". Однако, по его мнению, это свидетельствует о местном стадиальном развитии причерноморских готов (1932 г.). М.А.Тиханова (1953 г.) и А.Л.Якобсон (1959 г.) считали, что "склепы, подбойные и грунтовые могилы, раскопанные в Инкермане, на Эски-Кермене, в Суук-Су и в Узень-Баше, принадлежали сармато-аланскому населению, слившемуся с тавро-скифами и ассимилировавшему немногочисленных готских воинов". А по мнению В.В.Кропотника, "склепы и грунтовые могилы характерны для тавро-скифов, а подбойные могилы - для сармато-алан". Установлено, что "подбойные могилы с одним из двумя подбоями и грунтовые могилы с заплечиками характерны для сармато-алан" (И.И.Гущина, 1967 г.). Т.М.Минаева (1971 г.) отметила сходство конструкции крымских и северо-кавказских аланских склепов. Ряд археологов пришел к выводу об алано-готском этносе населения, оставившего в горном Крыму раннесредневековые склепы (М.И.Артамонов, 1962 г.; В.В.Кропоткин, 1965 г.; А.И.Айбабин, 1977 г.). Таким образом, исследованные в юго-западном Крыму склепы, подбойные и разнотипные ямные могилы IV - первой половины VII вв.характерны для сармато-алан. По предположению А.И.Айбабина, "к концу VII в., вероятно, завершился процесс ассимиляции сравнительно малочисленных крымских готов сармато-аланами" [12]. Как сообщают письменные источники, готы сохранялись в Крыму до позднего средневековья.

Арсений писал, что в раннее средневековье Крымская Готия " "простиралась верст на двести по берегам моря от Балаклавы до Судака и немного дальше к востоку, а внутри полуострова ограничивалась Чатырдагом и другими горами, окаймляющими южные берега Тавриды" [13]. А.А.Васильев в большой работе о крымских готах помещал страну Дори (позднее Дорос, Дорас, Феодоро, Готия, Готские Климаты) в юго-западном Крыму от Балаклавы до Судака" [14].

В.И.Равдоникас считал, что в средние века территория Крымской Готии находилась в Крымском нагорье между верховьями р.Качи

на востоке и течением р.Черной на западе, а на южном побережье занимала лишь узкую полосу от Фороса до Алушты. Археологов среди памятников юго-западной части Крымского нагорья давно интересуют так называемые "пещерные города". Это городища и селища с различными подземными помещениями, выдолбленными в известняке, и остатками наземных строений. Сюда относятся Инкерман, Эски-Кермен, Мингуп, Сюйрень, Чуфут-Кале и др. Погребальные склепы-катакомбы встречаются не только в Крымской Готии, но и на восточном побережье Крыма, на Северном Кавказе, в низовьях Волги и Дона. "Известный некрополь со склепами, содержащими более раннюю гото-сарматскую культуру, на Госпитальной улице в Керчи, датируется IУ - У вв. и является памятником, характеризующим предшествующую стадию. Уже в этом некрополе устанавливаются тесные связи готов с сарматами (костюм, тип вооружения, принадлежности конского убора и т.д.)"[15].

Рассмотрим антропологические материалы, связанные с Крымом. Г.Ф.Дебец подверг антропологическому исследованию три серии черепов. Первая серия была добыта в готском могильнике в Эски-Кермене. Другая серия была получена при раскопках готского могильника близ Мангуп-Кале. Эти серии черепов датируются концом I - началом П тыс. н.э. Несколько черепов были из погребений в Кыз-Куле и Челтере. Г.Ф.Дебец отмечал, что "черепа из каменных ящиков в Херхе (Осетия), относимые к тому же времени, что и наши крымские серии, морфологически к ним очень близки". Краниология крымских готов не дает указаний на миграцию готов с севера, основная масса населения была местного происхождения, а скандинавская примесь была весьма незначительной, не оказавшей заметного влияния на антропологический состав населения. Как считал Г.Ф.Дебец, "основной тип населения средневековых "готских" городов горного Крыма обнаруживает наиболее близкое сходство с типом сармат волжской дельты и, по-видимому, крымских тавров. Этот тип является также основным типом Цимлянского городища, которое, по мнению, М.И.Артамонова, отождествляется с хазарской столицей Саркелом. Он прослеживается также в Зливкинском могильнике хазаро-аланского времени на Украине. В настоящее время этот тип в наиболее чистом виде выявляется у горцев Северного Кавказа"[16]. Г.П.Зиневич подвергла краниологическим исследованиям многочисленные серии черепов из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. В результате измерений 1930 черепов исследовательница пришла к следующим выводам:

На основе исторических свидетельств и краниологических материалов из городских и сельских могильников Юго-Западного Крыма можно предположить, что "на данной территории в эпоху поздней античности и раннего средневековья жили потомки скифо-сарматов, эллинов, готов и др." А также: "Вполне возможно участие сарматов в формировании антропологического состава средневекового населения Крыма. Археологические данные свидетельствуют о наличии элементов сарматизации в обряде погребения, в обычае искусственной деформации головы". В связи с вопросом о готах в Крыму, были сопоставлены серии черепов из "пещерных городов" Крыма со средневековыми краниологическими материалами из Скандинавии. "Североевропейский узколицый долихокранный тип, который, по-видимому, был характерен для готов, не имеет ничего общего с антропологическим типом населения, оставившего свои погребения в Мангупе и Эски-Кермене". Вероятно, готы в Крыму были сравнительно малочисленны и не оказали существенного влияния на морфологический тип населения горного Крыма. Среди краниологических серий, из Крыма имеется примесь северо-европейской долихокранной расы, которую можно связать с готами. В средневековье эти немногочисленные готы "смешались с местным населением, и со временем их антропологический тип растворился в местном субстрате"[17].

По сообщению Никифора (ок. 758 - 829) император Юстиниан II (685 - 695 и 705 - 711), низложенный в ссланный в Крым в 704 - 705 гг., "бежал из Херсона и скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в готской земле"[18].

М.И.Артамонов полагал, что местное население Крыма, еще недостаточно изученное, состояло "преимущественно из готов и алан"[19]. В ареал распространения памятников салтово-маяцкой культуры, в создании которой главная роль принадлежала аланам, входил и Крым. Найденные в Крыму воинские поясные наборы салтовского типа датируются рамками существования салтово-маяцкой культуры - вторая половина VIII - IXвв. Владельцами поясных наборов из могильников Юго-Западного и Южного Крыма были "сармато-аланы и ассимилированные ими готы". А.И.Айбабин считает, что "мода на салтовские поясные наборы - распространяется среди алано-готского населения подвластной Хазарскому каганату Крымской Готии. Быть может, владельцами большинства таких поясов были коренные жители Готии, вступившие в военные отряды хазар и, видимо, как и все другие воины, прошедшие обряд посвящения. Косвенным подтверждением выдвинутого предположения является сам факт отсутствия почти во всех погребениях с сал-

товскими поясами (раскопанных на территории Крымской Готии) вещей, достоверно датированных концом IX – началом X вв.,т.е. после прекращения военного присутствия хазар в Готии там исчезает мода и на салтовские пояса"[20].

В житии славянского просветителя Константина (ум. в 869 г.) перечисляются "народы, что владеют искусством письма ... армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие". По мнению Б.Н.Флори, упоминание готов есть результат "непосредственных контактов с готами во время путешествия в Крым, так как в IX в. "готы" как особая этническая общность сохранились только на Крымском полуострове"[21].

В раннее средневековье в Крыму возникли пять архиепископий, подчиненных Константинопольскому патриархату: Херсонская, Воспорская, Готская, Сугдейская, Фуллская. В "Житии Иоанна", епископа Крымской Готии, содержится рассказ о том, что в связи с иконоборческой компанией в Византии Иоанн, избранный в епископы в 758 г., ездил в Иверию (Грузию), где был рукоположен в сан епископа грузинским католикосом. В житии сообщается также о сопротивлении жителей Крымской Готии нападению хазар[22]. В списке епархий Константинопольского патриархата, составленном при императоре Льве VI Мудром (886 – 911), крымские архиепископии располагались в следующем порядке: 21 место – Херсон, 40 – Воспор, 46 – Готия, 47 – Сугдея, 48 – Фуллы. В списке епархий, относящемуся ко времени правления императора Алексея I Комнина (1081 – 1118), эти архиепископии в той же последовательности, но под номерами: 16, 29, 34, 35, 36. В конце XIII в. крымские епархии были возведены в ранг митрополий. В списке митрополий, принадлежащем времени правления императора Андроника Палеолога Старшего (1282 – 1328), Готская митрополия занимает 83-е место, Воспорская – на 94-м месте, Сугдейская – на 96-м[23]. А.Л.Бертье-Делагард посвятил специальную работу истории крымских епархий[24].

В новелле Мануила I Комнина (1143 – 1180) от 1166 г. приводится титул императора: "Мануил во Христе боге верный царь, порфирородный, самодержец ромеев, благочестивейший, присносвященный, август, исаврийский, киликийский, армянский, далматинский, угрский, боснийский, хорватский, лазский, иверийский, болгарский, сербский, зихкийский, азарский, готский, богом управляемый нас-

ледник венца великого Константина" [25].

Епископ Феодор (первая пол. XIII в.) прибыл в Крым, посетил аланское селение в окрестностях Херсонеса и проповедовал среди аланов [26].

В первой пол. XIII в. Крымская Готия была в вассальной зависимости от Трапезундской империи (1204 - 1461 гг.). В сказании о чудесах св.Евгения Трапезундского рассказывается, что в 1223г. судно из Крымской Готии с ежегодной данью трапезундскому императору было занесено бурей в Синоп и разграблено турками-сельджуками [27].

В 40-х годах XIII в. Крым вошел в состав Золотой Орды. Гильом Рубрук в мае 1253 г. отправился из Константинополя морем в Крым и прибыл "в Солдайю (г.Судак - А.К.), первый город Татар". "На море от Керсоны (г.Херсонес - А.К.) до устья Танаида (Керченский пролив - А К.) находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдайей существует сорок замков, почти каждый из них имел особый язык, среди них было много Готов, язык которых немецкий. За этими гористыми местностями тянется по равнине, наполненной источниками и ручейками, очень красивый лес, а сзади этого леса простирается огромная равнина, ... На этой равнине до прихода Татар обычно жили Команы (кипчаки, половцы. - А.К.) и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань". Как сообщил Рубрук, в Крыму "пришли к нам некие Аланы, которые именуются там Аас, христиане, по греческому обряду, имеющие греческие письмена и греческих священников. Однако они не схизматики, подобно Грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц" [28].

Византийский историк Георгий Пахимер (1242 - 1310) среди покоренных монголами народов Восточной Европы, назвал аланов, зихов, готов и русов [29].

Европейские путешественники Галонифонтибус и Шильтбергер, побывавшие в Крыму в нач. XV в., сообщили о крымских готах [30].

Иосафат Барбаро, проживший в 1436 - 1452 гг. в венецианской колонии Тана, в устье Дона, писал о готах и аланах в Крыму: "Далее за Каффой (совр. г.Феодосия. - А.К.), по изгибу берега на Великом море находится Готия, за ней - Алания, которая тянется по "острову" (Крымский полуостров - А.К.) в направлении к Монкастро, как мы уже сказали выше.

Готы говорят по-немецки. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга – немец, они с ним говорили, и [обе стороны] вполне понимали друг друга подобно тому, как поняли бы один другого фурланец и флорентиец. Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название (*Gothalani*). Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы, они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы" [31].

В недавно опубликованной монографии И.С.Пиоро "Крымская Готия", посвященной этнической истории средневекового населения Крыма, много внимания уделено крымским готам. На основе письменных, археологических, эпиграфических и этнографических материалов можно "локализовать Крымскую Готию на территории всего Юго-Западного Крыма (как горного, так и южнобережного), а древний политический и церковно-административный центр таврических готов безоговорочно отождествить с Дори- Доросом – Мангупом "[32].

Необходимо отметить, что нет никаких свидетельств (письменных, археологических), подтверждающих предположения о пребывании готов в эпоху "Слова" о полку Игореве" на Таманском полуострове (Д.С.Лихачев) или на северном побережье Азовского моря (Б.А.Рыбаков). Столь же недостоверной является гипотеза о готском населении в приморских городах к югу от дельты Дуная (А.Л.Никитин), ибо нет фактов, свидетельствующих о пребывании готов после VI - VII вв. в Нижнем Подунавье.

М.А.Салмина предложила версию, что готы, о которых идет речь в "Слове", - это жители острова Готланда в Балтийском море, у побережья Швеции [33].

В вводной части "Повести временных лет" готы дважды упоминаются среди народов Северной Европы [34].

Е.А.Рыбина считает, что Готский торговый двор с церковью святого Олафа возник в Новгороде на рубеже XI - XII вв. Готский двор находился на торговой стороне города, вблизи Волхова, к югу от Ярославова дворища [35]. В Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1130 г.: "Въ се же лѣто, идуще и-замория съ Готъ, потопи лодии 7, и сами истопоша и товар, а друзии вылезоша, нъ

нази; ...". Летопись сообщила о пожарах варяжской церкви в Новгороде в 1152 и 1181 гг. Новгородская летопись под 1188 г. сообщила о конфликте между новгородцами и Готландом: "Въ то же лѣто рубоша новгородьце Варязи на Гътѣхъ, Немьце въ Хоружьку и въ Новотържьце, а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одиного мужа за море, ни съла вдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира"[36]. Торговые отношения Новгорода с Готским берегом были закреплены в договорах, заключенных в кон. XII - XIУ вв.[37]. В Комиссионном списке НПЛ: "В лѣто 6899 (1390 г.) ... а нѣмечкыи послове приихалѣ из заморья, из Любька из городка, из Гочкого берега, из Ригѣ, изъ Юрьева, ис Колываня и из иныхъ городовъ изо многых; ..."[38].

Д.С.Лихачев, отказавшись от своей первоначальной точки зрения, также высказал предположение, что готы в "Слове" - это северные готы, о которых нередко упоминается в древнерусских летописях и торговых договорах. По его мнению, если в "Слове" "имеются в виду готские девы северные, тогда понятно, что они "звонят русским золотом", ибо готы северные вели обширную торговлю, и упоминание золота было бы вполне уместно. Но с готами были не только торговые отношения, но и разногласия". Далее, обратив внимание на сообщение Новгородской летописи под 1188 г. о конфликте новгородцев с готами, Д.С.Лихачев пишет: "Если верно, что готские девы, поющие на бреге синего моря, - девы Готского берега и их враждебность к русским объясняется размолвкой Новгорода с Готским берегом 1188 г., то создание "Слова" не может быть отнесено ко времени ранее 1188 г., но не должно и слишком отступать от этой даты, так как вряд ли, кроме новгородских письменных источников, это сравнительно незначительное историческое событие могло на длительный срок запечатлеться в памяти"[39].

Д.С.Лихачев полагает, что северные готы "звенят русским золотом", потому что они вели обширную торговлю с Русью. Но Русь вела торговлю не только с Готским берегом, но и с другими странами, например с Византией, и с таким же "успехом" могли "звенеть русским золотом" ромейские (греческие) девы.

Великий киевский князь Святослав Всеволодович собирался летом 1185 г. в большой поход на половцев: "хотя ити на Половци к Донови на все лѣто". Он отправился в поездку по Левобережью Днепра для сбора вооруженных сил и на обратном пути посетил Новгород-Северский. Здесь он узнал, что Игорь с дружиной тайком от него

("оутаившеся его") ушел в поход на половцев. Когда Святослав Всеволодович по Десне прибыл в Чернигов, туда прискакал из степи Беловолод Просович и сообщил о поражении дружин Игоря и пленении всех князей [40]. В "Слове" фраза о готских девах, поющих на берегу синего моря и звенящих русским золотом, принадлежит киевским боярам. Бояре, доложившие Святославу Всеволодовичу ("И ркоша бояре князю") о разгроме полка Игоря, сказали и о готских девах, лелеющих "месть Шароканю" [41]. Устами бояр автор "Слова" подчеркнул контраст между победоносными донскими походами русских войск в начале века и печальным концом похода князя Игоря. По версии, предложенной М.А.Салминой и развитой Д.С.Лихачевым, получается, что о поражении дружины князя Игоря северные готы на Балтике узнали раньше, чем об этом событии узнал великий киевский князь. Если учесть дальность расстояния и скорость передвижения в ту эпоху, то такая версия представляется совершенно невероятной. В то же время в Крыму о столкновении половцев с русскими могли узнать в течение считанных дней (новости в степи передавались быстро, и на Руси об этом знали).

Если прибалтийские готы знали о причерноморских половцах и об их нападениях на южнорусские земли, то они не могли не знать, что от новгородской земли половцы находились очень далеко, за густыми лесами и болотами. Половцы не могли нападать на новгородцев, во всяком случае в истории такие факты не известны. Поэтому для прибалтийских готов в связи с их конфликтом с новгородцами в 1188 г. было бы бессмысленно "лелеять месть Шароканю", ибо эта месть никак не затрагивала новгородцев.

Все эти соображения убеждают нас в том, что готы в "Слове"— это крымские готы.

I. "Слово о полку Игореве". /Серия "Литературные памятники". М.; Л., 1950. С.20.

2. Орлов А.С. "Слово о полку Игореве". М.; Л., 1946. С.119-120.

3. Лихачев Д.С. Комментарий, исторический и географический.// "Слово о полку Игореве". С.430.

4. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". /Выпуск I. А-Г. Составитель В.Л.Виноградова. М.; Л., 1965. С.175.

5. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М., 1972. С.419.

6. Рыбаков Б.А. Историзм "Слова о полку Игореве"//"История СССР". 1985. № 5. С.41-42.

7. Никитин А.Л. К вопросу стратификации "Слова о полку Игореве".//Герменевтика древнерусской литературы. Сборник I. XI - XVI века. М., 1989. С.151.

8. Мыц В.Л. Могильник III - V вв. на склоне Чатырдага. //Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. - VII в.н.э. . К., 1987. С. 144-164.

9. Прокопий. О постройках. Пер. С.П.Кондратьева. //ВДИ. 1939. № 4. С.249.

10. Прокопий из Кесарии. Война с готами. Пер. С.П.Кондратьева. М., 1950. С.384.

11. Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т.I. Греческие писатели. Вып. I. СПб., 1890. С.279, 283; Миллер В.Ф. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 году. М., 1899. С.8.

12. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV - первой половины VII вв. // Материалы к этнической истории Крыма... С.164, 167 - 168, 187 - 194.

13. Арсений (архимандрит). Готская епархия в Крыму.//Журнал Мин-ва Народного Просвещения (ЖМНПр). 1873, январь. С.64.

14. Васильев А.А. Готы в Крыму. // Изв. Рос. Академии истории матер. культуры (ИРАИМК). Т.I. Л., 1921. С.334.

15. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья.// Готский сборник. Krim Gotica. Изв. Гос.Академии истории матер.культуры (ИГАИМК). Т.ХП. Вып.1-8. Л.,1932. С.6, 40-41.

16. Дебец Г Ф. Антропологический состав средневековых городов Крыма. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т.ХП. М.; Л., 1949. С.334 - 335,346, 386.

17. Зиневич Г П Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. К.,1973. С.14, 134 - 135, 246 - 248.

18. Никифор "Бревиарий"./Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980. С.155, 163.

19. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С.194.

20. Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма.//"Советская археология" (СА). 1977. № 1. С.225 - 239.

21. "Житие Константина"./"Сказание о начале славянской письменности". М., 1981. С. 89, 136.

22. "Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии". Текст и перевод.//Записки Одес.общества истории и древностей (ЗООИД). Т.ХШ. Од., 1883. С. 25-34.

23. Кулаковский Ю.А. К истории готской епархии (в Крыму) в УШ веке.//ЖМНПр. 1898. Февраль. С.174 - 175.

24. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде.// Изв.Таврич.учен.архив.комиссии (ИТУАК). N57. Симферополь, 1920. С. 35-66, 128-135.

25. Васильев А.А. Готы в Крыму.//ИГАИМК. Т.У. Л., 1927. С.260.

26. Епископа Феодора "Аланское послание". Предисловие и перевод Ю.А.Кулаковского.//ЗООИД. Т.XXI. Од., 1898. С.11-22.

27. Успенский Ф.И. Очерки по истории Трапезундской империи. Л., 1929. С.48-51.

28. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Перевод А.И.Малеина. М., 1957. С.88, 90, 106.

29. Georgii Pachymeris. De Michaele et Andronico Palaeologis, libri XIII. Vol.I. Bonnae, 1835. p.345.

30. Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). (Из сочинения "Книга познания мира"). Перевод и предисловие З.М.Буниятова. Баку. 1980. С.13,15; Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф.Брун. //Записки Новорос.ун-та. Т.I. Вып. I-2. Од., 1867. С.57-58.

31. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч.Скржинской. Л., 1971. С.157.

32. Пиоро И.С. Крымская Готия. К., 1990. С. 57-112.

33. Салмина М.А. Из комментария к "Слову о полку Игореве".//Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т.XXXVI. Л., 1981. С. 228-229.

34. Лаврентьевская летопись. Полное собрание Русских Летописей (ПСРЛ). Т I. М.,1962. Стб. 4, 19.

35. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII - XVII вв. Изд. МГУ. 1986. С.19, 21.

36. Новгородская первая летопись (НПЛ). М.; Л., 1950. С.22, 29, 37, 39.

37. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 55-56, 56-57, 58-61, 63-64, 73-74, 74-76, 80.

38. НПЛ. С.384.

39. Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. Л., 1985. С.170-172.

40. Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т.II. М.,1962. Стб. 644-645.

41. Карсанов А.Н. "Месть Шарокана" в "Слове о полку Игореве".// Герменевтика древнерусской литературы. Сборник I. С.188-206.

А.Н.КАРСАНОВ

ОДУХОТВОРЕНИЕ ВЕТРА В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ".

Вследствие перепада атмосферного давления в разных местах Земли возникают различные ветры, от легкого дуновения ветерка до сокрушительных все сметающих ураганов. Если времена года определяются положением Земли по отношению к Солнцу, то изменения погоды в том или ином месте Земли зависят от ветра. С глубокой древности люди задумывались над происхождением ветров и создавали о ветре разные фантастические гипотезы. Согласно мировоззрению древних людей воздух представляет собой одну из фундаментальных стихий мироздания. Воздух и огонь связываются с мужским, легким, духовным началом, а земля и вода связываются с началом женским, тяжелым, материальным. Человек живет, вдыхая воздух, поглощая кислород и выдыхая углекислый газ. Поэтому люди воспринимают воздух как основу жизни. В Библии сказано: "И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою" [1]. В Евангелии от Иоанна сказано, что воскресший Иисус пришел к ученикам, "дунул, и говорит им: примите Духа Святого" [2].

"Повесть временных лет" под 980 г. сообщает: "И нача княжити Володимеръ в Киевѣ единъ и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусъ златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь" [3].

В "Слове о полку Игореве": "Се вѣтри Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъки Игоревы"; "Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: "О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши! Чему мычеши хиновскыя стрѣлки на своею нетрудною крилцю, на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?" В объяснительном переводе "Слова" Д.С. Лихачев указывает: "Вот ветры, внуки Стрибога [бога ветров], [уже] веют со стороны моря [с половецкой стороны] стрелами на храбрые полки Игоревы [битва началась перестрелкой из луков]"; "Ярославна рано плачет в Путивле на забрале [на переходах городских стен], приговаривая: "О ветер, ветрило! Зачем ты, господин, веешь наперекор [навстречу русским полкам]? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого [в би-

тве на Каяле ветер дул на русских со стороны моря, со стороны половцев]? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю [ты] развеял?"[4].

В "Задонщине": "Уже бо, брате, возвеяша сильнии вѣтри с моря на усть Дону и Непра, прилелѣяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, в них трепещут синии молнии" [5].

В русской средневековой литературе имя Стрибог неоднократно встречается вместе с именами других языческих богов: "А друзии вѣрують въ Стрибога, Дажбога и Переплута, иже вѣртяче ся ему пиють в розѣхъ"; "Еще и иныя идолы мнози бяху по имени, Утъляд или Осляд, Корша или Хорсъ, Дашуба или Дажб[ог]ъ, Стриба или Стрибог, Симаргля или Семурглъ, и Макош или Мокошъ" [6].

По поводу этимологии имени Стрибог были высказаны следующие точки зрения. А.Афанасьев считал, что слово "стри" означает воздух, поветрие [7]. Е.В.Барсов указывал, что "Стрибог - есть божество чисто стихийное (стри общего корня с греческого ζρήβολος вихорь)". В русской топонимии: Стреево (Боровский уезд, Калужской губернии), Стрибоже озеро, Стрибож, Стригород [8]. В Суджанском уезде Курской губернии речка Стригосля [9]. М.Вей, предположив, что начальная группа *st* - может восходить к *pt* -, а *stri* может быть рефлексом *ptri*, рассматривал это имя как *pəter dyëus, pəter bhagos* — "отец-небо" [10]. По мнению В.И.Абаева, Стрибог из иран. *Sribaga* — "прекрасный бог" [11]. Б.А.Рыбаков, обратив внимание на гипотезу М.Вея, добавил к ней русское слово "стрый", обозначающее брата отца; "стрый" - "отцовский" и рассматривает имя Стрибога как одно из имен-эпитетов верховного небесного божества. Стрибог - "бог - отец". "Верховный, небесный характер Стрибога подчеркнут тем, что в "Слове о полку Игореве" ветры названы "стрибожьими внуками". Следовательно, Стрибог на два мифологических поколения старше простых стихий, он - дед ветров, т.е. повелитель повелителя ветров" [12]. М.Фасмер связывал имя Стрибог - "бог ветров" с др.- иран. *Sribaga* — "возвышенный бог", а этимологию М.Вея считал недостаточно убедительной [13]. Вероятно, иранская этимология имени Стрибог является наиболее достоверной. Также иранские этимологии имеют имена богов Хорса и Семаргла" [14]. Эти иранские этимологии объясняются многовековыми свя-

зями юго-восточной части славян (поляне, северяне) с сармато-аланским населением Северного Причерноморья.

В фольклоре многих европейских народов ветры олицетворялись в образах крылатых людей. Фантазия древних людей представляла ветры "дующими - выпускающими из своих открытых ртов вихри, вьюги и метели. Средневековое искусство воспользовалось этим языческим представлением и постоянно изображало ветры в виде дующей человеческой головы. На наших лубочных картинах ветер и "дух бурен", приносящий град и снег, изображаются в виде окрыленных человеческих голов, дующих из облаков.... Крылья, данные ветрам, - эмблема их быстрого полета". Нередко быстрота и порывистость ветра представлялись в виде быстро летящих птиц, чаще всего в виде орлов. На средневековых миниатюрах ветры изображались с птичьими головами. Бурные порывы ветра и шумно падающие дожди сравнивались с "летучими" стрелами. В "Слове" ветры "вѣютъ съ моря стрѣлами", "итти дождю стрѣлами". В восточнославянском фольклоре к ветрам обращаются с просьбами о помощи, как к существам живым и готовым помочь в беде [15]. Что касается обращения Ярославны к ветру, то в этом обращении содержится не просьба о помощи, а упрек ветру в помощи половцам - врагам ее мужа.

По наблюдениям Филарета, "в народных поговорках и поверьях сохранились кое-какие указания на языческие верования северян. Говорят: "гоне (бежит), як вітрив батько". Здесь нельзя не узнать Стрибога и стрибожьих внуков, известных по "Слову"... В народном рассказе "вітрив батько" изображается седым стариком с длинной белой бородой, одетым в белую рубашку. По другому рассказу, рассылает он сыновей (стрибожи внуци) во все стороны. У народа есть полевой Дидко, с плетью, свитой из соломы; этой плетью, помахивая, колеблет он хлеба и травы. Пред началом посева поются в честь Дидка хвалы и мольбы" [16].

А.Афанасьев указывал, что "другие названия, даваемые славянами богу ветров, были Pogoda и Pochwist . В областных говорах погода употребляется в смысле: громовой тучи, ветра, метели, бури (Полт. губ.), дождливого или снежного времени, погодица — вьюга, метель, погодиться - становиться ненастью... Похвист или Посвист (обл. хвистеть - свистеть, хвищ - свищ) - сложное из слова свист (= завывание бури) с предлогом по. В белорусской думе, напечатанной в сборнике Кулиша, вспоминается бог Посвис-

тач. Собираясь отплыть в сине море, князь и его дружина стали "Свойму богу Посвистачу молытьця, /Щоб вин іим годыну дав, /Та моря не турбівав" [17].

Как писал Е.В.Барсов, "в народных представлениях ветер олицетворяется в образе богатыря Ивана, ветрова сына. В царском тереме сидела дочь во тьме и мраке; но вот она провертела перстом небольшую скважину на белый свет: подул в нее вихорь, и она зачала сына, которого и назвала Иваном, ветровым сыном. Тесно стало ему богатырю в тереме - и он сразу его разрушил; тесно стало ему затем и в царском дворце, тесно стало и в целом царстве - и вот он пошел в поле потешить свою силу: здесь он встречается с другими подобными себе богатырями - Дубином Дубиновичем, Горыном Горыновичем и Кощеем-бессмертным. Так явилась на свет стихийная сила ветра; грозные тучи, темные, как лес, величавые, как горы, не могут стоять перед силой ветра; разгоняя их, он побеждает и самого Кощея, тогда как от щита его все истаивает и исчезает.." [18].

Среди персонажей восточнославянских волшебных сказок встречаются Иван Ветрович, Иван-Ветер, Иван Ветров [19].

П.П.Чубинский записал в Волынской губернии сказку "Про вітрового батька": "Бувъ то собі такій чоловікъ, він бувъ вітеръ , и було въ ёго двянадцять сынивъ:але вінъ самъ ніколы не дувъ - все дулы ёго сыны. Отъ, приходять всі дванадцять сынивъ до батька та й кажуть:

- Тепера підемъ, та будемъ дуты такъ, щобъ всі горы и ліса поздувать, щобъ скрізь рівно було.

Пішлы ото воны; якъ заходились дуты, якъ заходились дуты, так розгойдалы на морі хвилі , що ще більши, якъ хаты, идутъ една за другою. А імъ трабуло всімъ переходыты черезъ море; сталы воны переходыть, и всі до единого потонулы. А батько іхъ, вітеръ, и дознавсь; сівъ собі, та й сумувъ" [20].

В русских сказках действуют братья-ветры ("роза ветров"). В одной сказке с помощью южного ветра герой преодолевает огромное расстояние. В другой сказке старушка-мать Ветрова, у которой четыре сына: Ветер Восточный, Ветер Полуденный, Ветер Западный и Ветер Полуночный [21].

Среди русских заклинаний есть такое: "На море, на Океане, на

острове Буяне, живут три брата, три ветра, один северный, другой восточный, третий западный. "Навейте, нанесите вы, ветры, печаль, сухоту рабе (имя рек), чтобы она без раба (имя рек) дня не дневала, часа не часовала "[22]. В русских заговорах упоминаются семь братьев, буйных ветров: "Встану я раб божий и пойду в чистое поле под восточную сторону. Навстречу мне семь братьев, семь Ветров буйных. "Откуда вы, семь братьев, семь Ветров буйных идете? Куда пошли?" - "Пошли мы в чистые поля, в широкие раздолья сушить травы скошенные, леса порубленные, земли вспаханные". - "Подите вы, семь Ветров буйных, соберите тоски тоскучие со всего света белого, принесите к красной девице (имя рек) в ретивое сердце; просеките булатным топором ретивое ее сердце, посадите в него тоску тоскучую, сухоту сухотучую" [23].

Из женских песен русского населения Архангельской губернии: "Не бушуйте - ткось ветры буйны со чиста поля,/Не мечите снегу буйного на мое подворье"; "Накатись, навались туча темна, грозна, /Повыпади из тучи стрела громова, / Ты убей, зарази постылого мужа, / Сохрани, сбереги сердечного друга". /Накатилась, навалилась туча темна, грозна, / Повыпала из тучи стрела громова, / Убила, заразила сердечного друга, / Сохранила,сберегла постылого мужа" [24]. В песнях западных украинцев есть обращение девушки к ветру: "Повѣй, вѣтре, вѣтроньку, /Съ Побережа въ Литвоньку! / Занеси вѣсть милому, / Шо я тужу по нёму "[25]. Из украинской женской песни: "За ворота выходила, / Зъ витромъ буйнымъ говорила: / "Да не вiй, витре, да тыхенькiй, / Да повiй, витре, да буйенькiй" [26]. Белорусские девушки обращались к ветру: "Повень ветру з того краю, / Дзе мой милы, што кохаю: /Нихай ж я буду знаци, / Зкуль яго прижидаци" [27].

В народе к ветру относились не просто, как к живому человеку, а почтительно, как к господину. Ярославна в своем обращении к ветру дважды назвала его "господином". А.Н.Афанасьев приводит такой рассказ. Шел мужик, а навстречу ему идут мужики: Солнце, Ветер и Мороз. Мужик им поклонился, а Ветру "еще поклон на особицу". Этот "лишний" поклон разгневал Солнце: "Постой, мужик! Вот я тебя сожгу!" А Ветер возразил: "Я повею холодом и умерю жар". Мороз пригрозил: "Мужик,я тебя заморожу". Ветер же объявил Морозу: "Я повею теплом и не допущу тебя". В сборнике сказок А.Н. Афанасьева дан белорусский вариант этой сказки, записанный в Гро-

дненской губернии. Сказки на этот сюжет известны и у других народов[28].

У крестьян Орловской губернии А.Трунов записал сказку с этим сюжетом. В сказке мужику встретились три господина, которым он поклонился. Господа спросили мужика, кому из них он кланялся."Осмелюсь спросить вас, господа, кто, вы изволите быть?" Один, полный, толстый, краснолицый, как кровь с молоком, говорит: "Я Солнце". Другой, невзрачный, седой, с нависшими белыми бровями, и сжавшийся, как комок снегу, отвечает: "Я Мороз". Третий,губастый, с одувшимся лицом, с растрепанными волосами, в распахнувшейся широкой свите, говорит: "Я Ветер". Ветер произвел на мужика более страшное впечатление, чем его товарищи. Мужик и говорит: "Будь не в обиду вам, господа милостивые, я поклонился вот его милости, губастому Ветру". Ветер был очень рад, что мужик оказал ему почтение, и смеялся над своими товарищами. Солнце и Мороз, негодуя на мужика, грозились: первое сжечь его, когда он выедет весной пахать землю под яровое, а второй заморозить зимой, где бы ни встретил его". Далее в сказке рассказывается о том, как Ветер защитил мужика от козней Мороза и Солнца. Очень интересны в сказке описания солнца, мороза и ветра в образах живых людей. На Орловщине ветер назывался "буйный молодец, безрукий хватало". Это прозвище дано ему потому, что "он раскрывает соломенные крыши, раскидывает сено со стогов и копен, уносит муку с открытых возов, мешает при очистке и молотьбе хлеба и т.д. В подобных случаях выражаются: "Вот безрукий хватало шалит!"[29].

На Украине и в Белоруссии рассказывают о людях, захваченных вихрем и пропавших без вести. На недругов говорят проклятия: "Щоб тебе вихрами та бурами винесло!"; "Вихорь табе подыми!" и т.п. На Украине вихри называют чертовой свадьбой. Крестьяне до сих пор верят, что теплые, весенние ветры происходят от добрых духов, а вьюги и метели - от злых[30]. П.С.Ефименко указывал, что в Малороссии "в вихре обыкновенно признают, и видят дьявола, и по тому всякий, подвергшийся действию сильного ветра, обыкновенно садится на землю и крестится, желая тем отогнать от себя разгулявшегося дьявола "[31]. Русское население Архангельской губернии считает, что "вихрь - черт. Вихрь- есть нечистая сила, которая увидевши, что поднимается гроза, бежит от нее дальше, чтоб не поразила стрела. Желающие видеть нечистую силу - вихрь,... должны, снявши с себя

крест, смотреть в наклонном положении меж ног. Смотрящие таким образом, будто бы видели вихрь в виде огромнейшего человека, машущего руками и бежавшего ..."[32].

Народная мудрость, выраженная в пословицах и поговорках, говорит: "Ветер – господин"; "Отколь ветер – оттоль и погода (оттоль и дождь)"; "Ветер – Божие дыхание" (Галиция). Хороший попутный ветер в Поволжье и на Каспийском море называют "святым воздухом": "Святой воздух, помоги нам!" – молят ветер каспийские рыбаки; "Святой воздух апостольские скатерти (паруса) надувает" (Поволжье). В Архангельской и Олонецкой губерниях попутный ветер называют "поветерь", "поветерье". Женщины поморов Кольского уезда Архангельской губернии, чтобы вызвать попутный ветер для возвращающихся с промысла рыбаков, исполняют особый обряд, который называют "моление ветра". Вечером, к возвращению рыбаков, женщины всего селения выходят к берегу моря, "молить ветер, чтобы не серчал...". Молят ветер и сами мореходы: "Батюшка, припади", – обращаются они к ветру во время безветрия в плавании. Поморы горорят, что не следует грести в попутный ветер, чтобы "не дразнить ветра", выказывая как бы недоверие к нему. Силен ветер, а людских невзгод развеять не может: "Ветры кручины не размыкают"; "Не было горя, да ветры навеяли". Происхождение вихрей приписывают нечистой силе: "Вихрь – черт с ветром играет"; "Вихрь пыль столбом несет – чертова свадьба"; "Вихрь столбом – черт с ведьмой венчается"; "Когда черт свадьбу справляет (вихрь), надо бросить в вихрь нож – увидишь кровь и беды избежишь" (Ворон. губ.); "Вихорь производить дiаволъ: якъ стане сатанiна лiтить по землi , то и знимается вихорь" (Киев. губ.); "Иде Дух Господнiи и дух лукавый, и Господнiи Дух разгоняе дух лукавый; од его и бувае вихор" (Харьк. губ.); "Малороссы объясняют появление вихрей перед грозой демоническим их происхождением; по их поверью, вихрь – это черт, убегающий от удара громовой стрелы" (Волын. губ.)[33].

По мнению Б.В.Сапунова, плач Ярославны является типичным языческим заговором. В горестную минуту Ярославна обращается не к Господу или к Богородице, а к ветру, Днепру, Солнцу. В Киевской Руси "в результате сложного взаимодействия поверхностно усвоенного православия с остатками язычества появилось совершенно оригинальное синкретическое мироощущение, которое современники удачно назвали "двоеверием"... Двоеверие" распространялось не только

среди сельского и необеспеченного городского населения древней Руси.. Есть все основания утверждать, что в XII в. "двоеверие" проникло в княжескую среду... Образ Ярославны, конечно, не укладывается в рамки христианского искусства... учитывая широкое распространение, которое получило в XII в. "двоеверие", можно утверждать, что образ княгини, обращающейся за помощью к языческим богам, был весьма типичен для своего времени. Для XIII в. такой образ был менее характерен, а для XIУ в. совершенно невозможен "[34].

На примере ветра мы видим сколь длительными и устойчивыми были анимистические представления восточных славян. С глубокой древности до XX века сохранялось у русских, украинцев и белорусов отношение к ветру, как к живому существу, иногда доброму, иногда злому, от которого зависит погода на земле. Это существо надо попросить, помолиться ему, чтобы он принес дождевые тучи или подул в нужном направлении, или не дул очень сильно. "Слово о полку Игореве" сближается с произведениями народного фольклора, в которых сохраняется древняя традиция одухотворения и очеловечения ветра.

1. Библия. Первая книга Моисеева. Бытие. С.2.
2. Библия. От Иоанна святое благовествование. С.128.
3. Лаврентьевская летопись. Полное Собрание Русских Летописей (ПСРЛ). Т.I. М., 1962. Стб. 79.
4. "Слово о полку Игореве" / Серия "Литературные памятники". М., Л. 1950. С.14, 27, 82, 98.
5. "Задонщина" // Памятники литературы Древней Руси (XIУ - середина ХУ века). М., 1981. С.100.
6. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Выпуск 5. Р-С. Составитель В.Л.Виноградова. Л., 1988. С.225.
7. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т.I. М., 1965. С.320.
8. Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве" как художественный памятник киевской дружинной Руси. Т.I. М, 1887. С. 365-366.
9. Исторические заметки о городе Судже и его уезде // Памятная книжка Курской губернии на 1894 г. Курск, 1894, С.13.
10. Вей М.К этимологии древнерусского Стрибогъ // "Вопросы языкознания". 1958. № 3. С. 96-99.
11. Абаев В.И. Несколько замечаний к славянским этимологиям. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971. С.13.
12. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 439-440.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.Ш. М., 1987. С.777.
14. Васильев М.А. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1987. М., 1989. С.133-156.
15. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян... Т.I. С.310-312, 490, 491, 502-503.
16. Филарет. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Книга I. Общий обзор епархии. Чернигов. 1873. С.5.

17. Афанасьев А Поэтические воззрения славян... Т.I. С.320.

18. Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве"... Т.I. С.366.

19. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974. С.75.

20. Чубинский П.П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования. Т.П. Малорусские сказки. СПб., 1878. С.15.

21. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 1985. Т.П. С. 276-280; Т.Ш. С.248-252.

22. Майков Л.Н. Великорусские заклинания. // Записки Рус. Геогр. Общ. (РГО). Отдел этнографии. Т. П. СПб, 1869. С.426.

23. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян... Т.I. С.315.

24. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Часть 2. Народная словесность. // Тр. этнограф. отдела общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии. Книга У. Вып.2. М., 1878. С.56,59.

25. Головацкий Я.Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. Т I. М., 1878. С.259.

26. Сумцов Н.Ф. Некоторые черты сходства "Слова о полку Игореве" с южно-славянскими старинными песнями. К., 1893. С.3.

27. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т.I. СПб., 1887. С.298.

28. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян... Т.I. С.312-313; Афанасьев А Н. Народные русские сказки. Т.I. М., 1985. С. 108-109, 459-460; Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С.25.

29. Трунов А. Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной. // Записки РГО. Отд. этнографии. Т.П. С. 9-12, 14-15.

30. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян... Т.I. С.317,330.

31. Ефименко П.С. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874. С.67.

32. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Часть I. Описание внешнего и внутрен-

него быта. // Тр. этнограф. отдела общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии. Книга V. Вып.I. М., 1877. С.186.

33. Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т.IV. Народное погодоведение. СПб., 1905. С.109 - 133.

34. Сапунов Б.В. Ярославна и древнерусское язычество. //"Слово о полку Игореве" - памятник XII века. М.; Л., 1962. С.321-329.

Косоруков А.А.

ЛЮБИМЫЕ ИДЕИ – ЛЕГЕНДЫ – ФАКТЫ.

(Образы Всеслава Полоцкого в летописях, в "Слове о полку Игореве" и образ Вольха Всеславьевича в былинах).

В середине 80-х годов XII века, 85 лет спустя после смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславича, были известны, как мы надеемся показать, четыре его различных образа, – два в летописях[I] и два в "Слове". Отсюда и пошла разноголосица в понимании фигуры Всеслава историками и литературоведами XIX и XX вв. Суть расхождений и поныне, в основном, остается такой же, как в XII веке. Ф.И.Буслаев, Вс.Миллер, С.М.Соловьев, А.К.Югов, Д.С.Леонардов, Б.А.Рыбаков, Д.С.Лихачев и другие полагают, что в летописях и в "Слове" Всеслав изображен волшебником, чародеем, оборотнем. Они нередко сближают образ Всеслава с былинным героем Вольхом Всеславьевичем. М.А.Максимович, А.А.Потебня, В.Ф.Ржига, С.К.Шамбинаго и другие рассматривали этот образ вне связи с мифологией. Одни исследователи (например, Д.С.Леонардов, Б.А.Рыбаков) считают Всеслава положительным героем, другие (например, Д.С.Лихачев) – в общем отрицательным.

I. Летописные образы Всеслава.

Различия между древнейшими ветвями русского летописания, – киевской и новгородской, – проявились и в изображении Всеслава

I Полоцкое летописание не сохранилось. Все, что известно о Всеславе в письменных древнерусских источниках, исчерпывается сведениями, содержащимися в ПВЛ, в новгородских и псковских летописях и в "Поучении" Владимира Мономаха.

Полоцкого[1]. Рельефно выступают они при сравнении "Повести временных лет" (ПВЛ), в которой наиболее ярко выражена киевская точка зрения на Всеслава, с Никоновской летописью, в которой, как ни странно, наиболее ярко) [redacted] отражен традиционно новгородский взгляд на него.

I. Запись под 1044 годом о рождении Всеслава - опорный столб всех, кто склонен трактовать литературный образ полоцкого князя в мифоэпическом духе: "В се же лето умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отець Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, седе на столе его, его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: "Се язвено навяжи на нь, да носить до живота своего", еже носить Всеславъ и до сего дне на собе; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье"[2].

ПВЛ, как и другие летописи, - произведение многосоставное, и по содержанию, и по слогу. В отрывке из статьи под 1044-м годом, который приведен выше, различимы три части: 1) сведения о смерти полоцкого князя Брячислава, рождении и вокняжении его сына Всеслава, изложенные протокольно сухо, с безоценочной, бесстрастной интонацией, - от начала до слов „его же роди..." 2) краткое повествование о рождении Всеслава, с элементами художественности, с передачей прямой речи, - от слов "его же роди..." до слов "еже носить..." и 3) отсюда и до конца - комментарий летописца, в котором резюмируется смысл второй части.

---

1 Шахматов А.А. "Разыскания о древнейших русских летописных сводах". С.-Петербург, 1908. С.539-629.

2 Памятники литературы Древней Руси, 1978. М., с.168. (дальше: Памятники...).

Приблизительно с середины XIX в. и поныне неизменное внимание исследователей привлекают три следующих предложения: "его же роди мати отъ вълхвованья", "бысть ему язвено на главе его", и "се язвено навяжи на нь, да носить до живота своего". Как-то так повелось, что исследователи считают само собой разумеющимся смысл рождения "отъ вълхкованья". Для тех, кто толкует образ Всеслава как образ человека, обладавшего сверхъестественными способностями, типичен подход Д.С.Лихачева и О.В.Творогова, продемонстрированный в "Памятниках..."[I] (с.169 и с.438). Выражение "отъ вълхвованья" Д.С.Лихачев перевел буквально "от волхвованья", и имел на это полное право: любая попытка раскрыть смысловое содержание древнерусского выражения превращается в многословное пояснение, а это - дело комментатора О.В.Творогова, а не переводчика. Приводим комментарий[I]: "Характерно, что и летопись, и "Слово" связывают Всеслава с потусторонними силами: он рожден "от волхвованья", у него "веща душа", он за ночь "изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя". Явный недостаток комментария в том, что он сам нуждается в комментарии. Ни летописи, ни "Слово о полку Игореве" не дают оснований для безоговорочной констатации связи Всеслава со сверхъестественными силами. Анализ точки зрения Автора "Слова" мы сделаем в главе IУ-й, а сейчас рассмотрим позицию летописца. Он, несомненно, верил в то, что волхвы могут вступать в связь с нечистой силой и с ее помощью влиять на людей, "портить" их. Именно их волхованью-колдовству приписывает летописец жестокосердный характер Всеслава. Но ни в одной летописи не найдем мы ни одного свидетельства или даже намека на связь самого Всеслава со сверхъесте-

---

I Памятники..., с.169.

ственными силами. Не можем мы, - при всем желании, - предложение "его же роди мати отъ вълхвованья" истолковать в том хтоническом смысле, как обычно понимается рождение богатыря Вольха Всеславьевича от земной женщины и змия. Отец и мать, родители Всеслава Полоцкого, известны летописцу.

Единственным бесспорным результатом волхвованья над будущим половецким князем было "язвено". Это слово толкуется исследователями то как родимое пятно, то как пленка (от последа), то как сорочка. Символический смысл слова "язвено", хорошо известный по пословице (родиться в сорочке - родиться счастливым, везучим, удачливым), видит в нем Д.С.Лихачев . Тем самым он придает "язвену" значение амулета-оберега от бед и несчастий. Такое истолкование получает поддержку в действиях матери и сына: мать, послушавшись волхвов, привязала "язвено" к телу сына, который и носил его на себе, скорее всего, до конца своей жизни[I]. Такое истолкование не противоречит историческим фактам: родившийся в сорочке Всеслав счастливо (и не раз) "выходил сухим из воды", - из таких передряг, которые, казалось, должны были непременно погубить его. И жизнь свою он закончил в любимом Полоцке, сидя на княжеском золотом столе.

Летописец[2], однако, совершенно иначе понимает воздействие волхвов и значение "язвена", видя во всем этом причину ("сего ради") жестокосердия Всеслава ("немилостивъ есть на кровьпро-

---

I У Всеслава не было христианского имени, значит, он не был крещен, и, естественно, не носил на себе креста.

2 Слово "летописец" употребляется в собирательном значении. Исключения будут оговариваться.

литье"). Мы не можем согласиться с летописцем, потому что он в дальнейшем не приводит примеров этой особенности натуры Всеслава. Даже если летописец имеет в виду не кровожадность князя, каким его по сей день почему-то считают многие историки и литературоведы, а всего лишь отсутствие жалости и сострадания к проливающим свою кровь на поле брани, то и такой взгляд на характер Всеслава не подтверждается фактами. В то далекое время он, подобно подавляющему большинству русских князей, грабил и поджигал завоеванные города, люто бился в бою, - и это было нормой поведения, а не языческим ее попранием. Другое дело, что позицию летописца можно понять как проявление его неприятия любого волхвованья, как скрытую полемику со сторонниками язычества и особенно с волхвами, от которых, по его убеждению, исходит всяческое зло, - подобная тенденциозность летописца легко прослеживается и в XI и в XII веках. Понятно и другое: сведения о рождении Всеслава летописец взял из какого-то другого источника (им могла быть легенда о Всеславе или пропавшая Полоцкая летопись), который ему нужен как удобная мишень, как повод для того, чтобы взвалить на волхвов моральную и религиозную ответственность за дурной нрав Всеслава.

Третья часть летописной записи о рождении и вокняжении Всеслава может пролить свет на время её возникновения. Сообщение о том, что князь носит на себе "язвено", до сего дня", и вывод летописца о жестокой натуре Всеслава свидетельствуют, что между датировкой записи (1044) и действительным временем ее написания лежит значительная временная дистанция. О малолетнем Всеславе летописец не сказал бы, что он "немилостивъ есть на кровьпролитье". Подобную информацию летописец мог получить, вероятнее всего, по-

сле участия Всеслава в каком-либо бою, чего не могло быть ранее 1060 года, когда Всеслав упоминается как участник похода на торков. Однако юный князь вряд ли получил тогда возможность проявить себя на поле боя либо в каких-либо военных распоряжениях, касавшихся судьбы русичей или торков. Другое дело – годы 1065-1078, когда Всеслав развязал и с огромной целеустремленностью вел войну против своих недавних союзников, сыновей Ярослава Мудрого. За эти 13-14 лет полоцкий князь многократно проявлял свой характер с разных сторон, включая и ту, которой летописец придал столь исключительное значение. В этот период Всеслав причинил много зла Руси, вызывая оправданные чувства гнева русских князей и летописцев. В этот период и была, скорее всего, сделана третья, полемическая часть записи под 1044-м годом. Что же касается ее второй и первой частей, то они могли быть внесены в летопись и ранее, - глаголы простого прошедшего времени, которые употребил тут летописец, сохранились бы и в том случае, если бы он описывал события 1044-го года, что называется, по свежим следам.

Летописец был не только искусным литератором, но и тонким психологом, стремившимся расположить к себе читателя, как раз тогда, когда запись могла задеть чувствительные струны его веры. О рождении Всеслава пишется так, что возникает эффект личного присутствия летописца на совете волхвов, собравшемся по этому знаменательному случаю, или, в крайнем случае, возникает эффект получения сведений о событии из первых рук. Ни того, ни другого, конечно, не могло быть из-за враждебных отношений между проповедниками христианской веры и приверженцами язычества. Доверительная манера изложения – всего лишь способ завоевания читательских

[redacted] симпатий. Этой цели нередко служит также и композиция статьи, когда под одним годом, к примеру, под 1044-м сообщаются как сведения и выводы спорные, так и сведения, достоверность которых не вызывает малейших сомнений (смерть князя Брячислава или выкапывание "из могил двух князей, Ярополка и Олега, сыновей Святослава"[1], крещение и положение их костей в киевской "церкви святой Богородицы"[1]).

Первая летописная запись о Всеславе Полоцком совпадает слово в слово в киевских и в новгородских сводах. В дальнейшем освещении жизни Всеслава между ними возникнут существенные расхождения, что также будет предметом нашего рассмотрения.

2. За шестнадцать лет летописцы не написали ни слова о Всеславе Полоцком. Это и понятно: вряд ли он мог проявить себя в детском и юношеском возрасте таким образом, чтобы они посчитали его действия событием.

Под 1060-м годом ПВЛ называет Всеслава как участника совместного похода на торков, организованного князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом, сыновьями Ярослава Мудрого. Знаменательный факт! Прошло 6 лет после смерти Ярослава Мудрого, на Руси мир, и жизнь, похоже, подтверждает действенную силу его завета о соблюдении единства Киевской Руси.

Но под 1063 годом читаем тревожное сообщение: "В се же лето Новегороде иде Волховъ вспять дний 5. Се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лето пожже Всеславъ градъ"[2]. Под 1065 годом ПВЛ сообщает: "В се же лето Всеславъ рать почалъ". И все. Почему и против кого начал он войну, - не сказано. И вот, как гром

---

1 Памятники..., с.169

2 Памятники..., с.176

среди ясного неба, сообщается под 1067 годом: "Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьске, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие, - Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, - совокупивше вои, идоша на Всеслава, зиме сущи велице"[1]. Мир на Руси закончился. Недавние союзники стали врагами.

Мы снова убеждаемся, что летописец - искусный литератор и тонкий психолог. Четыре его записи о Всеславе (1060, 1063, 1065 и 1067 годы) дополняют и объясняют друг друга, но чтобы понять это, надо их рассмотреть как единый текст. Лишь теперь становится ясен смысл параллелизма между двумя отдаленными, разнохарактерными явлениями: как река Волхов по неведомой причине[2] опасно потекла вспять, против своего пути, так и князь Всеслав, неожиданно напав на Новгород, пошел против прежнего союза с Ярославичами. Знаменье подтвердилось. Поскольку хронологически его пророческий смысл распространяется не только на Новгород, но и на новую политику Всеслава, постольку мы вправе глухую запись под 1065 годом расшифровать так: Всеслав уже тогда начал междоусобную рать, круто повернув с пути Ярослава Мудрого на путь своих предков, Рогволодовичей. Это подтверждается сообщением второй Псковской летописи о нападении Всеслава на Псков именно

1 Памятники..., с.180.

2 Трудно сказать, знал или не знал летописец новгородское сказание о том, что Волхов тогда течет в обратном направлении, когда поперек реки ложится речное чудовище Волх. Скорее всего, знал; он не упомянул о нем тут, похоже, потому, что в силу художественного параллелизма получился бы перенос мифологической причины и на действия Всеслава.

в 1065 году: "... Всеславъ, собрав силы своя многыя, приде ко Пскову и много труждався съ многыми замыслении и пороками шибавъ, отъиде ничтоже успевъ". Но ПВЛ молчит об осаде Пскова, а лишь упоминает о какой-то "рати" Всеслава в том же году. Историки, помимо псковского, не знают другого похода Всеслава в это время, и, следовательно, можно утверждать, что его-то летописец ПВЛ и имеет в виду. Значит, к этой рати Всеслава прямо относится неодобрительная оценка летописца, иносказательно выраженная в подборке трех неблагоприятных небесных знамений. Одно из них, непосредственно состыкованное с "ратью Всеслава", мы проанализируем, чтобы показать стиль мышления и изложения летописца. Приведем полный текст соответствующей цитаты: "В се же лето (1065 год - А.К.) Всеславъ рать почалъ. В си же времена бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имущи акы кровавы, въсходящи съ вечера по заходе солнечнемь, и пребысть за 7 днии. Се же проявляше не на добро, посемь бо быша усобице многы и нашествие поганыхъ на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи крови пролитье"[I].

Летописец прямо говорит, что небесное событие - предупреждение о двух бедствиях: о междоусобных войнах и о нашествии "поганых" на Русь. Он перечисляет четыре отличительных признака звезды, но лишь один из них (кроваво-красный цвет ее лучей) прямо [redacted] истолковывается им как знак кровопролитности бедствий. Почему же не объясняет летописец значенье других признаков? Похоже, он считает их общепонятными. В самом деле, громадные размеры звезды означают, разумеется, огромный размах бедствий, что

I Памятники... , с.178.

и подтверждается в 1067-68-м годах. Однако не столь ясно, какой смысл заложен (и заложен ли он?) в появлении небесной посланницы именно на Западе и что означают ее "луче... всходящи съ вечера по заходе солнечнемъ".

Думается, оба признака имели символический смысл, понятный русичу. Хотя агрессия "поганых" шла с Востока, а "усобицы" начинались и на западной, и на южной границах Руси, но только с Западом связано было представление о том, что там где-то находится преисподняя, там обитает сам Сатана, и грешники отбывают там тяжкое наказание за земные грехи. Запад - страна мрака, антипод добра, и, значит, знаменье в той части неба может быть лишь вестником беды. Кроваво-красная, громадная звезда была бы видна на небе и днем, особенно в утренние или предвечерние часы, но тогда ее появление не было бы связано со временем, когда господствуют темные, нечистые силы (с наступлением темноты после захода Солнца) - тогда знамение несло бы в себе внутреннее противоречие, рассогласованность своих признаков, чего, разумеется, быть не может.

Как понять известие о том, что звезда была на небе в течение 7 дней? Буквальное понимание числа 7 применительно к продолжительности предсказанных бедствий приводит к очевидной нелепости. Не согласуется со смыслом явления истолкование семерки в духе христианской экзегетики как символа совершенства или завершенности деяния[I]. Тут возникает и другое сомнение. Допус-

---

I Manfred Lurker - Wörterbuch der Symbolik, Stuttgart, Kröner, 1991 г. Там же отмечено, что число "семь" толковалось так ещё Св.Августином (354-430 н.э.)

тим, что летописец знал христианскую нумерологию, но летопись он писал не для себя и не для подобных ему знатоков, а для более широкого круга образованных людей. В их же сознании, а тем более в обыденном сознании русичей бытовало, я думаю, фольклорное представление о числе 7, ясно запечатлённое в пословицах и поговорках и означающее "время-пространство неопределенной длительности"[1]. Такой символический смысл полностью согласуется с общим смыслом знаменья: ни о междоусобных войнах, ни о нашествиях врагов никто не мог заранее сказать, продлятся ли они 7 месяцев, 7 лет или 7 лет и 7 месяцев и т.д.

Для нашего исследования важно отметить, что летописец ПВЛ из двух бедствий на первое место ставит междоусобные войны, и, что он, разумеется, должен осуждать поход Всеслава на Псков. Однако ПВЛ сообщает о походе нейтрально-кратко, умалчивая о полной неудаче Всеслава.

Два года сыновья Ярослава не предпринимали ответных военных действий против Всеслава, надеясь, возможно, что его образумит провалившаяся осада Пскова. Но чаша их терпения переполнилась, когда они узнали, что Всеслав захватил и частично сжег Новгород, в котором княжил Мстислав, сын Изяслава Ярославича. Знали они, конечно, и о том, что Всеслав разграбил новгородский храм Св.Софии и снял с него колокола[2]. Это святотатство, о кото-

---

I Тут я опираюсь на свои, ещё не опубликованные наблюдения над символикой ряда чисел в русском фольклоре.

2 В Никоновской, Софийской I-ой, Новгородской I-ой мл. извода эти сведения есть.

ром в ПВЛ не сказано ни слова, было вызывом религиозно-государственным началам устроения Руси, над укреплением которых усердно потрудился Ярослав Мудрый. Понятно, Ярославичи не могли оставить оскорбление без ответа, и, объединив силы для решительной битвы, двинулись против Всеслава. Мир стоит до рати...

Ожесточение противоборствующих княжеских "гнёзд" достигло кровавого накала, о чем свидетельствует следующая запись в ПВЛ: "И придоша к Меньску (это Минск, город во владениях Всеслава, - А.К.), и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менескъ, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты, и поидоша к Немизе, и Всеславъ поиде противу"[1]. Минск обезлюдел. На жестокость Всеслава князья-братья ответили жестокостью, на варварство - варварством. Колесо мести закрутилось. Военно-политическая ситуация определилась, но ситуация летописная замутилась.

ПВЛ под 1067 годом не сообщила ни о поджоге Новгорода Всеславом, ни о разграблении им знаменитого новгородского храма[2]. Возникло явное, непонятное противоречие: Киевский летописец-христианин притеняет и замалчивает факты, обличающие антихристианские и просто бесчеловечные действия князя-язычника, в то время как о жестокости его противников, продолжателей дела Ярослава Мудрого, пишет без смягчения, лаконично и сильно. Читатель озадачен. Он ожидал продолжения летописной тенденции, -

---

1 "Памятники...", с.180.

2 "Приде Всеславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ детьми, и до Неревьскаго коньца пожьже, и колоколы съима Святыя Софие. О, велика бяше беда въ час тыи! и паникадила съима, и

заступничества за князей-братьев и суровой критики Всеслава.

Нейтральный рассказ летописца ПВЛ о первой битве Ярославичей со Всеславом на Немиге не рассеивает недоумение читателя. Скорее, наоборот, потому что победа Ярославичей приглушается: "И бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бежа"[1]. Было бы ошибкой думать, будто летописец ПВЛ именно так, не поддерживая ни одну из сторон, описывает все междоусобные битвы, поскольку в принципе осуждает их как дьявольское наущение. Увы, это не так. И в ПВЛ много тому примеров[2]. На их фоне позиция стороннего наблюдателя, занятая тут летописцем, видится мнимо объективной, лукавой, рассчитанной на скрытую защиту достоинства Всеслава, потерпевшего тяжелое поражение, которое летописец мог бы по справедливости оценить как божье наказание за то, что Всеслав развязал междоусобную войну. Мог бы, если бы последовательно придерживался одних и тех же критериев истины. Грустный парадокс состоит, однако, в том, что, ревностно распространяя христианское учение, киевский летописец полагал возможным и целесообразным в интересах его утверждения не только исключать из истории неугодные события, но, как мы убедимся позднее, порой и

(продолжение к сноске 2 с.12) отъиде" (цитируется по реконструкции А.А.Шахматова "Новгородский сводъ 1050 года съ продолженiями до 1079 года", опубликованной в книге "Разысканiя о древнейших русскихъ летописныхъ сводехъ", С-Пб., 1908, с.627-628).

1 Памятники..., с.180.

2 Там же, с.156, 160, 161, 195-196 и др.

добавлять вымышленные факты, которые, по его мнению, служили этим интересам. Решение задачи облегчалось для него тем, что он, как правило, писал историю задним числом, нередко по воспоминаниям или рассказам других лиц. Жизнеописание Всеслава может быть ярким примером того, что летописец сознавал себя не только свидетелем, но и сотворцом истории.

Преднамеренное, необъективное освещение псковского и новгородского походов Всеслава может быть понято, если взглянуть на них в свете того, что в последующие два года сообщили о Всеславе киевские и новгородские летописи.

10 июля 1067 года случилось событие, логически непротиворечивое истолкование которого представляется абсолютно невозможным, если считать Всеслава волшебником. "По семь же (после разгрома Всеслава на Немиге – А.К.), месяца иуля въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, целовавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: "Приди к намъ, яко не створимъ ти зла". Он же, надеявъся целованью креста, перееха в лодьи черес Днепръ. Изяславу же в шатеръ предъидущу, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведъ Всеслава Киеву, всади и в порубъ съ двема сынома"[1]. Факты убедительно говорят: язычник Всеслав поступил как христианин, а Ярославичи, главные защитники христианства (среди князей), проявили себя клятвопреступниками, поправшими один из основных христианских символов. Летописец не дает никакого объяснения поведению князей в статье под 1067-м годом. Можно было бы сказать, что события застигли его врасплох, если бы он писал лето-

---

1 Памятники..., с.180.

пись по горячим следам. Но он писал ее много лет спустя и потому хорошо знал, что следующий год дал ему необходимые факты и аргументы для убедительного истолкования предыдущих событий с христианской точки зрения. И летописец превосходно воспользовался этой возможностью в статье под 1068 годом.

В этот год на Русь снова вторглись половцы, нанесли тяжелое поражение объединенным силам Ярославичей и принялись жестоко разорять города и веси. Возникла настоятельная необходимость объяснить причины столь неожиданного бедствия. Летописец видит их в том, что Русская Земля лежит в грехе, переживает время Божьего гнева. "Наши грехи"[1] летописец распространяет на всех и на себя тоже, но главная вина возлагается на князей. Их критику он облекает в одежды иносказания. Никто из ослушников Бога и отступников не называется по имени, но летописец создает сеть нравоучительных параллелей между их прегрешениями (преступлениями) и взятыми из Библии мудрыми поучениями, которыми Бог "говорит нам через пророка"[2]. Летописец явно рассчитывает на то, что читатель, сопоставляя поступки князей с библейскими цитатами, сам определит, что к кому относится. Чтобы показать словесное искусство летописца, приведу три его параллели: одну, адресованную преимущественно Ярославичам, одну - им и Всеславу, и одну - всем "неправедно живущим". Первая: адресат угадывается легко, хотя обвинение против князей упрятано внутрь длинной цитаты: "Доколе не насытитесь злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего, - говорит господь, - и соблазнили многих";

I Памятники..., с.180.

2 Там же, с.181.

поэтому: "Буду свидетелем скорым против врагов, и прелюбодеев, и клянущихся именем моим ложно, и лишающих мзды наемника, чинящих насилие над сиротами и вдовами и уклоняющих суд от правды"[I] (подчеркнуто мною - А.К.). Вторая: "... междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна"[2], которому, выходит, поддались как Всеслав, так и Ярославичи, усугубившие его агрессию своим вероломством. Третья: "... обратимся к покаянию, не воздавая злом за зло, ... постом, и рыданиями, и слезами смывая все прегрешения наши, - не так, что словом только называемся христианами, а живем, как язычники"[3]. И далее приводятся примеры широкого распространения двоеверия в народе.

Нашествие половцев стало самым тяжким наказанием народа и его правителей за отступление от Бога. Кроме того, на головы главных грешников - князей Изяслава и Всеслава - обрушились дополнительные несчастья. Изяслав был свергнут восставшими киевлянами с княжеского престола, его терем разграблен, а сам он бежал в Польшу. Всеслав I4 месяцев просидел в земляной тюрьме, однако, затем, по убеждению летописца, Бог воздал ему должное за веру в святость честного креста: после изгнания Изяслава киевляне провозгласили Всеслава великим князем Киевским: "Богъ же показа силу крестную на показанье земле Русьскей, да на преступить честнаго креста, целовавше его; аще ли преступить кто, то и зде приметь казнь и на придущемь веце казнь вечную"[4]. Чтобы

I Памятники..., с.183. Ввиду сложности текста для современного читателя, цитирую перевод, а не оригинал.

2 Там же, с.183.

3 Там же.

4 Там же, с.186.

утвердить читателя в истинности такого хода вещей, киевский летописец приводит свидетельство якобы самого Всеслава: "В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: "О кресте честный! Поneже к тобе веровах, избави мя от рва сего"[1]. Охранительный умысел летописца по отношению к Всеславу наконец-то вполне прояснился: односторонне-последовательно подбирая и редактируя все сведения о Всеславе, начиная с 1063-го года, летописец исподволь создавал задуманный образ князя-язычника от рождения, преобразившегося в идеального христианина. Ради этой высокой цели летописец сочинил внутренний монолог Всеслава, - вполне в духе профессионального литератора. Но где тонко, там и рвется. В самый ответственный момент его подвела память, и в тексте летописной статьи образовалось внутреннее противоречие, которое породило сомнение в ее достоверности.

Рассказывая об освобождении Всеслава из земляной тюрьмы, летописец отметил, что оно произошло 15 сентября[1], но затем, в монологе Всеслава, эта дата сместилась на день раньше[2]. Просчет, думается, можно объяснить психологически: летописцу, конечно, очень хотелось, чтобы подтверждение великой силы Святого Креста было продемонстрировано в день празднования его обретения и вызволения из плена. В увлечении он и не заметил саморазоблачительной оплошности.

Мог ли летописец, создавая образ Всеслава - обращенного язычника, обойтись без его внутреннего монолога? В том-то и де-

---

1 Памятники..., с.184.

2 Памятники..., с.186. Праздник Воздвижения Креста Господня отмечается церковью 14 сентября, когда, по словам Всеслава, Бог вызволил его из "рва сего", т.е. из земляной тюрьмы.

ло, что не мог. Ни в коем случае. Согласие Всеслава на встречу с Ярославичами, которые поклялись на кресте не причинять ему вреда, освобождение Всеслава из поруба и его провозглашение Киевским князем, - все эти события могли быть тогда объяснены двояко: либо Божьей волей, либо волей языческих богов[I]. Доверие Всеслава к Ярославичам, целовавшим крест святой, само по себе не могло быть свидетельством крепкой христианской веры Всеслава. Оно говорило о другом: о вере Всеслава в добропорядочность христианской репутации сыновей Ярослава Мудрого, и о политической неопытности молодого полоцкого князя. Мнимо великодушное предложение Ярославичей было принято им за чистую монету, за достойный для себя выход из унизительного положения, в котором он оказался после поражения на Немиге.

У летописца не было фактов, которые однозначно свидетельствовали бы о крепкой вере Всеслава в силу Св.Креста. Столь необходимое летописцу бесспорное подтверждение христианского преображение души Всеслава могло дать лишь его личное христианское истолкование спасительного поворота в своей судьбе. Именно для этого и был, я полагаю, сочинен внутренний монолог Всеслава. И лексика, и смиренно-кроткая интонация монолога совершенно не вяжутся с образом князя-бунтаря, поднявшего меч кровопролитной междоусобной войны. Летописец, несомненно, понимал это; ведь окончательная редакция статьи под 1068-м годом была сделана после смерти Всеслава, когда была хорошо известна вся его жизнь, далекая от христианского идеала. И тем не менее монолог был

I Есть и более позднее, третье объяснение. Историки и литературоведы безрелигиозного периода в истории Руси находят для [redacted] упомянутых событий прагматические причины.

сохранен. Почему?

Замысел летописца можно реконструировать примерно так. Языческим богам успешно противостояла Святая Троица, вере в бесов и духов - вера в святых и мучеников. Но образы священного уровня не восполняли одной острейшей духовной потребности времени,-- дать земной и мирской положительный пример, который привлекал бы к христианской вере русичей-язычников. Конечно, в Библии и в книгах святых отцов есть такие примеры, но, как всюду и всегда, нужен свой, родной, современный. Жизнь Всеслава давала хороший исходный материал для осуществления замысла. Летописец мог, конечно, и иначе подойти к идее создать свой образ Всеслава. Не в этом суть. Им, видимо, ощущалась необходимость обновления арсенала православия образом князя-язычника, ставшего образцовым христианином. Именно князя, потому что XI-ый век дал множество опаснейших для Руси примеров нарушения князьями христианских заповедей. Сама идея сотворить такой образ могла быть подсказана Деяниями Апостолов, тем более, что один из обращенных ими язычников носил имя Симон Волхв[2]. Но она могла возникнуть у летописца и независимо от Деяний, поскольку, что называется, носилась в воздухе. Заметим, кстати, что в то время вера в чудеса была всеобщей, и к мгновенному преображению души в результате крещения или вследствие иных причин люди относились как к общепонятной норме.

Idée fixe, овладевшая летописцем ПВЛ, удовлетворительно объясняет все странности и пропуски в биографии полоцкого кня-

---

1 Памятники..., с.186.

2 Он был известен летописцу: Памятники..., с.192.

зя. Когда факты входили в непримиримое противоречие с замыслом летописца, то эту старую-престарую дилемму, - невыгодные факты или любимая идея, - он снимал (ему мнилось, что снимал) жертвой фактов. Таким путем и такой ценой летописец согласовывал историю жизни Всеслава со своим замыслом.

Бросается в глаза, что ПВЛ ничего не сообщает о делах Всеслава, великого князя Киевского, и даже оставляет без ответа важнейший вопрос, который возбудил сам летописец: получили ли киевляне после изгнания Изяслава "оружье и кони"[1] и бились ли они второй раз против половцев? Летописец, похоже, сознавал, что эти умолчания надо объяснить. Ведь читатель вряд ли поверит, что деятельнейший Всеслав семь месяцев просидел на престоле, словно в темнице, без всякого дела. И вот летописец тонко подводит читателя к мысли, что Всеслав всецело был погружен в переживания своей новой, христианской веры. Монолог князя должен был продемонстрировать также и это состояние его души. Та же мысль, думается, неявно содержится и в кольцевой композиции летописной записи. Начальное словесное клише "кънязь седе въ...", почти дословно повторенное в конце[2], явно нажимает на глагол "седе" и на краткий срок княжения-седения. Если спроецировать, как того требует композиция, содержание обоих клише на содержание записи, то снова возникает подсказанная летописцем мысль о христианском самоуглублении новообращенного язычника в течение всего периода его киевского княжения.

I Памятники..., с.I84. В главе о "Слове о полку..." мы дадим свое истолкованье этой записи.

2 В ПВЛ я не нашел подобного случая, когда словесная формула "кънязь седе в..." так нарочито повторялась бы.

Мы старались показать, что охранительный умысел летописца облечен в искусно скроенные литературные одежды, которые, казалось, навсегда прикрыли от критики киевское княжение Всеслава. Но одно противоречие, возникновение которого летописец не мог предположить, время от времени тревожило [redacted] исследователей древнерусской истории и литературы. "Слово о полку Игореве" ясно свидетельствует, что Всеслав, верный своей натуре, развил на Киевском престоле бурную, разнообразную деятельность. Огромная трудность, однако, состояла в том, чтобы раскрыть конкретно-историческое содержание этой деятельности. Долгое время ученые никак не могли выйти из круга догадок и предположений. И вот в 1985 году круг был разорван. Вопрос о содержании великокняжеской политики Всеслава был поставлен на почву фактов и получил убедительное разрешение в статье В.А.Кучкина "Слово о полку Игореве" и междукняжеские отношения в 60-х годах XI века"[1]. Он показал, что Всеслав, будучи Киевским князем, эффективно проводил свою прежнюю политику разжигания междоусобиц, сумев втянуть в нее Святослава и Всеволода Ярославичей на основе заключения с ними обоюдовыгодного соглашения за счет интересов бежавшего в Польшу Изяслава. Сын Всеволода, Владимир, получил Владимир Волынский, сын Святослава, Глеб, - Новгород, а Всеславу оставался Киев, Полоцк и, возможно, Тьмуторокань.

Открытие Кучкина В.А. пролило свет на многие события конца 60-х - начала 70-х годов XI века, что и показано в его статье. Думается, понятней стали причины глухого молчания ПВЛ и других летописных сводов о киевском княжении Всеслава. История

I Вопросы истории, 1985, № II, с.19-36.

снова поставила летописца перед прежней дилеммой (факты или любимая идея), но развернутой по более широкому спектру его пристрастий: либо разоблачить сделку Всеслава со Святославом и Всеволодом, означавшую попрание заветов Ярослава Мудрого, либо умолчать о ней. Летописец принес в жертву факты, но сохранил свой образ Всеслава. Летописец не просто опустил факты, но заменил их идеологической проповедью о преображении языческой души Всеслава и о силе креста. Такой метод редактирования истории дожил до наших дней.

Если взглянуть на киевское княжение Всеслава критически, окажется, что они ничего не сделал для Бога и для церкви, хотя его душа будто бы была к этому готова. Увы, новая вера Всеслава оказалась мертворожденной. Это значит, что на самом деле ее не было. На самом деле летописец сочинил внутренний монолог якобы обращенного князя-язычника для духовного вооружения церкви и для идейного уничтожения молвы о Всеславе-язычнике, думая, видимо, вышибить клин клином, - не голой анафемой, не пустотой умолчания, а трогательной христианской исповедью самого князя.

Княжение Всеслава в Киеве закончилось столь странно-неожиданным поступком, что летописец почел за лучшее отказаться от какого-либо комментария. Когда князь Изяслав вернулся на Русь с войском польского короля Болеслава, своего тестя, "Всеславъ же поиде противу. И приде Белогороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыян , беже из Белагорода Полотьску"[1]. О мотивах бегства Всеслава летопись молчит, но мы можем представить их себе довольно отчетливо, исходя из его характера и из его новой политики. Расчет или страх руководил им? Всеслав не был трусом, и, потому, думается, надо отклонить все объяснения его поведения под

I Памятники..., с.186

Белгородом, которые основываются на предположении о его боязни потерпеть поражение от войск Болеслава и Изяслава. Будем придерживаться фактов. Всеслав не захотел ввязываться в войну за Киевский "злат стол": целью его междоусобной политики было не овладение этим столом, а противодействие объединительной стратегии Ярослава Мудрого. Убегая от киевлян в родной Полоцк, он знал, что на киевском троне, он уже сделал всё, что ему было надо: поссорил Ярославичей, ослабил их и тем самым усилил себя и свое княжество. Своим бегством Всеслав открыл Изяславу путь на главный стол в Руси, в надежде, что Изяслав, вернув себе власть, постарается затем вернуть себе и своим сыновьям все, что принадлежит им по праву старшинства и что Святослав со Всеволодом взяли себе во время его польского изгнания.

История показала, что расчет Всеслава оказался верным. Изяслав, конечно, начал с мести Всеславу, изгнав его в 1069 году из Полоцка. Но на Полоцк он ходил один, без братьев, которые, судя по всему, избрали тактику выжидания: городов, данных им Всеславом, они Изяславу не возвращали и своих войск ему в подмогу не посылали.

Всеславу не только удалось убежать от Изяслава, но он сумел в том же году найти общий язык с финским племенем вожан, дружины которых, возглавляемые Всеславом, 23 октября напали на Новгород. ПВЛ молчит об этом походе, потому что он закончился разгромом вожан и пленением Всеслава, а еще и потому, что образ идеального христианина абсолютно не совмещается с образом честолюбивого предводителя языческого племени. Разумеется, новгородские летописи не упустили случая отметить разгром Всеслава[1].

---

1 "О, велика бяше сеча "Вожаном! и паде их бещисльное

Второй раз Всеслав оказался в плену у своих противников, однако, новгородский князь Глеб, сын Святослава Ярославича, не передает Всеслава в руки своего дяди, киевского князя Изяслава, а отпускает на свободу "Бога деля", - может, потому, что Глеб стал княжить в Новгороде не без поддержки Всеслава в бытность его Киевским князем, но, скорее всего, причина была другой. Открытие В.А.Кучкина позволяет на нее взглянуть по-новому. Даруя Всеславу свободу, Глеб знал, что он снова устремится на борьбу с Изяславом, захватившим Полоцк. Эту цель, вероятно, Глеб и преследовал, будучи заинтересованным в ослаблении обоих князей-соперников и в сохранении Новгорода за собой. Формула "Бога деля" лишь прикрывала военно-политический расчет Глеба. Если б Глеб выдал Всеслава Изяславу, то это, несомненно, было бы шагом к примирению Ярославичей. Но Глеб поступил иначе, и, надо думать, что Изяслав понимал истинные мотивы его "христолюбия" к своему противнику.

Изяслав один продолжает борьбу против Всеслава, который опирался на поддержку полочан, с переменным успехом. В 1071 году Ярополк Изяславич побеждает Всеслава под Голотическом, и затем около двух лет в Полоцке, надо полагать, снова княжит Святополк Изяславич. Однако в 1073 году Святослав и Всеволод изгоняют Изяслава из Киева, заподозрив его в направленном против них сговоре со Всеславом. В эту оправдательную версию летописец не верит. ПВЛ прямо обвиняет Святослава, получившего Киевский Стол, в том,

---

(продолжение сноски со стр. 23) число; а самого князя отъпустиша Бога деля". Этот текст читается в Никоновской, Софийской I и Новгородской IV-й летописях.

что он захотел "большей власти", и обоих братьев - в нарушении отцовского завета. Второе изгнание Изяслава его младшими братьями мы можем считать стратегической победой Всеслава, торжеством его сепаратистской политики.

Всеслав вернулся в Полоцк, где и княжил до своей смерти. Мы узнаем это не из летописей, которые после 1074 года вплоть до года его кончины не сообщили о нем ничего, а из "Поучения" Владимира Мономаха. Во второй половине 70-х годов борьба между Всеславом, сыновьями Ярослава Мудрого снова обострилась, но ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Владимир Мономах трижды ходил на Полоцк (один раз с половцами), но взять его не смог. Всеслав пытался захватить Новгород (в третий раз) и Смоленск, но также потерпел неудачу. Однако общий итог борьбы Всеслава с центральной киевской властью был в его пользу: Полоцкая земля отложилась от Руси, жила и управлялась как полностью независимое княжество. Этому способствовало обострение отношений между Русью и Степью и расширение междоусобных распрей [redacted] русских князей в 80-е и 90-е годы, которым поэтому [redacted] не хватало сил на приструнивание непокорного Полоцка. Правда, Всеславу не удалось осуществить свои планы полностью. Все его захватнические походы окончились безрезультатно: Псков, Новгород и Смоленск не попали под его влияние, оставшись "под рукой" Киева. Мне кажется верной мысль П.В.Голубовского о том, что Всеслав замышлял подчинить Полоцку все области древнего расселения кривичей[1], частично подпавшие позднее под власть Смоленска,

---

1 П.В.Голубовский "История Смоленской земли". Киев, 1985. с.260-263.

Пскова и Новгорода, но попытка повернуть историю вспять провалилась.

3. Если новгородские летописи прочитать отдельно, не заглядывая в ПВЛ, то у читателя сложится вывод, что новгородскому летописцу была чужда киевская идея обращения Всеслава в христианство. Поэтому новгородец не скрывает фактов, свидетельствующих о жестокости Всеслава и о поругании им христианских святынь, и не заимствует из Древнейшего киевского свода монолога о христианском преображении полоцкого князя[1]. Если мы еще примем во внимание предположение А.А.Шахматова, что именно новгородскому летописцу изначально принадлежит рассуждение о рождении Всеслава от волхвованья[2], то позиция новгородца определится вполне ясно: он считал полоцкого князя воителем против христианства.

Когда в позднейшие новгородские своды также были внесены киевские записи о вере Всеслава в силу "честного креста", якобы круто изменившей судьбу князя, то они вошли в резкое противоречие с его первоначальными языческими характеристиками. И образ Всеслава... развалился? Сегодня мы склонны делать такой вывод. Однако логичнее, историчнее было бы сделать заключение

---

1 Срв. статью под 1068 годом в этом своде и в I-м Новгородском по реконструкции А.А.Шахматова.

2 Шахматов А.А. - "Разыскания...", § 290. Эта запись была, конечно, нужна и летописцу киевскому, и летописцу новгородскому. Я полагаю, А.А.Шахматов прав, приписывая ее новгородцу, так как ПВЛ она более устраивала без обвинительной концовки, в которой напротив, новгородский летописец остро нуждался для объяснения жестокости Всеслава.

в духе тогдашнего двоеверного времени. Подобно тому, как христиане Ярославичи нарушили клятву крестоцелования, исходя из предпочтения своих военно-политических и личных интересов религиозно-нравственным догматам, князь - язычник Всеслав произносил христианские речи, чтобы выйти из пожизненного тюремного заключения и продержаться некоторое время на Киевском престоле. Что же до его веры в то, что Ярославичи не нарушат клятвы, то тут он ошибся, заплатив за это I4-месячной тюрьмой. Однако в дальнейшем именно эта ошибка, похоже, возвысила его в глазах киевлян, и в критической ситуации они избрали Всеслава своим князем. Они тоже ошиблись, доверившись хитроизворотливому язычнику, - позднее им пришлось искупать свою вину жизнями многих десятков людей.

Биография Всеслава, если судить о ней по новгородским летописям, в которых нет предвзятой редактуры известий о его антихристианских поступках, прочитывается в целом как биография буйного князя-язычника, яростно бросившегося на штурм нового устроения государства с его центральной идеей единого бога - отца всех верующих и старшего великого князя-отца всех подданных. Этот вывод не подрывает и запись о преображении души Всеслава, поскольку очевидно из всей совокупности фактов, что киевское княжение нисколько не изменило ни его последующей политики, ни, следовательно, его души.

4. Сухое сообщение о смерти Всеслава, по форме повторяющее известие о смерти его отца, примечательно лишь нежеланием летописца хоть словечком оценить жизненный путь некогда образцового христианина. Всеславу не вынесено и порицания, но, думается, только потому, что оно подорвало бы читательское доверие к преоб-

ражению его души 33 года назад. И хотя летописец ПВЛ из 57 лет княжения Всеслава полностью проигнорировал 47, все же он умелой редактурой и интерпретацией немногих пригодных фактов худо-бедно осуществил свой замысел – создал образ князя, добровольно отказавшегося от языческой веры. Конечно, факты, имеющиеся в новгородских и псковских летописных сводах, разрушают образ Всеслава-христианина, склоняя мысль к тому, что он действовал в согласии со старой верой. Возможно, однако, что он не признавал всерьез и языческих богов, не верил ни в чох, ни в сон, а лишь в свою силу и удаль. Подобный тип рисковых князей есть в древнерусской литературе, не говоря уж об образах богатырей в русском эпосе.

П. Образ былинного Вольха Всеславьевича

Ныне общепризнано, что былина о Вольхе Всеславьевиче[I] принадлежит к древнейшему циклу русского эпоса. В принципе я раз-

---

I Известно одиннадцать списков былины, из которых 7 можно считать фрагментами. Цитаты будут, как правило, приводиться из былины по "Сборнику Кирши Данилова" (М., Наука, 1977). Исключения будут оговариваться.

Героя былины мы будем называть (принято – Волх Всеславьевич) Вольх Всеславьевич, хотя у него есть и другие имена – Вольга Буславлевич, Волх Сеславьевич, Вольга Святославьевич, Вольиа Всеславлевич). Имя "Вольх" встречается в былине гораздо чаще, чем имя "Волх".

деляю взгляд В.Я.Проппа[1] на былину о Вольхе и нахожу убедительными его доводы в пользу того, что первоначальный состав этой, пожалуй, самой многослойной былины сложился в охотничью эпоху. Мифологическая первооснова былины проявилась в ней в ряде древнейших образов и жизненных подробностей.

В.Я.Пропп оправданно видит в грандиозной картине рождения Вольха от княгини и змея поэтизацию тотемизма, а в описании охоты Вольха - оборотня еще одно доказательство глубокой архаичности эпоса. Дело в том, что охота Вольха - это его образ жизни и единственный источник жизненных благ для дружины, а не мужественное охотничье удальство, которым увлекались князья в эпоху Киевской Руси. Характерно также, что Вольх охотится один и один кормит-одевает всю свою дружину. За этим фактом стоит, думается, новая, мезолитическая эпоха: время коллективной, облавной охоты (палеолит) прошло, и появились возможности для удачной охоты в одиночку, а с ними и вера в огромные силы и способности человека, мифологически переосмысленная и приподнятая до уровня "премудрой науки" оборотничества.

Былина о Вольхе - уникальное явление русского героического эпоса: в ней очевидны напластования нескольких эпох в его развитии. Парадоксально, но факт: сюжетно охота включена в поход Вольха на Индейское царство[2] в качестве его первой части. Налицо контаминация разновременных слоев эпоса, относящихся к

---

1 В.Я.Пропп - "Русский героический эпос". М., 1958, с.70-75.

2 В других редакциях - на Золотую Орду или на Турец-землю.

мезолиту и ко времени раннегосударственных объединений. В былине между охотой и собственно походом лежит еще один пласт наслоений, представленный в сюжете разведкой сил противника и его предварительным разоружением. По содержанию - это военные, тактически-стратегические действия, не имеющие отношения к охоте, но по средствам осуществления они отражают мироощущение сказочного охотника. Вольх преодолевает все преграды и достигает своих целей, оборачиваясь то туром-золотые рога, то соколом, то "горносталем", портящим все боевое оружие в подвалах царя.

Сказочные мотивы ослабевают, но не исчезают вовсе и тогда, когда охота прекращается, и дружина устремляется на Индейское царство. К ним можно отнести живописное перевоплощение Вольха и его дружины в муравьев, пролезших под непреодолимыми воротами царства, а там, за воротами, Вольх снова

"Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею сталью збруею со ратною"

Разновременными напластованиями убедительно объясняются многие алогизмы и противоречия в былине.

Подобно другим былинным богатырям у Вольха есть богатырское вооружение эпохи Киевской Руси - "латы булатные", "злат шелом", "тяжка палица свинцовая". Но иногда в духе волшебных сказок Вольх просит дать ему все это ... в колыбель. Получив богатырское оружие, Вольх, однако, никогда не пользуется им - ни на охоте, ни на войне. Оно не нужно ему, потому что он всего добивается волшебством. Былина даже не упоминает о том, что он носит с собой какое-либо оружие.

В былине о Вольхе мирно сосуществуют факты и представления, относящиеся к различным эпохам. Весьма показательно его обучение различным "наукам":

"А и будет Вольх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учитца,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила ево уже пером писать,
Писмо ему в наук пошла".

Очевидно, эти стихи могли возникнуть только после принятия христианства и распространения письменности на Руси. Научившись читать и писать пером, Вольх в 10 лет "поучился ко премудростям", то есть, как поясняет былина, оборотничеству. Соединяя в общий курс обучения христианскую грамоту и языческое волхвованье, творцы былины не замечают в этом противоречия.

В былине нет абсолютной хронологии, пришедшей на Русь с христианством. Житейски - прагматическое исчисление времени ведется лишь относительно каких-либо природных явлений (день-ночь, ранний-поздний возраст и т.п.), причем оно свободно совмещается с мифосимволическим представлением о времени. Обыденно-привычно для Киевской Руси, что Вольх в 7 лет обучается грамоте, но его разговор громоподобным голосом в полтора часа от роду может быть понят только как факт мифологического сознания.

Значения чисел в былине красноречиво говорят о слиянии мифосимволического и прагматического восприятия времени в единое представление. Счетно-количественное, житейское понимание времени очевидно, когда речь идет об обучении 7-летнего Вольха грамоте. Когда же он 1 1/2 часов от роду просит дать ему палицу

в "300 пуд", то тут, очевидно, оба числа обретают мифосимволический смысл. Не берусь объяснить, почему именно взято $1^{1}/2$, а не 3 или $2^{1}/2$ часа, но что касается числа 300, то мои наблюдения над русскими сказками, былинами, пословицами и поговорками дают основание сделать такой вывод: число 10 и кратные ему числа выражают либо идею усиленного однородного единства, либо идею исключительной мощи. Так и в былине о Вольхе. В свою дружину он набирает (в разных вариантах былины) то 30, то 7000, то 40000 молодцев. Разница в численности дружин огромна, но от этого не изменяется их сила, потому что суть дела не в количестве дружинников, а в одинаковой символической мощи этих чисел и их одинаковом семантическом восприятии слушателями.

Возьмем другой и иной пример, в котором счетно-количественное значение числа нераздельно сливается с его метафорическим смыслом. Вольх собирает дружину 3 года, начиная с 12-летнего возраста, и все дружинники, подобно ему, имеют по 15 лет. Сама ситуация полностью вымышлена: князья на Руси не набирали в свои дружины только 15-летних юношей. Число 3 можно рассматривать и как число лет, действительно необходимых для создания дружины из 7000 воинов. Вместе с тем число 3 имеет и сказочно-символическое значение времени, в течение которого завершается подвиг или важное дело. Это значение явственно проступает потому, что в былине Вольха - не богатыри, а "одна ... хлебоясть"[1]. Понятно, что для подбора "хлебоясти" 3 года - чрезмерный срок и что тут число 3 может быть понято только символически. Числа 12 и 15, характеризующие возраст дружинников, пору их возмужания, не случайно, думается, выбраны творцами былины. По аналогии с другими мифологиями эти числа можно считать отголоском

---

1 Цитата из былины "Вольга" (Гильфердинг А.Ф. "Онежские былины", М., 1938, т.2).

давней эпохи славян, когда в таком юном возрасте совершался и завершался обряд инициации.

Странный характер носят отношения Вольха с дружиной. Если в других былинах, где богатырь действует не один, а с дружиной[I], дружина изображается как коллективный герой и достойный помощник богатыря, то в былинах о Вольхе дружинники в самом деле похожи на нахлебников ("хлебоясть"), а не на боевых товарищей. Характерен рефрен былины - "дружина спит, так Вольх не спит", а носится днем и ночью, чтобы одеть и прокормить дружинников. Всю работу по подготовке набега Вольх выполняет один. Такого странного образа дружины мы не найдем в других былинах. Вольх же более похож на языческого бога, чем на предводителя воинского отряда: он все предвидит, все знает, все умеет и все может. Его бессловесная дружина, умеющая лишь богато есть и одеваться, спать и убивать беззащитных, но, тем не менее любимая и опекаемая Вольхом, как его родная семья, - это и не дружина, и не охотничье племя, а некий поэтический симбиоз, возникший, вероятно, из притершихся за столетия отрывков эпических сказаний двух отдаленных эпох - мезолита и эпохи великого переселения народов. В этот симбиоз вросли три кратких фрагмента, которые можно соотнести со временем XI-го (письменная грамота, церкви, монастыри) и XVI-го веков (огненное ружье, шомполы) - очевидные следы позднейших переделок и доделок одного из самых древних героических эпосов.

В Природе огромное значение, помимо силы и хитрости, имеет

I Таких былин мало: "Данило Игнатьевич", "Ермак и Калинцарь", "Глеб Володьевич", былины о Василии Буслаеве.

скорость передвижения. Скорости завораживали древнего человека, и все недоступное ему в этом деле он объяснял колдовством. Только с помощью волшебной "науки" можно было, по его мироощущению, преодолеть невообразимо огромные земные пространства. Вольх сказочно щедро наделен этим даром, а совсем не так, как другие былинные богатыри, быстрота передвижения которых все же находится в границах наблюдаемого ими и их современниками мира вокруг. Не случайно, что у Вольха нет коня. Нет коней и у его дружины. Конь как средство передвижения и боевой товарищ ставит былинного богатыря на почву реальности, даже если конь наделен порой отдельными сказочными способностями. Кони не нужны волшебнику, освоившему все премудрости Природы. Вольх - это мечта древнего человека стать равным с Природой, не уступая ей ни в искусстве изменять внешний облик, ни в силе, ни в скорости.

В.Я.Пропп проницательно заметил, что финал былины о Вольхе также свидетельствует о ее глубокой архаичности и о напластовании различных эпох. Вольх и его дружина не возвращаются на родину после набега, а остаются володеть захваченным царством, поделив между собою его богатства:

А и молоды Вольх тут царем насел,
А то стали люди посацкия,
Он злата - серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякова брата по сту тысячей"

Поэтизация таких действий, как справедливо замечает ученый, могла возникнуть, скорее всего, в эпоху великого переселения народов, для которой были характерны истребительные нашествия и

захват-освоение чужих земель, в то время как для Киевской Руси, напротив, типична оборона своей родины от чужеземных набегов, что нашло отражение и в былевом эпосе. Финал былины с очевидностью подтверждает, что стихи о защите Вольхом Киева, церквей и монастырей - позднейшая вставка. В представлении о вознаграждении за подвиг отразилось смешение ценностей скотоводческой эпохи с гораздо более поздней эпохой, когда всеобщим мерилом богатства стало злато-серебро.

Вольх эпохален! Эпохален более любого былинного богатыря, не исключая Микулу Селяниновича и Илью Муромца. Вольх - фантастический герой многих языческих эпох, и охотничьей, и скотоводческой, и эпохи великого переселения народов, и родоплеменных княжеств. Герой, сохраненный народно-поэтическим творчеством и в эпоху христианства на Руси, поскольку народ после крещения еще несколько сот лет жил и мечтал по-язычески. По мере ослабления языческих верований, прежде всего, веры в оборотничество, естественно, уменьшалась и популярность образа Вольха.

Ш. Сопоставление образа былинного Вольха с летописными образами Всеслава

Летописные образы Всеслава отличаются от художественного образа Вольха, как срубленная и умело обструганная осина - от живого дуба с глубокой, таинственной корневой системой и с раскидистой кроной. Сопоставление образов возможно лишь по некоторым общим свойствам. Это - теоретически. Фактически мы обнаружили всего два совпадения между образами Всеслава и Вольха: их рождение и жестокость их характеров. Присмотримся к сходству

повнимательнее. В былине рождение изображено так:

"По саду, саду зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с кмени скочила на лютова змея;
Обвиваетца лютой змеи
Около чебота зелен сафьян,
Около чюлочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну,
А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могучь богатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стреслося славно царство Индеиское,
А и синея моря сколыбалося
Для - ради рожденья богатырскова,
Молода Вольха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Заицы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам".

В летописях о рождении Всеслава сказано: "его же роди мати от вълхвованья", без какого-либо разъяснения по существу, что

значит такое рождение. В начале XII века можно было понимать эту строку по-разному: как результат колдовских чар, осуществленных с согласия князя и княгини, как результат тайного наговора волхвов и даже как следствие тайного тотемического брака (были, конечно, еще и такие верования). Летописец, не разъяснив конкретного смысла своей записи, похоже, рассчитывал как раз на ее свободное истолкование каждым читателем в меру своей подготовленности. Но при любой интерпретации этот отрывок из народного сказания о Всеславе не дает малейшего основания для постановки вопроса о влиянии ординарной летописной записи на творцов высокохудожественной былины. Еще более значима противоположная идейно-нравственная ориентация летописца и слагателей былины: летописи осуждают волхвованье как источник зла, а былина превозносит, - как источник сказочной силы и мудрости Вольха. Совершенно иное, чем в летописях, отношение к жестокости Вольха видим мы в былине. Эта черта характера возводится тут в доблесть.

Подведем итоги. При семантическом сопоставлении оба сходства между летописными образами Всеслава и былинным Вольхом оказываются мнимыми, и потому не сближают, а еще больше отдаляют их друг от друга, генетически разводят их по разным историческим эпохам.

Другие их сущностные характеристики вообще являются полярными. Вольх - сказочный волшебник и оборотень, Всеслав - нормальный человек; Вольх - непобедимый богатырь и покоритель далекого царства, у Всеслава несчастия и позор явно перевешивают его редкие победы; Вольх ведет войну с чужеземцами, Всеслав - с соотечественниками; Вольх заботится о дружине, как отец о де-

тях, Всеслав, словно тать, ночью убегает от киевлян - своих спасителей и благодетелей; Вольх остается царем в покоренной стране, Всеслав возвращается в Полоцк, где и оканчивает жизнь. Противопоставления можно и продолжить...

Словом, нет оснований для утверждений о влиянии летописных образов Всеслава[I] на образ былинного Вольха, равно как и для утверждений о влиянии образа Вольха на образ Всеслава. Запись же в ПВЛ о его рождении, скорее всего, имела своим источником не дошедшее до нас эпическое сказание о Всеславе, на существование которого она, в свою очередь, и указывает. Летописцы ПВЛ, как это установлено многими исследователями, представляли сказания, легенды как вполне достоверные источники сведений и потому ставили их в один ряд с историческими событиями.

IУ. СООТНОШЕНИЕ ОБРАЗА ВСЕСЛАВА В "СЛОВЕ О ПОЛКУ", В ЛЕТОПИСЯХ И ОБРАЗА ВОЛЬХА ВСЕСЛАВЬЕВИЧА

"Главная трудность "Слова" лежит отнюдь не в лексике и не в грамматике, а в его стилистическом многообразии" (Р.О. Якобсон).

"Ибо характер "искажения" сведений, - это, может быть, одно из самых любопытных и важных исторических сведений, которые могут быть извлечены из памятника как остатка истории" (Д.С.Лихачев).

I В литературе нередки суждения о князе Всеславе Полоцком как прототипе образа Вольха. Этот взгляд дожил до наших дней. Не понятно, однако, на что он опирается. Ведь никто из исследователей не знает о Всеславе ничего сверх того, что сказано о нем в летописях и в "Слове".

Исследователи древнерусской литературы справедливо отмечают широкую вместительность многих ее жанров, включая и "Слово". Характернейший пример – "Слово о полку Игореве". Оно объединяет эпические и лирические жанры: героическую песнь и воинскую повесть, былину, "плач", "причитание" с ораторским "словом-поучением", с лирическим "словом-обращением", со словом-элегией по случаю гибели Изяслава, сына Василькова и т.д. Трудно одним понятием определить жанр "Слова о полку" в целом и даже некоторых его крупных фрагментов, в частности, повествования о Всеславе. Оно называлось героической песнью в духе Бояна (А.С.Орлов), эпосом (Р.О.Якобсон), былиной, но чаще всего его яркая жанровая специфичность оставалась без определения. У меня есть своя точка зрения на это, но, не желая забегать вперед, я буду пока называть фрагмент о Всеславе "Словом о Всеславе", что исторически вполне оправдано.

I. При сопоставлении "Слова о Всеславе" с летописями бросается в глаза совершенно различная последовательность и взаимосвязь событий и фактов, характеризующих Всеслава. Судите, читатель, сами:

	Летописи и Поучение Вл.Мономаха		"Слово о Всеславе
Дата	Наименование события	Дата	Наименование события
I044 г.	I. Чудесное рождение Всеслава		Эти события отсутствуют в "Слове"
I044 г.	2. Смерть отца Всеслава		
I060 г.	3. Поход Ярославичей (с участием Всеслава) против торков		
I063	4. Всеслав начинает междоусобную "рать"		
I065	5. Всеслав осаждает Псков		

Дата	Наименование события	Дата	Наименование события
	Отсутствует	нет	I.Характеристика времени и замыслов Всеслава
I067 г.	6. Всеслав захватывает и разрушает Новгород	нет	2.В "Слове" отнесено к более позднему времени (см. п.4)
	Есть, но в иное время и в иной трактовке (см. пп. 9, I0)	нет	3. Всеслав захватывает Киевский престол
	Есть, но в иное время и с иными последствиями (см. п.II)	нет	4.Бегство Всеслава из-под Белгорода и захват Новгорода
I067 г.	7. Сражение Всеслава с Ярославичами на Немиге. Поражение Всеслава	нет	5.Сражение на Немиге.
I067 г. июль	8. Пленение Всеслава и заключение его в тюрьму (вместе с сыновьями)	нет	Отсутствует
I068 г. сентябрь	9. Восстание Киевлян. Изгнание Изяслава и провозглашение Всеслава Киевским князем	нет	Это событие описано иносказательно (см. п.3)
до марта I069 г.	I0.Княжение Всеслава в Киеве	нет	6. Продолжение княжения Всеслава в Киеве:
	Отсутствуют		а) Раздача городов князьям; б) поход на Тьмуторокань; в. заутреня в Полоцке
I069 г. март	II.Бегство Всеслава из-под Белгорода, конец его княжения в Киеве	нет	Есть, но в иное время и в иной трактовке (см. п.4)
I069 г.	I2.Второй поход Всеслава на Новгород, разгром и второе пленение Всеслава	нет	Отсутствуют
I075 г.	I3.Третий (тоже неудачный) поход Всеслава на Новгород	нет	Отсутствуют

Дата	Наименование события		Дата	Наименование события
1077 г.	14. Поход Всеслава на Смоленск	нет		Отсутствуют
1101 г.	15. Сообщение о смерти Всеслава	нет		Отсутствуют
	Отсутствуют	нет		7. Подведение итогов политики Всеслава от Бояна и от Автора

Различия между летописной и поэтической версиями биографии Всеслава столь разительны, а порой и странно-непонятны, что возникает вопрос: А знал ли Поэт[1] ПВЛ или другие летописи? Подавляющее большинство исследователей уверенно отвечают: знал. Высококультурный Автор "Слова" просто не мог не знать летописания. Однако многое в истории Руси он понимал не так, как летописцы. "Слово" убедительно демонстрирует глубину и оригинальность историко-философского мышления Поэта. Вместе с тем, верный своему методу "писать по былям своего времени", Поэт, – и это не раз было подтверждено исследователями, – с поразительной точностью воспроизводил исторические факты и события. Единственное исключение – "Слово о Всеславе". Многообразные и часто нелепые искажения истории не имеют аналогии в "Слове о полку" и потому не могут быть объяснены простой ошибкой на особенности художественной композиции. Каждое отклонение – искажение должно быть понято в связи с общим замыслом поэмы, но именно это-то, кажется, и не поддается разумному истолкованию. К примеру: Зачем надо три новгородских похода Всеслава объединять в один? Зачем изображать его как победоносный, а само время похода переносить на два года позже действительного похода Все-

1. Вслед за А.С.Пушкиным мы будем так называть Автора "Слова о полку".

слава, когда он захватил Новгород? Зачем понадобилось Поэту устраивать хронологическую чехарду, разделяя киевское княжение Всеслава на два периода таким образом, что внутри него оказывается битва на Немиге, которая была до него, и бегство из-под Белгорода, которое было после него? Все подобные нелепицы (мы пока назвали лишь некоторые из них) объединяет то, что они разрушают нормальное представление читателя об историческом времени-пространстве, а, следовательно, и представление самого Поэта? Заведомая нарочитость подобного разрушения бесспорна, но ее причина не понятна.

Давно замечено, что летописи и "Слово о полку" по-разному маркируют время событий. В "Слове" нет ни одной даты. Привязка событий, описанных в "Слове", к историческому времени осуществлена исследователями в XIX-XX столетиях путем сопоставления с летописными сведениями княжеских имен и топонимической локализации событий. В общем подходе к изображению времени "Слово о полку" подобно эпосу или самому раннему летописанию, в котором отсутствовала абсолютная (от сотворения мира) хронология событий. В подходе к композиции событий "Слово о Всеславе" отличается от "Слова о полку", которое, в свою очередь, отличается от летописей (тут мы имеем в виду только XI-XII века). Хронологический принцип летописей заменен в "Слове о полку" ассоциативно-смысловым, сближающим далекие или разделяющим близкие события с целью наиболее полного и яркого раскрытия авторского замысла. Поэт свободно - целесообразно оперирует в "Слове о полку" со временем, но в "Слове о Всеславе" целесообразность, кажется, бесследно испаряется; в перестановке событий здесь господствует произвол, зачем-то, разумеется, необходимый Поэту. В

эпосе мы вообще не можем говорить о перемещении событий во времени, потому что тут и герой, и события – вымышленные, а не подлинно-исторические. Тут-и, в частности, в эпосе о Вольге ярко представлено другое явление – безразличие к хронологии событий, перемешивание времен и эпох, но оно обнаруживается лишь в результате специального анализа, оставаясь незамеченным для слушателя (читателя). В былине о Вольге реалии и характерные явления разных эпох и веков функционируют и воспринимаются как синхронные, сосуществуют, словно соседи, в вечно одинаковом эпическом времени. Понятия „раньше" и „позже" здесь имеют смысл только в пределах сюжета самой былины, – в этом отношении "Слово о Всеславе" ближе к эпосу, чем к "Слову о полку", с тем, правда, различием от эпоса, что равнодушие ко времени свершения события носит в "Слове о Всеславе" показной, демонстративно-подчеркнутый характер. Поэт как бы говорит читателю: важно не то, когда Всеслав захватил Новгород, в 1067 или в 1069 году, и откуда он напал на него, из-под Белгорода или из-под Полоцка, а важно то, что Всеслав его захватил. Однако Поэт тем самым противоречит себе самому, озадачивая читателя недоумением: почему это вдруг Поэту стала неважна правда, которую он так ценил до этого и которую он, провозгласил верховным принципом своего песнетворчества?

Всеслав, свободно перемещающийся из будущего в прошлое, – это герой, подчинивший себе время. Естественно, что он покоряет и пространство, преодолевая его со сказочной быстротой. Всеслав одним "скоком" промахивает расстояние в тысячу вёрст, обгоняя Хорса, бога Солнца. Наверное, поэтому конь ему не нужен. В русском эпосе подобные способности имеет только один бога-

тырь, - Вольх Всеславьевич, который, естественно, также не имеет коня. Тут-то и возникает мысль об уподоблении Всеслава не эпическому герою вообще, а былинному богатырю Вольху Всеславьевичу. Совершенно не понятно, однако, зачем это надо Поэту, - ведь героизация образа Всеслава, зачинателя нового цикла междоусобных войн, входит в противоречие с замыслом "Слова". Тут что-то не так.

2. В летописях история Всеслава начинается с его рождения. В "Слове" о рождении Всеслава вообще не упоминается, но при этом, - так же, как в летописях и в эпосе о Вольхе, - начало "Слова" имеет основополагающее значение для повествования о нем.

1. На седьмом веце Трояни
2. връже Всеславъ жребии
3. о девицю себе любу"[1]

Смысл этих стихов не вполне ясен. Бесспорно, что Всеслав принял судьбоносное решение, но когда и какое, - не понятно, потому что и время, и цель (мечта) прямо не названы, а охарактеризованы иносказательно.

При истолковании первого стиха мы исходим из того, что Тро-

---

1 Древнерусский текст "Слова" приводится в реконструкции Колесова В.В. с некоторыми моими конъектурами (см. А.Косоруков. - Гений без имени. Современник, 1986, с.176-206. Дальше: Гений ...). Нумерация стихов вводится для того, чтобы в дальнейшем избежать их многократного цитирования.

ян – восточнославянский языческий бог ратного дела[1] и что "век Трояна" означает "время Трояна"[2]. У каждого языческого бога были определенные функции, а время каждого, следовательно, также имело функциональный характер. Бог Солнца "ведал" солнечным временем, бог Ночи – ночным, а бог Ветра – лишь временем, когда дули ветры и т.д. Троян же, понятно, получал власть над временем, когда шла война. Значит, "вечи Трояни" – это военное время языческой Руси, которая вела под покровительством Трояна. В таком же смысле понятие "вечи Трояни" употреблено и в другом месте "Слова":

Были вечи Трояни,
минула лета Ярославля,
были пълци Олговы,
Ольга Святьславлича.[3]

Повторение глагола "были", ритмический параллелизм между первым

---

1 Несколько новых соображений в защиту этой интерпретации высказаны в книге "Гений...", с.44-50. Недавнее истолкование Соколовой Л.В. (ТОДРЛ. XLIV, с.325-363), основанное на предположениях В.Л.Янчука, не содержит убедительных аргументов для пересмотра того мифологического понимания "Трояна", которого придерживаюсь также и я.

2 В нынешнем значении (столетие) слово "век" тогда не употреблялось. Древнерусский "век" неопределенен, от "века" земной жизни человека до "века" его загробного бытия (см. И.И.Срезневский – "Материалы...").

и третьим стихами сближают их и по смыслу. Это позволяет определить неизвестное через известное, - уточнить содержание понятия "веца Трояня" через раскрытое ранее самим Поэтом выражение "пълци Олговы" (междоусобные походы Олега). Следовательно, "вецы Трояни" - это военное время междоусобиц. И хотя оно было задолго до княжения Ярослава Мудрого, оно, однако, не миновало безвозвратно, а снова ожило в походах Олега Гориславича и его современника Всеслава Полоцкого.

В контексте, где точная историческая хронология исключается, число "семь" ("на седьмомъ веце Трояни") должно осмысливаться символически. Именно так подошел к его истолкованию Д.С. Лихачев, опираясь на христианскую символику семерки. Однако "Слово о Всеславе" насыщено не христианскими, а языческими представлениями. Поэтому вернее будет взять за основу символическое значение 7 в русском фольклоре. По моим наблюдениям, оно осмысливается там как "неопределенное множество", от "несколько" до "много": "семеро одного не ждут", "семь бед - один ответ", "седьмая вода на киселе"[1] и т.д. Одна пословица может быть прямой иллюстрацией к нашему анализу: "Быть тебе семь веков на людских памятях"[2]. Следовательно, выражение "на седьмомъ" веце Трояни" означает относительно позднее трояновское время, когда уже прошло несколько периодов войн под эгидой этого бога. Поскольку Всеслав Полоцкий и Олег Гориславич активно действовали во второй полови-

---

I См. подробнее в кн. "Гений...", с.I26.

2 "Пословицы и поговорки русского народа", сб-к Вл.Даля, т.I, с.233 и т.2, с.I82, Москва. Худ. лит-ра, I984 (Далее будут ссылки на это издание).

не XI века и оба яростно проводили междоусобную политику, постольку и об Олеге можно сказать, что он испытывал свою судьбу "на седьмомъ веце Трояни".

Во втором стихе ("връже Всеславъ...") речь, очевидно, идет о том же времени, что и в первом, и, следовательно, определение его сущностной специфики дается именем Трояна. "Каковы веки, таковы и человеки"[1], а веки и человеки таковы, каковы их боги, - во всяком случае, для древнего русича. В первом стихе время маркируется именем мифического Трояна, во втором же - именем исторического Всеслава. Его жизнеописание известно нам сравнительно неплохо. Благодаря этому проясняется историческое время бросания им жребия: не ранее 1063 года, когда Всеслав "рать почалъ", видимо, против Ярославичей, и не позднее 1065 года, когда он осадил Псков, твердо став на троянский путь междоусобных войн.

Языческое время Трояна, оказывается, еще длится, врезавшись в христианское, активно проявляя себя в делах Всеслава Полоцкого и подобных князей.

Прошлое ожило в междоусобной политике Всеслава, и потому Поэт вспомнил о времени Трояна. Прошлое бросило вызов настоящему, так как Всеслав решил силой восстановить полновластие племен-княжеств, существенно ослабленное при Владимире Святом и особенно при Ярославе Мудром. Всеслав мог бы, следовательно, с полным основанием называться "внуком Трояна" в том символическом значении слова "внук" (продолжатель дела), которое оно имеет в "Слове"[2].

1 Вл.Даль, - Пословицы и поговорки русского народа", т.I, с.238.

2 "Гений...", с.44-50.

Определение времени по имени языческого бога Трояна и сказочный иносказательный образ вопрошания судьбы (бросание жребия) сообщают тексту мифологический, народно-поэтический колорит. Вместе с тем личное имя полоцкого князя вводит в стилистику точное историко-реалистическое начало. Таким образом с первых же стихов в "Слове о Всеславе" сплетаются два стилевых принципа.

Поэт налагает мифологическое время на историческое, мифологический образ Трояна на исторический образ Всеслава, чтобы определить одно через другое, "схватить" и показать их тождественно-различную суть. В результате мифоэпическая характеристика времени приобретает хронологическую конкретность (I063-I065), а содержание исторического времени осмысляется как продолжение времени войн между восточнославянскими племенами. Образ же Всеслава как бы вставляется в рамку образа Трояна в качестве продолжателя его дела. В таком сближении уже содержится ядро критического осмысления образа Всеслава.

Ещё один стилеобразующий элемент просвечивается в загадочном образе "девицы себе любы", в котором воплощена заветная цель всех действий Всеслава. В настоящее время господствуют следующие истолкования стиха: тут речь идет о захвате либо Киева, либо Новгорода. Как видно, разница между вариантами незначительна. Важнее то, что их объединяет: бросание жребия о "девицю себе любу" понимается как решение Всеслава захватить один из главных оплотов Ярославичей. Исследователи[I] опираются на ле-

I Ранее я защищал первое истолкование ("Тений...", с.I27,.

тонкий пример, в котором женитьба на любимой понимается иногда как метафора взятия желанного города[1]. Отождествление "девицы себе любы" с захватом Киева (Новгорода) ныне представляется мне некорректным. Дело в том, что в "Слове о Всеславе" мечта князя неразрывно связана с его вопрошанием судьбы, а не со взятием города, как в летописи. Из-за этого различия рушится аналогия между ситуацией в "Слове" и в летописи. Кроме того, – и это очень важно, – ни к Киеву, ни к Новгороду Всеслав не относится как к своей заветной мечте, осуществление которой и есть конечная цель его новой политики. Он явно не дорожит Киевским "столом", а потому при первом же удобном случае избавляется от него. Столь же решительно отказывается Всеслав и от захваченного Новгорода, предав пожару один его "конец" и ограбив храм Св.Софии. Разумеется, если б Всеслав мечтал "жениться", слить свою судьбу с судьбой Киева или Новгорода, он не стал бы в самый ответственный момент предавать киевлян или озлоблять новгородцев, отрезая себе путь на киевский (новгородский) престол.

Проблематичность отождествления женитьбы на "девице себе любе" с захватом города ощущал А.А.Потебня, предложивший рассмотреть другую ассоциативную аналогию, – между ситуацией "бросания жребия о девице себе любе" и сказочными однотипными ситу-

---

1 К сожалению, я никак не мог разыскать в своем архиве ни этого примера, хотя хорошо помню, что он у меня есть, ни вспомнить имя исследователя, первым разыскавшего его.

ациями добывания себе в невесты царской дочери[I]. Мысль А.А.Потебни, высказанная им вскользь, представляется мне продуктивной, но нуждается в развитии. И в сказках, и в "Слове о Всеславе", и в былине о Вольхе решение героя является судьбоносным для всей его последующей жизни, а вместе с любой девицей добывается полцарства или все царство. Но, кроме сходства, между эпической (сказочной) ситуацией и ситуацией в "Слове о Всеславе" есть существенные различия.

И в сказках, и в былине о Вольхе цель (мечта) не зашифрована иносказанием, там ясно, что царство – это царство, а невеста – невеста. Иносказательная, порой почти герметичная символичность языка "Слова о Всеславе" составляет его первую и главную особенность. Смысл, вложенный Поэтом в выражение "девица себе люба", совершенно не понятен. Отсеяв его отождествление с Киевом или Новгородом, мы тем самым цели Всеслава не определили, хотя и несколько уточнили установку Поэта. Аналогия с эпосом подсказывает иной подход к решению нашей задачи. Дело в том, что сказка и былина заканчиваются, как только герой добивается цели. Если по аналогии взглянуть на "Слово о Всеславе", то его конец и должен нам показать, что же было для полоцкого князя мечтой, выраженной словами "девица себе люба".

3. С четвертого стиха начинается развитие сюжета "Слова о Всеславе".

4. Тъй клюками подъпьрся окони
5. и скочи къ граду Кыеву,

I А.А.Потебня: "Слово о полку Игореве", 2-е изд., Харьков, с.123.

6. и дотчеся стружием

7. злата стола киевскаго"

Здесь остановимся, потому что восьмой стих открывает новый виток сюжета.

Древнерусское слово "клюка" означает (по И.И.Срезневскому) "хитрость", "обман", но и "фанфарон", "самохвал", а также клюка-"костыль". Почти все исследователи "Слова" согласны, что в четвертом стихе речь идет о "клюках" - хитростях, но в истолковании их конкретного содержания фиксируется, по крайней мере, две точки зрения.

А.В.Лонгинов полагает, что в "Слове" имеются в виду "клюки"[I] не Всеслава, а его главного противника, Изяслава Ярославича: нарушение им и его братьями клятвы крестоцелования, то есть хитрость Изяслава, обман Всеслава, стоивший ему заточения в темницу. Исследователь сознает шаткость своей точки зрения, входящей в противоречие с текстом "Слова")тут говорится о "клюках" Всеслава), но не находя в "Слове" и в летописях ни одного примера хитростей Всеслава, заключает: "Как бы то ни было, но одно уже упоминание летописцем в некрологе о смерти Изяслава о клюках невольно заставляет подозревать бывшую связь их с клюками "Слова"[2]. Исследователя не смущает, что летописец, отрицая "клюки" Изяслава[3], не связывает их ни с чем и ни с кем. По-

---

I Лонгинов А.В. - "Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича", Одесса, I892, с.I60-I62.

2 Там же, с.I6I.

3 "Любя правду, клюкъ же в немъ не бе, ни льсти" (Ипатьевская летопись, под I078 год).

лучается, что версия А.В.Лонгинова построена по принципу "тем хуже для фактов".

Второй вариант истолкования "клюк" Всеслава является для меня психологической загадкой. Многие исследователи полагают, что под "клюками" Поэт имеет в виду хитрости Всеслава, связанные с одним из моментов конфликта между киевским князем Изяславом и киевлянами, которые безуспешно требовали от него дать им "оружье и кони" для нового сражения с половцами, победившими объединенные дружины Ярославичей. Второй вариант истолкования[I] основан на нескольких немотивированных догадках. Предполагается, что Всеслав, сидя в земляной тюрьме, каким-то тайным образом узнал о сути конфликта между Изяславом и киевлянами, изъявил желание дать им "оружье и кони", если они освободят его и изберут своим князем, и что киевляне приняли его условие. Изяслав бежал в Польшу, и на Киевский "злат стол" сел Всеслав. И что же дальше? Логика истолкования побуждает дать ответы на вопросы: получили ли киевляне оружие и коней? Ходили ли они биться с половцами? Исследователи обычно обходят эти вопросы, потому что ответов нет, - ни в летописях, ни в "Слове", вообще нигде. Историки не знают ни единого упоминания о битве возмущенных киевлян с половцами. Её, наверное, не было. Это означа-

---

I Его придерживаются: Лихачев Д.С. - "Слово о полку Игореве" и культура его времени". Л., "Худ. лит-ра", 1985, с.97-98; Адрианова В.П. - Перетц. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII веков. Л., Наука, 1968, с.160; Рыбаков Б.А. - "Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве", М., Наука, 1972, с.453, и другие авторы.

ет, что второй вариант истолкования был обречен на то, чтобы вечно оставаться догадкой.

Несколько лет назад В.Л.Виноградова опубликовала статью, в которой доказала, что слово "окони" в 5-м стихе "по смыслу не связано с конями"[1]. Следовательно, отпадает единственное основание для догадок, лежащих в основе второго варианта прочтения "клюк". Дело в том, что вся цепочка рассуждений его сторонников держалась на этом "окони", связывавшем "Слово" с летописной статьей под 1068-м годом. Когда же связь рухнула, бросилось в глаза, что летописец, говоря о требовании киевлянами оружия и коней, не упоминает о "клюках" Всеслава, а бесспорно констатирующее их "Слово о полку" не упоминает ни о конях, ни об оружье. Ниточка связи между "Словом" и летописью оборвалась, и стало абсолютно нечем подкрепить второй вариант истолкования "клюк", ибо вся жизнь Всеслава, а не только годы, проведенные им в Киеве, не дает ни единого примера каких-либо его военных или житейских хитростей.

К доказательствам Виноградовой В.Л. мы можем добавить еще одно. Обратим внимание на то, что в "Слове" о "клюках" говорит-

---

I Анализ стиха, выполненный В.Л.Виноградовой ("О некоторых словах и выражениях в "Слове о полку Игореве", - в книге "Слово о полку Игореве" и его время". М., Наука, 1985, с.139-146) побуждает меня отказаться от своей прежней редакции и трактовки этого места. ("Гений...", с.200). Из трех вариантов прочтения "окони", предложенных В.Л.Виноградовой, контекст, думается, приемлет только первый ("окони" = "сначала").

ся вслед за тем, как Всеслав принял решение о войне против Ярославичей, и до того, как он "скакнул" к Киеву. Отсюда вытекает, что под "клюками" Всеслава Поэт не мог мыслить его хитроумное вмешательство в конфликт между киевлянами и Изяславом, так как Всеслав в это время был далеко от Киева. Тем настоятельнее становится, однако, вопрос: в каком же смысле Поэт говорит о "клюках" Всеслава? Кажется, нет возможности даже подступиться к прояснению смысла пресловутых "клюк". Неожиданная помощь приходит совсем не оттуда, где её искали долгие годы. Поэт, акцентируя значение хитростей как единственной опоры для его "скока" к Киеву и овладения киевским престолом, дает нам ниточку связи образа Всеслава с образом Вольха, хитрости которого сыграли столь же исключительную роль для его "скока" к Индейскому царству и захвата трона Индейского царя[1]. Снова оказавшись на пути сопоставления этих образов, мы, приглядевшись, замечаем, что сходство между "клюками" Всеслава и Вольха хоть и броское, но внешнее, зато различия между ними относятся к самой сути образов.

"Науку" оборотнических "хитростей-премудростей" Вольх показал на деле. При подготовке к походу он "обернулся горностаем", проник в хранилища оружия и там "у каленых стрел железцы повынимал, у тево ружья веть у огненнова кременья и шомполы повыдергал", то есть разоружил войско противника. И второй чудесный подвиг Вольх совершил, когда провел в щель под воротами цар-

---

I Аналогии с другими былинными богатырями не возникает, потому что они побеждают чаще всего силой, иногда – силой и хитростью, Вольх же – всегда только хитростью.

стве себя и семь тысяч своих дружинников, обернув всех "муравьиками". Первая военная хитрость показывает также, что Вольх проявил дальновидность при подготовке к походу в чужую землю. В "Слове" же хитрости Всеслава не только не подкрепляются ни примером, ни мудростью предвидения, но и опровергаются фактами. Ведь по летописям известно, что "скок" к Киеву Всеслав осуществил из-под Орши в качестве пленника Ярославичей, в оковах, сидя на повозке под охраной дружинников. Получается, что хитрости Всеслава и его "скок" к Киеву - мнимые, что Поэт, употребляя эти слова, переосмысливает их, придавая им насмешливые значения. Следовательно, 4-й стих по своему подлинному смыслу, который вложил в него Поэт, надо понимать так: единственной "опорой" Всеслава для похода на Киев было его самохвальство ("клюки"). Не удивительно, что в результате он сел не на киевский "злат стол", а в киевскую земляную тюрьму.

Насмешливое значение "клюк" заложено в семантике этого слова, но как возникает насмешливое переосмысление глагола "скочити" (пятый стих)? И.И.Срезневский констатирует, что глагол "скочити" среди прочих имеет значение "самовольно занять, захватить (престол)". Будучи подсвечено контрастным историческим фоном, оно, естественно, осмысливается как едкая насмешка, как сатира на фанфарона, похвалявшегося (это, наверное, было известно Поэту) добыть копьем киевский престол, но по пути потерпевшего сокрушительный разгром от Ярославичей, затем глупо попавшегося в расставленную ими политическую западню, из которой его извлекли и посадили на "злат стол" киевляне.

Глагол "скочи" (аорист) означает действие мгновенное или

недлительное, которое полностью завершилось в прошлом[1], и, значит, его необходимо переводить "скакануя", "прыгнуя", но не "скакая", "мчался". Место, откуда Всеслав "скакнуя" к Киеву, не называется, и потому получается (по первому плану повествования) прыжок из неизвестности. В этом можно увидеть намек на земляную тюрьму, где, казалось, забытый всеми князь просидел более года, но в этом есть также смысловая и лексическая аналогия со скоками Вольха, который откуда-то "первый скок за целу версту скочил, А другой скок не могли найти". Правда, одноединственный скок Всеслава откуда-то к Киеву и на киевский престол намного фантастичнее "скока" Вольха. Явно чрезмерная гиперболизация быстроты движения Всеслава к Киеву оборачивается насмешкой, - ввиду неизбежной историко-фактической подсветки стиха.

Еще более чувствительный удар по героическому образу Всеслава наносится в шестом - седьмом стихах. Сходство между Вольхом и Всеславом здесь бросается в глаза. Оба достигли своих целей - один "скакнул" на Киевский престол, второй "насел" на трон Индейского царя, но способы достижения были совершенно различными. Вольх с дружиной "порубили" все население, исключая царицу и девиц, на которых они женились, а Всеслава население Киева "высекло" из поруба и посадило на великокняжеский стол. Са-

---

I Хабургаев Г.А. - "Старославянский язык". М., Просвещение, 1986, с.192; Иванов В.В. - "Историческая грамматика русского языка". М., Просвещение, с.340. Глагол "скочи" употребляется в "Слове" еще один раз, в том же самом значении: "... и скочи съ него босымъ влъкомъ".

мо семимесячное киевское княжение Поэт характеризует как касание престола древком копья, то есть как мимолетное соприкосновение с высшей властью на Руси. Таким оно, в сущности, и было, – как в биографии Всеслава, так (и тем более) в истории киевских князей. Но только этим далеко не исчерпывается внутренний заряд 6-го и 7-го стихов, к выявлению которого можно подойти двумя путями.

Копье – оружие и князя, и былинного богатыря, и дружинника. Удар острием княжеского копья по трону означал, что он стал военной добычей князя. Но Всеслав лишь касается престола копьем[I]. Такое применение боевого копья не может быть символом завоевания престола. Да такой символ тут и не годился бы, потому что Всеслав получил Киевский "злат стол" без борьбы, словно подарок судьбы, или, – по представлению летописца, – как милость от Бога. Именно на эту особенность негероического занятия престола выводит нашу мысль Поэт, и тем оживляет метафорическое значение глагола "окочити". В символе ощутима ирония: ну что же за подвиг без борьбы и без хитростей-премудростей?

К сути символа есть и другой путь. В Древней Руси считалось тяжким оскорблением пострадавшего, когда ему был нанесен удар тупым предметом, – ножнами, рукояткой меча и т.д. В наше прагматичное время древнерусская моральная норма об уплате за такой удар вчетверо большего штрафа, чем за несравнимо более

I Такой символический смысл удара копьем Д.С.Лихачев показал в 1950 году в комментариях к "Слову" ("Слово о полку Игореве", изд-во АН СССР. М.-Л., 1950 г.).

опасный (но не смертельный!) удар острием меча[1], воплощена уголовными кодексами многих стран в перевернутом виде. Поэтому у современного читателя разбираемый образ ("дотчеся стружием ...") не может вызвать некогда нормальную ассоциацию - оценку киевского княжения Всеслава как бесчестия, причиненного главному на Руси "злату столу". Такое понимание символического образа заостряет насмешку над самохвалом Всеславом до степени сатирического обвинения.

Из нашего анализа 4-го и 7-го стихов напрашивается несколько предварительных выводов. В стихах, предшествовавших "Слову о Всеславе", возникал неясный образ полоцкого князя, [redacted], оставившего "внукам" громкую славу[2] о себе. Теперь же Поэт круто меняет свое отношение к Всеславу, высмеивая его и как политика, и как полководца. (Это — во-первых. Во-вторых, но срав. с 1-3 стихами) Резко изменился и стиль "Слова о Всеславе": мифоэпический на мнимоэпический,- вследствие скрытой насмешки над главным героем. Возник второй, как бы подтекстовый стиль [redacted] повествования и второй уровень осмысления текста, - разоблачительный, построенный на 1) контрастном сопоставлении поступков Всеслава с историей, на 2) тождественно-различном сравнении их с анало-

---

I Сравните статьи 23 и 30 Правды Русской ("Пространная Правда", т.2. М.-Л., 1947, с.339/340; 354-355). Копье в "Слове" заменило меч в "Правде" потому, что оно лучше подходит к смыслу контекста. Известно, что бой начинался с метания князем копья - поэтому тут с-вои междоусобные войны Всеслав начал с касания древком копья престола.

2 Конкретное содержание этой славы будет проанализировано в конце нашего исследования.

гичными поступками подлинного эпического героя Вольха Всеславьевича и на 3) оживлении в ключевых словах и выражениях, характеризующих героя, нового, критического смысла, заложенного в их семантических гнездах.

Коренное изменение (модального) его стилеобразующ[redacted] начала неизбежно должно было повлечь за собой изменение жанра "Слова о Всеславе": мнимый эпос - это ведь вовсе не эпос, а пародия на него. В самом деле, в 4-7 [redacted] стихах есть все основные признаки этого жанра: наличие второго, неявного уровня повествования и осмысления текста; критика под видом гиперболизованной похвалы и утрирования; переосмысление с плюса на минус ключевых слов и выражений, характеризующих Всеслава. Но не вполне ясно, однако, кто (что) пародируется. Конечно, [redacted] критическое острие нацелено на Всеслава, при этом былинный герой Вольх ассоциативно припоминается как второй контрастирующий фон (первый фон - историко-событийный). Зачем, однако, Поэту два фона, две различные лакмусовые бумажки для проявления и заострения критики в адрес Всеслава? Сам Поэт указывает нам направление поиска для ответа на вопрос. Во-первых, те стихи, которые непосредственно предшествуют "Слову о Всеславе" и в которых кладется начало созданию исторического образа полоцкого князя Всеслава Брячиславича, дают ему позитивную, хотя и беглую характеристику. Это означает, что исторический Всеслав не видится Поэту как личность, подходящая для высмеивания. Во-вторых, поскольку 4-7 стихи задают рассмотрение образа Всеслава в [redacted] сопоставлении с образом Вольха, постольку нам дается знак, что возникшие одновременно [redacted] высмеивание Всеслава и его уподобление Вольху взаимосвязаны. Каким образом?

Поэт развенчивает такое уподобление как мнимое, оттеняя в нем два слоя, - внешнеподобный и сущностноразличный. Получается, что критика Поэта нацелена в два адреса, - того сочинения, где поднят образ Всеслава на высоту былинного Вольха, и самого эпического образа Всеслава, не достойного, по мысли Поэта, уподоблению Вольху. Насмешливо-критические лучи, исходящие от обоих контрастирующих с текстом "Слова" фоновых подсветок, исторической и эпической, сходятся в одном фокусе, - на волшебно-героическом образе Всеслава из эпоса о нем. Если бы в фокусе было само эпическое сочинение о нем, то образ Всеслава был бы вытеснен за пределы или на периферию текста "Слова", а нынешнее место этого образа сразу на двух уровнях текста было бы отдано пародируемому эпосу. Таков закон пародии.

Академик А.С.Орлов считал, что повествование о Всеславе "представляет собою песню Бояна, пересказанную автором "Слова"[1]. Интересное наблюдение, которое полезно проанализировать. Логично предположить, что Боян мог бы воспеть хвалу Всеславу. На первом уровне "Слова о Всеславе" явственно отражается волшебно-героический образ полоцкого князя в духе Бояна. Однако как только мы проникаем на второй, насмешливый уровень осмысления, то становится несомненным, что "Слово о Всеславе" - не простой п-

---

I Орлов А.С. - "Слово о полку Игореве", изд-во АН СССР, М.-Л., 1946, с.35.

ресказ, а критический перепев, то есть пародийная стилизация образа Всеслава под Бояна или в духе продолжателей бояновской традиции.

Наличие, помимо авторской, второй концовки от имени Бояна не может быть, по нашему мнению, достаточным основанием для утверждения, что все "Слово о Всеславе" "пересказ песни Бояна". Вместе с тем, вторая концовка позволяет высказать гипотезу, что существовала "песня" Бояна о Всеславе и что бояновский образ полоцкого князя, - наряду с его образами в других эпических сочинениях, - мог быть предметом пародии Поэта. Если б Поэт спорил лишь с одним Бояном, - подобно тому, как он сделал это во вступлении к "Слову", - то он, наверное, назвал бы Бояна по имени не только в конце, но и в начале "Слова о Всеславе". Кроме того, Поэт, создавая свой образ Всеслава столетие спустя после Бояна, не мог, думается, оставить без внимания своих современников, работавших в русле бояновской традиции. Предпочтение Бояна другим песнетворцам при подведении Поэтом деяний Всеслава вполне может быть объяснено высоким авторитетом Бояна в народе.

Наш основной предварительный вывод таков: "Слово о Всеславе" с 4-го стиха превращается в пародию на образ Всесла -

ва, типичный для эпических сказаний о нем.

4. Нам надо понять, почему мятежные "скоки" Всеслава по Руси начинаются с Киева, а не с Пскова, как было на самом деле. Почему не с Новгорода? Ответ представляется более или менее ясным: захват этого города Всеславом создавал хорошие предпосылки для восхваления князя, сужвая возможности пародирования. Но почему же не с провалившейся осады Пскова? Избрав жанр пародии, Поэт должен был подбирать художественные средства, следуя ее требованиям. Основное из них – предмет пародирования должен открывать возможность для изображения героя сразу на двух семантических уровнях, так, чтобы в результате сквозь текст проступали два образа героя, – пародируемый и авторский, а читательское восприятие текста двигалось от их сходства к их различиям, к развенчанию героя. Псковский и первый новгородский походы Всеслава однозначно ясны: там неудача, тут успех. В них нет двойственности, нет простора для пародирования.

Псковская осада не упомянута не только в "Слове о Всеславе", но и в ПВЛ: она не вписывалась в образ идеального христианина. Скорее всего, псковский поход Всеслава был исключен и из волшебно-героических сказаний о нем, которые ведь тоже создавали идеальный образ князя, но не с крестом, а с языческим амулетом на груди. Этого факта для Поэта было, я полагаю, достаточно, чтобы исключить Псков из пародии на образ Всеслава. В интересах большей доказательности пародии предпочитает не выходить из [redacted] сюжетных рамок пародируемого сочинения.

В киевском периоде жизни Всеслава смешалось низкое и высокое, преступление и чудо, случай и божественное Провидение. На чудесном вознесении Всеслава из пожизненной тюремной могилы к

к овладению высшей властью на Руси летописец ПВЛ основал легенду о преображении языческой души Всеслава в христианскую. Нет сомнения, что это чудо так же легко поддавалось и языческому истолкованию в сказаниях о Всеславе и создавало их сочинителям хорошие возможности для эффектного зачина. Для пародии на эпический образ Всеслава киевский период был наиболее подходящим из всей его жизни: историческая подсветка фактами легендарных "подвигов" Всеслава легко, подобно симпатическим чернилам, проявляла их подлинный смысл, фарфаронство "героя".

5. Как бы то ни было, но Всеслав "вскочил" на высшую ступень в [redacted] государстве. И какие же великие подвиги свершил он на этом посту? По летописям – никаких, по "Слову", – ну, тут пошла такая фантасмагория, что читатель не может не прийти в столбнячное состояние. Якобы страстно желанный Киев со всей его громкой славой оказался настолько нелюбой "девицей", что Всеслав, "едва присев на престол золотой", стремительно и добровольно (!) умчался прочь. Но куда? Он "скакнул" к Новгороду и с ходу захватил его. Великолепно! Вот это герой! – хвалят Всеслава некоторые исследователи. Минуточку, призадумаемся. Ведь "прыжок" к Новгороду – нелепость: Новгород был завоеван в 1067 году, а Киев "добыт" в 1068 году. Значит, это прыжок из настоящего времени в прошлое! Такое не удавалось даже Вольху! Может, Поэт не в меру расфантазировался? Нет, конечно. Он, во-первых, хочет встряхнуть и приземлить [redacted] ретивых почитателей Всеслава, обратив их взор на очевидные несуразности и таким образом понудив их вспомнить реальные исторические факты, а, во-вторых, хочет им открыть глаза на невидимый, но умопостигаемый символический смысл нелепого прыжка. Да, Всеслав

"скакнул" во времена Трояна, и, опершись на его авторитет, на силу традиции, увлек за собой немалую часть русичей. Такие политические прыжки-повороты поистине опасны для народа. Половцы громят сводное войско Ярославичей, вольготно грабят все, что хотят, а Всеслав как раз в это время затягивает Русь в кровавую междоусобную резню. Как раз во-время для половцев и всех иноземных врагов Руси! А сказители воспевают его подвиги, под гул одобрения в народе, - ну, не абсурд ли? Не массовое ли ослепление?

Обратимся, однако, к тексту, анализ которого мы уже начали:

8. "Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ
9. въ полночи из Белаграда,
10. обесися сини мьгле,
11. утре же вознзи стрикусы,
12. оттвори врата
Новуграду,
13. росшибе славу
Ярославу,
14. скочи вълкомъ до Немиги
съ Дудутокъ".

Этот фрагмент было бы неверно делить на два, исходя из того, что тут два "скачка", два сюжетных хода: синтаксически и семантически семь процитированных стихов составляют единое целое.

Случайно или нет, по воле Поэта или (отчасти) по "вине" переписчиков и самой истории, но фрагмент этот буквально напичкан разного рода загадками и "темными местами". Не убрав с дороги эти камни преткновения, исследователь не может двинуться дальше.

Начнем с сюжета и композиции. На первый взгляд, события, о которых тут идет речь, и ситуация вокруг них соответствуют историческим фактам. Да, взятые в отдельности, сами по себе, эти события были, но... действительные пространственно-временные связи между ними разрушены, заменены мнимыми, отчего сами события становятся призрачными конструкциями воображения. Сравните сюжетное развитие событий с зафиксированным в летописях (см. нашу схему). Из-под Белгорода Всеслав в марте 1069 года бежал в Полоцк, оттуда его прогнал Изяслав, и Всеслав помчался к финскому племени вожан, с войском которых в 1069 году напал на Новгород, но военной славы Ярослава Мудрого не расшиб, а был разгромлен новгородцами и взят в плен внуком Ярослава, новгородским князем Глебом Святославичем. Вскоре князь отпустил пленника, и тот вернулся в Полоцк. Да, Всеслав захватил Новгород, но в 1067 году, до вокняжения в Киеве, то есть в другое время и шел к Киеву другим путем, из совершенно иного места в пространстве. Как говорится, "Федот, да не тот". Да, Всеслав совершил бросок к Немиге из-под Новгорода, но в качестве победителя новгородцев, а не пленника, отпущенного ими "по божьему милосердию", и не в 1069, а в 1067 году. Так в "Слове о Всеславе" произошла незаявленная подмена событий; их названия остались прежними, но их содержание и время их совершения утратили определенность. Почему Поэт так подошел к их изложению?

В литературе о "Слове" имеются два объяснения: 1) Поэт, игнорируя время, описал здесь победоносный поход Всеслава; 2) Поэт, сгущая время, свел два (три) новгородских похода в один. Но эти объяснения ничего не объясняют, а лишь порождают другие вопросы, которые исследователи не ставят – зачем надо было Поэту

так насиловать время? Почему он, сводя два (три) похода в один, взял за основу первый?

Поэт - превосходный знаток истории Руси, и потому в перестановке и искажении событий многие исследователи с полным правом видят заранее обдуманное намерение. В этом они правы. Но, на мой взгляд, оно может быть непротиворечиво объяснено, лишь исходя из художественной, пародийной специфики "Слова о Всеславе". Доведение до абсурда действий Всеслава как метод их пародирования, их самодискредитация, - не открытие Поэта. Оно встречается в русском былинном эпосе, в русских сказках, в сатирических жанрах. Поэт умело применил этот метод, пересадив эпическое изображение времени-пространства на почву действительной истории. В итоге получилось то, что требуется автору, - читатель прозревает, осознавая полный произвол сказителей в обращении с историческим временем. Заметим кстати, что сами они этого могли и не видеть, следуя традиционному подходу к изображению времени и потому нимало не смущаясь анахроничной композицией событий. В таком случае, вполне возможно, что Поэт ступал по сюжетному ходу сказания, который изначально был в противоречии с ходом истории, и тогда критическая задача Поэта сводилась к тому, чтобы подчеркнуть это противоречие. Другими словами, в этом случае Поэт просто мастерски использовал композиционные возможности самодискредитации сказания, заложенные в нем самом.

Исследователи, полагающие, что Поэт всерьез изображает Всеслава оборотнем или волшебником, подобным Вольху, ищут доказательства своей правоты в сравнениях "скочи... лютымъ зверемъ", "скочи вълкомъ", "вълкомъ рыскаше", "вълкомъ... прерыскаше" и в стихе "обесися сини мьгле". В "Слове" множество срав-

нений образуется с помощью творительного падежа существительного при глаголе: "ростекашеться мыслю", "Тъак бежить серымъ вълкомъ" и т.п. Но эти сравнения те же самые исследователи, не вдаваясь в объяснения, толкуют не в мифологическом, а в реалистическом смысле.

Русские сказки и былины дают богатый материал об оборотничестве, позволяющий установить два его непременных признака. Первый: выбор живого существа или неживого предмета, в который перевоплощается человек, - всегда выбор средства, подходящего для достижения цели. Когда Вольху надо проникнуть "под вырезу" ворот в Индейское царство, он оборачивает себя и своих воинов в мурашей, когда же ему для прокорма дружины надо бить „гусей, белых лебедей", он "обвертывается... ясным соколом" и т.д. Второй : сам акт превращения человека в кого-то или во что-то называется глаголом, характеризующим именно этот акт. Парадигма описания такова: специфический глагол плюс название тела, в которое перевоплощается герой: "обвернулся волком", "обернулся в оленя", "ударился о землю и стал такой молодец" и т.п.

Начнем со второго признака. Очевидно, что глаголы "скочи", "рыскаше" и "прерыскаше" не пригодны для характеристики акта перевоплощения человека в зверя. Вдумаемся теперь в ситуацию, когда Всеслав делает свой прыжок "лютымъ зверемъ". Князь сумел скрытно убежать от войска, потому что была полночь, и Поэт оттеняет это обстоятельство. Допустим, что Всеслав все же обернулся неким лютым зверем, чтобы сказочно "скакнуть" от Белгорода до Новгорода. Но ведь остается еще труднейшая задача - захват Новгорода. Чтобы ее решить, Всеславу мало было владеть искусством перевоплощения: киевское войско, как известно, не по-

ило с ним, а вернулось в Киев. В такой ситуации лишь подлинно сказочный герой мог найти выход из положения, моментально получив в свое распоряжение, - скажем, "по щучьему веленью, по моему хотенью", - боевые дружины, способные взять Новгород атакой с хода. Но подобный образ Всеслава мог вызвать у многих читателей скептическую усмешку, потому что ко времени создания "Слова" вера в подобные чудеса изрядно поизносилась.

Словосочетание "скочи... лютымъ зверемъ" еще и по другой причине сопротивляется истолкованию его в смысле "скакнул..., обернувшись лютым зверем". Дело в том, что оборотень всегда принимает образ именно того конкретного существа (предмета), которое поможет достичь поставленной цели. Иногда кажется, что из этого правила бывают исключения, но это не так.

Рассмотрим два типичных примера: один из печорского варианта былины о Вольхе, второй - из видения монаха Исакия (ПВЛ).

> "Да втапоры вольІя Всеславьевич,
> Учился бы въ вольнемъ море щукой ходить,
> Учился бы по поднебесью птицею летать,
> Учился бы по полю лютымъ зверемъ рыскати"[I].

Собирательные существительные "птицею" и "лютымъ зверемъ" употреблены тут в полном соответствии с древними представлениями об оборотничестве, в том смысле, что Вольх учился (этим словом охарактеризована ситуация) летать разными птицами и рыскать разными хищными зверями, чтобы потом, смотря по обстоятельствам,

---

I "Печорские былины", записанные Н.Ончуковым. С.-Петербург, 1904, с.332

облекаться в такое другое тело, которое ему будет надобно.

Второй пример относится к монаху, которого бесы устрашали разными видениями: "Другояци страшахуть и въ образе медведя; овогда же лютым зверемъ, ово вълкомъ, ово змие полозяху к нему, ово ли жабы, и мыши и всякъ гадъ"[1]. Специфика этого текста[2] двоякая: тут перевоплощаются бесы, а не люди, и монах знает, что медведь и прочие звери - твари лишь призраки, а не реально существующие тела. Тем не менее и здесь оборотничество функционально-целесообразно: любой лютый зверь или гад, вол или змея обладают теми свойствами, которые от них требуются ситуацией: устрашают Исаакия. В ужасном скопище логично оказались обитатели подводного и подземного мира, - жабы и мыши, известные по Библии, как орудие казней божьих[3] и как нечистые животные[4].

Некоторые исследователи, ощущая противоречие между средством и целью, по вдохновению интерпретируют "лютого зверя" то как "рысь", то как "волка"[5]. Но ни в образе рыси, ни в образе волка, ни в каком другом образе Всеслав не мог бы осуществить то, что ему якобы удалось сделать: за несколько ночных часов

I Памятники..., с.209-210.

2 В несколько иной редакции он есть также в Киево-Печерском патерике (Памятники..., XI - нач. XII века, с.612).

3 Библия: Исх., 8:2,7.

4 Библия: Лев., II:29, Исайя, 66:17.

5 Интересные соображения о проблематичности таких толкований высказаны В.Н.Топоровым в статье "Вокруг "лютого зверя" (Балто-славянские исследования. М., 1988, с.250).

домчаться до Новгорода и захватить его в одиночку, без дружины. Следовательно, анализируемый фрагмент не поддается непротиворечивому истолкованию, если исходить из того, что Поэт изображает здесь Всеслава оборотнем.

Истину, думается, нащупал А.А.Потебня, но не развернул своих замечаний[1]. "Лютый зверь" выпадает из стилистики "Слова", в котором звери и птицы всегда называются точными, а не метафорическими именами. Поэтому возникает мысль, что Поэт заимствовал это выражение из пародируемого сказания о Всеславе. По законам пародии Поэт сохранил в своем тексте чужое характерное определение, но символически переосмыслил его. Подобно любому свирепому ночному хищнику, рыскающему в поисках добычи, мечется и "лютый" Всеслав по Руси, стремясь осуществить свою мечту. Таков, мне думается, пародийный смысл его отождествления с "лютым зверем". Такова его дикая натура. Она и ввергла князя в водоворот междоусобицы, и погнала его прочь от Киевского "злата стола".

Много исследовательских копий было изломано в дискуссиях о семантике понятия "лютый зверь". На мой взгляд, наиболее доказательно изложил свою точку зрения В.Н.Топоров, который пришел к такому выводу: "Из предыдущего, пожалуй, можно сделать и еще одно предположение – l'utz как-то было связано с идеей крайней воинственности, агрессивности, опасности, исходящей от субъекта этого качества. Идет ли речь о лютом звере или о лютичах, важно

I "... зверемъ нисколько не предполагает, что автор считал Всеслава оборотнем, но, быть может, опирается на народное сказание этого рода о Всеславе" (А.А.Потебня - "Слово о полку Игореве", 2-е изд., Харьков, 1914, с.124).

не столько сила и вытекающая из нее победительность того, кто élute, сколько их всегдашняя готовность к нападению к схватке, к инициативе вплоть до смертельного исхода. Поэтому, соблюдая осторожность, пока можно думать, что лютый зверь - это по идее хищный, смертоносный, "убийственный" зверь"[I]. В таком же смысле, как мы показали "лютый зверь" употребляется и в "Слове".

Вольх, так же, как и Всеслав уподобляется лютому зверю. Но поистине волшебные прыжки Вольха быстро приближают его к намеченной цели, в то время как квазипрыжки Всеслава отдаляют его от своей цели, и он, вопреки своей воле, оказывается то в тюрьме, то в плену у новгородцев. Как все мнимоподобное, образ Всеслава с каждым очередным зигзагом в его судьбе разительнее и глубже отличается от образа былинного чародея.

Девятый и десятый стихи просты и понятны; они являются авторским комментарием к якобы волшебному "скоку" Всеслава из-под Киева к Новгороду. По мысли Поэта, таинственность исчезновения Всеслава из киевских войск, объясняется тем, что была полночь, непроглядная тьма. Всеслав, похоже, всегда выбирал ночное время для своих "марш-бросков", а по утрам внезапно появлялся у ворот Новгорода или другого города, - эта мысль точно выражена в стихах "обесися сине мьгле", смысл которых передается любым вариантом перевода типа "он укрылся в синей мгле /ночи/". Разумеется, столь реалистический образ не мог быть принят исследователями, полагавшими, будто Поэт изображает здесь Всеслава волшебником. В итоге их творческая фантазия породила две версии ис-

---

I Топоров В.Н. - Балто-славянские исследования, М., 1988, с.253.

толкования десятого стиха: I) повис на синем облаке"[1] и таким образом быстро, за полночи, долетел до Новгорода; 2) повесил на себя колдовской амулет, с помощью которого сделался невидимым и перенесся от Белгорода к Новгороду[2]. В обоих случаях исследователи не объясняют, каким образом домчалась к цели дружина Всеслава. Выше мы показали, что логика и сам контекст "Слова" отторгают любое колдовское осмысление его образа. Если то или иное "темное место" в "Слове" истолковывать в отрыве от его контекста и от мировоззрения Поэта, то увлечение экзегетикой незаметно переходит в увлечение лингвоэквилибристикой. Примером может служить трактовка стиха "обесися сини мьгле" А.Е.Супруном и А.А.Брудным в смысле одержимости Всеслава бесом, что в переводе на язык медицины будто бы свидетельствует об эпилептоидном характере князя. Их подход игнорирует необходимость увязки глагола "обесися" с ночной мглой и с конфликтной ситуацией в целом. Мысль о вселении беса во Всеслава предполагает к тому же такое истовое христианство Поэта, которого у него еще никто не находил, потому что оно не оставило о себе свидетельств.

Неволшебные, символико-реалистические варианты прочтения десятого стиха оказываются, на наш взгляд, наиболее убедительными.

Энергичный глагол "росшибе" в былинах о Вольхе характеризует силу его богатырского удара, от которого царь Индеи разлетелся в "крохи говённыя", а Вольх "насел" на его трон и стал прави-

---

I ТОДРЛ, т.XXVI, с.202-212.

2 Павлик Я.В. - издание Ин-таславистики ун-та в Оденсе (Дания) серия "Отдельные темы древнерусской литературы", П, 1986, с.16-17.

телем Инденского царства. Всеслав же в результате своего "могучего" удара по Новгороду попал в плен к новгородцам, и новгородский князь из "милосердия" отпустил пленника на волю. Характерное былинное словечко "росшибе" пародийно переосмысливается в "расшиб сам себя". В нарушение эпической поэтики и в соответствии с поэтикой "Слова" глагол "росшибе" имеет прямым дополнением абстрактное понятие "слава". Из-за этого стих обретает загадочность. Вряд ли Поэт имеет в виду славу Ярослава, новгородского князя: она была не велика, а в военном отношении противоречива. Настоящую славу он приобрел позднее, - как собиратель земли Русской. Именно эта слава гремела по Руси, была силой, потягаться с которой было честью для любого князя. Всеслав же пошел поперек Ярославова пути славы, задумав взвихрить старую вражду и разбить Русь на самостийные княжества. Всеслав мечтал не превысить славу Ярослава - государственного деятеля, а расшибить ее, перечеркнуть дело его жизни. Тут и следует, думается, искать символическую "милую девицу", а также и самую глубокую причину бегства Всеслава от Киевского престола. "Милая девица" - не Киев и не Новгород, а, похоже, всенародная слава смелого борца за полную самостоятельность княжеских "гнезд", за возврат Руси в колею родоплеменных традиций времени Трояна. Решительная борьба за это и была, думается, первопричиной героизации образа Всеслава в народе, в своем большинстве продолжавшем жить по-язычески.

В заключение разбора третьего фрагмента "Слова о Всеславе" попробуем устранить с пути его последующих исследователей небольшой камень преткновения. "Скочи отъ нихъ..." означает, как видно по тексту, от Киева и великокняжеского престола. Однако

слова "от нихъ" трактуются иногда как "от киевлян"[1]. Но "киевлян" в тексте нет. И тогда делается психологически странное допущение, будто при чтении "Слова" именно в этом месте читатель должен был иметь в виду... запись в ПВЛ под 1069 годом, в которой ясно сказано, что Всеслав убежал от киевлян. Читатель волен предполагать, что угодно, но методологически неприемлемо исходить из положения, будто автор одного произведения, не являющегося переработкой другого, тем не менее пишет какую-то часть своего произведения так, чтобы она была понятной лишь при чтении соответствующего места в другом сочинении, причем в тексте первого отсутствуют какие-либо отсылки к тексту второго. Затруднение, испытываемое исследователем, понятно: "нихъ" - форма множественного, а не двойственного числа, которое здесь ожидается, потому что Киев плюс "злат столъ" = две. Форма "нихъ" могла быть по ошибке внесена переписчиком, давно отвыкшим от двойственного числа, но, скорее всего, она была в протографе. Процесс утраты двойственного числа в древнерусском языке шел уже в ХП веке, а в ХШ-ХIУ вв. "прежние формы двойственного числа в массовом порядке уступали место соответствующим формам множественного числа"[2]. Понятно, что на более ранней стадии утрата двойственного числа должна была происходить не при любых, а только при особо благоприятных условиях. Думается, именно такой случай история сохранила в "Слове о Всеславе".

I Д.С.Лихачев - "Слово о полку Игореве" и культура его времени", Л., Худ. лит-ра, 1978, с.99. Большинство специалистов обходят это коварное место стороной.

2 А.М.Иорданский - "История двойственного числа в русском языке", Владимир, 1986, с.207.

Нет нужды доказывать, что в пародии главный смысловой уровень второй, а не первый. На втором же уровне в нашем воображении возникает не Киев и "злат стол", а киевляне. Но почему же всюду в пародии грамматические согласования идут по первому уровню, а только здесь - по второму? Думается, у Поэта были веские основания для "искажения" морфологического правила. Напиши он "отъ него" (Киева) или от "нею" (Киева и "злат стола"),-и критическая пародийность текста была бы ослаблена или даже сведена на нет: "отъ него" означает от Киева как от географического пункта, "отъ нею" - от Киева и киевского престола как от будто бы главных ценностей для Всеслава. Когда же указывается на тайное бегство от киевлян, то акцентируется безнравственность, предательство Всеслава по отношению к людям, спасшим его от тюрьмы и посадившим его на киевский трон, предательство, одним из самых тяжелых последствий которого была учиненная сыном Изяслава казнь 70 киевлян за их поддержку Всеслава. Д.С.Лихачев прав, истолковывая "нихъ" как "киевлян", однако его аргументация не представляется мне убедительной.

6. Всеславу не миновать было решающего сражения с Ярославичами. И вот зимой 1067 года их пути скрестились на берегах небольшой речки Немига.

I5. На Немизе снопы стелютъ
головами,
I6. молотятъ чепи харалужными,
I7. на тоце животъ кладутъ
I8. веютъ душу отъ тела
I9. Немизе кръваве брезе

20. не болотомъ бяхуть посеяни,

21. посеяни костьми

русьныхъ сыновъ.

Мы снова видим резкую смену стиля и жанра повествования. Пародийный уровень текста исчез, потому что исчез предмет пародии, – образ Всеслава. До сих пор он был единственным героем, двигателем сюжета, все глаголы описывали его действия, каждое слово текста прямо или косвенно изображало его. И вдруг речевой и образный строй круто переменился, пародийная стилизация под эпос уступила место символико-реалистической стилистике, а предметом изображения стало массовое взаимоистребление русичей на Немиге. Его неверно было бы назвать битвой или сражением или любым другим словом, так или иначе выражающим активные военные действия участников с обеих сторон: трагедия на Немиге изображена так, что все в нее вовлеченные представлены жертвами, – беззащитными, безгласными жертвами. И потому ее вернее всего было бы назвать бойней или закланием.

Вглядимся в текст и мы увидим, с помощью каких художественных средств достигается такое восприятие и осмысление трагедии на Немиге.

Участники трагедии (они не названы, следовательно, не различены, уравнены) отождествлены со снопами, их головы – с колосьями, тела павших – с обмолоченным зерном, а их души – с половой, легкой оболочкой зерна, отделяемой от него ударом цепа и отвеиваемой ветром. Из двух компонентов тождества в тексте называется один, второй же должен быть домыслен читателем, что ему сделать нетрудно, так как за основу отождествления взяты хорошо знакомые реалии сельского труда, характеризующие обмо-

лот и посев зерна[1]. Домысливающий читатель - пусть по подсказке Автора, - все равно включается в сотворчество с ним. Вне отождествления оказываются ратники - молотильщики. В сельском труде - это крестьяне, но мы не можем отождествлять их с воинами, которые уже с первого стиха отождествляются с неодушевленными предметами (снопами и т.д.). Тут-то и возникает вопрос, кого же представляет себе Автор в роли молотильщиков на поле брани. Кто обмолачивает булатными цепами колосья-головы людей, отнимает у них жизнь и разделяет душу с телом? Неназванные Силы, - о них надо говорить во множественном числе, потому что этого требуют все глаголы, характеризующие их действия. Мощь Неназванных Сил громадна, что видно из сопоставления удара булатного цепа с полнейшей беспомощностью колоса (головы).

Мысленно соизмеряя мощь Ратных Молотильщиков с ничтожно малой силой сопротивления, оказываемого им воинами-снопами или колосьями, читатель приходит к мысли о сверхъестественных Силах, выполняющих труд этих Молотильщиков. В их темной власти оказываются и души павших, насильственно отделенные от своих физических воплощений в момент великого, зверского озлобления и потому не подготовленные к посмертию в сообществе с душами просветленными. Отождествление омраченных душ с половой имеет негативный оттенок, так как полова в жизни селянина означала либо малоценную "голод-

---

I С чьей-то легкой руки давно прижилось в сочинениях о "Слове" отождествление оригинального образа "битвы-молотьбы" с образом "битвы-жатвы", который затем прямёхонько возводится к библейскому источнику. В "Слове" вообще нет образа "битвы-жатвы".

ную" добавку к пищи скота, либо (в хорошие годы) бесполезную, ненужную лузгу, которую гноили в поле или сжигали. Не означает ли это отождествление, что по языческой вере, - в отличие от душ людей, погребенных по обряду, - омраченные души людей, погибших в озлоблении против своих, не смогут оказывать полезной помощи живым родичам?

Погибая, зёрна и люди не исчезают бесследно, но возрождаются в ином естестве: семена - в зеленых ростках, а посеянные кости в ... Тут читателю предлагается самому представить себе всходы от самосева смерти на кровавых берегах Немиги, названного Поэтом "не бологомь", то есть "не добром". Известно, кто сеет зло, зло и пожнет.

Но кто же этот страшный Сеятель? Все те же Неназванные Силы, которые ранее были Молотильщиками голов. Для русича-христианина эти Силы были воплощены в Дьяволе и его слугах, для язычника - в злых духах, пособниках войн (два названы в "Слове" - Обида и Лжа), а, главное, в образе бога междоусобной войны Трояна, под знаком которого воевал Всеслав, на тропу которого через сто с лишним лет ступил отправившийся в сепаратный поход князь Игорь.

Поэт уподобляет посев зерна посеву костей не только в том очевидном совпадении, что весной и осенью, на фоне черной земли белые кости, подобно зеленям, хорошо видны, но и в символическом смысле. Кости, напоминая живым о междоусобной бойне, прорастают, словно недоброе семя, в сознании людей, а затем в их действиях всходами новой междоусобицы, дающей новый самосев смерти. Следовательно, с объективно-исторической точки зрения, когда видится не одна только данная война, а их длинная цепь, уходящая

в прошлое и будущее, глубоко оправдано уподобление самовозобновляющихся междоусобных войн ежегодно повторяющимся видам крестьянского труда, - молотьбе и севу. И там, и тут страдная пора, от итогов которой зависит будущая жизнь людей, с теми принципиальными различиями, что в мирном труде крестьянина творится общее благо и в душах зреет добро, в то время как в ратном труде усобиц сеется общее зло, а в душах копятся обиды, жка и месть, что зеленые всходы посеянного зерна поддерживают и умножают силы народа, а белые, мертвые "всходы" костей истощают и губят эти силы, в конечном счете обрекая народ на поражение и рабство от внешних врагов. Символический образ этих "всходов" вносит в общую систему отождествления ратного и сельского труда важное разграничение между ними, на оселке которого и выявляется замысел Поэта.

Когда Поэт устремляет мысль читателя в будущее, на всходы Зла, посеянного "немигами", победа или поражение теряют свое значение: ведь свои убивают своих на радость общим врагам, на горе родному народу. Богатыри, особо отличающиеся в междоусобных войнах, более других множат число жертв и потому, понятно, не могут быть прославлены или причислены к героям. Кроме того, с метаисторической точки зрения (она, как мы видим, не чужда Поэту), охватывающей прошлое и будущее междоусобных войн на Руси и включающей в эти войны Неназванные Силы, богатыри и князья видятся всего лишь желанной добычей Темных Сил, обмолачивающих удалые, но неразумные головы "рускыхъ сыновъ"[1], словно колосья

---

1 Заметим попутно, что словосочетание "русские сыны" относится к воинам Киевской, Черниговской, Переяславской и Полоцкой земли

на току. Понятно, почему Всеслав с точки зрения Поэта должен был затеряться безвестным снопом в кровавом хаосе Молотьбы на Немиге.

В эпическом сказании такое отношение к главному герою совершенно немыслимо. Несмотря на отдельные неудачи, эпос продолжает прославлять его, восхищаться его доблестью и силой. Если же в сказаниях[9] Всеслав уподоблялся непобедимому Вольху Всеславьевичу, то логикой развития образа героя подсказывалось либо умолчание о битве вообще, либо умолчание о разгроме Всеслава на Немиге и такое описание битвы, которое придавало бы ей эпический характер борьбы равных сил. Но умолчание умолчанию рознь. В эпосе никто не будет отыскивать каких-либо отдельных, конкретных несоответствий или упущений сравнительно с действительной историей. Эпические жанры имеют иные критерии истинности. Другое дело "Слово о полку". Оно насквозь исторично, "замешано" на известных читателю действительных событиях.[10] Поэтому умолчание воспринимается тут как нарочитость, как желание Автора намекнуть на что-то, что существует в подтексте и что проявляется посредством исторической подсветки в воспринимающем сознании читателя, тем самым вписываясь дополнительным смыслом в его понимание текста.

Символический смысл в описании битвы на Немиге имеет ~~иное~~ также и употребление грамматических времен. Посев междоусобных войн сделан давным-давно ("бяхуть посеяни"), и с тех пор самоис-

---

(продолжение сноски со стр.80)мель. Этот бесспорный факт - неотразимый аргумент в споре с исследователями, которые считают, что "Русская Земля" в "Слове" означает лишь Киевскую Русь в узком смысле слова.

требление ручьей идет нарастающими закономерными циклами. Поэт – живой свидетель этого страшного процесса. Потому-то он и употребляет настоящее время (praesens historicus) для описания Молотьбы на Немиге, соотнесенное как с 1067, так и с 1185 годом – годом создания "Слова".

В раздумьях о поражении князя Игоря и о будущей судьбе Руси прошлое как злоба дня вошло в проекцию настоящего и будущего. Немига, Нежатина Нива, Стугна, Каяла – разные постановки все той же самой русской трагедии, более ста лет движущейся по порочному кругу, и вместе с тем грозные симптомы ее перерастания в "Стон Русской Земли" от "победных" нашествий врагов. Увы, большинство князей не вняли предостережениям мудрых современников, не усвоили уроков самой истории, а пошли по дороге Всеслава Полоцкого, которая и привела Русь к Калке и к чужеземному игу.

В художественном отношении пародия есть спор её Автора со сказателями о принципах отображения жизни, а описание трагедии на Немиге – продолжение этого спора другими средствами: Поэт показывает примером, как и насколько иначе изображает он сам эту трагедию. Ее символико-реалистический образ, созданный Поэтом, как бы передается на окончательный суд читателя: пусть он и решит, чей образ трагедии вернее и полнее передает ее суть. Точно так же поступил Поэт и во вступлении к "Слову о полку Игореве", сопоставив свое изображение подготовки Игоря к походу и начала похода с изображением этих событий в духе Бояна.

x x x

В заключение главки – краткий теоретический комментарий к нашему анализу.

"Пародия может заключать в себе различную направленность или даже совмещать несколько направленностей... Однако разоблачение одной тематики или идейной сущности произведения без обращения к его художественным средствам не будет еще пародией... Поэтому необходимо отличать литературную пародию от литературной сатиры, не пользующейся средствами пародийного воспроизведения художественных особенностей пародируемого оригинала...

Литературная пародия... является одной из форм художественной критики. Пародия вырастает из критики и продолжает ее средствами, заимствованными из арсенала самого критикуемого... Приведение к абсурду художественных средств разбираемого автора является своеобразным критическим доказательством...

Пародия зависит от пародируемого объекта. Она... отражает действительность. Только действительностью для нее является само искусство (и опосредованно, добавим мы, - объективная реальность. - А.К.). Поэтому пародию можно определить как искусство второго отражения... (точнее было бы, думается, сказать "двойного отражения", т.е. отражения пародируемого объекта и объективной реальности - А.К.). Но пародия не просто отражает, а преломляет и "искажает". Характер этого "искажения" определяется позицией пародиста и объективным содержанием произведения, которое иногда и приобретает решающее значение...

Нынешний читатель старой литературной пародии уступает ее современникам в остроте, силе и свежести восприятия. Пародия уже не задевает его непосредственно и меньше смешит... Историческое восприятие пародии требует некоторой тренировки и литературных познаний... пародия... указывает на непригодность старых средств художественного мышления, ...провожает насмешливым

свистом отжившие произведения эпигонов. Пародия не столько убивает, сколько добивает, что уже подточено самим временем"[1].

И еще немного о древнерусской пародии:

"Древнерусские пародии относятся к тому времени, когда индивидуальный стиль за очень редкими исключениями не осознавался как таковой. Стиль осознавался только в его связи с определенным жанром литературы...

В целом пародировался не общий характер стиля в нашем смысле слова, а лишь запоминавшиеся выражения. Пародируются слова, выражения, обороты, ритмический рисунок, мелодия. Происходит как бы искажение текста. Для того, чтобы понять пародию, нужно хорошо знать или текст пародируемого произведения, или "формуляр" жанра.

Древнерусский смех - это смех "раздевающий", обнажающий правду..."[2].

7. Прежде, чем перейти к следующему фрагменту, необходимо разобраться с принципиально важной композиционной особенностью "Слова о Всеславе".

После изображения битвы на Немиге Поэт возвращается к Киевскому периоду в жизни Всеслава (22-29 стихи), о котором уже шла речь в 3-6 стихах. Разумеется, писатель волен в выборе форм и способов художественного освещения истории, но каждый выбор пре-

---

1 Александр Морозов - "Русская стихотворная пародия", вступительная статья к тому "Русская стихотворная пародия", с.6-10, изд-во "Советский писатель", Л., 1960.

2 Д.С.Лихачев - "Смех в Древней Руси", в кн. Д.С.Лихачев "Избранные работы", т.2, с.351, 352, 357.

следует какую-то цель, определяется замыслом произведения. В "Слове о полку" есть композиционный прием, во многом аналогичный тому, который мы разбираем сейчас. Рассказ о главной битве русичей с половцами разделен на две части, между которыми помещено воспоминание Поэта о войнах Олега Гориславича и о сражении на Нежатиной Ниве. Смысл такой композиции давно проанализирован в ряде исследований "Слова": воспоминание – [redacted] поэтическая иллюстрация к походу Игоря в свете истории междоусобиц на Руси. Благодаря этой кольцевой композиции битва русичей с половцами осмысливается в единой исторической цепи междоусобных раздоров как ее неотъемлемое, хотя и своеобразное звено.

События, помещенные внутрь композиционного кольца, дают дополнительное, истинное освещение смысла того, что с ними соприкасается вне кольца. Это наблюдение вполне приложимо и к рассказу о киевском княжении Всеслава, построенному по кольцевому принципу. Понятно, что конкретное смысловое поле, охваченное композиционным кольцом, в "Слове о Всеславе" во многом иное, а это не может не влиять и на общие выводы.

В "Слове о Всеславе" историческая последовательность событий разрушена, превращена в пространственно-временной хаос, в кавардак. Здесь нелепица сменяет нелепицу. Семимесячное княжение Всеслава в Киеве не просто разделено на две части, – как в рассказе о битве русичей с половцами, – а разорвано на два куска таким образом, что каждый характеризует все княжение от начала до конца, а в огромный разрыв между кусками помещены события из жизни Всеслава, происходившие до и после его княжения в Киеве в течение двух с лишним лет. Разумеется, писатель вправе построить повествование и так, и совсем иначе, – в этом еще нет

ничего невиного. Абсурдность композиции создается тем, что Поэт не поясняет своего вмешательства в ход истории и тем повергает читателя в недоумение, то ли автор не знает, как все было на самом деле, то ли перемешивает события с какой-то прямо не названной целью.

В кавардаке событий есть такой мифологический переплет: время, подобно Волхову, перегороженному чудищем, вдруг потекло вспять, а пространство сместилось с запада на восток, – Всеслав захватывает Новгород (конец 1066 г. или начало 1067 г.) после своего бегства из-под Белгорода (весна 1069), а не в завершение похода, начатого в Полоцке, – как было на самом деле. Разумеется, это вовсе не кавардак в голове школьника от плохого знания учебника истории, а композиционный шоковый удар, принуждающий читателя остановиться и поглубже вдуматься в текст, сравнить его со сказаниями и с действительным ходом событий. Этот кавардак – композиционный гротеск, обнажающий мыслимое лишь в эпосе столь произвольное обращение со временем и пространством.

Поэт опустил из биографии Всеслава приблизительно 18 мес., – весь период от Немиги до его провозглашения киевским князем. Важнейший период, охватывающий события ("переговоры" с Ярославичами, пленение и заключение Всеслава в темницу), без которых невозможно верно понять "прыжок" Всеслава на главный престол Киевской Руси. Были ли эти события известны Поэту? Несомненно, – порукой тому его точное, глубокое знание истории Руси, не единожды доказанное исследователями "Слова". В таком случае как объяснить пропуск именно этих событий? Ведь логика дегероизации Всеслава вела Поэта к тому, чтобы он впечатляюще препод-

нес читателю бесспорные факты, опровергающие молву о сверхъестественных способностях полоцкого князя. Почему же он не сделал этого? Он был связан внутренним законом пародии, строящейся, как известно, на принципе критического, мнимого подражания пародируемому произведению (автору, его стилю и т.д.). Для автора пародии нежелательно и невыгодно добавлять в ее сюжет от себя какое-либо событие, отсутствующее в пародируемом произведении. Но разве можно утверждать, что в сказаниях о Всеславе, которых мы не читали и не слышали, не было указанных выше трех событий или какого-либо одного из них? Да, можно утверждать, опираясь на то, что всякому жанру присущи свои законы, что всякий жанр избирательно отражает действительность. Героическому сказанию о князе-волшебнике противопоказаны, как смертельный яд, события (факты), способные сами по себе взорвать этот жанр изнутри, например, показать, что Всеслава легко можно было обмануть, что он не волшебник и не оборотень, ибо не смог ни убежать от Ярославичей, ни вырваться из темницы и т.д. Именно такими "ядовитыми" были три события, о которых идет речь; к тому же они составляли цепь, из которой невозможно вычленить и описать отдельно никакое звено, даже нейтрально окрашенное приглашение Всеслава на переговоры, - вычленить так, чтобы не возникла обличающая препараторов истории мысль о его преднамеренном изъятии и о существовании других, пропущенных звеньев. Исторический писатель оказывается в подобных случаях перед дилеммой, - умолчание о фактах или любимая идея. Из двух зол выбирается, конечно, то, которое представляется меньшим (для сказаний им были исторические факты).

Летописец, столкнувшись с упрямыми фактами, пошел, как было показано выше, по другому пути, - по пути их истолкования в духе

христианской идеи. Поэт же, верный самому себе, - петь по правде своего времени, а не по своему усмотрению, - избрал третий путь, путь восстановления свидетельских прав исторических фактов. Подход Автора "Слова" потенциально нес в себе критические заряды как против языческого, так и против христианского искривления правды о Всеславе, хотя заряды различной силы. Летописец и Поэт отчасти были союзниками (объективно), потому что оба боролись с влиянием образа Всеслава на умонастроение народа. Оно было значительным, опасным в последней четверти XII века, что подтверждается пародией Поэта на волшебно-героический образ полоцкого князя. Этим же влиянием объясняется, на мой взгляд, выбор жанра пародии, широко известного простым людям по пародийным былинам и другим смеховым формам народной культуры.

События, выпавшие из "Слова о Всеславе", оставались, однако, в поле зрения Автора. Композиционный кавардак побуждал недоумевающего читателя вспоминать исторические факты, сопоставлять их со сказаниями и приходить к мысли, что пропускаются как раз те события, которые ясно показывали, что Всеслав - не герой, не волшебник, а просто смертный человек. Особенно сильное впечатление на читателя должен был, думается, произвести пропуск I4-месячного тюремного заключения Всеслава. Если в сказаниях, которые по своей жанровой специфике не настраивают на соотнесение эпических событий с историческими, пропуск мог пройти незамеченным, то в "Слове" он бросался в глаза и воспринимался бы как сокрытие правды, если б этот упрек пародия не переадресовывала сказаниям.

8. Второй рассказ о киевском княжении Всеслава, значительно длиннее первого:

22. "Всеславъ князь
людемъ судяше,
23. княземъ
грады рядяше,
24. а самъ въ ночь
вълкомъ рыскаше,
25. изъ Киева дорискаше до куръ
Тмутороканя,
26. великому Хърсови
вълкомъ путь прерыскаше.
27. Тому в Полотске
позвониша заутреню
28. рано у святые Софее
въ колоколы,
29. а онъ въ Киеве
звонъ слыша".

Пародия снова вступает в свои права. Композиционный кавардак нарастает. Спрямляя путь своего героя, сказители "проглатывают" время, - драматичнейшая 18-месячная полоса в жизни Всеслава изымается из истории во имя "торжества" любимой легенды. Но под пером Поэта, следующего за сюжетом сказания (ний), пропуск превращён в зияющую пустоту, из которой вопиет История о невозможной нелепости "скачка" Всеслава через нее, о слепом эпигонстве сказителей[I], плавно-"незаметно" переходящих от князя-жертвы, князя-снопа под булатными цепами [redacted] Молотильщиков

I Летописец, заметим, не стал тут на путь выветривания истории.

к князю-герою, к князю - верховному судье над русичами и верховному "благодетелю" для других, младших князей. Вся сюрреалистичность происходящего создается лишь компоновкой частей, которую можно назвать коротким замыканием, вспышкой смысла, высекшегося от невероятного стыка белых костей на берегу Немиги с величественным лбом князя Всеслава - вершителя человеческих судеб. Пародия явно набрала гротескную остроту. Всеслав в стихах 22-23 противопоставлен самому себе (стихи 24-26). Не абсурдно ли это? Ответ зависит от точки зрения на Всеслава. Противопоставление нелепо, если вслед за Поэтом и летописцем мы не увидим во Всеславе ничего сверхчеловеческого, а оно естественно для сказителей и тех, кто верит в его оборотническую премудрость, кто мирно совмещает в своем сознании образ дневного Всеслава - киевского князя, с образом неведомого ночного Всеслава-оборотня. Более того, по мифологическим верованиям сущность единого во множестве обличий колдуна-оборотня проявлялась именно в его тайных воплощениях, что отразилось и в "Слове" акцентом на словах "а самъ". Это, разумеется, не означает согласия Поэта с таким пониманием образа Всеслава, но служит поэтической мысли трамплином для новых насмешек над устарело-наивным возвеличиванием полоцкого князя.

Немалый критический заряд заложен в 26 стих. Его смысл, как правило, понимается неверно из-за произвольного истолкования глагола "прерыскаше" как "перегонял, обгонял". Но в древнерусском языке он такого значения не имел. "Прерыскати" значит "пересекать, перебегать путь"[1]. Смысл стиха, вполне ясный современникам Поэта, станет понятен и нам, если мы вникнем в представление ру-

---

1 Срезневский И.И. - "Материалы для словаря древнерусского языка", т.II.

сичей о круговом движении Солнца над Землей с востока на запад (днем) и с запада на восток (ночью, под неподвижной и плоской Землей), а затем посмотрим на карту и представим себе путь Всеслава от Киева к Тьмуторокани и обратно, то есть с севера на юг и с юга на север. Всеслав, очевидно, много раз перебегал Хорсу путь, и потому в стихе употреблен глагол многократного действия. Любой, кто пешком или на коне, ночью или днем двигался из Киева в Тьмуторокань и обратно, обязательно пересекал путь Солнца, - для этого, разумеется, не надо было "скакать", как Вольх. Но народная фантазия легко, я бы сказал, с любовью создает небылицы и дорожит ими.

Был или не был в действительности поход на Тьмуторокань? Как в былине о Вольхе описывается вымышленный поход на некое отдаленное (это важно для возвеличения героя) царство, так и в сказании о Всеславе поход на Тьмуторокань вполне мог быть чистым вымыслом, предназначенным для показа его волшебных "подвигов-скоков" до самой далекой оконечности Руси. Ведь в отличие от Всеслава сказочный, былинный герой отправлялся в поход не просто так, а ради выполнения великой задачи. У Всеслава же вообще нет никакой цели, ни эпической, ни практической, - и это Поэт показал, - а потому его ночной "скок" к Тьмуторокани оказывается пустохвальным, как и его мнимое соревнование в скорости бега с самим Хорсом. Что у Вольха органично, - у Всеслава якобы как у Вольха, мнимо. Само пристрастие к ночным "скокам" у Вольха обусловлено его таинственным рождением под знаком Луны, а у Всеслава оно ни на чем не основано. Оно, видимо, приписано ему сказительской фантазией в подражание Вольху. Всеслав ни днем, ни ночью не совершает никаких подвигов.

В стихах 27-29, завершающих повествование о великом княже-

нии Всеслава, Поэт снова заглядывает в его внутренний мир, - лет пять спустя после того, как Всеслав, очертя голову, бросился в омут междоусобной войны. Интонационный и смысловой акцент в стихах сделан на утверждении, что Всеслав, сидя князем в Киеве, слышал звон полоцких колоколов. Тут явно ощущается ирония над фантастическим слухом князя, так как очевидно, что на удалении в 700 км колокольный звон не доносился до Киева. Вместе с тем в этот звон вложен более значительный смысл, раскрыть который помогает ранее встречавшаяся в "Слове" амебейная композиция стихов[I]. Ее суть - в параллелизме, в том, что в нашем воображении совмещаются два разновременных события, - их слитное целостное восприятие всегда выражает взволнованное состояние души героя. Всеслав княжил в Киеве, но он неотступно думал о Полоцке, сердцем как бы слышал доносившиеся оттуда звоны-зовы. Вполне возможно, что ему и в самом деле посвящались утренние богослужения в полоцкой Софии. Смысл подобных богослужений обычно таков: почтение к князю и призыв к покаянию. Вести об этом, конечно, доходили до Всеслава и резонировали в его душе как мощный зов вернуться на Родину, что он и сделал, убежав из-под Белгорода в Полоцк. С колоколами полоцкой Св.Софии в душе князя были, несомненно, связаны сильнейшие переживания: всего два года назад эти колокола по его распоряжению были сняты с новгородской Св.Софии и доставлены в Полоцк. Поэт прозрачно (для своих современников) намекает на этот святотат-

---

I "Комони ржуть за Сулою - звенить слава въ Кыеве" или "Ступаеть въ златъ стремень въ граде Тьмуторокане, - тот же звонъ слыша давныи великыи Ярославль..."

2 Муравьев А.Н. - "Письма о богослужении", Париж, 1963.

ственный поступок Всеслава, побуждая читателя задуматься над ним. Приверженец старой веры безоговорочно одобрил бы его, если бы новгородские колокола были разбиты или брошены в Волхов, словом, погублены. Но Всеслав снял их для того, чтобы привезти в Полоцк и там повесить на колокольне храма Св.Софии, - этот факт ставил староверца в тупик. Разве внутренняя противоречивость поступков Всеслава не свидетельствует об отсутствии у него веры как в языческих богов, так и в Христа? Последнее утверждение может породить известные сомнения: ведь слух Всеслава был открыт для восприятия колокольного звона. Однако Поэт не зря подчеркивает, что полоцкий князь слышал полоцкие колокола; тем самым обращается внимание читателя на то, что киевские колокола он не слышал, хотя жил в это время в Киеве[I]. Но возможно ли быть христианином в Полоцке, неверующим в Киеве и врагом христианской веры в Новгороде? Внутренняя фальшь подобного "христианина" очевидна. Но кто же он, по мнению Поэта?

Отрицательные определения Поэта: [redacted] не христианин, не эпический герой, не волшебник, не оборотень. Положительные определения: мятежник-самостийник, фанатик, поставивший свою жизнь и свою судьбу на карту ради любимой мечты - разбить славу Ярослава Мудрого, успешно продолжившего объединение восточносла-

---

I Д.С.Лихачев (Избранные работы, Л., изд-во "Художественная литература, т.2, с.184) полагает, что Всеслав слышал колокольный звон, сидя в земляной тюрьме. Аргументов в защиту своего мнения Д.С.Лихачев не приводит, хотя самоочевидным оно не является. Как раз более всего оно нуждается в обосновании с точки зрения самого Д.С.Лихачева, считающего, что Автор "Слова" изображает Все-

вянских племен в мощное государство и в единое христианск сообщество, расширить свои владения до внешних границ расселения кривичей, вернуть Полоцкому князю верховную власть во всех делах, раздробить Русь на самовластные княжества. Всё это и было жизненной целью Всеслава или, говоря символически, той милой его сердцу девицей, "женитьба" на которой была предопределена ему жребием, судьбой. Он осуществил свою мечту, и последние 20 лет жил тихо, не вмешиваясь в дела других княжеств.

9. Итоговая оценка Всеславу дана в следующих стихах:

30. Аще и веща душа
въ дръзе теле,
31. нъ часто беды страдаше,
32. Тому вещей Боянъ и първое
33. припевку смысленыи рече:
34. ни хитру, ни горазду,
ни пытьцу горазду
35. суда божия не минути.

Оценок, как мы видим, две: первая, посмертная, от Поэта, вторая, прижизненная, от Бояна. Они различны и по содержанию, и по форме. Их сближает лишь то, что обе характеризуют Всеслава не как князя, полководца или воина, а как человека. Правда, и тут между ними есть существенное различие: вывод Поэта сделан так, что в него умещается вся бурная жизнь полоцкого князя, вывод же Бояна подчеркнуто сосредоточен на христианской догме о

(продолжение сноски со стр.93)

слава волшебником-оборотнем: зачем Всеславу столь неприятные условия для слушания полоцких колоколов, если он может, как Вольх, муравьиком вылезти из тюрьмы и убежать в Полоцк?

подсудности каждого человека Богу.

Синтаксис высказывания самого Поэта повторяет синтаксис второй части повествования о великом княжении Всеслава (стихи 22-26). Размышляя по аналогии, мы вправе предположить, что снова противопоставляются не две части суждения Поэта, а оно само - суждению слагателей сказаний. Так ли это? Ответ зависит от истолкования союза "аще и" в 30 стихе. Почти все исследователи понимают "аще и" как союз со значением "хотя", присоединяющий уступительное придаточное предложение к главному. С этим нельзя не согласиться, но в стихах 30-31 есть еще один смысловой нюанс, сообщаемый им всем контекстом "Слова о Всеславе" и до сих пор во внимание не принимавшийся. При значении "аще и=хотя" получается, что Поэт соглашается с тем, что у Всеслава была вещая душа, а, соглашаясь, впадает в противоречие с самим собой, со своим образом полоцкого князя. Образовался логический тупик.Но, думается, выход из него есть. Союз "аще и" имел, похоже, еще одно значение уступительности , с которым мы встречаемся сегодня в полемических текстах или в спорах-дискуссиях. Это значение можно приблизительно передать частицей "пусть" в смысле временной уступки оппоненту, но лишь затем, чтобы следующим суждением, дающим сильный аргумент против оппонента, взять уступку обратно. Тогда стихи 30-31 истолковывались бы так: Допустим, что вещей была душа Всеслава, но известно как часто страдал он от бед, и, значит, каждому понятно, что этого не было бы с ним, будь его душа вещей в самом деле. Если союз "аще и" прочитывается в значении "пусть; допустим, что", то итоговый стих не вступает в противоречие с авторским образом Всеслава. В противном случае мы оказываемся в безвыходном положении. Заметим кстати, что хотя пародирование эпического образа Всесла-

ва закончилось на 29 стихе, но спор со сказителями продолжался, естественно, до конца, и не мог не отразиться в итоговой характеристике Всеслава.

Прочтения "аще и" в значении "пусть; допустим, что" требует и 31 стих: частые, – и, как мы видели по ходу пародии, – неожиданные бедствия не обрушиваются на того, у кого вещая душа, – это убеждение было свойственно современникам Всеслава. Вспомним, к примеру, как новгородский князь Глеб доказал свою правоту в споре с волхвом[I], мнимым вещуном-самохвалом, не сумевшим предсказать даже то, что случилось с ним секунду спустя после его уверения всех о своем вещем даре.

С дискуссией вокруг образа Всеслава связан вопрос об истолковании эпитета к слову "тело" в 31 стихе. Я хотел бы привести новый аргумент в пользу прочтения этого эпитета как "дръзе"= дерзкое: а не как "друзе"=другое. "Друзе" противоречит представлению русичей о взаимоотношении души и тела. Они верили в то, что душа у человека всегда одна и та же. Такой же остается она и после смерти. Вот почему мы нигде не найдем следов того, что колдуны-оборотни являются исключением, что, значит, в теле Всеслава-князя была не вещая, а Всеслава-оборотня – вещая душа. При поправке "дръзе" на "друзе", следовательно, допускается мысль о религиозном невежестве Поэта. Таким он, конечно, не был. Поэтому ему не надо было ломиться в открытую дверь, акцентируя эпитет "другой" и тем самым подчеркивая связь "вещей" души Всеслава именно с "другим", то есть с оборотническим телом. Эпитет "дерзкий" точно характеризует, может, главную особенность излишне самоуверенной натуры Всеслава и, кроме того, не содержит в себе намека на его "двоедушие".

I Памятники..., с.194.

Заключая наш анализ, предлагаем новый объяснительный перевод 30-31 стихов: "Пусть вещей /была/ душа (допустим-предположим, что сказители правы, называя душу Всеслава "вещей"), но она (он) часто страдал (а) от бедствий (допущенная в споре уступка снимается не критиком-Поэтом, а самим фактом страданий души (души и тела) Всеслава от частых и неожиданных бед, фактом-выводом, опровергающим посылку о вещей душе).

Концовка "Слова о Всеславе" от имени Бояна представлялась мне ранее позднейшим добавлением[I]. Теперь я полагаю: I) что она вполне могла быть, поскольку полемика Поэта со сказителями распространялась, вероятно, и на Бояна, с которым он таким образом продолжал спор, начатый во вступлении к "Слову", 2) что Боянова языческая концовка была правщиком грубо переиначена на христианский лад. Она вполне могла быть оставлена Поэтом как иллюстрация к его спору со слагателями героико-волшебных сказаний о Всеславе, чтобы читатель сам мог судить, кто из двух знаменитых поэтов прав, Боян или Автор "Слова". Ныне, спустя 800 с лишним лет после создания "Слова", невозможно установить, что из оставшихся стихов могло принадлежать Бояну, что искажено до неузнаваемости или вовсе ему не принадлежало. Легче сказать, что ему ни в коем случае не следует приписывать, - исходя из тех "песен" под Бояна, репрезентативные образы которых Поэт дал в начале "Слова". Разумеется, целиком исключается 35 стих, потому что вещий Боян был, по словам Поэта, "внуком Велеса", языческого бога "песнетворчества", а не последователем христианских гимнографов. Громоздкий синтаксис "припевки" изобличает руку правщика-переписчи-

---

I Гений..., с.133.

кала, взявшегося не за свое дело, равно как и сугубо книжный эпитет "смысленых", что было доказано еще В.Н.Перетцом[1]. К тому же Поэт, тонкий стилист, ставит этот эпитет, будто бы не чувствуя грубого стилевого разнобоя, рядом с традиционно-языческим эпитетом "вещей", который одновременно (!) прилагается как к "христианину" Бояну, так и к осуждаемому им колдуну Всеславу. Беспомощное повторение в одном стихе эпитета "горазд" - такое можно еще встретить в посредственной былине, но не у гениального Бояна. Заметим кстати, что "припевка" могла быть частично сочинена им, а частично взята Поэтом из какого-либо пародируемого сказания, к которому, скорее всего, и относились синонимичные эпитеты "хытру-горазду", немудреные, но типичные для устно-поэтического творчества[2] и чуждые Поэту. Все содержание высказывания приписываемое Бояну, исчерпывается назидательной христианской поговоркой[3], взятой в текст почти без изменений и, думается мне, сравнительно поздней по происхождению.

10. Всеславу, кроме "Слова" о нем, Поэт посвятил еще несколько стихов. Напомним их читателю (подчеркнуты мною. - А.К.):

Единъ же Изяславъ,
сынъ Васильковъ,

---

1 Перетц В.Н. - "К изучению "Слова о полку Игореве". IУ. Эпитеты в "Слове о полку Игореве" и в устной традиции", ИОРЯС, т.XXX. Л., 1926, с.485.

2 Селиванов Ф.М. - "Поэтика былин", изд-во МГУ, 1977, с.102.

3 Вл.Даль - "Пословицы и поговорки", т.I, с.24.

позвони своими острыми мечи
о шеломы литовские,
притрепа славу
деду своему Всеславу,
а самъ подъ чьрлеными щиты
на кръваве траве
притрепанъ литовскыми мечи".

Второй пример (и последний)

II

Ярославли и вся внуци Всеславли!
Уже понизите
стягы свое,
воньзите
свое мече вережени;
уже бо выскочисте
изъ дедней славы.
Вы бо своими крамолами
начасте наводити поганые
на землю Рускую, на жизнь Всеславлю.
Которою бо беше насилие
Отъ Земли Половецкие.

Эти стихи предшествуют "Слову о Всеславе", готовя читателя к его верному восприятию.

О какой же славе Всеслава идет речь в элегии об Изяславе и в обращении к князьям-внукам? Попробуем в этом разобраться.

В элегии (как и в обращении) слава Всеслава рассматривается ретроспективно, десятилетия спустя после его смерти (1001 г.). Для Автора "Слова" это - прошлое время, но более близкое, чем "седьмой век Трояна", то есть шестидесятые-семидесятые годы XI века. Поскольку понятия "дед" и "внук" употребляется здесь, как и всюду в "Слове", в переносном значении "основатель, начинатель" и "продолжатель", постольку нижней хронологической границей княжения внуков, правнуков и праправнуков Всеслава можно принять 30-е, а верхней - 70-е годы XII века. Следовательно, от поры активных военных действий самого Всеслава события, описанные в элегии и обращении, отделены примерно шестьюдесятью-ста годами. Точнее определить время внуков пока невозможно, так как науке неизвестен ни князь "Изяслав, сын Васильков", ни его трагическая битва с литовцами.

Трагедия идет по пятам за самонадеянным стремлением князей захватить себе всю славу и всю власть. "Западная" элегия об Изяславе столь же жестоко поучительна, как и "восточная" повесть об Игоре. Изяслав один, оставленный даже братьями, выступил против литовцев, мечтая приумножить славу своего деда Всеслава, который также один боролся всю жизнь против других русских князей. И что же? Если Всеславу, хотя и проигравшему свои главные битвы, все же всегда, так или иначе, везло, и ему удавалось спастись, казалось, от неминучей смерти, то внуку Изяславу выпал печальный жребий: мечи литовцев навсегда отделили его буйную голову от тела. Но почему же Поэт не напоминает о том, что против внешних врагов, торков, Всеслав ходил не один, а вместе с другими старшими князьями Руси? Всеслав сам перечеркнул этот поступок, объявив войну Ярославичам; к тому же в походе против

торков, судя по летописям, Всеслав не стяжал себе славы. Во всяком случае ко времени его внуков за Всеславом сохранялась, по свидетельству Поэта, лишь слава мятежного князя, в одиночку бросившегося в безнадежную, казалось, борьбу против могущественного союза Ярославичей, однако, в конце концов, счастливо (для себя) завершившего ее обособлением Полоцкого княжества от Киевской Руси. Этой славе, как мы полагаем, и следовал, увы, слепо, Изяслав, не хотевший или не умевший принять в расчет ни усиления внешних врагов, [redacted] после смерти Всеслава, ни раздоров между собой его сыновей и внуков. Элегия об Изяславе показывает, что время былинных богатырей минуло, что родину нельзя защитить от внешних врагов, борясь с ними в одиночку, а не совместно с другими князьями.

Некоторые исследователи, эксплуатируя недостаточно ясный смысл редкого глагола "притрепати", толкуют выражение "притрепа славу" как "умножил славу". Контекст и здравый смысл восстают против такого понимания. Однако вряд ли верно прямолинейно, только исходя из смысла стиха "притрепан литовскыми мечи", переводить глагол "притрепати" глаголом "погубить", как это делал когда-то и я[I]. Все же надо в бо́льшей мере принять во внимание тонкое наблюдение С.Гординьского и других исследователей, показавших несомненную связь корневой основы, древнерусских глаголов "потрепати" и "притрепати" со звучанием, в частности, с приятным, ласкающим слух звоном женского украшения, - золотых или серебряных подвесок (трепиток). И тогда в начальных стихах элегии явственно обозначится ниспадающий звукоряд славы Всеслава,

---

I Гений..., с.240.

представленный словами позвони - притрепа - притрепали. Если в этих глаголах ощущать оттенки звона, как ощущал их, по-видимому, современник Поэта, то стихи в целом приподымаются в художественном отношении и полнее вписываются в поэтику "Слова". И то, и другое можно почувствовать в нашем новом переводе, который мы предлагаем здесь вниманию читателя:

Один ведь Изяслав,
Васильков сын,
ударил со звоном
мечами острыми по литовским шеломам,
протрезвонил славу
деду своему Всеславу,
но литовские мечи ему самому
отзвонили конец
на кровавой траве, под червлеными щиты.

В целом получается существенно иной смысл фрагмента, чем тогда, когда "притрепа славу"... переводится как "погубил славу..." Строго говоря, славу деда погубить невозможно, она навеки останется неизменной; мысль же Поэта, думается, в том, что эта слава не стала достоянием "внуков", не стала их славой.

Совсем об иной славе Всеслава идет речь в обращении ко внукам. Её содержание проясняется в стихах, следующих за укором внукам в том, что их дела разошлись с дедовской славой - "Вы бо своими крамолами" и т.д. Смысл, противоположный укору, состоит, очевидно, в том, что Всеслав не приводил "поганых" на Русскую землю, - и этим был славен среди других князей, подавляющее большинство которых обращалось в борьбе за власть и за наследство к вооруженной помощи половцев, печенегов, венгров и других чу-

иноземцев. Внуки Всеслава, увы, не унаследовали и этой его славы. Напротив, приводя "поганых" на Полоцкую землю, они сами способствовали подрыву ее силы и расхищению ее богатств, - во всё возрастающих масштабах.

Разумеется, субъективно Всеслав не виноват в том, что его внуки не смогли продолжить его добрую славу. Однако объективно, - как показано в "Слове о Всеславе", - он несет за это огромную историческую ответственность. Все дело в том, что важнейшая причина, породившая бесславное время внуков и продлевающая его в будущее, - междоусобицы князей, - была усилена [redacted] Всеславовой троянской политикой, [redacted] Всеслав был решительным, но, увы, недальновидным политиком. Им владели страсти, первой среди которых была жажда всей полноты власти. Дерзкая самоуверенность, питавшаяся поддержкой непросвещенных слоев народа, заменяла ему мудрое предвидение гибельных последствий борьбы за "девицу себе любу", только себе, без учета желаний народа Руси и интересов [redacted] государства в целом. Всеслав не осознавал объективной взаимосвязи, выразительно подчеркнутой Поэтом в стихах:

Которою бо беше насилие
Отъ земле Половецкие.

Если б он мог воскреснуть во времена внуков и посмотреть на плоды своего мятежа против Ярославичей, то его взору предстала бы удручающая картина:

Уже бо Сула не течеть
Сребреными струями

къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течеть
Онымъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.

У. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Мы надеемся, что открыли для взгляда читателя новые связи и аспекты осмысления образов Всеслава и Вольха Всеславьевича.

I. Во второй половине XI - начале XII веков были созданы два летописных образа полоцкого князя Всеслава Брячиславича: киевский образ язычника по рождению, со временем ставшего образцовым христианином, и новгородский образ язычника по рождению и по своим нехристианским поступкам. [illegible] В летописях нет ни единого штриха, который хотя бы намекал, что князь был колдуном, оборотнем или что он обладал какими-либо сверхъестественными способностями.

2. "Слово о Всеславе" - не эпос, а пародия на волшебно-героический образ Всеслава, разоблачительная острота которой подчеркнута [redacted] трагической микроповестью о побоище на Немиге. Этот образ был типичен для эпических сказаний о Всеславе, одно из которых, возможно, принадлежало Бояну. Они не дошли до нас, но об их существовании непреложно свидетельствуют летописный фрагмент о рождении Всеслава, а также ключевые слова, композиция повествования о Всеславе, изображение в нем времени и пространства, формирующие второй, неявный уровень прочтения и восприятия "Слова о Всеславе" в символических мыслеобразах.

Понимание сложной жанровой природы, а, значит, и стилисти-

ки "Слова о Всеславе" дает ключ к объяснению искажений истории как приема гротескной композиции и к осмыслению алогизмов и внутренних противоречий текста как мнимых или привнесенных исследователями.

3. В "Слове о полку Игореве" (1185) воплощены два художественных образа Всеслава: авторский, символико-реалистический, и пародируемый, волшебно-героический образ, - в его наиболее характерных особенностях, репрезентативно представляющих эпические сказания о Всеславе.

4. Поэт показал Всеслава в единстве светлой и темной сторон его души и натуры. В середине 60-х годов темное начало возобладало, и Всеслав бросил все свои силы на борьбу за самовластие княжеств, против создания единого феодального государства. Он показан в "Слове" как двигатель, как символ мощного оживления междоусобиц и разрушения Киевской Руси изнутри.

Авторский образ Всеслава - "быль" его времени, полная правда о нем. Именно этим он принципиально, методологически отличается от идеологизированных, односторонних образов Всеслава, - как от обоих христианских ликов, так и от языческого изображения.

5. Волшебно-героический, традиционно-эпический образ Всеслава был построен на двух основах, - на его уподоблении былинному герою-"хитрецу" Вольху Всеславьевичу и на тенденциозно-выборочном изображении его княжеской деятельности. Пародируя этот образ Всеслава, Поэт посредством мысленного сопоставления с подлинной историей времени Всеслава и подлинным былинным Вольхом вскрывает антиисторичность эпического образа Всеслава и несостоятельность его уподобления образу Вольха.

6. Мы не обнаружили следов влияния летописных, христианских образов Всеслава ни на его образы в "Слове о полку", ни на былинный образ Вольха. Утверждение, будто Всеслав Полоцкий послужил прототипом для образа Вольха Всеславьевича, не имеет под собой никаких оснований.

7. Нет оснований также и для предположений о влиянии былинного образа Вольха на летописные образы Всеслава и на его авторский образ в "Слове". Судя по отражениям в пародийном зеркале, образ Вольха был прототипом, а, может, и моделью для героико-волшебных образов Всеслава в не дошедших до нас эпических сказаниях о нем.

Александр Косоруков.

14 декабря 1992 г.

Александр Кравченко

Слово о полку Игореве

/ объяснительный перевод слова "зегзица"/

Ученый-биолог Г.В. Сумаруков писал: " Ярославнынъ голосъ слышить, зегзицею незнаема рано кычеть: " Полечю, - рече, - зегзицею по Дунаеви...", - так начинается знаменитый плач Ярославны. Ярославна выступает в виде некой птицы - зегзицы. Биологический вид этой птицы не ясен. Одни исследователи в зегзице видят кукушку, одинокую, тоскующую. Другие же возражают против кукушки, вполне справедливо считая, что кукушка не летает "по Дунаеви", т.е. над рекой; взамен кукушки они предлагают чайку, но такая замена недостаточно обоснована: чайки не живут обособленно, они образуют шумные колонии и поэтому для олицетворения печального одиночества непригодны. Поскольку биологический вид зегзицы еще не установлен, то невозможно и оценить, правильно ли в поэме применен этот образ.[1]"

В.Л. Виноградова в словаре-справочнике " Слова о полку Игореве" приводит несколько примеров употребления слов, сходных по написанию со словом зегзица, а именно: Зогзица. " Уподоблюся зогзицы, иже едину поетъ пѣснь, того ради ненавидима бываеть. Посл. Дан. Заточ. / вт.перед. 107 / ХУ11в Х111в./,

Уже, брате, пастуси не кличуть, ни трубы не трубять, только часто ворони грають, зогзицы кукують на трупы падаючи. Задон. К-Б. 550 / ХУг. Х1Ув./

ср. Загула, зогзуля. Зогзуля в чужа гнѣзда яиця своя мечеть. Мер. правед., 63 / Х1У в./

Есть убо ина птица, нарицаема зегула, есть убо птица по ... нраве суща, егда убо народить яица, то инѣхъ птицъ /въ гнѣзда/ яица своя износить изъ гнѣзда, сама же своему гнѣзду не хранитель есть, но инымъ птицамъ отроди своя премѣтаеть. Палея / Х1Ув. 12/

ср. Зозуля. Як зачула тее мати /стала плакати, рыдати:/ " Ох

сыне мой Иване, /Дитя мое кохане!/ Ой коли-б же я зозуля, / Я-Б до тебе полинула/. Максим. Нар. укр. песни, 1.139." [2]

Орфографически оно, может, и верно, переводя слово зегзица, как кукушка, если бы этим словом не была названа Ярославна, чей прекрасный образ до сих пор волнует сердца и приводит в смятение души ценителей "Слова о полку Игореве". Не ошибаясь, можно сказать, что если " Слово о полку Игореве " гениальное произведение, то плач Ярославны - это жемчужина, которая украшает его, и делает еще более изысканным и прекрасным.

Очень высоко оценил плач Ярославны А.С. Пушкин. Когда кое-кто из скептиков засомневался в подлинности "Слова о полку Игореве", он писал: - "Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта ? Карамзин ? Но Карамзин не поэт. Державин ? Но Державин не знал и русского языка, не только языка Песни о полку Игореве. Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства". [3]

И вдруг кукушка. Даже из приведенных в словаре-справочнике В.Л. Виноградовой примеров видно, что, как и сейчас, так и несколько веков назад, как птица, кукушка вызывала отрицательные эмоции. В одном случае ее ненавидят, в другом случае она садится на труп, в третьем названа зловредной, и даже приведенный отрывок из украинской народной песни показывает, что мать, убитая горем, как кукушка полетела бы к трупу своего сына.

В " Слове о полку Игореве", князь Игорь живой и Ярославна хочет полететь по Дунаю к любимому, но с целью: " утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмь его тѣлѣ". [4] Можно, конечно, возразить, мол, и на мертвом теле можно омывать раны, но давайте не забывать, что автор "Слова о полку Игореве", когда писал свою песню прекрасно знал, что князь Игорь остался жив и был только ранен. Да и в плаче

Ярославны, чуть ниже, дается строка, из которой понятно, что князь Игорь остался жив и Ярославна знала об этом: " Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли мосады до плъку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано". [5]

Так что приведенная в словаре-справочнике В.Л.Виноградовой украинская народная песня не может служить основанием для того, чтобы называть Ярославну кукушкой.

А если мы вспомним, что и сейчас, брошенных матерью детей, называют "кукушкины дети", то у образа тоскующей Ярославны, как-то подсознательно появляется такая ущербность, что даже заставляет засомневаться в таланте автора "Слова о полку Игореве".

И даже приведенные в 6 томе словаря-справочника В.Л. Виноградовой сравнения, встречаемые в народной речи: "загоза / Новг./, загозочка /Смол./, загозка / р. Свирь/, загоска /Пск.Олон./, загонька /Пск.Новг./, загочка, загоженька / Олон./, загошпа, зогза /Волог./,... в современных воронежских говорах бытует зегзица в значении "иволга" ... на границе с Белоруссией: зазуля, зазюля, зезуля, зезюля, зозуля, зузуля, зюзюля, зезюлик... Все эти слова обозначают кукушку. [6], не могут сгладить то отрицательное влияние на образ Ярославны, когда слово зегзица переводится, как кукушка.

Так что у нас имеются все основания поставить под сомнение правильность перевода слова зегзица и попробовать дать иное толкование.

Первые издатели "Слова о полку Игоря" перевели его, как горлица:

Ярославнинъ голосъ
слышится; она, какъ оставленная горлица, по утрамъ воркуетъ: "полечу
"я, говоритъ, горлицею

"по Дунаю, обмочу боб-
"ровой рукавъ въ рѣцѣ Кая-
"лѣ, оботру Князю крова-
"выя раны на твердомъ его
"тѣлѣ". 7

Не будем гадать, знали они, или нет, схожесть перевода зегзицы с кукушкой, но перевели они его, как горлица.

Для сравнения возьмем еще несколько переводов и переложений. В переложении В.Жуковского зегзица уже чечетка:

"Голос Ярославнин слышится, на заре
одинокой чечеткою кличет:
"Полечу,- говорит, - чечеткою по Дунаю,
Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его". 8

Конечно, между 1817-1819г.г. и 1992г. времени прошло слишком много и понять, почему он перевел зегзицу, как чечетку, нам не дано.

В переложении Н.Заболоцкого исполненном в 1938-1946г.г., зегзица уже кукушка:

Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,
Голос Ярославны молодой:
"Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь". 8

Любопытен перевод плача Ярославны нашего современника, поэта Игоря Шкляревского:

А уже и на Дунае Ярославлин голос слышится.
Зегзицею незнаемой кукует рано:
"Полечу далеко по Дунаю,
долечу до реки до Каялы,
омочу в ней рукав свой белый,
оботру князю кровавые раны
на теле его несчастном". [9]

Он, видимо, сердцем поэта и мужчины понял несоответствие образа Ярославны с кукушкой и оставил слово зегзица непереведенным.

В переложении А.Н. Майкова Ярославна – ласточка:

Игорь слышит Ярославнин голос...
Там, в земле незнаемой, поутру
Рано-рано ласточкой щебечет:
"По Дунаю ласточкой помчусь я,
Омочу бебрян рукав в Каяле,
Оботру кровавые раны князю
На белом его могучем теле !.." [10]

Эмоциональное восприятие ласточки, особенно в сочетании со словом щебечет, намного сильнее, чем кукушка, но, справедливости ради, стоит возразить, что в народных говорах под похожим на зегзицу словом подразумевается черный стриж, а не ласточка.

А вот у В.И. Стеллецкого опять кукушка:

На Дунае Ярославнин голос слышится,
безвестною кукушкой рано кличет:
" Полечу, – молвит, – кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
отру князю кровавые его раны на могучем его теле". [11]

Знаменитый композитор, человек огромной души Ф.Н. Глинка ос-

тавил слово зегзица непереведенной:

Ярославнин голос слышится
На стене Путивля - города.
"Полечу я, - говорит она,-
По реке Дунаю зегзицей,
Омочу рукав бобровый мой
Во струях Каялы быстрыя,
Раны оботру кровавые
Я на теле друга милого ! " 12

А.А. Прокофьев, не менее известный композитор, чем Ф.И. Глинка в, одном из лучших на эту тему, стихотворений, к великому огорчению, перевел зегзицу, как кукушку:

Копья свищут на Дунае,
А Ярославна на ветру
Что кукушка, что лесная
В Путивле плачет поутру:
"Я кукушкою печальной
По Дунаю полечу,
И в реке Каяле дальней
Я рукав свой омочу.
Там, где бой начнется снова,
Встречу князя поутру,
Руковом его бобровым
Кровь с жестоких ран сотру". 13

Как видно из вышеприведенных примеров, однозначного ответа, что хотел донести до слушателей автор "Слова о полку Игореве", сравнив Ярославну с зегзицей - нет. Но, наверное, никто не станет возражать, если мы зададим вопрос: - Знал ли автор Ярославну, или хотя бы один раз ее видел ? - и тут же дадим ответ: - Да, он должен был ее знать. Знать в том смысле, сколько ей лет, как она

выглядит, как разговаривает, ее привычки. Д.С. Лихачев писал:

"-Близость "Слова" к плачам особенно сильна в плаче Ярославны. Автор "Слова" как бы цитирует плач Ярославны - приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать." [14]

Даже, если допустить, что автор "Слова о полку Игореве" ни разу ее не видел, то, сочиняя плач Ярославны, он должен был у кого-нибудь, кто хорошо знал Ярославну, попросить обрисовать ее. Без этого невозможно писателю, когда бы он ни жил, сейчас, или восемьсот лет назад, передать внутреннее переживание, не выдуманного образа, а живого человека.

В "Слове о полку Игореве" внешнего описания Ярославны нет. Поэтому, возможно, она и получилась такая обобщенная, такой она и вошла в учебные пособия по истории древней литературы. В.В. Кусков писал:

" Значительной художественной победой автора "Слова" является созданный им обаятельный образ русской женщины - верной подруги своего мужа, Ярославны. В ее образе обобщены лучшие черты характера древнерусской женщины. Автору чужд религиозно-аскетический взгляд на женщину. Нет, женщина не "сосуд дьявола", не источник всех бед и несчастий мужчины, как учила церковь, а верная и преданная помощница, горячо любящая своего "ладу" и силой своей любви помогающая ему вернуться из плена. В своем лирическом плаче-заклинании Ярославна обращает думы свои не только к мужу, но и к его воинам. Ее скорбь о поражении Игоря - это скорбь всех жен и матерей русских, обобщенных в едином образе, прекрасном и величественном ! " [15]

Но был же конкретный человек, чей образ через века донес до нас автор "Слова о полку Игореве" и хотелось бы знать, как она выглядит; не абстрактно, и пускай не так, как описана в романе Льва Толстого прелестная Наташа, но хотя бы, пусть силой своего воображения, но

попытаться воссоздать тот далекий, но столь дорогой для всех нас образ плачущей Ярославны. Многие поколения читателей, а их за двести лет, прошедших с момента находки графом Алексеем Ивановичем Мусин-Пушкиным рукописи "Слова о полку Игореве" были сотни и сотни тысяч, пытались увидеть конкретный образ, но он все-время расплывался и не давался в руки никому. Внутреннее состояние человека, который бессилен увидеть за простыми строками живого человека прекрасно передал в своих стихах К.К. Случевский еще в 1902г.

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией - нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.
Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным - давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не все, не все схоронено.
Но это вздор, обманное созданье !
Слова - не плоть... Из рифм одежд не ткать !
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них так же сил на то, чтоб убивать...
Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.
Сгони ее ! Довольно ей пророчить !
Уйми все песни, все ! Вели им замолчать !
К чему они ? Чтобы людей морочить
И нас - то здесь, то там - тревожить и смущать!
Смерть песне, смерть ! Пускай не существует !...
Вздор рифмы, вздор стихи ! Нелепости оне !...

А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене... [16]

Расплывчатость образа Ярославны вызвана еще и тем, что мы о ней знаем до обидного мало. Мы не можем даже с полной уверенностью сказать, был ли князь Игорь женат один раз, или два. А это очень важно. Если Ярославна-вторая жена князя Игоря, то она молоденькая девушка, а если князь Игорь был женат всего один раз, то Ярославна уже в годах, где-то ровестница тридцатичетырехлетнего князя Игоря, у нее уже, как отмечено в летописях, пятеро сыновей, вполне возможно и наличие дочерей, рождение которых летописцы не отмечали. Приходится учитывать и тот факт, что в XII веке средняя продолжительность жизни была чуть выше сорока лет. Так что по современным меркам Ярославна солидная женщина, отягощенная думами о хозяйстве, заботой о детях и прочими житейскими проблемами. Вряд ли такая женщина соответствует образу Ярославны, описанной в " Истории Российской" В.Н. Татищевым:

" И не доехав меньше полуднища верст за 20, спотнулся конь под Игорем и ногу ему так повредил, что он не мог на коня сесть, принужден в селе святого Михаила остановиться ночевать.

В тот час прибежал в Новград крестьянин того села и сказал княгине, что Игорь приехал.

И хотя долго тому не верили, но княгиня, не могши более терпеть, тотчас всодши на кони, поехала к нему.

Граждане, слыша то, все обрадовались и за княгинею поехали. Множество же, не имея близко коней, пеши пошли.

Княгиня пришед, так друг другу обрадовались, что обнявся плакали и говорить от радости и слез ничего не могли и едва могли престать от слез." [17]

В данном рассказе как раз и заметен порыв молодости, его нетерпение и слезы радости при встрече с любимым.

Правда, некоторые исследователи ставять под сомнение достовер-

ность сведений "Истории" Татищева, утверждая, что раз до нас не дошли те летописи, из которых Татищев брал сведения, то вполне вероятно, что он мог чего-нибудь и добавить от себя, вроде бы как бы домыслив тот или иной эпизод. Мы сейчас не будем разбирать все творчество В.Н.Татищева, а просто отметим, возможно, что кое-где, кое-что Татищев и домысливал, но приведенный нами отрывок из его "Истории" Татищев додумать не мог, так как для этого надо быть писателем, плохим, или хорошим, но обязательно писателем, а Татищев им не был, он был Историком.

К тому же имеется ряд научных работ, подтверждающих, что наиболее полно и точно события 1185г. отмечены именно в "Истории" Татищева. В одной из научных работ Б.И. Яценко писал:

" Схема научного поиска, предложенная Д.С. Лихачевым, определяет направление и характер изучения литературных памятников о походе 1185г. - переяславской, черниговской, киевской повестей, а так же "Слова о полку Игореве".

Литературные памятники о походе 1185г. объединяет общий ход событий: выход в поход, победа в первом бою, защитные меры Святослава Киевского, раны Владимира Переяславского, бегство Игоря и возвращение на Русь. Повести следуют одному образцу. Мы считаем, что таким образцом была переяславская повесть. Видимо, черниговская повесть следовала тому же сюжету и той же композиции, отразив факты из переяславской повести и сама отразившись в других памятчиках. Поэтому к реконструкции черниговской повести необходимо привлечь все известные источники о походе 1185г, а именно: повести из Лаврентьевской, Ипатьевской /варианты из Хлебниковской, Ермолаевской/ летописей, Густинской летописи, "Кройники о Руси" Феодосия Софоновича, Киевской летописи ХУ111в., первой и второй редакции " Истории Российской" В.Н. Татищева, " Слово о полку Игореве". Информация,

которая повторяется во всех повестях и "Слове" может быть также остовом черниговской повести." [18]

Сделав сравнительный анализ, Б.И. Яценко пришел к выводу, что: " Анализ фактического материала известных повестей о походе 1185г. позволил установить, что наибольшее количество оригинальных фактов имеется в Густинской летописи, "Кройнике о Руси" Феодосия Софоновича и особенно во второй редакции "Истории Российской" В.Н. Татищева /Т-2/, которая сохраняет черты протографа этих памятников." [19]

Так что доверять В.Н. Татищеву, хотя бы в части сведений, близлежащих к событиям 1185г., мы имеем полное право.

В.Л. Виноградова в словаре-справочнике "Слова о полку Игореве" приводит отрывки из работ исследователей, в одном из которых тоже делается ссылка на труд В.Н. Татищева:

" А.В. Соловьев / восемь заметок к "Слову о полку Игореве". 4. Рекъ Боянъ и Ходына. - ТОДРЛ. т. XX. М.-Л.,1964 стр. 378-379/ пишет: " Итак, поскольку у князя Игоря было пятеро сыновей, родившихся от 1170г. до 1180г., Ярославна была бы им мачехой, второй женой князя Игоря. Это предположение повторяется у многих комментаторов... Летописи ничего не говорят ни о первом, ни о втором браке князя Игоря, ни о смерти его жен: они вообще невнимательны к княгиням. Имя Евфросинии как жены князя Игоря находится только в драгоценном Любечском синодике, опубликованном в 1884г. / Р.В. Зотов. О черниговских князьях по Любечскому синодику. М. 1884г. с. 270, - прим. А.В. Соловьева./ В "Синодике" имя Евфросинии носит жена черниговского князя Феодосия, названного преемником Ярослава Всеволодовича на черниговском престоле, а Игорь /Георгий/ Святославич вообще не упомянут,- В.В./ В летописях его нет. Однако оно находится уже в "Родословнике князей великих и удельных рода Рюрика" Екатерины 11, напечатанном в 1793г. ... Мусин-Пушкин уже в издании "Поучения Владимира Мономаха" ссылается на "Родословник" Екатерины 11. Ясно, что он пользовался им

и для примечаний к "Слову" и из него взял имя Евфросинии и утверждение о втором браке Игоря. По нашему мнению, известие о втором браке объясняется невнимательным чтением "Истории" Татищева, которой Екатерина 11 широко пользовалась в своих "Записках по русской истории"... Екатерина 11 отметила, что под 1184г. Владимир /Галицкий, - В.Б./ назван шурином Игоря, но сделала из этого неверный вывод, что свадьба была в этом году". с.380. " Надо полагать, что Игорь женился на дочери Ярослава Осмомысла в 1169г. восемнадцати лет от роду, а может быть и немного раньше. Все сыновья Игоря были и сыновьями Евфросинии, поэтому они позднее стали галицкими князьями. " В.П. Адрианова-Перетц. / "Слово о полку Игореве и памятники рус. литературы Х1-Х11 в. Л. 1968г. стр. 97-98/.[20]

Более подробно о Любечском Синодике касательно князя Игоря и его жены Ярославны пишет страстный почитатель " Слова о полку Игореве" писатель В.А. Чивилихин:

" Отсутствие в Любечском синодике Владимира Мономаха, его отца Всеволода Ярославича, а так же Бориса Вячеславича, сына смоленского князя Вячеслава Ярославича, сидевших на черниговском столе в последней четверти Х1в, объясняется просто- составители синодика справедливо считали законными владетелями Чернигова только потомков Святослава Ярославича, четвертого сына Ярослава Мудрого. Но почему в этом драгоценнейшем историческом документе не назван по имени князь Игорь ? Загадка ! Читаю список в том месте, где должен значиться Игорь Святославич. Синодик упоминает " Великого князя Ярослава черниговского, в иноцех Василия, и княгиню его Ирину". Как известно, Ярослав Всеволодович княжил в Чернигове с 1177 по 1198 год. Назван по именам и отчеству великий князь Всеволод-Даниил Святослав/ич/ черниговский /Чермный/ и княгиня его Анастасия. Этот князь впервые занял черниговский стол в 1204 году.

Как мы знаем, с 1198 по 1202 год великим черниговским князем

был Игорь Святославич, однако Любечский синодик между Ярославом Всеволодовичем и его племянником Всеволодом Святославичем помещает некоего "Великого князя Феодосия Черниговского...". Но в Чернигове никогда не сидел князь Феодосий, и вообще на Руси среди сотен удельных и великих князей не было князя, носившего такое имя ! Если Игорь Святославич не назван в синодике, то это чрезвычайно показательно, только я предполагаю, что под псевдонимом "Феодосий" - это имя самого досточтимого святого русской церкви - записан в поминальник Игорь ! Допускаю, что он, будучи автором полуязыческого "Слова", "покаялся" перед смертью в своих "грехах", принял схиму и в синодике значится его монашеское имя.

И еще очень важное. В Любечском синодике есть продолжение поминальной записи о загадочном великом князе черниговском Феодосии - в ту же строку местные священники записали " и княгиню его"Евфросинью." Не Ярославна ли это "Слова", мать всех детей Игоря ?

Под именем Евфросиньи Ярославны супруга Игоря проходит во всем современном "Слово"-ведении. Ее впервые назвала Екатерина 11 в своих "Записках касательно российской истории", но источник этого сведения нам неизвестен, как и источник первоиздателей "Слова", также назвавших жену Игоря Евфросинией. Не исключено, что Екатерина 11, наверняка не знакомая с Любечским синодиком, который был обнаружен в крохотной провинциальной церкви сто лет спустя после ее "Записок", знала какой-то не сохранившийся летописный манускрипт." 21.

Прежде чем попытаться разобраться, был ли у Екатерины 11 какой-то не дошедший до нас летописный документ, откуда она и взяла сведения о втором браке князя Игоря, или действительно ошиблась, неправильно истолковав запись из "Истории" Татищева за 1184г., хотелось бы хоть вкратце ознакомится с событиями того времени, происходящими в Галицком княжестве. Как нам известно, Ярославна родилась там, выросла, там ее отец, мать, братья, возможно и сестры, а это уже не-

маловажно в нашей попытке разобраться в человеке, жившем восемьсот лет назад. Б.А.Рыбаков о времени княжения отца Ярославны писал:

" Расцвет Галицкого княжества связан с воспетым в "Слове" Ярославом Осмомыслом /1153-1187гг./, сыном Владимира Володаревича, двоюродным братом Ивана Берладника.

Знакомимся мы с ним в летописи при следующих обстоятельствах: киевский князь Изяслав Мстиславич, много воевавший с Владимиром Володаревичем и с помощью венгерского короля победивший его в 1152г., прислал в Галич в начале 1153г. своего боярина Петра Бориславича /являвшегося, по-видимому, автором княжеской летописи/. Посол напомнил князю Владимиру о некоторых его обещаниях, скрепленных обрядом целования креста. Издеваясь над послом, галицкий князь спрашивал: " Что, этот маленький крестик я целовал?"- и, в конце концов, выгнал киевского боярина и его свиту: " Досыти есте молвили, а ныне - полези вон ! " Посол оставил князю крестоцеловальные грамоты и на некормленных конях выехал из города. Новая война была объявлена. Снова должны были скакать на Галич королевские полки с запада, киевские - с востока, а волынские - с севера, снова галицкий князь должен быть слать гонцов на другой конец Руси за помощью к Юрию Долгорукому, своему свату и давнему союзнику. Но гонец поскакал по киевской дороге и вернул с пути Петра Бориславича. В Галиче навстречу послу из дворца спустились слуги в черных одеждах; на "златокованом столе" сидел молодой княжич в черной мантии и черном клобуке, а рыцарский караул стоял у гроба старого князя Владимира Володаревича.

Ярослав поспешил загладить неосторожную заносчивость отца и изъявил полную покорность великому князю: " Приими мя, яко сына своего Мстислава. Ать ездить Мстислав подле твой стремень ездю всими своими полкы". С таким образом признанием феодальной зависимости Ярослав отпустил посла,"но иное мысли в сердце своем",

добавляет летопись. И уже в том же году война состоялась. Князь Ярослав в бою не участвовал, бояре сказали ему: " Ты еси молод... а поеди, княже, к городу". Вероятно, боярство просто не очень доверяло князю, который незадолго перед этим клялся в верности Киеву. Не так уж юн был в это время Ярослав Осмомысл - за три года до битвы он женился на дочери Юрия Долгорукова Ольге. Боярство и в дальнейшем энергично вмешивалось в княжеские дела. 1159г., когда не был завершен еще конфликт из-за Ивана Берладника, галичане упорно продолжали выказывать симпатии дунайскому удальцу и обратились к его покровителю, киевскому князю Изяславу Давыдовичу, с предложением пойти на их родной город походом: "Толико явишь стяги и мы отступим от Ярослава !"

Новый конфликт между Ярославом и боярством возник в 1173г. Княгиня Ольга с сыном Владимиром бежала от мужа вместе с видными галицкими боярами в Польшу. Владимир Ярославич выпросил у соперника своего отца г. Червен, стратегически удобный и для связей с Польшей, и для наступления на отца. Это тот Владимир Галицкий, забулдыга и бражник, образ которого так красочно воспроизведен в опере Бородина " Князь Игорь". Игорь Святославич был женат на его сестре Евфросинье, дочери Ярослава Осмомысла /"Ярославне"/. Разрыв с отцом был вызван тем, что у Ярослава была любовница Настасья и ее сыну Олегу Ярослав отдавал предпочтение перед законным сыном Владимиром.

Восемь месяцев Ольга Юрьевна и Владимир находились в отъезде, но наконец получили письмо от галицких бояр с просьбой вернуться в Галич и обещанием взять под стражу ее мужа. Обещание было выполнено с лихвой - Ярослав Осмомысл был арестован, его друзья, союзные половцы изрублены, а любовница Настасья сожжена на костре. " Галичанеже накладаша огнь, сожгоша ю, а сына ее в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню вправду. И тако уладившеся". Конфликт, кажущийся семейным, был временно улажен таким

своеобразным средневековым способом.

На следующий год Владимир бежал на Волынь, но Ярослав Осмомысл, наняв на 3 тысячи гривен поляков, сжег два волынских города и потребовал выдачи мятежного сына; тот же бежал в Поросье и собирался скрыться в Суздале. Объездив в поисках убежища множество городов, Владимир Галицкий оказался наконец у сестры в Путивле, где проживал несколько лет, пока Игорь не примирил его с отцом. Осенью 1187г. скончался Ярослав Осмомысл, оставив наследником все же не Владимира, а Олега "Настасьича". Тотчас же "бысть мятеж велик в Галицкой земле". Бояре выгнали Олега и дали престол Владимиру, но и этот князь не удовлетворял их.:" Князяшу Володимеру в Галичкой земле. И бе бо любезнив питию многому и думы не любяшеть с мужами своими". Этим было решено все – если князь пренебрегает боярской думой, если он выходит из воли "смысленных", то он уже тем самым плох, и в летопись о нем вносятся всякие порочащие его детали: и что он много пьет, и что он " поя у попа жену и постави / себе/ жену, и что он в городе, " улюбив жену или чью дочерь, поимашеть насильем". 22

Для сравнения приведем пример, как характерезует князя Игоря Владимир Чивилихин:

" Он исповедовал принципы, провозглашенные в поэме. Поучавствовав, как в а с с а л в довольно мелких усобицах 1180-го / походы на Друцк и Киев/, Игорь Святославич двадцать два года, до конца своих дней, воздерживался от братоубийственных распрей, лишь один раз, в 1196г. в ы н у ж д е н н ы й вместе со всем "Ольговым гнездом", предъявившим свои законные права на великий стол, изготовиться к отпору военной коалиции князей Киева, Смоленска, Владимира и Рязани.

История числит единственное междуусобное сражение, предпринятое Игорем, – в 1184г. он "взял на щит город Глебов у Переяславля". Это зафиксировано в летописной повести о походе Игоря, включено в

покаянную "его" речь, и современные историки вовсю кают Игоря именно за этот поступок, хотя надо бы каять владельца этого города – Владимира Глебовича переяславского, который незадолго перед тем "иде на Северьские городы и взя в них много добыток". Игорь, подчиняясь средневековому рыцарскому кодексу, не мог не ответить на"обиду"; чтобы не потерять уважение к себе со стороны вассалов, бояр, воевод, дружины, да и врагам он обязан был показать силу и спасти свою "честь".[23]

Если предположить, что Ярославна была второй женой князя Игоря, то смена обстановки в 1184г. для молодой девушки была очень существенной. Полный злобы, измен, военных конфликтов, семейных склок и дрязг Галич, и тихий, миролюбивый, наполненный взаимной любовью и уважением ко всем Новгород Северский, представляли в сознании юной девушки два противоположных полюса: добра и зла. И, конечно, добро не могло не вызвать ответного чувства – преданности и любви, что мы и видим в "Слове о полку Игореве".

Была ли Ярославна второй женой князя Игоря – вот что нам и необходимо доказать. Для начала разберем запись Татищева, где брат Ярославны Владимир назван шурином, и которую вроде бы неправильно истолковала Екатерина 11.

" Владимир Ярославич галицкий шурин Игорев, изгнанный от отца, пришел во Владимир к Роману Мстиславичу. Но Роман, боялся отца Владимирова, не дал ему долго у себя быть. Оттуда поехал Владимир к тестю Святославу. Но Святослав прежде учинил Рюрику и Ярославу роту, что его не держать, також отпустил от себя. Потом Владимир пришел в Дорогобуж к зятю своему Игорю и тут пребывал не долго, понеже и тот, боясь тестя, а Владимирова отца, не держал. Оттуда пошел он к Святополку в Туров, но ни тамо мог долго быть, поехал в Смоленск к Давиду, а Давид проводил его в Суздаль к вую его Всеволоду Юриевичу. Несчастный же Владимир ни тамо места себе об-

реши, приехал паки в Путимль к зятю своему Игорю Святославичу. Игорь же принял его с любовью и честию и держал у себя чрез два года и с великим прилежанием чрез князей руских едва его с отцом примирил, изпрося ему во всем просчения, и послал с ним проводить сына своего Святослава. Ярослав, прияв сына Владимира и накозав его словами, дал ему Свиноград, но жить велел в Галиче, да бы он не мог кое зло делать. Святослава же, одарив, с честью отпустил.[24]

Для большей ясности и понимания того, что мы собираемся делать, необходимо дать цитату из научной работы В.В. Кускова:

" Генеалогическая точка зрения широко представлена и в летописи, где подчеркивается неразрывная связь внуков и дедов. Например: " В лето 6529 /1021/ приде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимерь на Новгород" /Там же, С.146/. Или под 6552 /1044/: " В се же лето умре Брячислав, сын Изяславль внук Володимерь, отець Всеславль..." / Там же. С.155/. " В лето 6601 /1093/, индикта 1 лето, преставися великий князь Всеволод, сын Ярославль, внук Володимерь..." / Там же. С.215-216/. Подобных примеров из летописи можно было бы привести довольно много."[25]

Теперь посмотрим, как летописец отмечал родственные связи в записи за 1184г. из "Истории" Татищева.

Владимир Ярославич назван шурином Игоря. Следовательно к моменту внесения в летопись этого рассказа Ярославна была женой князя Игоря.

Роман Мстиславич, будущий князь Галицкий, не был в родстве с Ярославом, поэтому и в рассказе он просто Роман Мстиславич.

Зато киевский князь Святослав назван тестем Владимира. Он действительно-тесть Владимира, и в летописи этому есть подтверждение, где под 1168г. сделана запись, что Ярослав Галицкий женил своего сына Всеволода на дочери Святослава Всеволодовича, тогда еще князя черниговского, Малфриде Болеславне.

Рюрик и Ярослав в родстве не состояли, и в рассказе этого нет.

Далее по тексту Владимир назван зятем Игоря. Мы об этом уже знаем с первых строчек рассказа, но летописец не может отойти от правила и не указать родственную связь, после чего еще дважды повторяет то, что нам и так понятно, назвав Игоря тестем Ярослава, и разъяснив, что это отец Владимира.

Святослав Туровский родством с Ярославом не связан, как и Давид Смоленский, нет этого в рассказе.

Всеволод Юрьевич назван "вую" - дядей Владимира. Он им и был, так как ~~его родной брат~~ Юрий Догорукий, отец матери Владимира и Ярославны, доводился ему родным братом.

Снова, уже в третий раз отмечается родство Игоря Святославича и Владимира. Игорь назван зятем Владимира.

И вот в рассказе появляется новое имя - сын Игоря Святослав. До этой строки мы из рассказа узнаем, что после долгих дипломатических переговоров через других князей, Игорь выпросил у Ярослава прощение Владимиру и отправил его в Галич вместе со своим сыном Святославом. Если придерживаться версии, что Ярославна была единственной женой князя Игоря, то Святослав Игоревич должен быть внуком Ярослава. Как отмечено в летописи Святослав родился в 1177г., следовательно в 1184г. ему было всего лишь 7 лет.

Читаем дальше: " Ярослав, прияв сына Владимира и наказав его словами..." Но Владимир, как мы знаем, приехал к отцу с сыном Игоря Святославом и по логике вещей, если Святослав был внуком Ярослава, то выше приведенная строка была бы чуть иной, например: " Ярослав, прияв сына Владимира и внука Святослава...". Можно, конечно допустить, что летописец в данной строке допустил оплошность, не указав родства Святослава с Ярославом, но он так же не указал родства Святослава и Владимира, хотя Владимир должен был доводиться Святославу дядей. Вряд ли это просто оплошность, так как в этой строке вместо и так понятного " прияв Владимира", летописец ука-

зал " прияв сына Владимира ", дотошно подчеркнув еще одну родственную связь. Но даже, с большой натяжкой, в данной строке можно допустить оплошность летописца, то последняя строка рассказа начисто опровергает родство Святослава Игоревича с Ярославом.

" Святослава же, одарив, с честью отпустил." В данной строке не может быть и речи о какой-то оплошности летописца, так как, если бы Святослав Игоревич был в родстве с Ярославом, то рука летописца волей неволей после -же- дописала бы "внука своего". И о какой чести к семилетнему мальчику может идти речь, если бы он был внуком Ярослава. Внуком можно гордится, можно его любить, но никак о нем нельзя сказать, как о постороннем человеке. Нам понятно, что честь была оказана Ярославом через сына самому Игорю, который примирил Владимира с Ярославом.

Теперь, можно с большой уверенностью сказать, что действительно Екатерина 11 держала в руках какой-то не дошедший до нас летописный материал, откуда и взяла сведения о браке князя Игоря и Ярославны в 1184г. А утверждение о том, что сыновья князя Игоря по праву наследия, так как были внуками Ярослава, заняли позднее галицкий престол, вообще не выдерживает никакой критики.

После смерти Ярослава в 1187г. временно на княжении там были: внебрачный сын Ярослава Олег, затем Владимир Ярославич, недолго княжил в Галиче и Роман Мстиславич, не имевший вообще никаких прав на это княжество. До 1189г. князем в Галиче был Андрей, сын венгерского короля. С 1189г. и до своей смерти в 1199г. в Галиче княжил опять Владимир Ярославич и то лишь благодаря поддержке германского императора Фридриха Барборосы и польского короля. Кроме того, попытки завладеть Галичем предпринимали и Святослав Киевский, и сын Берладника Ростислав Иванович. Для последнего такая попытка закончилась довольно печально, в бою под Галичем он был ранен, а затем и умер.

Косвенные доказательства того, что Ярославна была второй женой князя Игоря, а следовательно и молодой девушкой, мы можем найти в самих летописях. Как уже упоминалось, имеются сведения о рождении у князя Игоря первого сына в 1170г., и на этом основании делается вывод, что если и была свадьба Игоря и Ярославны, то она должна была состояться в 1169г. или раньше.

Отец князя Игоря, черниговский князь Святослав Ольгович умер в 1164г.. С 1153г., когда Ярослав Владимирович стал галицким князем, его имя довольно часто упоминается в летописях наряду с отцом князя Игоря, но нигде ни разу не упоминается их родство.

Из этого можно сделать вывод, что если и была свадьба князя Игоря и Ярославны, то она состоялась бы где-то между 1164г. и 1169г. Вряд ли она была вообще, так как под 1168г., как уже говорилось в летописи отмечен брак сына Ярослава на дочери Святослава Всеволодовича. Летописец довольно-таки внимательно следил за жизнью Ярослава, начиная с 1153г. и, если бы это было на самом деле, то обязательно внес бы в летопись такой факт, как свадьба дочери Ярослава.

Но все-таки основным доказательством того, что Ярославна являлась второй женой князя Игоря и была очень молодой, будет толкование самого слова „зегзица".

Будучи в гостях на севере Нижегородской области, шли как-то лесной тропкой. О чем-то говорили, как неожиданно из глубины леса донеслось женское рыдание. Я невольно остановился. Мои сельские спутники, заметив мою растерянность, спокойно пояснили:

" Да кукушленок это. - А увидев, что я ничего не понял, разъяснили, - Кукушечка это молоденькая. Куковать еще как следует не умеет, вот забьется куда-то в чащу, и не найдешь, и пробует, да уж очень на женский плач ее кукование похоже.

Бог ты мой! До чего же мы очерствели душой и сердцем, если

забыли, как рыдают в горе Русские женщины, наши с вами матери, жены, дочери. Как забившись куда-нибудь, чтобы никто их не видел и не слушал, рвут зубами подушки и в кровь искусывают руки и губы.

Читаем у Владимира Чивилихина:

" Вошли большие мужчины, остановились у порога и стали молча смотреть в пол. Мать вскрикнула не своим голосом и повалилась, как подломленная... Помню отца в красном гробу, топкий весенний снег, печальную вереницу людей, винтовочные залпы, горький запах пороха над кладбищем, плачущие крики желтых труб деповского оркестра. А летом, когда мама уходила искать нашу корову Пеструху и ее не было до сумерек, я бежал на кладбище и находил маму распростертой на могильном холмике, где стояла красная деревянная тумбочка с железной звездой наверху. Мама тихо голосила в землю, вцепившись пальцами в траву. [26]

Не кукушка Ярославна, а кукушечка, юное создание, безумно влюбленное в своего "ладу". Поэтому все в ней искренне и так понятно, как может быть ясной первая любовь. Нам трудно это понять, еще тяжелее осознать, может быть, лишь потому, что нам десятилетиями вбивали в голову, что любовь молодой девушки к взрослому мужчине-это ненормальное явление, отклонение в психике, извращение и бог его знает еще чего, чем нам не засоряли мозги. Жизнь-то она совсем иная и не спрашивает, кого надо и можно любить, она любит того, кого хочет.

Влюбляются дочери наши
В сверстников моих друзей.
Тайно от жен встречаются-
Души не жалея своей.
    Маются в неизвестности -
    Вот и замуж пора.
    И остаются в вечности
    Тоскующие глаза.

Не такая ты, Ярославна:
На коня вскочив босиком -
Подняла ты весь город на ноги,
Узнав, что вернулся он.
Сколько тоски и ласки,
Слез и забытых фраз
Ты воскресила СЛОВОМ,
Чудом дожившим до нас.
Прихожу я к дочери,
В круг ее добрых друзей,
И вижу, как дрогнули губы
Юной знакомой моей.
Нет, не хочу я тайно.
Лучше уж холод в мой дом.
Вот если бы, как Ярославна:
В века.
На коне.
Босиком.

О том, что Ярославна-молодая девушка, невольно догадывались и чувствовали многие исследователи и, особенно, поэты. У Д.С. Лихачева читаем:

" И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор "Слова" с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря - Ярославны, плачущей по своем муже. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере. [27]

Кавалерова Н.А. в научной статье " Отражение педагогических идей Киевской Руси в "Слове о полку Игореве", пишет:

" Не вызывает сомнения, что, наделяя свою героиню таким высоким поэтическим даром, глубиной чувств, способностью сопереживать боль других, осознавая важность событий, автор стремился предста-

вить Ярославну женщиной незаурядного ума. И хотя в " Слове " нет прямого упоминания об образованности Ярославны, можно предположить, что она принадлежала к плеяде образованных женщин Киевской Руси. Известен исторический факт, что женой Игоря была юная дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла Евфросинья и что для части женщин привилегированной княжеской верхушки свойственно было стремление к образованию. Еще задолго до написания "Слова" в Киеве при Андреевском монастыре дочерью киевского князя Всеволода Ярославича Анкой /Янкой/ было открыто первое в Европе женское училище, которым она руководила на протяжении 26 лет. Слава о культурно- просветительской и дипломатической деятельности русских княгинь распространялась и за пределами Киевской Руси. Одной из них, например, посвятил свою поэму выдающийся азербайджанский поэт XII в. Низами:

...В одеянии румейском, прелести полна,
Насринуш идет за нею - русская княжна...
Не улыбкой сладкой только и красой она,
Нет, - она в любой науке столь была сильна,
Столь искушена, что в мире книги ни одной
Не осталось не прочтенной девой молодой. " 28

Особенно сильны по восприятию и пониманию образа Ярославны стихи нашего известного поэта В.Я. Брюсова:

" Стародавней Ярославне тихий ропот струн:
Лик твой древний, лик твой светлый, как и прежде, юн.
Иль певец безвестный, мудрый, тот, кто Слово спел,
Все мечты веков грядущих тайно подсмотрел ?
Или русских женщин лики все в тебе слиты ?
Ты - Наташа, ты - и Лиза, и Татьяна - ты !
На стене ты плачешь утром... Как светла тоска !
И, крутясь, уносит слезы песнь певца - в века !
1912г. 29

Перевод слова "зегзица", как "кукушечка" подтверждается и правилами правописания древнерусского языка XI-XIV вв. Окончание на -ца- в существительных придает слову уменьшенчое значение по сравнению с чем-то большим. Например:

" ЗЕМЛИЦ/А /2/,-Ѣ/-А/ с. Уменш. к земля в 3 знач: Се азъ харламъ мортка далъ есмь в домъ преч/с/тыи бци, старцю Кирилоу свою поженкоу и свою землицю оу Ѣзовица... а далъ есмь и докладницю почьмоу есмь тоу поженкоу и тоу землицю роздѣлалъ. Гр. 1397-1427 / 2,белозер./ [30]

" ЗВОНЬЦ/Ь /1/, - А с, Колокольчик: фарисѣи... и образы самовольные службы въ одежи имѣють въ свитахъ же и въ плащи/х/, имъ же и расширание пазухамъ. иже есть знамение багран/ ци и подолци ризамъ, и яко звонци вощани на краихъ свить, си же такова бяху имъ знамѣния. /ἐσίσκω/ КР 1284, 361б." [31]

" ДЬЛЬНИЦ/А /1/, - Ѣ /-А/ с. Доля, выдел: а пришодьши предъ наше обличье, и передъ земляны, панъ вольчко... и с пани ходьковою женою, и сь ихъ дѣтьми, и зятемь ихъ клюсомъ. пожедналися. о села вжитка. о дѣлницю. и/т/дѣлили вольчка и/т/ себе.Гр.1393 / 4, ю.-р/. [32]

" ЖРЕБИЦ/А /1/,-Ѣ /-А/ с. Жен. к жребець / жеребец/: яко вельблудъ. да-а тщанье по движенью в печали мѣсто ломиши/с/ яко конь на жребицю неистовуюся на дивную и не на дивну. /θηλυμανῶν / ФСт XIV, 179г." [33]

Таких примеров употребления -ца- можно привести множество. В нашем же случае слово зегзица, как уменьшительное к взрослой птице кукушке, можно было бы подобрать зегула. Да и в приведенном примере из посл. Дан. Заточ. " Уподоблюся зогзицы, иже едину поеть пѣснь, того ради ненавидима бываеть" [34] неясно, то ли о взрослой птице с ее монотонным кукованием идет речь, то ли автор желал бы уподобиться молодой кукушечке, чья песнь похожа на жен-

ское рыдание. Вернее всего, второе, так как монотонное женское рыдание способно вывести из себя кого угодно.

Обобщая материалы, упомянутые в настоящей статье, можно прийти к выводу, что Ярославна была молодой девушкой, а следовательно и второй женой князя Игоря. Ссылка на то, что Екатерина 11 ошиблась, неправильно истолковав рассказ из "Истории" В.Н. Татищева, отметив брак между князем Игорем и Ярославной 1184 годом, выглядит весьма неубедительно, да и некорректно по отношению к уму, таланту и той эрудиции, какой в полной мере обладала Екатерина 11.

Наоборот, при внимательном анализе рассказа из " Истории" В.Н. Татищева, напрашивается вывод, что семилетний сын Игоря Святослав не состоял в родстве с галицким князем Ярославом, и, естественно, не мог быть сыном Ярославны.

Любечский синодик, где Евфросиния, как не трудно понять, названа женой князя Игоря, был опубликован в 1884г., а Екатерина 11, незнакомая с этим документом, назвала Евфросинию женой князя Игоря еще в 1793г., отметив и год их бракосочетания как 1184. Из этого можно сделать вывод, что Екатерина 11 пользовалась в своей работе по Составлению " Родословника князей великих и удельных рода Рюрика", каким-то не дошедшим до нас летописным документом.

Косвенным доказательством того, что Ярославна была второй женой князя Игоря, служат и сами летописи, где между 1164г. и 1170г. нет сведений о свадьбе Игоря на дочери Ярослава, хотя под 1168г. отмечен брак сына Ярослава на дочери, тогда еще черниговского князя Святослава Всеволодовича.

Перевод слова "зегзица", как "кукушечка", то же подтверждает версию о том, что Ярославна была второй женой князя Игоря.

Слабой стороной предложенного перевода слова зегзица является то, что у нас нет твердых оснований считать Ярославну молодой девушкой и второй женой князя Игоря.

А положительным качеством будет то, что исчезает расплывчитость образа Ярославны. Она обретает конкретные черты живого человека, что дает возможность, как бы перебросить незримый мостик в XII век, и ощутить всю прелесть тех чувств и эмоций, забытых фраз и искренней любви, что с такой убедительной силой, тактом и огромным талантом донес до нас автор " Слова о полку Игореве".

Прежде, чем дать новый перевод плача Ярославны, необходимо сказать, что дословный перевод слова кычет – рыдает; из нескольких переводов слова "незнаем", вернее будет – незаметный, а спор, как перевести слово жестоцъмъ – то ли жаркий, разгоряченный, то ли – сильный по отношению к мужскому телу, в свете того, что это произносит молодая девушка, жена князя Игоря, необходимо отдать предпочтение слову сильный.

Предложенный перевод:

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушечкой незаметной рано рыдает.
"Полечу, – говорит, – кукушечкой
по Дунаю, омочу шелковый рукав
в Каяле – реке, оботру князю кровавые
его раны на сильном его теле.

Литература:

1. Г.В. Сумаруков "Кто есть кто в "Слове о полку Игореве" Изд. Московского университета 1983г. С.40.
2. В.Л. Виноградова Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" Л.Наука. 1965г. вып.2. С. 121.
3. А.С. Пушкин. Пол.собр. соч. в 10 т.,т.7.М.Л.1951г. С. 503.
4. Текст дается по факсимальному воспроизведению первого издания " Слова о полку Игореве" 1800г. С.38.
5. Там же. С. 39.
6. В.Л. Виноградова. Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" А.Н. СССР 1984г. Вып.6. С. 219.
7. Первое изд. "Слова о полку Игореве" 1800г. С. 37-38.
8. В.А. Жуковский в книге "Слово о полку Игореве" М. Худ. лит. 1987г. С. 129.
8[а] Н.А. Заболотский. Там же. С. 156.
9. И.И. Шкляревский. Читаю "Слово о полку..."М.Прос. 1991.С. 65.

10. А.Н. Майков. Злато Слово. М.Мол.гвард. 1986г. С. 108.
11. В.И. Стеллецкий. Там же. С. 123.
12. Ф.Н. Глинка. "Слово о полку Игореве" М.Худ.лит. С.275. 1986г.
13. А.А. Прокофьев. Там же. С. 280.
14. Д.С. Лихачев. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. Л.Худ. лит. 1985г. С. 21.
15. В.В. Кусков История древнерусской литературы.М.В.Ш.1989г.С.104.
16. К.К. Случевский."Слово о полку Игореве" М.Худ.лит.1986г. С.295.
17. В.Н. Татищев История Российская т.3. М.Л.Наука 1964г. С.139г.
18. Б.И. Яценко Исследования "Слова о полку Игореве" Л.Наука 1986г. С.40.
19. Там же. С.56.
20. В.Л. Виноградова Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" А.Н.СССР. 1984г. Вып. 6. С. 198-199.
21. В.А. Чивилихин Память.Ром.газета № 1985г. С.86г.
22. Б.А. Рыбаков Злато Слово М.Мол.гвард. С. 189-191.
23. В.А. Чивилихин Память. Ром.газета №4 1985г. С. 77.
24. В.Н. Татищев История Российская т.3.М.Л.Наука 1964г. С.133.
25. В.В. Кусков "Слово о полку Игореве" Комплесные исследования М.Наука. 1988г. С. 69.
26. В.А. Чивилихин Память. Ром. газета № 3 1985г. С. 4.
27. Д.С. Лихачев "Слово о полку Игореве"М.Худ.лит. 1987г. С.11.
28. Н.А. Кавалерова "Слово о полку Игореве" и мировозрение его эпохи. Киев. 1990г. С. 141.
29. В.Я. Брюсов. "Слово о полку Игореве" М.Худ.лит. 1986г. С.299.
30. Словарь древнерусского языка / XI-XIVвв/ Т.111. М. Русский Язык. С. 370.
31. Там же. С. 360.
32. Там же. С. 162.
33. Там же. С. 269.
34. В.Л. Виноградова Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" Л.Наука. 1965г. Вып. 2. С. 121.

Кравченко Александр Сергеевич

603001 г. Нижний Новгород

Нижне-волжская набережная

д. 13 кв. 35.

257

Александр Кравченко

Слово о полку Игореве
/ конъектурная правка слова "папорзи" /

В.Э. Орел в статье "Слово о полку Игореве" и его этимологическое изучение" писал: "... Так обстоит дело, например, с толкованием слова папорзи /суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латиньскими/. Место это далеко от ясности, и необходимость какой-то конъектуры здесь не вызывает сомнения, однако обращаясь к истории вопроса, мы видим, что многие исследователи, пожалуй, злоупотребили различными "улучшениями" текста. Одна из таких малоудачных точек зрения восходит к Л.Дубенскому, предложившему видеть в папорзи - папорози, последнее же понимается как папороти, т.е. " косточки в птичьих крыльях, находящиеся между плечиком и кистью": " Автор олицетворяет мысль; она ширяется, подобно соколу, - не чем же? на железных папороках /крыльях/" [1]. Это толкование, конечно, совершенно ненаучно - как потому, что оно исходит из исправления сразу двух букв, так и потому, что оно совершенно беспомощно в семантическом отношении. Неудивительно, что оно не дожило до наших дней [2].
Трудно принять и объяснение А.С. Орлова, читавшего на месте папорзи - паробци, паропци или пароб/п/чи " младшие члены дружины, слуги князя" [3], и трудность не только в том, что это прочтение предполагает очень существенную правку дошедшего до нас текста, но и прежде всего в том, что сочетание желѣзныии паропци в стилистическом отношении звучит подозрительно современно / нечто вроде нем. /die Männer aus Eisen/. Можно, правда, возразить, что др.-русск. желѣзныи встречается в переносных значениях и может означать нечто вроде " крепкий, сильный, несгибаемый ", однако нетрудно заметить, что в этой роли прилагательное желѣзныи часто сочетается со словами

типа "сердце" или "шея", но никогда – с существительными одушевленными[4]. Еще одно объяснение, впервые предложенное Ф.И. Буслаевым [5], исходя из конъектуры паперси, паперсти / имеется так же древнерусский вариант папорсть и русск. диал. папорсть/, т.е. " верхняя часть брони, нагрудник". Хотя это толкование и поддержано аторитетом В.Н. Перетца [6], принять его невозможно: и здесь, как и в предшествующих случаях, значительная конъектура не может быть поддержана никакими палеографическими доводами. В то же время здесь налицо и основательная натяжка в том, что касается значения др.-русс. паперсть, паперсь, которая никогда не означало часть брони, но исключительно – часть конского убора, ремень на нижней части конской груди. Ничуть не улучшает дело и указание В.Н. Перетца на пассаж из "Хроники" Георгия Амартола: на красоту же ему и на лѣпоту мѣдяны обручи прекова и мнози поперсьци[7], поскольку греческое соответствие сочетание мнози поперсьци – "многие ремни, поводья" – прямо указывает все на то же значение др.-русск. поперсь, поперсть " часть конского убора". Что, в таком случае, делать обруе подъ шеломы латиньскими ? Как ни странно, все то же толкование /несколько ухудшенное тем, что приходится принимать еще более радикальное исправление – поперсие ! / встречается и в самое последнее время[8]: форма папорзи сравнивается с с.-хорв pöprsje " корсет; поясной портрет; нагрудник", древнерусским /фонетически регулярным/ соответствием которого было бы поперсие, попьрсие, поражающее своим несходством с объяснимым папорзи.

Мы столь подробно останавливались на ошибочных толкованиях слова папорзи, чтобы читатель, имея теперь необходимую историческую перспективу, мог оценить тот многозначительный факт, что фи-

лологически фундированная и, по всей видимости, верная этимология слова папорзи появилась по меньшей мере не прэже разобранных выше. В сущности, эта этимология принадлежит Л.Дубенскому, который, развивая изложенное нами ошибочное толкование, сделал любопытную оговорку: "... ежели здесь не описка вместе паворози" [9]. Со свойственным эпохе лаконизмом он фактически заложил основу того объяснения, которое исчерпывающим образом было разработано Ю.М. Лотманом [10]. Конъектура павор/о/зи /о полногласном и неполногласном вариантах см. ниже / палеографически достоверна: квадратное полууставное "в" легко смешать с "п" [11]. Исправление на павор/о/зи не вызывает и лексикологических проблем, поскольку слова паворозъ, павороза известны были древнерусскому языку /в значении "привязь боевого оружия" и близких к нему/, известны и русским диалектам / в значении "шнурок, завязка" и т.п./ Названные значения вписываются в ближайший контекст слова папорзи: как показал Ю.М. Лотман, речь идет о средневековых западноевропейских шлемах, у которых закрепляющие их тесемки /в отличии от шлемов русских/ были ременными и укреплялись металическими ~~пластинами~~ [12]. Поэтому папорзи и желѣзныи, и находятся они подъ шеломы латиньскими. В исправленном паворзи трудность возникает только в связи с тем, что ожидалось бы полногласное паворози / как соответствие польск. powrozy "веревке" и т.п./, что осложняет конъектуру. Ю.М. Лотман считает, что "пропуск... одного "о" в непонятном слове представляется возможным", но допускает и чисто лингвистическое объяснение - синкопу безударново гласного в соседстве с "р" [13]. "" [14]

Теперь обратимся к работе В.В. Колесова "Ударение в "Слове о полку Игореве". Он отделил в слове желѣзныи букву "и" /Суть бо у вав желѣзны /и/ паворози подъ шеломы латинскыми/ [15]. Сразу же

возникает ряд вопросов. Если в первоначальном тексте отсутствовала буква "и", то это вроде бы подтверждает объяснение Ю.М. Лотмана, что в слове папорзи автор имел ввиду ременные тесемки, укрепленные металическими пластинами. Но, если в первоначальном тексте " Слова о полку Игореве" буква "и" присутствовала в качестве соединительного союза, то это начисто опровергает все выдвинутые до сих пор толкования слова папорзи. Если допустить, что буква "и" была соединительным союзом, то мы вынуждены будем ответить еще на ряд вопросов, а именно: к какому существительному отнести слово желѣзны, а его в данном предложении нет, и что это за папорзи, которые должны ответить на вопрос - какие ? Задача, на первый взгляд, неразрешимая, но если мы изменим в разбираемом предложении " бо у" на " вои", то мы сможем ответить на эти два вопроса. Допустив такое изменение, мы добьемся того, что появляется хоть какой-то смысл: Суть вои вав желѣзны. Именно воины железные под шлемами латинскими, а не подвязи. Сочетание воинов железных в смысле сильных, несгибаемых - не противоречит никаким правилам. Если в "Слове о полку Игореве" имеются половецкие железные полки /а поганаго Кобяка изъ луку моря, отъ железныхъ великыхъ пълковъ половецкых,/ [16], то почему бы не быть и воинам железным. Да и ошибка переписчиков "Слова о полку Игореве" легко объяснима. Буквы "в" и"б" по своему начертанию столь похожи, что спутать их довольно просто. Сложнее спутать древнерусское "И" с "Ѹ". В конкретном случае вернее было бы предположить, что ошибка была допущена командой А.И. Мусина-Пушкина. Действительно, если они держали в руках уже испорченный текст /Сутьбоивао и т.д./, то вполне понятно их желание в совершенно непереводимый текст внести хоть какую-то живинку, что они, вероятней всего, и сделали, заменив "и" на "у". Измене-

нение " бо у " на "вои" логично и с точки зрения понимания дальнейшего текста. До сих пор было непонятно, от кого дрогнула земля и многие страны: Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела. То-ли от железных подвязей, то-ли от Романа и Мстислава. С введением в текст слова "вои" эта двусмысленность исчезает. Именно от воинов дрогнула земля, и именно воинов Романа и Мстислава боялись Хинова, Литва, Ятвяги и Деремела.

Теперь появилась возможность понять и слово "папорзи", или, как вывел его написание в своей реконструкции древнерусского текста "Слова о полку Игореве" В.В. Колесов "паворози" [17]. Изменив в этом слове букву "з" на "т" мы получим, бытующее и до сих пор в разговорной речи в западно-украинских селах слово павороти – в смысле: быстрый, шустрый, разворотливый, поворотливый, а если применить современную терминологию по отношению к воину, то можно сказать и маневренный. Нет даже необходимости вносить в текст лишнее "о", так как в разговоре слово произносится, как "паворти" с ударением на первом слоге и непроизносящейся гласной между двумя глухими согласными. Слово с корнем: -ворот- часто встречается в древне-русской литературе. Автору летописной повести о походе князя Игоря явно понравилось слово возворотить: " хотя возворотити ихъ к полкомъ", " познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже", "познавъ князя, возворотися", " Яко возворотися Святославъ". [18]. В Галицкой летописи, где упоминаются Роман Галицкий и половецкие ханы Сырчан и Отрок читаем: " Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди в землю свою". [19]

Автор "Задонщины" писал: "... и брат его, князь Владимеръ Андреевич, полки поганых вспять поворотили". [20]

Новое прочтение текста имеет отрицательную характеристику, так как предпологает внесение в текст значительных изменений, но

зато в результате предложенной конъектурной правки текст становится ясным, понятным и в духе написания всего "Слова о полку Игореве":

" Суть вои ваю желѣзны и паворти подъ шеломы латинскыми. Тѣми тресну земля, и многи страны: Хынова, Литва, Ятвязи, Деремела, и половци сулици своѣ повѣгоша, а главы своѣ приклониша подъ тыѣ мечи харалужныѣ."

Перевод: Истинно воины ваши железные и поворотливые под шлемами латинскими. От них дрогнула земля и многие страны: Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы сулицы свои пробросали и головы свои склонили под те мечи булатные.

Литература

I. Цит. по кн.: Словарь-справочник "Слова о полку Игореве / Сост. В.Л. Виноградова.Л. 1973. Вып. 4 / О–П/. С. 55 – 56г.
2. В последний раз это толкование встречаем в кн.: Максимович М.А. Собр.Соч. Киев.1880. Т.II. С.651.
3. См. Орлов А.С. "Слово о полку Игореве".М.Л.1946.С. 126–127.
4. См.: Словарь русского языка XI–XУIIв. М. 1978. Вып. 5. С. 82.
5. См.: Буслаев Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М. 1861. Стб. 610.
6. См: Перетц В. "Слово о полку Iгорвім"Київ, 1926.с.280.
7. Там же.
8. См.: Прийма Ф.Я. Сербокохорватские параллели к "Слову о полку Игореве // Рус. лит. 1973. № 3. С. 81. Автор предпочитает говорить о слове "поперсье".
9. См. примеч. I.
10. См.: Лотман Ю.М. О слове "папорзи" в "Слове о полку Игореве// ТОДРЛ.1958. Т.14. С.37–40.
11. См.: Генсиоровский О. Заметки о "Слове о полку Игореве// ЖМНП. 1884, февраль. С. 287.
12. См. Ю.М. Лотман. Указ. соч.
13. Там же. Возможно, что паворзи – продолжение слав. Pavьrzi.
14. См. В.Э.Орел "Слово о полку Игореве" и его этимологическое изучение. Комплексные исследования. "Слово о полку Игореве". М. Наука 1988. с.128–130.
15. См. Г.В. Сумаруков. Кто есть кто в "Слове о полку Игореве". Приложение "Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова" /реконструкция древнерусского текста / Изд. Московского университета. 1983г. С. 123.
16. Там же. С.122. 17. Там же С.123
18. Древне русская литература. М.Просвещение 1988. С. 112–117.

Державина Е.И.

Культурные связи древнего Киева
(Статья "О македонских месяцах" в составе
"Изборника Святослава" 1073 г.)

В древней Руси были очень популярны сборники религиозно-дидактического содержания, состоящие из отдельных статей и изречений различных философов и писателей. К ним относятся такие сборники, как "Пчела", Изборники 1073 и 1076 годов и многие другие. В этих сборниках содержались сведения по разным религиозным вопросам, рекомендации определенных норм поведения человека в повседневной жизни.

Одним из первых сборников (как и вообще одним из самых ранних среди дошедших до нас памятников древнерусской письменности) является Изборник Святослава – список с болгарского сборника X в., сделанный в Киеве в 1073 г. Изборник получил широкое распространение на Руси, "он не раз переписывался. В настоящее время обнаружено 27 его списков XV–XVII вв. русской редакции".[1]

Многие главы Изборника посвящены философским и богословским проблемам и принадлежат виднейшим писателям Византии. В него включены главы, написанные Василием Великим, Иоанном Златоустом, Григорием Назианзином, Иоанном Дамаскиным, Анастасием Синаитом и другими.

Данная статья посвящена рассмотрению лишь одной небольшой по объему главы Изборника. Она озаглавлена "Ио<анна> Дамаскина с македоньскыихъ мсцихъ отъ црквьнаага прьдания" и расположена

---

[1] Творогов О.В. Литература XI – начала XIII в. В кн.: История русской литературы XI–XVII вв. М., 1980, с. 42.

на листах 250 об.- 251 об.

Почему же в состав богословско-философского сборника попала статья о календаре? Это объясняется важностью проблем, связанных с летоисчислением, так как календарь фиксирует результаты развития различных областей знания и "комплекс чисто календарных проблем органически входит в систему мировоззрения средневекового человека, в его представления о мире вообще".[2] Киевская Русь вместе с введением христианской религии заимствовала и христианский календарь, что было необходимо для отправления богослужения и также для определения поведения самого христианина в быту, в повседневной жизни.

Календарь - показатель высокого уровня культуры народа, создавшего его, так как для создания календаря требуется наличие развитых наук: астрономии и математики.

Автором статьи о месяцах в "Изборнике Святослава" 1073 г. является Иоанн Дамаскин (его имя стоит уже в самом названии статьи). Он был одним из знаменитейших богословов и отцов церкви, его перу принадлежат книги: "Источник знания", охватывающая круг наук того времени; "Священные параллели" - словарь изречений из Библии и произведений отцов церкви; "Руководство" - объяснение важнейших богословских терминов и другие книги.

Две части из книги "Источник знания" - "Диалектика" и "Точное изложение православной веры" - были переведены на славянский язык в X в. Произведения Иоанна Дамаскина пользовались большой популярностью не только у представителей православной, но и

---

[2] Зелинский А.Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря. В кн.: Контекст - 78. М., 1978, с. 63.

римско-католической церкви. О распространении сочинений Дамаскина на Руси говорит, например, то, что в Успенском сборнике, памятнике, относящемся к XII-XIII вв., помещено "Слово о исъхъшии смокъвьници и о притъчи винограда" Дамаскина, в Макарьевских Великих Минеях Четьих есть большой отрывок из "Диалектики". Известен также перевод "Диалектики", сделанный Иоанном екзархом - "Богословие Иоанна Дамаскина". Этот перевод был распространен "на Руси с древнейших времен, с самого возникновения ее самобытной письменности".[3] В "Богословии" есть глава "О огню, свѣте и о свѣтилех, слнцу, и луне и о звѣздахъ". Статья Изборника о месяцах в своей основной части - также является переводом главы "Диалектики", но он заметно отличается от перевода Иоанна екзарха. Для сравнения можно привести две небольшие фразы. Цитаты из перевода Иоанна екзарха даются по списку XII в., изданному в "Чтениях ОИДР", а из Изборника 1073 г. - по изданию "Изборник Святослава 1073 года". Факсимильное издание. Научный редактор Жуковская Л.П. М., 1983 г.

Изборник 1073 г.	Иоанн екзарх "Богословие"
л. 250в "Глють бо или не суща дьванадесяте животы звѣздами на небеси противьное поштие имушта сльньцу же и лунѣ и инѣмь пяти планитомь".	с.139 "Глють же ·вı· водии, еже суть животи звѣздами сълежими на нбси, супротивьное шьствье имуще и къ слнцю и къ лунѣ и къ другымь пяти планить".

---

[3] Попов А.Н. Предисловие к "Богословию Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна екзарха Болгарского". - Чтения ОИДР за 1877 г., кн. 4, М., 1878, с. 12.

л.251а "Луна же покоему ждо мѣсяцу прѣходи нижьши сушти и въскорѣ обьходяшти яко же бо аште сътворишти кругъ утрь въ иномъ крузѣ, утрьнии кругъ малѣи ся обрящте, тако же и течение лунньное нижьши сушти хужди и есть и обидеть скорѣе".	с.140-141 "А луна по всѣ мсцѣ ·ві· те зодии животь проходить нижьши суши и скорѣе проходящия якоже бо аще сътворишти кругъ утрь въ друзѣмь крузѣ утрьнии кругъ мьнии ся обрящеть тако же и лунѣ течение нижьши еи суши мьне есть да и скоро ся сътворить".

Кроме различий явно видных в приведенных фрагментах, в этих переводах различаются и названия некоторых зодиакальных созвездий: в Изборнике - тельць и водолѣиць; соответственно в "Богословии" - юньць и водулѣяи.

Из главы "Диалектики" составитель Изборника выбирает только фразы, в которых содержатся основные календарные сведения. Далее следуют перечисления названий месяцев в различных календарях. Хотя эти перечисления имеют самостоятельную нумерацию, их можно считать как бы второй частью единой статьи Изборника. Название "О македонских мсцихъ отъ црквьнааго прьдания", вероятно, было дано статье составителем Изборника.

В статье о месяцах даны только основные астрономические сведения, краткое изложение представлений средневекового человека о строении нашей солнечной системы. Она представлялась как геоцентрическая. В центре нее находится неподвижная Земля, вокруг которой движутся семь планет: "Седм иже планить суть имена се: сльнце, луна, зеус, ермис, арис, афродити, кронос". Названия последних пяти планет это греческие наименования планет, известных нам сейчас по их римским именам: Юпитер, Меркурий, Марс, Венера, Сатурн. Планеты движутся по своим ор-

битам, которые находятся на различном расстоянии от Земли. Ближе всех к Земле расположена Луна, а дальше - Крон (Сатурн).

Особое внимание в статье уделено движению Солнца и Луны. Это объясняется тем, что календарь народов Средиземноморья, за исключением римского и египетского, основывался на движении Солнца и смене лунных фаз. В древности такие календари применялись в Вавилоне, Китае, Иудее, Греции.

Довольно подробно в главе о месяцах описаны зодиакальные созвездия. Американский ученый, исследователь древних календарей Э.Бикерман так пишет о зодиаке: "Согласование естественного календаря, регулируемого звездами, с Солнцем и гражданским исчислением времени достигалось разделением годового пути Солнца среди неподвижных звезд на 12 равных отрезков по числу лунных месяцев в солнечном году".[4]

В главе Изборника представлен годовой путь Солнца через зодиакальные созвездия, которые, как там написано, движутся в сторону, противоположную движению Солнца и Луны. Причем, даны точные даты вхождения Солнца в каждое из созвездий: "·а̃· (1) овьнъ м҃сца марта ·к̃а· (21) приемлеть сл҃ньце; ·в̃· (2) тельць мѣсяца априля въ ·к̃г· (23)" и так далее. Иначе говоря, в главе представлено краткое описание зодиакального года, который начинался в созвездии Овна, в день весеннего равноденствия. Такой зодиакальный календарь нашел применение в жизни людей: римляне датировали свои праздники положением Солнца в определенном зодиакальном созвездии, в персидском календаре месяцы были наз-

[4] Бикерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975, с. 52.

ваны по знакам зодиака. В статье Изборника также говорится, что " ·і͠в· же животъ суть имена и тѣхъ мс͠ци". И ниже, под заглавием "Мс͠ци по македономъ", приводятся греческие названия зодиакальных созвездий: " ·а͠· (I) таурось, ·в͠· (2) дидумъ, ·г͠· (3) каркинъ... ·и͠· (8) токсотис, ·ѳ͠· (9) егокерь...", хотя известно, что македонский календарь имел самостоятельные названия месяцев.

Вторая часть статьи о месяцах содержит в себе перечисления названий месяцев в римском, греческом, еврейском и египетском календарях, что свидетельствует об интересе к жизни, к культуре других народов и о наличии довольно значительных сведений о различных календарях. Это расширение статьи "Диалектики" Дамаскина дополнительными сведениями, вероятно, было сделано составителем Изборника.

"Мс͠ци по римляномъ: март, апрель, маи, иунь, иулий, аугуст, сетемвр, октябрь, декабрь, иенуар, феуруарь". Римский календарь не соответствовал движению Солнца, не принимал во внимание движение Луны, он, "видимо, являлся модификацией "года Ромула", т.е. чисто земледельческого 10-месячного года, начинавшегося в марте и кончавшегося в декабре".[5] Поэтому последний месяц года назывался декабрь – десятый'.

"Мс͠ци по елиномъ: ксанфикъ, артемисии, десии, панем, лоосъ, горпиеосъ, уперверотеи, диос, апилеос, адунеос, пертиос, дуострос". В Греции каждый полис "имел свой способ исчисления времени, так же как свои названия месяцев и свои числительные".[6] Под заголовком "Мс͠ци по елиномъ" представлены названия месяцев македонского календаря. Первым месяцем года был диос. При Алек-

---

[5] Бикерман Э. Хронология... с. 39.

[6] Там же, с. 29.

сандре Македонском этот календарь получил широкое распространение.

"Мсци по еугупьтѣнем: фармуфи, пахонъ, пауни, епифи, месри, фофъ (буква ф здесь передает древнерусскую θ, поэтому название можно прочитать и как тотъ), фасфи, афур, хуак, туви, мехиръ, фаменофъ". Египетский календарь был связан со звездой Сириус, с ее появлением на небе и исчезновением. Год по Сириусу был примерно равен солнечному году и имел определенную величину. "365 дней были схематично объединены в четыре времени года и 12 месяцев по 30 дней, а сверх того еще имелось пять дополнительных дней".[7] В более поздней истории Египта месяцы в народном употреблении именовались по празднествам. Первым месяцем года был месяц тот, связанный с появлением Сириуса и наводнением на Ниле.

"Мсци по иудѣемь: нисан, нарсъ, сиуан, фармузъ, абъ, илумъ, ферси, марсуан, хаслевъ, тивифъ, саватъ, адаръ". Это был лунно-солнечный календарь с первым месяцем года – нисаном.

У древних народов первый месяц календаря мог приходиться на разное время года. На Руси официально "Новый год" встречали 1 марта. В XV веке первым месяцем года стал сентябрь, к лишь в XVIII в. – январь. Народная традиция отличалась от официальной. О том, какой месяц считался началом года в славянском дохристианском календаре, учеными высказываются различные мнения.[8]

Перечисление месяцев римского календаря дополнено сведениями о запретах на определенную пищу и определенные действия,

---

[7] Бикерман Э. Хронология... с. 35.

[8] См. Гусев В.Е. О реконструкции праславянского календаря. – Советская этнография, 1978, № 6, с. 139.

причем эти запреты должны были соблюдаться в последний день каждого месяца:

".а҃·(1). марта ·ла҃·(31) сладко яждь и пии; ·в҃·(2). априля ·л҃·(30) рѣпы не яжь; ·г҃·(3). маия ·ла҃·(31) поросяте не яждь; ·д҃·(4). иуня ·л҃·(30) въ чясъ вълорыи пии воды мало; ·е҃·(5). иулия ·ла҃·(31) въздержися отъ афродисии; ·ѕ҃·(6). аугуста слѣза ('проскурняк') не яждь; ·з҃·(7). сетемвра ·л҃·(30) млѣка не яждь; ·и҃·(8). октября ·ла҃·(31) не яждь оцьтяна; ·ѳ҃·(9). октября [вм. ноября] ·л҃·(30) не мыися чясто; ·і҃·(10). декября ·ла҃·(31) капусты не яждь; ·іа҃·(11). иенуара ·ла҃·(31) въ чясъ ·в҃· пии вина цѣла мало; ·ів҃·(12). феуруаря ·ки҃·(28) сеукла не яжь". – Изборник 1073 г., л. 251 а–в.

С чем связаны эти запреты, остается неясным. Возможно, это очень древние обычаи, назначение которых со временем забылось. Так Д.Д.Фрэзер считает, что запреты на употребление той или иной пищи являются самыми многочисленными и существенными у народов, находящихся на низкой стадии развития.[9]

Статья "О македонских месяцах" – не единственное свидетельство интереса в древней Руси к календарным проблемам. В "Учении им же ведати человеку числа всех лет", относящемуся к 1136 году, Кирик Новгородец дает объяснения основных понятий нового календаря (индикт, солнечный круг), а также приводит примеры практических вычислений, которые позволяют пользоваться календарем. На стене Софийского собора в Киеве была обнаружена таблица, при помощи которой производились определенные календарные исчисления.

---

[9] См. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980, с. 32.

Эта таблица датируется XIII веком.

Интерес к календарным проблемам, возможность производить довольно сложные математические вычисления вместе с другими свидетельствами могут еще раз подтвердить положение о высоком уровне развития культуры Киевской Руси. Вместе с тем статья о месяцах показывает, что культура Киевской Руси находилась в тесной связи с культурами других государств (главным образом Византии).

И.Г. Добродомов

СООТНЕСЕНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ИЗ ВИЗАНТИЙСКИХ И РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИ ΤΟΓΟΡΤΆΚ ТУГОРКАНЪ И ТУГАРИН)

В идентификации исторических событий, их мест и действующих лиц по их отражениям в разноязычных источниках важнейшую роль играют ономастические материалы, отожествление которых обычно осуществляется на основании более или менее значительного их созвучия, а различия зачастую игнорируются, хотя из последних также можно извлечь определенную информацию, если истоки этих различий попытаться строго объяснить.

На основании большого сходства начальной части личного именования половецкого (куманского) предводителя Тугорканъ в "Повести временных лет" и Τογορτάκ в византийских источниках делается весьма правдоподобный вывод об идентичности обозначаемых этими именами лиц при хронологической отнесенности описываемых в этих источниках событий ко второй половине XI века.

Когда В.Г. Васильевский в 1872 году предположил указанное тождество имени половецкого предводителя Τογορτάκ (варианты: Τογορτὰν, Τογορτõν, Τογορτᾶ), упомянутого в "Алексиаде" Анны Комниной при описании событий 1091 года с именем половецкого же летописного князя Тугорканъ (Турканъ и Тугторақанъ)[1], то данное отожествление ни у кого не вызвало никаких сомнений и остается в силе вплоть до наших дней,

[1] Васильевский В.Г. Византия и печенеги. VII // Журнал Министерства народного просвещения, 1872, декабрь, с. 279. (= Васильевский В.Г. Труды, т. I. СПб., 1908, с. 98-99), при-

хотя конечные части этого имени у Анны Комниной и в "Повести временных лет" не только не совпадают, но и довольно сильно различаются, даже если мы ограничимся материалами первых двух томов "Полного собрания русских летописей", где в Лаврентьевском списке постоянно фигурирует одна форма Тугорканъ (как и в близких списках), а в списках близких к Ипатьевскому и в нем самом наряду с редким там Тугорканъ фигурируют формы с т после р (как у Анны Комниной): Тугортоканъ, Тогортъканъ, Тугортъкан, Тугортъканъ, Тоугортъканъ[2], сближающиеся в этом отношении с византийскими.

Попытку объяснить несовпадение конечной части собственного имени Τογορτάκ – Тугорканъ я предпринял в своей кандидатской диссертации "История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале "Повести временных лет" (М., 1966, с. 211-212):

"Тугор(тъ)канъ – имя половецкого князя, упоминаемое в "Повести временных лет" под 1094 и 1096 гг. в двух основных вариантах: Тугорканъ и Тугортъканъ (Тугортъканъ). Византийские источники дают это имя как Τογορτάκ.

Наиболее распространенная форма типа Тугорканъ легко делится на две части: Тугор- и -кан. Вторая часть слова ясна и не вызывает никаких сомнений – это древнерусская передача тюркского титула хан, каган. Первая же часть Тугор является

чем упоминается форма этого имени у Длугоша Tuhoka ; Анна Комнина Алексиада. Вступ. статья, перевод, комментарий Я.Н. Любарского. М., 1965, с. 233, 270, 541; Moravcsik Gy. Byzantino-Turcica, Bd. II. Berlin, 1958, S. 316.

[2] См. примечание 4.

менее ясной. Вполне вероятна возможность сопоставления этого собственного имени с именем героя русских былин Тугарином Змиевичем и часто встречающемся в русских памятниках 16-17 веков собственным именем, от которого происходит фамилия Тугаринов. Тугарин, очевидно, является более поздней формой и, возможно, вторично сближенной в какой-то степени с русск. туга "печаль". Корень этого слова можно видеть в тюркском глаголе туг- "рождать". Тугар - причастие на -ар[3].

Формы со вставным -т-: Тугортьканъ (Тугортоканъ) в близких к Ипатьевской летописях употребляются непоследовательно, наряду с формой Тугорканъ. К русским формам типа Тугортьканъ примыкает и византийское отражение этого имени Τογορτάκ.

Можно полагать, что к собственно личному имени Тугар (именно оно отражено в былинном Тугарине, в составе последнего выделяется славянский суффикс -инъ) половцы могли добавлять титул хан, кан. Таким образом получилось имя, отраженное в большинстве списков "Повести временных лет" - Тугорканъ.

Греческое отражение этого имени восходит к сочетанию этого же имени с другим титулом тäгин, тигин "принц, княжич". Причем конечное сочетание -ин греки восприняли как одно из окончаний винительного падежа и отбросили его. Таким образом, из половецкого *Тугар-тагин возникла византийская передача Τογορτάκ. Впоследствии Тугар стал из принца князем (канъ).

[3] В настоящее время представляется более правдоподобным видеть в основе имени Тугаринъ скорее этническое наименование, к которому присоединен суффикс единичности -инъ. См. ранее: Кондратьева Т.Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967, с. 150-151, с прежней литературой.

и его имя стало звучать Тугар-кан. Древнерусская передача этого имени Тугортьканъ является контаминацией имени этого князя в молодости Тугар-тäкин и его имени после получения княжеского титула Тугарин".

Следовательно, в сопоставлении форм имени Τογορτάκ ∾ Тугорканъ особую важность приобретает вариант написания с согласным т: Тугортьканъ, соотносимый с византийским отражением Τογορτάκ. Анализ соответствий позволяет предположить, что собственно именем является только начальная часть Тугор- ∾ Τογορ-, а последняя часть представляет собой титул, который мог последовательно изменяться в течение жизни носителя. Не вызывает никакого сомнения семантика присоединенного к имени титула -канъ "хан, князь", которому до этого хронологически мог предшествовать другой титул тигин "принц". Следовательно, формы половецкого личного имени Τογορτάκ, Тугортьканъ являются более ранними, поскольку во второй их части отражен титул тигин "принц", если сравнивать с поздней формой Тугорканъ, где уже содержится титул канъ "хан".

В свете всего вышесказанного не могут быть приняты неудачные дополнительные к моим альтернативные этимологические соображения Н.А. Баскакова, которые направлены на объяснения фактически лишь отдельных вариантных форм в их изолированном виде:

« Тугортак ∾ Тугоркан ∾ Тугорткан, византийская транскрипция - tɣɣortaq [?], 1096 [год][14]; < tuɣ- "ро-

[14] Полное собрание русских летописей, т.I.М.,1962, с.226, 231,232; т.II.М.,1962, с.216,221,222; т.IX.СПб.,1862, с.125-126; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 224.

дить" + афф. причастия *-ər* > *tuɣ-ar* "рожденный" + *tegin* "принц" > *tuɣar tegin* "рожденный принцем"; ср. рус. Тугарин[5];

1) < *toɣurtaq ∾ toɣurtqy* "дятел"[6]

2) < *toɣrut-* "исправлять, выправлять"[7] + афф. действующего лица *-aq* или *-qan* > *toɣrut-aq ∾ -qan* "тот, кто исправляет, выправляет"[8].

Что касается тюркского титула тигин[9], отраженного в ранних формах половецкого личного имени *Тоɣортáк* – Тугортъканъ (< *Тугортькинъ), то в русских источниках он встречается также в составе половецкого имени Башкаттгинъ, зафиксирован-

---

[5] Добродомов И.Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале "Повести временных лет"). М., 1966 (рукопись).

[6] Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. III. СПб., 1905, стб. 1160, 1431 (есть только *тоɣуртку* барабинск. "дятел" на стб. 1164– И.Д.).

[7] Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, с. 747.

[8] Баскаков Н.А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984, с. 53, 75. То же в кн.: Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". М., 1985, с. 75, 90; но на с. 93, 95 упоминается "половецкий хан Тугорхан" (без указания на источник!).

[9] См. о нем: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. II. Wiesbaden, 1965, S. 395–396, 523–541.

ного в "Поучении" Владимира Мономаха при кратком описании военных действий против половцев в 1078 году.

В моей кандидатской диссертации "История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале "Повести временных лет")" (М., 1966, с. 174) это имя собственное получило объяснение с упором на фонетические особенности:

"Слово легко разделяется на две части. Вторая часть – тгинъ – является древнерусской передачей старого тюркского титула тигин "принц". Интересно отметить, что краткое кыпчакское и в первом слоге выпало, но находящееся под ударением и второго слога сохранилось. Выпадение и в первом слоге (без ударения) могло произойти и на тюркской почве: ср. каз. пшен орф. пішен "сено", тс орф. тіс "зуб". Но это могло иметь место и на древнерусской почве: тюрк. тигин > др.-русск.*тьгинъ > тгин. Полумягкость конечного согласного заменилась твердостью, вероятно, по морфологическим причинам: существительное не вошло в разряд существительных со старой основой на -ĭ, где конечная согласная была полумягкая, ибо существительные мужского рода уже начали выходить из состава этого склонения и переходить в состав основ на -о.

В первой части имени скрывается широко распространенное тюркское прилагательное билгä "мудрый", которое весьма часто входит в состав личных имен. Ср. Бильге-каган в древнетюркских рунических памятниках. Возможно, что упоминаемое Й. Марквартом, по данным майора Г. Раверти, имя Balkā-Tigīn (Malkā-Tigīn)[10] является точной параллелью к Белкатгину

[10] Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W. und Marquart J. Osttürkische Dialektstudien (= Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen Philosophisch-historische Klasse. Neue Folge, Bd. XXIII, №1).

"Поучения", причем сам Й. Маркварт предпочитает более правильную транскрипцию *Bilgä-tigīn*.

Тюркское имя بلكا تكين Билгä тигӣн многократно фиксируется в персидских источниках в связи с историей сельджуков, газневидов и Хорезма в XI в., т.е. в ту же эпоху, что и "Повесть временных лет" и "Поучение" Владимира Мономаха[11].

Н.А. Баскаков без критики и не очень точно привел в весьма краткой редакции соображения И.Г. Добродомова относительно этимологии имени, добавив к реальному Белкатгин также неподтвержденное Балкатгин из неизвестного источника и высказал свою независимую версию, не взвесив их относительной достоверности и не подтвердив употребление реконструированных имен в источниках:

«Белкатгин ~ Балкатгин, 1086 [год][12]; < *bilge tegin* "мудрый принц"[13]

< *bel* "талия, спина, поясница, стан[14] + *qat-* "твер-

Berlin, 1914, S. 49, 51.

[11] Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч.I. Тексты. СПб., 1898, с. 17 (Гардизи), 160 (Ахмад б.Мухаммад Фасӣх ал-Хувāфӣ); Абу-л-Фазл-Байхаки. История Мас'уда (1038-1041). 2-е изд.М., 1969 (по указателю).

[12] Полное собрание русских летописей, т.I.М., 1962, с.248.

[13] Добродомов И.Г. История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале "Повести временных лет"). М., 1966 (рукопись).

[14] *Grønbech K. Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942, S. 55*

деть, загрубеть"[15] + афф., образующий прилагательное от глагола -γyn/-gin > qat-qyn "крепкий, твердый, загрубелый" > bel-i qat-γyn "с крепким станом, спиной (телосложением)"[16].

Для полноты характеристики формы былинного имени Тугарин Змиевич (или Змей Тугарин) необходимо учесть также внутреннюю форму личного имени его современника Шарукана, которое впервые встречается в Новгородской летописи младшего извода под 1068 годом: "князь их яша Шаракана въ 1 день ноября" (Комис. список). Во всех других списках "Повести временных лет" имя половецкого князя при этом событии не названо, хотя и говорится о его пленении: князя ихъ яша рукама (Лавр.). Вероятно, яша рукама возникло из яша шарукана, неправильно прочитанного при слитном его написании в протографе. Владимир Мономах в своем "Поучении" упоминает Шаруканя 2 брата среди половечскых князь лѣпших, которых он пустил из оковъ. В 1107 году Шаруканъ старый вместе с Боняком Шелудивым и другими половецкими князьями был разбит под Лубном (Ипат. 1106 г.). В 1111 году русские князья с войском придоша ко град/у/ Шаруканю,

---

[15] Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1871, с. 5.

[16] Баскаков Н.А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика, Алма-Ата, 1984, с. 62, варианты этого на с. 54, 57 . На с. 56 в этой же статье предлагается иная и столь же малообоснованная версия, где имя рассматривается как "глагольное словосочетание": "Белкатгин (< bel qatγyn "укрепи спину, будь с крепкой спиной")". Те же противоречия и неточности повторяются в книге: Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игоре-

жители которого выидоша из города и поклонишася княземъ рускымъ и вынесоша рыбы и вино (Ипат. в слове Шаруканю "буква у переделана из другой"). В Новгородской первой летописи младшего извода этот город назван Шаруканъ (Комис. список). Упоминается этот князь в "Слове о полку Игореве", где говорится про месть Шароканю, вероятно, в память о поражении 1107 года. Грузинские хроники упоминают деда жены грузинского царя Давида II Строителя (1089-1125) по имени Шараган ([illegible]), сыном которого был Атрак (Атрака), упоминаемый в Ипатьевской летописи под 1201 годом как Отрокъ при пересказе гораздо более ранней половецкой легенды[17].

Первая и единственная попытка дать этимологию этого слова принадлежит К. Менгесу, который склонен отождествлять это половецкое имя с тюркским названием идола, у которого одна нога короче другой: сарыҕан, сарыг-ган у тюрок Алтая и Саян, которое, по Радлову, состоит из двух частей сары(ҕ) + кан, т.е. "желтый хан". По мнению К. Менгеса в этом сочетании сары "желтый" имеет символическое значение "земли". В качестве параллели приводится тюркское имя XIV века в византийских текстах Σαρχάνος < сары хан < сарыг хāн (< каган). Учитывая данные других языков (монг. širγa, šira [современные словари дают шар для монгольского и шара для бурятского], японск. široi, венг. sárga [чит. шарга]), К. Менгес предполагает или венгерско-тюркскую контаминацию, или же протовенгерское посредство.

ве". М., 1985, с. 75, 76, 77, 82.

[17] См. сейчас: Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве", Л., 1979, с. 170.

Рядом К. Менгес предлагает также и другую булгаро-венгерскую этимологию этого личного имени, связанную с венгерск. *sárkány* "дракон". Последнее является булгарским (древнечувашским) заимствованием, которому в половецком языке памятника *Codex Cumanicus*, а также в турецком и крымскотатарском языках соответствует сазаган - вероятно, производное от корня саз, сохранившегося в татарском саза- "долго жить". Связан ли этот корень с корнем саз "болото, грязь" (откуда название рыбы сазар, сазан; ср. соответствующий булгаризм в славянских языках шаран), К. Менгес затрудняется дать ответ[18].

Обе предложенные этимологии заставляют предполагать булгарское влияние на половецкий язык.

Косвенным аргументом в пользу второй этимологии (< тюрк. ротацизированного *шараган "дракон") может служить отчество былинного Тугарина Змиевича (Змея Тугарина), на которое еще до сих пор не обращали внимание исследователи русского фольклора. Общеизвестно, что в имени этого персонажа Тугаринъ отразилось имя половецкого князя Тугоркана, на дочери которого был женат Святополк Изяславович и который погиб в битве с последним под Переяславлем в 1096 году. Имя же современника Тугоркана - старого Шарукана - отразилось как отчество Змиевич былинного Тугарина (он же Змей Тугарин).

В пользу производства этого имени от шараган "дракон" говорит также отмеченное в словаре В.В. Радлова шорское шараган "рыба хариус"[19].

---

[18] Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979, с. 171-174.

[19] Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV. СПб., 1912, стб. 951.

Что касается словообразовательной структуры привлекаемого сюда же фольклорного имени Змея Тугарина (Тугарина Змиевича), то оно состоит из чистой основы личного имени Тугар- с исходной этнической семантикой и сингулятивного суффикса -инъ, весьма типичного при названиях народов (этнонимах). Следовательно, былинное личное имя Тугарин фактически представляет собой сингулятивную форму этнонима и входит в число так называемых этнонимных антропонимов типа Китанъ или Итларь[20].

В аксессуарах былинного Тугарина Змей, Змиевич можно видеть результат слияния исторического и былинного Тугоркана - Тугарина с его знаменитым современником Шаруканом, булгарское имя которого шаркан (в соответствии с собственно половецким сазаган) несло первичную семантику "змей, дракон", причем эта семантика была хорошо известна на Руси, поскольку имеются веские основания считать, что название летописного половецкого города Шаруканъ до сих пор сохранилось в наименовании города Змиёв нынешней Харьковской области.

В пользу связи отчества Змиевич (а также прозвания Змей) былинного Тугарина с именем Шарукан говорит и то обстоятельство, что на месте летописного половецкого города Шарукана[21]

---

[20] О которых см. в моей статье "Антропонимы или этнонимы?" //"Ономастика Востока", М., 1980, с. 221-226.

[21] Возможно также назывался Осеневъ и Чешлюевъ (Чешюев); последний ошибочно включен в число древнерусских городов в дилетантской компилятивной книге В.П. Нерознака "Название древнерусских городов. М., 1983, с. 188), как и половецкие города Сугровъ и Балинъ (Галинъ), причем последний распался на два города (с. 16-17, 56, 164). См.: Добродомов И.Г. Тюркская топонимия в "Повести временных лет" // Тюркская ономастика. Ал-

существовало в XVII в. Змиево городище, где и возник впоследствии город Змиев (побывавший и Готвальдом), где явно обнаруживается калькирование шарукан = змий.

В связи с переводом имени Шарукань словом змей в его географическом (город Змиев, построенный на месте Змеева городища "Книги Большому Чертежу") и былинном (Змей Тугарин из Змей и Тугарин, далее Тугарин Змиевич) отражениях представляется целесообразным вспомнить рассказ в 75 главе "Истории" армянского автора Матвея Эдесского (Matthēos Urhajec'i) о событиях 1050/51 года, когда какой-то "народ змей" (աւձիցն) разбил "светловолосых", а те – узов и печенегов, после чего все они выступили вместе против страны ромеев. Армянское хартеш "светлый, белокурый" является, как и русское половцы, переводом с самоназвания этого народа куман, как словом змей переводится булгарское шарукан (при точном собственно половецком соответствии сазаган). Уже Й. Маркварт соотносил рассказ Матвея Эдесского о вторжении печенегов в пределы империи при Константине IX Мономахе (1042–1054)[22].

Последние примеры показывают, что имена собственные должны отождествляться не только на основании их созвучия при

ма-Ата, 1984, с. 131–141; Добродомов И.Г. Роль этимологии в локализации старых географических объектов // Проблемы исторической географии России, вып.1. М., 1982, с. 81–83.

[22] Marquart J. Über Volkstum der Komanen // Bang W. und Marquart J. Osttürkische Dialektstudien (= Abhandlungen der königlichen Gesellschaft zu Göttingen. Philosophisch-historische Klasse. Neue Folge, Bd. XXIII, N1). Berlin, 1914, S. 54-55.

объяснении расхождений, но и на основе их первичной семантики, внутренней формы при полном несовпадении звучания.

Внимательный анализ той части половецкого собственного личного имени Τογορτάκ – Тугор(ть)канъ – Тугарин в разных источниках, которая мешала безоговорочному отожествлению имени, не только помог устранить это мнимое препятствие, но и установить наличие у южнорусских половцев второй половины XI века титула тигин, существование которого у них по другим источникам неизвестно.

А.М.Камчатнов

О символическом истолковании семантической эволюции слов ЛИЦЕ и ОБРАЗЪ

В последнее время все более утверждается мысль о том, что гуманитарное знание по своей природе является интерпретационным/I/. Познание феноменов, относящихся к ведению гуманитарных наук(мораль, право, искусство, язык), возможно лишь в форме истолкования их смысла. Это связано с включенностью науки, самой фигуры ученого в культурный контекст, в исторически живой процесс созидания тех самых объектов, которые являются предметами познания. Предмету в гуманитарном познании противостоит не отвлеченное рациональное "Я", а конкретная правовая, моральная, эстетическая, языковая личность, для которой объяснение явлений - лишь один из моментов ее существования в культуре. Признание интерпретационной природы гуманитарного, в том числе и лингвистического знания ставит перед методологией вопрос о достоверности истолкования. Цель этой статьи заключается в попытке применения метода символической интерпретации к конкретному историческому языковому материалу и в оценке этого метода.

Теория символа зародилась в античности у Платона в его учении об идеях, была развита Дионисием Ареопагитом в его учении о божественных именах как символах божественных энергий, Николаем Кузанским в его учении об имени, в котором "мерцает" бесконечная божественная форма. В Новое время теорию символа разрабатывали Ф.В.Шеллинг, В.Гумбольдт, А.А.Потебня, П.А.Флоренский, А.Ф.Лосев, К.Г.Юнг, Э.Кассирер. Теория символа находит свое применение в эстетике, литературоведении, искусствоведении, и достойно удивления то, что историки языка, прежде всего лексикологи, проходят мимо символа, как будто эта категория не применима к слову. По-видимому, это объясняется тем, что

историческая лексикология возникла на почве исторической лексикографии и по-прежнему решает главным образом ее задачи. Если к слову подходить как к единице словаря, то целью лингвистического описания становится выявление по возможности всех значений этого слова, в которых оно употреблялось на протяжении какого-либо отрезка времени. Как показывает практика, достоверное определение как денотата, так и сигнификата слова является нередко весьма трудной задачей. И все же, при неоспоримой важности решения этой задачи, нельзя не видеть того, что лексикограф и лексикографически ориентированный лексиколог имеют дело со словом как с готовым продуктом, тогда как слово - это не единица словаря, а деятельность и орудие деятельности, суть которой "состоит в том, чтобы отливать(giessen) в форму мыслей материю мира вещей и явлений" /2/. Если мы хотим понять слово как орудие, которое сформировано человеческим мышлением и которое само оказывает обратное влияние на мышление, мы должны смотреть на него как на символ. Это значит, что мы должны признать не только возможность бесконечного смыслового варьирования слова в речи, но и направленный, а не хаотический, характер этого варьирования, устремленность семантической эволюции слова к бесконечному смысловому пределу, который можно назвать "идеей" слова. Вот эта-то "идея" слова, которая, сформировавшись, незримым образом управляет нашим языковым мышлением, и должна интересовать нас более всего; причем историка языка особенно интересует фаза начального становления этой "идеи".

Предметом нашего истолкования стали слова лице и образъ. Эти слова в древнерусском языке были синонимами, доказательством чего служит возможность их употребления в одном контексте. Так, в разных списках "Константинова дара", восходящих, по нашему мнению, к двум разным переводам этого текста, на

месте греч. μορφή употребляется то слово лице, то слово образъ: τρεῖς τοίνυν αἱ μορφαί, ἀλλὰ μία ἡ δύναμις – три оубо образы, нъ едина сила/3/, три оубо лица, нъ едина сила/4/ (речь идет о Божественной Троице). Поскольку, как всем хорошо известно, синонимы всегда различаются или эмоциональной окраской, или оттенком значения, то употребление синонимов в одном контексте должно иметь какой-то смысл; однако современному читателю этот смысл не очень ясен, поэтому он оказывается в герменевтической ситуации, то есть в ситуации непонимания и недоверия своему непосредственному знанию языка. Достоверный ответ на вопрос о смысле этой замены будет одновременно и выходом из этой ситуации; как будет показано ниже, такой ответ возможен на пути символической интерпретации слов лице и образъ.

Начнем анализ с этимологии слов лице и образъ.

Этимоном слова образъ является 'сформованный резанием, вырезанием'/5/. Это слово, производное от обрѣзати, возникло еще в праславянском языке.(В недавней статье М.И.Чернышевой сделана попытка внести коррептив к объяснению происхождения слова образ путем анализа приставки об-. По ее мнению, среди прочих эта приставка имела значение 'обратное движение, направленное с одного предмета на другой', вследствие чего образ заключает в себе идею слепка, отпечатка с чего-либо/6/. По-видимому, имеется в виду что-то вроде возвращающегося взгляда скульптора и повторных ударов молота при создании скульптуры. Это остроумное предположение все же вызывает сомнение. Значение возвратного движения извлечено М.И.Чернышевой всего из двух слов: образитися 'удариться, наткнуться' и обратити 'повернуть, обернуть, обратить'. Идея обратного движения действительно заключена в этих словах, однако она выражена не приставкой; в первом случае она выражена возвратным местоиме-

нием сѧ: образитисѧ – 'ударить, поранить себя', где приставка имеет значение внезапности, ср. обрезаться; во втором случае о идея обратного движения выражена корнем: об-(в)рат-ити, а приставка имеет значение кругового движения, ср. обернуться в полчаса. Значение 'отпечаток' у слова образъ возникло в результате семантического калькирования греч. τύπος 'отпечаток'; такая калька возможна потому, что этимологическое значение 'сформованный путем кругового вырезывания' → 'изображение' стало, используя терминологию А.А.Потебни, внутренней формой, или формой представления, идеи отпечатка вследствие того, что отпечаток – это тоже изображение, хотя и полученное другим способом).

Этимология слова лице до сих пор не вполне ясна. Наиболее интересную и глубокую гипотезу высказал О.Н.Трубачев: "Из материалов по и.-е. сравнительной синонимии мы узнаем, что понятие и значение 'лицо' развилось в разных языках из понятий 'вид', а также 'форма, образ'. Последняя лексика, более всего интересующая нас в данном случае, обычно отглагольна, производна от глаголов со значением 'формовать', конкретно – 'делать'(как в лат. facies 'лицо'< facere ; чеш. tvář , польск. twarz<*tvoriti), 'формовать резьбой'(*obrazъ , в некоторых слав. языках также в значении 'лицо',<*obrězati,*rězati). Остановимся на понятии 'формовать', поскольку есть основания думать, что исходным для слав.*likъ ,*lice явилось понятие 'формовать л и т ь е м', а само это название лица, образа, облика соответственно произведено от глагола *liti , что отражает культурное значение литья и литейного формования в достаточно ранней слав. древности. Предлагаемая нами этимология *likъ,*lice как именного производного с суф.-k – от *liti контролируется также четкими, хотя и завуалированными, особенностями совре-

менного словоупотребления, напр. русск. в ы л и т ы й отец (может быть сказано о сыне, очень похожем на отца), далее - повторением в гнезде *likъ особенностей глагольного словообразования, ср. *oblikъ - *obliti "/7/. Возражая О.Н.Трубачеву, М.Ф.Мурьянов пишет, что археологические данные не содержат сведений "о скульптурном искусстве праславянских литейщиков", поэтому "вылитых отцов" древние славяне не творили, а став христианами, опять же не обрели никаких стимулов для развития этого вида изобразительного искусства, в сфере влияния византийской культуры запрещенного"/8/. М.Ф.Мурьянов полагает, что при образовании слов лик, лицо реализована семантика зрения, а не формования, что обосновывается следующими соображениями: "Немецкое существительное Antlitz, в древнейшей форме antlizzi, после отчленения приставки Ant- "напротив", обнаруживает корень, как раз соответствующий славянскому слову, целое немецкое слово имеет исходное значение "то, что смотрит навстречу"(по той же смысловой модели построено греческое приставочное существительное πρόσωπον). Готское существительное, в котором представлен этот же корень, имеет значение "внешность, видимость, образ", сюда же этимологически относится латинское vultus "лицо". Таким образом, в основе всех рассмотренных слов - действие зрения, а не литейного производства"/9/. Эта этимология, вероятно, решала бы проблему, если бы нам было известно хоть что-нибудь о том и.-е. глаголе со значением 'видеть, смотреть', от которого образованы ликъ, лице, Antlitz, wlits, vultus (ср. греч. ὁράω - πρόσωπον, русск. видеть - вид). Пока же это гипотетический x, которому приписано значение 'видеть, смотреть'. В этом отношении этимология О.Н.Трубачева выглядит предпочтительнее: есть глагол лить, есть его производные лик, лицо. Следует, однако, заме-

тить, что лить можно не только расплавленный металл, но и, например, воду. Если налить воду в сосуд и заглянуть в него, то в нем можно увидеть лик, который смотрит навстречу(особенно хорошо видны щеки, отсюда у слова лице значение 'щека'). Конечно, это чисто умозрительная догадка, однако она позволяет примирить обе гипотезы.

Слово, указывает А.Ф.Лосев, всегда есть понимание, интерпретация предмета: "Имя предмета - арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого" /10/; "Тайна слова в том и заключается, что оно - орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью"/11/. Поэтому теперь следует рассмотреть, что же в истории языка воспринималось и интерпретировалось в свете этимонов слов лице и образъ.

Словарные материалы показывают, что слово лице чаще становилось ареной встречи сознания с массивной оформленной вещественностью. Воспринимаются как литые лицо человека, щека, отдельный человек, передняя часть предмета, внешний облик, цвет, изображение/12/. Отвлечение от этой вещественности лица затруднено. Когда сознание встречается с предметом на территории слова лице, предмет отяжелевает, наполняется материей, что наглядно проявляется в сочетаемости слова лице с другими словами. Вот несколько примеров, извлеченных из Мариинского евангелия, Изборника 1076г., Успенского сборника XII-XIIIвв. В атрибутивных сочетаниях выявляется главным образом материальный характер лица: лице дряхло, свѣтьло, цвѣтоуще, кроугло, красьно. Реже случаи, когда лице выражает душевное состояние, духовную настроенность: лице весело, лоукаво, бестоуда и срама, тихое. В глагольных сочетаниях лице также прежде всего становится объектом физического воздействия и

восприятия: лице пльвано бысть, лице обязано бѣ, оумыти лице, бити по лицю, покрыти лице, положити лице, облияти лице, доуноути на лице, пьхноути въ лице, пасти на лице, видѣти лице, зьрѣти лице. Реже употребляются сочетания, в которых физическое действие с лицом выражает душевное состояние или отношение: не отврати лица своего отъ ништа/13/, лоукавьство жены измѣняеть зракъ ея и посоупляеть лице свое/14/.

Лице - это такой атрибут, признак предмета или субъекта, который имманентен самому предмету; изменения в нем всегда отражают изменения самой сущности. Если к тому же учесть преимущественно материальный характер этого атрибута, то станет понятным, что он может служить субститутом самого предмета. Лице - это такая часть человека, которая замещает самого человека и становится постепенно средоточием уникальной человеческой индивидуальности. Слово лице в субстанциальном значении употребляется в таких предложениях: сн҃ъ быхъ... любимъ предъ лицьмь мт҃ре своея/15/, творити прѣдъ лицьмь фараонемь знаменiя/16/, посъла вѣстьникы прѣдъ лицемъ своимъ/17/, изиде дiяволъ ѡт лица божiя/ 18/. Как видим, слово лице превратилось в подходящий термин для обозначения уникальной единичной субстанции: лице же есть еже своими дѣиствы и своиствы явлено и отълоучено отъ единоестьствьныихъ емоу подаетъ обличение/19/, то есть "лицо есть то, что своими действиями и свойствами явным образом выделяется из одноприродных с ним (сущностей)".

Особенности этимона слова образъ предопределили иной путь его семантического развития. Словарные материалы показывают, что сформованными путем резания воспринимались внешний вид, изображение, знак, символ, подобие, форма/20/. Чувственная вещественность предметного поля, связанного со словом образ

тонка, ажурна, графична; она словно бы вся на границе предмета с миром, поэтому образ предмета легко отвлекается от него, легко превращается в посредника между предметами, между миром чувственным и сверхчувственным, то есть или в знак, или в прототип, или в форму, или в символ. Когда сознание встречается с предметом на территирии слова образъ, предмет как бы освобождается от материи, превращается в силуэт. Слово образъ начинает обозначать такой признак, который, при всей своей внешней определенности, является как бы полым, не связанным существенно ни с чем внутренним, поэтому образ может служить пристанищем любой сущности. Если лице неотделимо от сущности и выражает собой жизнь этой сущности, то образъ означает лишь внешнюю, видимую обработку, которая может затронуть, а может и не затрагивать сущности. Приведем примеры.

Прѣставити сѧ въ образъ: аще бо съ моудрыими члвкы бесѣдоующе скоро въ образы ихъ прѣставимъ сѧ/21/ - то ли и в самом деле станем мудрыми, то ли приобретем видимость мудрецов.

Ꙗвити сѧ инѣмъ образомъ: по сихъ же дъвѣма отъ нихъ грѧдоущема ꙗви сѧ инѣмъ образомъ/22/ - то есть явился в другом внешнем виде.

Облѣкати сѧ въ образъ: въсѣмъ оубо образъмь члвчьскъмь въ рабии образъ облѣчесѧ вьсѣхъ влдка, то есть по человечеству Господь облекся в образ раба, по божеству оставаясь Владыкой.

Възѧти образъ: блаженни сь възѧть образъ вражии да и прѣлоукоуеть и побѣдить, то есть блаженный только прикинулся, притворился врагом, чтобы с помощью этой хитрости победить.

Измѣнити образъ: въставъши же абие отиде въ инъ градъ и измѣнивъши образъ свои быс(ть) въ гостиньници/23/, то есть изменив внешний вид.

О коллизиях внутреннего и внешнего, противоречиях сущности и образа свидетельствуют следующие высказывания: видѣвъши с

сама въ таком злҍ образҍ сама сѧ окаеть; сльзы погладиша съгрҍшение: поплачи сѧ оубо и ты о грҍсҍ нъ не простҍ ни образъмь тъчью нъ поплачи сѧ горьцҍ/24/; идҍ же брацы и пирове, ту черньцы и черници и безаконие: ангельскии имҍя на себҍ образъ, а блядныи нравъ/25/. В последнем высказывании образъ противопоставляется нраву: очевидно, для Заточника образъ – это внешний, видимый признак, скрывающий сущность, а нравъ – признак, напротив, эту сущность выражающий/26/.

Возникает вопрос: было ли это семантическое развитие самостоятельным в древнерусском языке или оно было предопределено переводами с греческого? Представляется, что перевод (особенно когда он является пословным) – это акт взаимопонимания, когда чужое слово понимается в свете своего и свое понимается в свете чужого, поэтому переводы могут актуализировать заложенные в слове потенции семантического развития, но могут и навязывать слову несвойственные ему значения.

Слово лице являлось неизменным эквивалентом греч. πρόσωπον. Это слово образовано от корня -οπ-, связанного с глаголом ὁράω 'видеть, смотреть', πρόσωπον – 'передняя часть того, что видят, что смотрит навстречу' ⟶ 'лицо'. Это слово прошло примерно тот же путь семантического развития, что и др.-русск. лице, поэтому уже в древних переводах слово лице соответствует слову πρόσωπον едва ли не во всех значениях: 'лицо человека' (лице твое оумыи/27/), 'передняя, верхняя часть' (сҍть бо приидеть на вся живоущия на лици всея земли/28/), 'внешний вид' (лице оубо нбси оумҍете расоуждати а знамениҍ врҍменемь не можете/29/; славянский текст передает противопоставление πρόσωπον–σημεῖον противопоставлением лице – знамение; смысл этого противопоставления заключается в том, что Иисус Христос обличает фарисеев, которые хорошо разбираются в метеорологических явле-

ниях на небе, но не могут распознать знаков наступления нового времени; можно сказать, что это противопоставление знаков, означающих материальные процессы(багровое небо - знак хорошей погоды), и знаков, означающих духовные процессы(знамения времен); поэтому употребление слова лице в этом контексте не только привычно в качестве эквивалента греч. πρόσωπον, но и оправданно по смыслу, так как лице - это понимание предмета в свете его материальности; слово лице в этом контексте употреблено и в других евангелиях, в том числе и в синодальном, как церковнославянском, так и русском; лишь в новых переводах произведены замены выражения лице неба: в переводе о.Л.Лутковского - "Небесные явления умеете распознавать, а знамений времени узнать не можете?"/30/, в переводе нью-йоркского Всемирного Библейского переводческого центра - "Вы умеете различать, как выглядит небо, но не способны различить знамения времени этого"/3I/), 'личность'(посъла вѣстьникы прѣдъ лицемъ своимъ/I7/), 'маска'(дьньсь июда нищелюбиiа мещеть лице и лихоимьства отъкриваеть образъ/32/; этот пример на первый взгляд противоречит тому, что до сих пор говорилось о словах лице и образъ, так как здесь лице обозначает нечто внешнее, неподлинное, а образъ, напротив, обозначает внутреннюю, подлинную суть. Однако это является противоречием только с абстрактно-лингвистической точки зрения. Если же мы будем толковать не значения отдельных слов, а смысл всего текста, то увидим, что слово лице здесь употреблено метафорически и создает яркую, зримую картину обнажения сути как сбрасывания какой-нибудь кожаной маски. Если бы было сказано: "июда нищелюбия мещеть образъ и лихоимьства открываеть лице", то это было бы правильно, но художественного образа уже не было бы. По существу это прием энантиосемии(может быть и "спровоцированный" греческим ориги-

налом), употребление слов в противоположном значении для достижения художественно-изобразительных целей: в самом деле, какая сила выражения – Иуда мещет лицо!).

Слово образъ использовалось для перевода более широкого круга греческих слов: μορφή 'вид, образ, наружность', εἶδος 'вид, наружность', σχῆμα 'наружный вид, образ, форма', εἰκών 'образ, изображение, подобие', στήλη 'столб, колонна', βρέτας 'кумир, истукан, статуя, изображение', τύπος 'отпечаток, изображение', χαρακτήρ 'черта, знак, примета, отличительное свойство', σύμβολον 'знак, символ, знамение', ὑπόδειγμα 'образец, пример, копия', τρόπος 'образ, способ'. Как видим, внутренняя форма 'сформированный резанием' → 'изображение' становилась формой представления весьма широкого круга значений, однако большинство из них впоследствии утратилось и теперь выражается заимствованиями: морф, икона, троп, идея, схема, парадигма, характер, тип, символ. Исчезновение большинства исторически засвидетельствованных значений слова образъ М.И.Чернышева объясняет тем, что "концентрация в одном слове редкого смыслового богатства ... привела к его семантической перегрузке"/32/. Это отчасти верно, но главное, на наш взгляд, заключается в том, что не всякая семантическая калька вписывается в вектор семантического развития слова. Напомним, что символ(по определению А.Ф.Лосева) "есть принцип бесконечного становления с указанием всей той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления"/33/. При символической интерпретации семантической эволюции слова мы хотим понять направление этого развития, иными словами, беря слово как символ, мы хотим рассматривать его вместе с законом его семантического развертывания, становления, реализуемым в истории языка. Семантическая эволюция слов лице и образъ была различной: у слова лице, обозначавшего предмет по признаку оформ-

ленности литьем, происходит постепенное метонимическое замещение предмета его частью, и это слово начинает обозначать телесно-духовную сущность в живом единстве внешней и внутренней ее сторон; слово образъ, будучи обозначением предмета по признаку оформленности резанием, напротив, все более отдаляется от сущности, у него появляются значения внешнего вида, подобия, знака. Такова "идея" этих слов, сформировавшаяся в истории русского языка при многочисленных отклонениях от этой "идеи", которые засвидетельствованы в памятниках письменности и зафиксированы в исторических словарях.

После того как эти "идеи" слов сформировались, они начинают оказывать обратное влияние на мышление. Когда в рассказе "Шерамур" Н.С.Лескова мы читаем, что малограмотной няне "не понравилась легкомыслие и шутливость, с которыми все мы относились к Шерамуру; она не стерпела и заметила это.

-Нехорошо, - сказала она, - человек ничевошный, над ним грех смеяться: у него есть ангел, который видит лицо.

-Да что же делать, когда этот человек никуда не годится.

-Это не ваше дело: так Бог его создал"/34/, мы видим,что лицо прямо связано с замыслом Бога о человеке, то есть с его подлинной сутью.

Л.П.Карсавин, очень чуткий к языку философ, свое учение о симфонической личности начинает с анализа обычного словоупотребления с целью нащупать заложенную в словах идею: "В применении к человеку слово "лицо" означает нечто существенное и потому постоянное, своеобразное и неповторимое. Таков смысл выражений: "он человек не безличный", "у него есть лицо" и т. п."/35/; "Образ" склоняет к мысли не о самой сущности, а об инобытии, отображаемом ею, или - к мысли о личности, поскольку она в себе воспроизводит инобытие, хотя бы и многоаспектно,

Так мы говорим о человеке как "образе Божьем"/36/. В западноевропейских языках понятие личности обозначается словами, восходящими к лат. persona, внутренней формой которого является 'маска, харя', в связи с чем Л.П.Карсавин делает любопытное замечание: "Большое несчастье для западного метафизика, что ему приходится строить учение о личности, исходя из понятия "хари"... Не случайно, думаю, в русском языке со словом "персона" сочетается смысл чисто-внешнего положения человека, частью же - смысл внутренно необоснованной и надутой важности, т.е. обмана"/37/.

Как видим, и лесковская няня, и философ мыслят одними и теми же созданными языком "мыслеобразами", или "идеями", слов лицо и образ.

Теперь у нас есть все необходимое для ответа на вопрос о смысле замены слова образъ словом лице применительно к лицам Божественной Троицы. Можно думать, что слово образъ подавало повод трактовать догмат о Св.Троице в еретическом духе антитринитариев-модалистов, которые видели в Боге безразличное единство, а "в Лицах Святой Троицы видели формы или образы, в которых оно открывается миру. Так, в Ветхом Завете Бог открывается в образе или форме Бога Отца, в Новом Завете, для искупления рода человеческого, Он явился в форме или виде Сына, в лице Иисуса Христа, страдал и умер, отчего этого рода еретики называются еще патрипасианами(допускающими страдания Бога Отца); наконец, в виде Духа Святого Бог является в благодатном освящении и возрождении людей. Таким образом, и этого рода антитринитарии отрицали личное Бытие Лиц Святой Троицы"/38/. Заменой слова образъ на слово лице как раз устранялся повод для такого неправославного истолкования догмата. Переводчик второй редакции "Константинова дара", таким образом,

предстает перед нами не как бездумный ремесленник, а как человек, который старается вдумываться в смысл того, что он переводит, а также подобрать такой лексический эквивалент, который наилучшим образом выразит этот смысл.

В заключение отметим следующее. Взгляд на слово как на единицу словаря явно недостаточен. Даже вся совокупность исторически засвидетельствованных значений слов не поможет ответить на многие вопросы о смысле их употребления. "Словарный" взгляд на слово должен быть дополнен символическим, когда слово рассматривается как *орудие человеческого мышления*, а его семантическая эволюция рассматривается как становление и бесконечное историческое воплощение "идеи" слова. Такой подход не отменяет "словарного", а опирается на него и дополняет его. Главное же, на наш взгляд, в том, что только при таком подходе оказывается возможной достоверная интерпретация многих фактов употребления слова в текстах древней и новой литературы.

Примечания

1. См., например; Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М.,1991. С.4.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.,1984.С.315.
3. РГБ, фонд № 113, №558. Л.418об.
4. РГБ, фонд №204, № 54. Л.103.
5. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. Т.3. М.,1987. С.106.
6. См.: Чернышева М.И. К истории слова образ // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М.,1991. С.101.
7. См.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред.О.Н.Трубачева. Вып.15. М., 1988. С.77-78.
8. Мурьянов М.Ф. Об одной пушкинской эпиграмме // Изв.АН СССР. Сер.лит. и яз. Т.48, № 3, 1989. С.224.
9. Там же. С.225
10. Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. С.48-49.

11.Там же. С.49
12.См.: Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т.2. Ч.I. М.,1989. С.30-31; Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.8. М.,1981. С.254-257.
13.Изборник 1076 г. М.,1965. Л.80об2.
14.Там же. Л.181об13.
15.Успенский сборник XII-XIII вв. М.,1971. Л.9а18.
16.Там же. Л.146б29.
17.Мариинское евангелие. СПб.,1883. Л.239.8.
18.Успенский сборник. Л.84г5.
19.Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание. М., 1983. Л.226г.
20.См.: Срезневский И.И. Указ. соч. С.539-542; Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.12. М.,1987. С.133-135.
21.Изборник 1076г. Л.230об13.
22.Мариинское евангелие. Л.184.14.
23.Успенский сборник. Л.205а18, 302а14, 301б3.
24.Там же. Л.137в14, 187б4.
25.Лексика и фразеология "Моления" Даниила Заточника. Л., 1981. С.130.
26.См. об этом же: Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.,1986. С.125.
27.Мариинское евангелие. Л.16.11.
28.Мариинское евангелие. Лк.21.35.
29.Мариинское евангелие. Л.55.4
30.Литературная учеба. № 1, 1990. С.118.
31.Благая весть. Новый Завет. М.,1990. С.23.
32.Чернышева М.И. Указ. соч. С.107.
33.Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.,1976. С.35.
34.Лесков Н.С. Собр.соч. в 11 тт. Т.6. М,,1957. С.288.
35.Карсавин Л. Религиозно-философские сочинения. Т.I. М., 1992. С.19.
36.Там же. С.24.
37.Там же. С.25.
38.Тальберг Н. История христианской церкви. М.,1991. С.66.

О.А.Крашенинникова

ДРЕВНЕРУССКИЕ ОКТОИХИ XIУ ВЕКА И ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ

Многим ученым, работающим в области истории византийской гимнографии, сегодня ясно, что древнеславянская литургическая традиция дает богатейший материал для реконструкции ранних этапов формирования греческого богослужения. Особенно широкое поле для исследования, на наш взгляд, представляет собой тот круг церковных книг, перевод которых на славянский язык во второй половине IX века отделялся от времени их создания византийскими гимнографами первой и второй половины IX века немногими десятилетиями. В число этих книг входят Триодь, Октоих, служебные Минеи. Славянские переводы этих книг, впервые осуществленные Константином и Мефодием и их учениками в период, совпавший со временем становления в Византии Студийского устава, складывания всей системы церковного пения, неизбежно должны были отразить особенности начального этапа эволюции греческих богослужебных книг. Внимания исследователей заслуживают не только ранние памятники, но и сравнительно поздние / например, XIУ века /, содержащие, однако, более архаические редакции литургических текстов.

Примером могут служить древнеславянские Октоихи. Церковная традиция утверждает, опираясь на свидетельство Нестора-летописца, что первый перевод Октоиха на славянский язык был осуществлен солунскими братьями, просветителями Константином и Мефодием. В "Повести временных лет" в статье под 6406 годом читаем: "... начаста съставливати писмена. азъбуковьна̂а Словѣньски. и преложиста Апслъ и Еуглье ... посем же преложиста Пслтрь и Охтаикъ

и прочана книги."[1] Между тем до нас не дошло ни одного славянского Октоиха X - XII веков. Самая ранняя сохранившаяся рукопись - отрывок из древнерусского Параклитика, сборника канонов Октоиха / ГБЛ, М. 11074 / - датируется второй половиной XII века. Все остальные рукописи более поздние, относятся к XIII, но главным образом к XIУ веку.

Текстуальный анализ славянских Октоихов XIII-XIУ веков показывает, что состав песнопений в них в целом стабилен, но существуют принципиальные различия в расположении материала в отдельных певческих сборниках. Именно поэтому при выделении основных типов Октоиха следует руководствоваться особенностями его композиции. Такой подход кажется нам наиболее плодотворным при исследовании и классификации многих памятников гимнографии.

Все рукописи Октоихов XIII-XIУ веков / за исключением Шестодневов служебных, составляющих их особую разновидность/ можно разделить на две большие группы с точки зрения их построения. К первой группе относятся так называемые Октоихи-Параклиты, по терминологии, принятой в описаниях южно-славянских памятников.[2] Октоих-Параклит содержит песнопения на каждый день церковной седмицы 1-8 гласов, расположенные в том порядке, в каком они исполняются на службе. Приведем в качестве примера схему построения Струмницкого Октоиха начала XIII века болгарской редакциии / ГИМ, Хлуд. 136 /:

Воскресенье. вечерня	Стихиры:	воскресные в субботу вечера
		восточные
		по прокимне
утреня	Седальны /тропари/	
	Степенные антифоны	
	Канон воскресный	
	Стихиры:	на хвалите

восточные

Понедельник вечерня	Стихиры: молебные ангелам на стиховне покаянные	
утреня	Канон ангелам Стихиры: на хвалите покаянные	
Вторник вечерня	Стихиры: молебные Предтече на стиховне покаянные	Гласы 5 - 8 *
утреня	Канон Предтече Стихиры: на хвалите покаянные	

и т. д.

В Октоихах данного типа единицей является служба дня как целое, причем песнопения вечерни и утрени расположены в той последовательности, которая предписывается богослужебным уставом. Такой принцип построения сближает Октоих-Параклит с современным печатным Октоихом, разница между которыми состоит лишь в объеме песнопений, помещаемых на каждый день седмицы. К этой группе относится большинство южно-славянских рукописей XIII века: Октоих македонской редакции середины XIII века, хранящийся в Белграде[3], Октоих из коллекции Михановича второй половины XIII века[4], Карансебешский Октоих того же времени [5], Октоих болгарской редакции XIII-XIУ веков / ГИМ, Муз.2881 / и другие. Обращает на себя внимание, что среди сборников этого типа не представлено ни одной рукописи русского извода. Первые Октоихи-Параклиты, уже более полного состава, начинают появляться на Руси лишь в начале ХУ века, что связано со вторым южно-славянским влиянием и исправлением церковных книг при митрополите Киприане.

---

* первая часть этого Октоиха, содержащая гл.1-4, не сохранилась

Принципиально иной и гораздо более интересный способ организации песнопений мы находим в Октоихах XIII-XIУ веков, получивших в науке название "изборных".[6] К этому типу относятся рукописи как русской, так и южно-славянской редакции: ЦГАДА, Син. тип. № 67, 74, 75; ГПБ, Соф.122, 123, 126, Гильф. 20, ГИМ, Увар. 521, а также JAZU MS 111 a 45-46 /"Битольский Октоих"/[7] и Vindob. slav.46/"Венский Октоих"/[8]. Они представляют собой сборники песнопений вечерни, утрени и литургии всех дней недели, начиная с воскресенья, расположенных не в порядке их исполнения на службе, а объединенных в жанровые группы. Октоихи этого типа распадаются на несколько разделов, количество которых неодинаково в различных памятниках:

Таблица I

Син.тип.74	Син.тип.67	Гильф.20	Vindob sl.46	JAZU 111a45-46
русская редакция		сербская редакция		макед. редак.
Стихиры воскресн.	Стихиры воскресн.	Стихиры воскресн.	Стихиры воскресные и седальны	Стихиры воскресн. /окончание/
Стихиры молебные	Седальны	Стихиры молебные	Блаженны	Седальны
Седальны	Стихиры троичн. /молебн./	Седальны	Стихиры молебные	Стихиры молебн.
Блаженны	Блаженны	Блаженны	Каноны воскресн.	Блаженны
	Степенны	Степенны	Каноны нед.цикла	Степенны
		Евангелия утр. воскр.	Степенны	Еванг. стихиры
		Светильны	Эксапостил.	Евангелия и апос.
		Каноны воскр.	Евангельск. стихиры	Прокимны
		Каноны нед.цикла		Богородичн. каноны
				Каноны воскресн.
				Каноны недельн. цикла

/Каноны Октоиха - воскресные и будничные -, в русской рукописной традиции обычно помещались в отдельные книги - Параклитики./

Сравнение состава различных редакций "изборного" Октоиха позволяет определить несколько его разделов, представленных практически во всех памятниках данного типа, за исключением дефектных, с утраченным началом или концом. Это постоянное ядро, как видно из таблицы, образуют четыре группы песнопений: "Стихиры воскресные" / или "вечерние" /, "Стихиры молебные" / или "троичные" /, "Седальны" и "Блаженны". На них мы и сосредоточим наше внимание.

Названия этих разделов "изборного" Октоиха отнюдь не отражают реального содержания входящих в них произведений. Так, например, к собственно воскресным песнопениям первой группы примыкают также стихиры "на стиховне" вечерни и утрени всех дней недели, не выделенные особым заголовком, а в разделе "Седальны" помещены тексты утренних гимнов, исполнявшихся как в воскресенье, так и в будни / см. таблицу 2 /. Таким образом, в одной группе "изборного" Октоиха могут быть объединены произведения, относившиеся к разным дням недели и к разным моментам службы / вечерня-утреня/. Вот почему состав этого памятника оставляет поначалу впечатление бессистемного набора разнородных песнопений, соединенных, казалось бы, самым случайным способом. Насколько ясным представлялось строение Октоиха-Параклитика, повторяющее последовательность церковной службы, настолько может вызвать недоумение причудливая композиция "избор-ного" Октоиха.

Между тем своя логика в раположении песнопений здесь тоже есть, но она заключается в ином. И связана она с той стороной гимнографических рукописей, которая почти совершенно игнорируется филологами, а именно, с их музыкальной природой. Не следует забывать, что каждый из помещенных в Октоихе текстов был рассчитан на его исполнение церковным певцом, а потому соотносился с

Таблица 2 "ИЗБОРНЫЙ" ОКТОИХ

/ псковско-новгородская редакция - Син.тип. 75/

	I. "СТИХИРЫ ВОСКРЕСНЫЕ" гл. I-8		
воскр.	воскресные /веч./	3	
	Троице* /веч./	3	
	на стиховне /веч./	I	
	восточные /веч./	I	
	воскресные /утр./	4	
понед. вторн.	покаянные	4	Стихиры "на стиховне" / утр. и веч./
среда пятн.	кресту	4	
четв.	апостолам	2	
субб.	мученикам	7-8	
	заупокойные	2	
	богородичны	8-I0	
	II. "СТИХИРЫ МОЛЕБНЫЕ" гл. I-8		
[субб.	Троице**]	3	Стихиры "на Господи воззвах" / веч./
воскр.	ангелам	3	
понед.	Предтече	3	
вторн.	Богородице	3	
среда	ап. Петру	3	
четв.	Богородице	3	
пятн.	пророкам	3	
	III. "СЕДАЛЬНЫ ВОСКРЕСНЫЕ" гл. I-8		
воскр.	тропарь отпуст.	I	
	седальны	2	
	ипакои	I	
	богородичен	I	
понед. вторн.	покаянные	4-5	Седальны седмичные
среда пятн.	кресту	4	
четв.	апостолам	2-3	
субб.	мученикам	4	
	заупокойные	2	
	богородичны	5-II	
	троичны	3	
	светилен	I	
	IУ. "БЛАЖЕННЫ" гл. I-8		
воскр.	воскр., кр.-воскр., троичн.	5	
понед.	покаянные, ангелам	4	
вторн.	покаянные, Предтече	4	
среда	кресту, Богородице	4	
четверг	апостолам	4	
пятн.	кресту, Богородице	4	
субб.	мучен., пророкам, заупок.	4	

* только в Син.тип. 75
** в Соф. I22, I23

определенным гласом /напевом/, родом и жанром песнопений, принадлежал к особому музыкальному стилю. Эти характеристики составляли неотъемлемую сторону функционирования этих произведений в системе богослужения. Музыкальная сторона гимнографических памятников ясно выступает в нотированных рукописях, она есть, но скрыта от исследователей в памятниках, лишенных знаков музыкальной нотации. Попробуем увидеть ее в принципах построения "изборного" Октоиха. Следует отметить, что задача наша усложняется тем обстоятельством, что вплоть до ХУ века Октоихи в русской рукописной традиции вообще не нотировались, и музыковеды не располагают точной информацией о характере исполнения этих текстов в XI - XIУ веках. Вот почему в наших рассуждениях мы будем прибегать к методу аналогии - сопоставлению интересующего нас сборника с другими гимнографическими памятниками и имеющимися в науке описаниями древнейших византийских нотированных рукописей. Конечно, все соображения, касающиеся "изборного" Октоиха, будут иметь характер гипотезы и нуждаться в дальнейших всесторонних обоснованиях.

Присмотримся повнимательней к первому разделу "изборного" Октоиха - "Стихирам воскресным". Во всех рукописях он состоит из двух частей: воскресных песнопений, автором которых считается Иоанн Дамаскин* / УIII век / и стихир "на стиховне"[9] седмичного цикла, добавленных в IX веке константинопольским поэтом Иосифом Гимнографом / + 883 /. Известно, что древнейший пласт Октоиха - его воскресные песнопения - входил первоначально в состав Стихирарей, нотированных сборников, которые содержали тексты произведений, сгруппированных по музыкальным жанрам.

---

* кроме восточных стихир

Полный список греческого Стихираря по рукописи I22I года, хранящийся в Национальной библиотеке в Вене, был опубликован в 1935 году в I томе Monumenta Musicae Byzantinae.
Основу этого и других аналогичных сборников составляют группы стихир из Минеи, Триоди и воскресного Октоиха, относящиеся к жанру самогласных песнопений. Самогласнами /Idiomela / называются такие музыкальные произведения, которые имеют свою собственную оригинальную мелодию, не повторяющую существующие образцы. Это наиболее древняя часть певческого репертуара византийской церкви, которая включает воскресные песнопения Октоиха и важнейших двунадесятых праздников, гимны в честь святых, а также многие произведения Триодного круга. Следует отметить, что по традиции, идущей из Византии, в минейных службах рядовым святым с этим жанром связывались не любые песнопения праздника, а преимущественно стихиры "на стиховне" / хотя были и исключения из этого правила/. Если просмотреть с этой точки зрения древнейшие славянские месячные Стихирари XII-XIII веков и служебные Минеи XI-XII веков, то можно заметить следующую тенденцию: стихиры на "Господи воззвах"[IO] исполнялись чаще "на подобен" / об этом речь ниже /, а стихиры "на стиховне" были самогласными. Та же закономерность прослеживается и в Октоихе. Именно в соответствии с этой традицией и в рассматриваемом нами "изборном" Октоихе вслед за воскресными самогласнами следует цикл будничных стихир "на стиховне" /также самогласных/, образующих с первыми единую музыкально-жанровую группу.

Второй раздел "изборного" Октоиха составляют "Молебные стихиры", которые пелись на вечерне на "Господи воззвах". Эти песнопения, в отличие от самогласных, не имели собственной мелодии, но исполнялись "на подобен", т.е. по образцу известных пе-

снопений. Они назывались подобнами /Prosomoia /, потому что уподоблялись в своей метрической и мелодической структуре существующим музыкальным произведениям. В рукописях рядом с "подобнами" всегда указан ключ к их исполнению - стихира, послужившая для них образцом. Указаны они и у "молебных" стихир "изборного" Октоиха. Откуда же взяты эти образцы ? А заимствованы они частично из песнопений Минеи и Триоди, частично из самогласных стихир первого раздела Октоиха. Так, например, стихира "на стиховне" I-го гласа "Прехвальные мученицы" послужила моделью для "молебных" стихир того же гласа, а самогласен "Дал еси знамение" 4-го гласа - для подобнов 4-го гласа и т. д. Таким образом, второй цикл "изборного" Октоиха действительно вторичен по отношению к первому, так как часто заимствует у него мелодическую и ритмическую структуру своих напевов. Этот факт подтверждает наше предположение, что самогласные стихиры Октоиха /воскресные и седмичные/ составляют его древнейший пласт. Тексты из первого раздела Октоиха часто брались за образец также при составлении служб рядовым святым минейного цикла.

Третья большая группа песнопений "изборного" Октоиха - "Седальны воскресные"- по составу напоминает первую. Так же, как "Стихиры воскресные", она распадается на две части: произведения, исполнявшиеся на воскресной утрене / тропарь, седальны, ипакои и др. /, и седальны будничных дней. Название седальнов носят песнопения, поющиеся на утрени после стихословия Псалтыри, а также после 3 песни канона. На них и на соединявшихся с ними чтениях разрешалось сидеть. В древности понятие седальна было шире и было равнозначно понятию тропаря. Многие ученые отмечали, что по своему происхождению и певческому жанру седальны

и были тропарями, которые выросли некогда из древних кратких припевов к псалмам.[II] Названия "тропарь" и "седален" в средневековой гимнографии были взаимозаменяемы, и можно привести множество примеров, когда одно и то же песнопение в одном случае называлось тропарем, а в другом - седальном.[I2] Так, например, тропарь кресту I-го гласа из праздника Воздвижения "Спаси, Господи, люди твоя" является одновременно вторым седальном в службе среды I-го гласа Октоиха и т.д. Со временем, по мере уточнения богослужебной терминологии названия этих песнопений стали разграничивать и термин "тропарь" стал употребляться в более узком смысле для обозначения припева к стихам псалма II7 / тропарь на "Бог Господь" или отпустительный тропарь/.

Поскольку тропари и седальны представляли родственный музыкальный жанр песнопений, они и образуют единую группу в "изборном" Октоихе, открывающуюся в каждом из гласов воскресным тропарем. По неизвестным причинам древние распевы тропарей не сохранились. Ни в византийской, ни в русской традиции эти песнопения не нотировались, что дало повод музыковедам утверждать, что они вообще не пелись, а читались: "В древнерусской богослужебной практике тропарь читался и только его последняя фраза исполнялась певчески."[I3] Другие ученые, однако, полагают, что эти мелодии были настолько хорошо знакомы исполнителям, что не было нужды прибегать к их нотации.[I4] Материал древнерусских Миней XI века свидетельствует, что тропари и седальны Октоиха входили в активный певческий репертуар средневекового человека, так как служили музыкальными образцами для аналогичной группы песнопений в службах святым. Каждый седален в Минее сопровождается пометой с начальными словами того текста

из Октоиха, по подобию которого его следует исполнять. Например:

Таблица 3

Сентябрьская служебная Минея 1095 года[15]			Изборный Октоих XIУв.
15 сент. мучен. Никиты	Седален гл. I подобен	Камени знаменану	Воскресн. тропарь I гл.
16 сент. мучен. Евфимии	Седален гл. 4 подобен	Вознесый ся	Седален кресту 4 гл.
17 сент. муч. Веры, Надежды, Любови, Софии	Седален гл. I подобен	Гроб твой Христе	Воскресн. седален I гл.
	Седален гл. 5 подобен	Собезначальн.	Воскресн. тропарь 5 гл.
		и т.д.	

Из приведенных примеров видно, что в качестве образцов для седальнов в службах святым могли выступать равным образом и воскресные тропари, и воскресные седальны, и седальны будничных дней из Октоиха. Не свидетельствует ли это косвенным образом об общем характере исполнения этих музыкальных произведений? К похожему выводу приходит и датский музыковед Растед, анализируя поздне-византийские нотные записи этих распевов: "Одни и те же мелодии использовались для отпустительных тропарей, седальнов / которые вставлялись после 3 песни канона на утрене/ и кондаков... которые употреблялись после 6 песни канона."[16]

Наконец, последний раздел "изборного" Октоиха - это "Блаженны", которые пелись на литургии, перемежаясь с евангельскими заповедями блаженства. Состав этой группы песнопений напоминает строение "Воскресных стихир" и "Седальнов": вначале по-

мещены блаженны воскресных дней, за ними следуют тексты, исполнявшиеся в седмичные дни. На музыкальный жанр блаженнов недвусмысленно указывает помета "ирмос". Например, в I гласе в качестве образца для исполнения будничных песнопений указан ирмос "Сниди ради", являющийся первым в ряду воскресных блаженнов этого гласа. Можно предположить, что песнопения этого вида по своему музыкальному происхождению и жанру были близки к канону, где, как известно, начальный ирмос служит метрическим и мелодическим образцом для следующих за ним тропарей. Это предположение подтверждается также уставной практикой исполнять "на блаженнах" определенные песни из канона празднуемого святого или события.

Итак, мы рассмотрели состав четырех основных разделов "изборного" Октоиха и пришли к выводу, что песнопения в нем группируются в соответствии с их музыкально-певческим жанром. Представим наши выводы в виде таблицы:

Таблица 4

Название групп песнопений в "изборном" Октоихе	Музыкальный жанр стихир
I. "Стихиры воскресные"	Самогласны I-8 гласов
II. "Стихиры молебные"	Подобны I-8 гласов
III. "Седальны воскресные"	Тропари I-8 гласов
IУ. "Блаженны"	Ирмоса I-8 гласов

Мы видим, что в славянском "изборном" Октоихе довольно полно представлены образцы основных родов песнопений, заимствованных из византийской гимнографии, что делает этот сборник своеобразной певческой энциклопедией средневекового книжника. Зная на практике, как исполняются ключевые стихиры, тропари,

ирмоса Октоиха, певец мог распеть по их подобию любые песнопения Октоиха, Минеи и Триоди, не прибегая к помощи музыкальной нотации /за исключением, конечно, самогласных стихир/.

Рассмотренный нами тип "изборного" Октоиха, представленный славянскими рукописями XIII-XIУ веков, относится примерно к тому же времени, что и тип южнославянского Октоиха-Параклита. Какой же из них более древнего происхождения? По мнению авторитетных литургистов, гимнографические сборники, в которых песнопения сгруппированы по отдельным видам и музыкальным жанрам, представляют собой исторически более ранний этап формирования певческих книг по сравнению с тем типом сборника, где эти песнопения объединены в законченные"службы": "Современная последовательность расположения в византийских литургических книгах является результатом двух последовательно сменяющихся тенденций: порядок гимнов, некогда установленный в соответствии с их гимнографическим жанром, мало-помалу сменился расстановкой, соответствующей развертыванию различных циклов и частей литургии... Важность этой эволюции жанровых сборников в литургические сборники невозможно переоценить. На ней основана проблема истории каждой литургической книги." [17] К аналогичному выводу пришел еще в 1910 году русский ученый И.Карабинов, исследовавший редакции славянской Постной Триоди. Он пишет: "Многие наблюдения показывают, что до появления сборника Постной Триоди,где песнопения сгруппированы в т.н. службы, существовали сборники однородных песнопений... Указанные сборники однородных песнопений были очень неудобны для богослужебного употребления... Отсюда естественно возникла нужда в таких сборниках, где бы для каждого дня собраны были по возможности все требующиеся при службе пе-

снопения. Благодаря этой потребности появились более систематизированные октоихи, минеи..."[18]

Рассмотренный нами тип "изборного" Октоиха, дошедший до нас в относительно поздних славянских памятниках, сохраняет древний порядок построения гимнографической рукописи, отражающий ранний этап формирования этой певческой книги. В композиции, в логике построения "изборного" Октоиха оказался запечатленным сам процесс работы византийских поэтов IX века Иосифа Гимнографа и Феофана над продолжением труда, начатого их предшественниками. Взяв за основу элементы воскресного Октоиха Иоанна Дамаскина и опираясь на сложившуюся к тому времени жанровую систему церковного пения, Иосиф и Феофан создавали, скорее всего, не отдельные службы на каждый будничный день, но циклы однородных песнопений I-8 гласов, с учетом их музыкального жанра, характера исполнения, а также стихотворного размера. Вот почему углубленное исследование рукописей подобного типа представляется нам наиболее перспективным для реконструкции начальных этапов развития византийской и славянской гимнографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[I] ПСРЛ, Т.I. Лаврентьевская летопись. Вып. I: Повесть временных лет. - Л., 1926.- С.27.

[2] Богдановић Д. Метод описа рукописа у археографском одельењу народне библиотеке СРС у Београду. - Библиотекар,5.- 1968.- С. 369.

[3-4] Petrović D. Osmoglasnik u mužickoj tradiciji južnih slovena. - Beograd, 1982.- P. 79-81.

[5] Карансебешский Октоих второй половины XIII века. Тексты,

описание рукописи и снимки. Посмертный труд П.А.Сырку с предисловием А.И.Яцимирского. - СПб., 1906.

[6]Богдановић Д. Указ. соч. - С. 386, 369.

[7]Mošin V. Ćirilski rukopisi Jugoslavenske Akademije.- 1 Dio. Opis rukopisa.- Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1955. - P. 204 - 205.

[8]Weber K. Oktoechus - Forschungen. 1 Teil.- Leipzig, 1937.

[9]Песнопения, соединяемые в седмичные дни со стихами из псалма 122 / на вечерне / и псалма 89 / на утрене/.

[10]Песнопения вечерни, соединяемые во все дни со стихами из псалмов 140, 141, 129, 116.

[11]Карабинов И. Постная Триодь. Исторический обзор ея плана, состава, редакций и славянских переводов.- СПб., 1910.-С.72. Гарднер И.А. Богослужебное пение русской православной церкви. Т.I. - Нью-Йорк, 1978. - С. 88.

[12]Карабинов И. Указ. соч. - С. 73.

[13]Гарднер И.А. Указ. соч. - С. 93, прим. 31

[14]Raasted J. The Musical Style of the Apolytikia/Kathismata in Byzantine and Slavonic Chant.// XVIII Международный Конгресс Византинистов. Резюме сообщений. Т.I. - С. 938.

[15]Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 г. Труд И.В.Ягича. - ОРЯС АН СПб., 1886. - С. 0126, 0137, 0142.

[16]Raasted J. Ibid. - P. 938.

[17]Hannick Ch. Dimanche. Office selon les huit tons. ᾿ΟΚΤΩΗΧΟΣ. // La prière des Églises de Rite Byzantin, 3. - Chevetogne, 1972. - P. 40-41.

[18]Карабинов И. Указ. соч. - С. 206 - 207

К.А. Максимович

ПТИЦА ФЕНИКС В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(К интерпретации образа)

Легенда о Фениксе появилась на Руси сравнительно поздно, уже успев пройти основательный путь эволюции в культурах Ближнего Востока, а также античности и Византии. Древнейшие аналоги этого образа (происходящего, возможно, из архаических глубин малоазийской культуры) - древнеегипетская птица Bent , ипостась и "сын" Ра, бога Солнца, а также почитавшаяся в Гелиополе в виде цапли и позднее отождествлённая с Фениксом птица bnw , имя которой можно узнать в греческом φοῖνιξ.[1]

Классический облик Феникса - прекрасной птицы, живущей где-то на Востоке (в Индии, Аравии, Ливане или просто в некоей блаженной стране), но прилетающей через определённое время в Финикию (или Египет), чтобы там умереть в огне, вновь восстать из пепла и принять заслуженное поклонение в Гелиопольском храме Солнца - складывается в античной литературе, содержащей множество упоминаний о Фениксе как о реальном существе.[2] Символом вечности и возрождения Феникс становится в изображениях на монетах имперского времени, саркофагах,[3] в поэзии позднего Рима.

В первые века христианства этот образ, уже широко известный в эллинистическом мире, был полемически истолкован апологетами новой религии как реальное доказательство возможности воскресения.[4] Именно в это время возникает толкование образа Феникса на основе псалма 9I,I3: "Праведник словно феникс процветет, словно кедр Ливанский умножится".[5] Этим толкованием снабжена статья о Фениксе, включённая в "Физиолог" - греческий христианизированный сборник легенд преимущественно о животных, вобравший в себя разнообразные представления, восходящие к античным и восточным источникам. Отсюда легенда

о Фениксе попадает в литературу шестодневов,[6] а на Руси воспринимается посредством славянских переводов как самого "Физиолога"[7], так и разнообразных византийских сборников и шестодневов, содержащих физиологические вставки.

Следует, однако, отметить, что рецепция Феникса в древнерусскую литературу была осложнена наличием разных редакций греческого текста "Физиолога". Отметим те из них, которые легли в основу славянских переводов.

Древнейшая греч. редакция (далее - ред. А) восходит ко времени составления "Физиолога" (II - III вв. н.э.)[8] На Руси также сравнительно рано появляется её перевод. Позднейшая редакция греч. "Физиолога" (далее - ред. Б) была произведена Понцием из Леоны. Он издал "Физиолог" (Рим, 1587 г.) по поздним рукописям, надписанным именем св. Епифания Кипрского.[9] По мнению А.Карнеева, именно с этого печатного издания на рубеже ХУI-ХУII вв. был сделан самостоятельный славяно-русский перевод "Физиолога", отразившийся в некоторых памятниках.[10]

Каковы же различия в трактовке обеими редакциями Феникса? Рассмотрим основные элементы повествования.

Ред. А: В начале главы помещено изречение из Евангелия: "Имею власть положить душу Мою, и имею власть вновь принять её" (Ио. X,18). Затем говорится, что в Индийской земле есть птица, которая каждые 500 лет прилетает в рощи Ливана и наполняет крылья свои благовониями. В месяце Нисан или Адар она извещает о себе жреца в Гелиополе. Получив известие, жрец возлагает на алтарь храма виноградные лозы. Феникс прилетает в Гелиополь, неся на себе благовония, всходит на алтарь и здесь сгорает. На другой день жрец находит в золе червя, который днём позже обрастает перьями и превращается в птенца, а на третий день обретает облик взрослого Феникса, прощается со жрецом и улетает восвояси. Следует экзегетическая и полемическая часть: говорится, что только несмысленные люди не верят в воскресение Христа

если даже птица может себя воскресить (этот момент, между прочим, опущен в славянском переводе), и далее, что птица прообразует собою Христа - ибо она пришла с небес, неся с собою благовония, т.е. небесные учения, с тем чтобы люди в ответ возносили в небеса духовные благовония молитв.

Ред. Б: В начале даётся описание внешности Феникса - красотой он превосходит павлина (в слав. пер.: и остальных птиц), ибо перья павлина расцвечены золотом и серебром, а у Феникса - гиацинтом, смарагдом и другими драгоценными камнями. На голове у него тиара (в слав. пер.: венец из драгоценных камней), на ногах утолщения (в слав. пер.: сапоги, как у царя, или, по вар. ХУI в. "млатки"- греч. σφύρας). Живёт он близ Индии (в слав. пер. добавлено: близъ слн҃чна града); вместе с тем, в течение 500 лет он обитает на кедрах Ливанских (отметим географическую неувязку) без еды и питья. Питается же он от духа (в слав. пер.: от ст҃го дх҃а, по вар. ХУI в.: вѣтромь). По истечении 500 лет птица наполняет крылья благовониями, жрец в Гелиополе призывает её, она является в храм и на алтаре превращается в пепел. На другой день жрец обнаруживает птенца, а через 2 дня - взрослую птицу, которая, попрощавшись со жрецом, удаляется на прежнее место. Следует полемический выпад против иудеев, не верящих в воскресение Христа, хотя он и воскресил Феникса. Завершает главу цитата Пс. 9I, 13: "Праведник как феникс процветет..."

При большом внешнем сходстве обеих редакций есть между ними и различия. Представим их в виде таблицы (знаком + отмечено наличие того или иного элемента повествования в соответствующей редакции, знаком – -его отсутствие).

	Описание внешности Ф.	Появление червя в золе	Ф.-прообраз Христа	Цитата Пс. 9I,13 в конце главы
Ред. А	–	+	+	–
Ред. Б	+	–	–	+

По этим признакам можно достаточно достоверно определить, к какой из редакций восходят славянские тексты, упоминающие Феникса. Приводим их (возможно, неполный) перечень:

Ред. А: I) "Физиолог" - ГБЛ, Тр., ф. 304.I., № 729, ХУ в., болгарский перевод до ХШ в.[II] О Фениксе - л. I59-I59 об.[I2]

2) Палея Толковая I406 г.[I3] Между прочим, здесь имеется и другое, восходящее к неизвестному источнику толкование Феникса как прообраза мучеников за Христа, пустынников и монахов.

3) Палея Толковая I477 г.[I4]

Через посредство Толковой Палеи эту редакцию содержат:

4) Азбуковник ГПБ, Погод. II43, л. 52 об.[I5]

5) Азбуковник по сп. сер. ХУП в.[I6]

6) Азбуковник ГБЛ, Рум., ф. 256, №52I,ХУП в.,л.I52 об.- I53.[I7]

7) "Слово о разсечении естества человеческого" в Сб. Имп. Публ. б-ки О, I, 2I5, л. 220. ХУП в.[I8]

8) Книга глаголемая гречески алфавит. Рук. БАН, Арх. д., № 446, л. 24I. ХУП в. /КДРС/: "Финикс - есть птица в велицеи Индии, единогнездна, подружия не имеет ни чадородия".

9) "Сказание об Индейском царстве" (ХУ в., восходит к ХШ-XIУ вв.): "...есть оу нас птЇца Їма еи финЇкс свЇвает собѣ гнездо на новом мцѣ и прЇносЇть огна нбсного Ї сама тоут же згорит. во том же пепелом зарожается червь да опернатоеть потом же птица та бывает одина..."[I9]

Ред. Б: I) "Физиолог" - сб. Царского, № 37I, гр. Уварова, № 5I5, ХУI в.[20]

2) "Физиолог" - рук. Моск. Рум. Муз., № 26I6, собр. Дурова, л. 83-94.[2I]

3) "Лексикон славенороссский, составленный всечестным отцем Кирѣ Памвою Берындою".[22] Здесь впервые в древнерусской литературе упоминается "Физиолог" (Псевдо-)Епифания.[23]

Следует отметить некоторые инновации, внесённые в сюжет с Фениксе, возможно, на славянской почве. Так, в палейной версии ред. А имеются слова: "не имѣеть ни подружьѤа своѤего ни чадъ",[24] которые отсутствуют в греч. оригинале "Физиолога". По этим словам палейная редакция идентифицируется даже в текстах, имеющих с нею весьма отдалённое сходство (ср. выше в "Алфавите" ХУП в.). Кроме того, в Палее не упоминается жрец Гелиопольского храма, а цитата из Пс. 91,13 (отсутствующая в имеющемся у нас греч. оригинале "Физиолога" ред. А) находится не в конце главы, а в самом её начале.[25]

Рассмотрим теперь тексты о Фениксе, не поддающиеся возведению ни к одной из двух редакций:

1) Три главы из "Физиолога" (в том числе о Фениксе) в сб. Хлудова № 237 (2я пол. XIУ в., восходит к XП в.).[26] Феникс здесь сравнивается с павлином, как и в ред. Б, но есть и упоминание о "подружии" ("не имѫщи подружїа нѫ иноку быти"), как в Толковой Палее (ред. А). В согласии с Палеёй не упоминается жрец, имеется представление о червеобразном зародыше.[27] По мнению М.Н. Сперанского, переписчик пользовался редакцией, близкой к ред. А.[28]

2) "Шестоднев" Георгия Писиды (1385 г.).[29]

3) Рук. библиотеки Смоленского пед. института, № 124 (3/Б) 1731 г. (утрачена) - "Описание книги сея государства китайского или хинского", л. 138 об.: "Говорѧтъ, что на той горѣ (именемъ Ѳунгоангъ) пѣла птица зѣло сладко и оумерла, а нн҃ѣ ежегод во урочный ден збираетсѧ множество птицъ на ту гору и аки плачут по смерти финикса." /КДРС/

4) "Лицевой букварь" Кариона Истомина 1691 г.:

"Есть древо финикс же и птица,
въ разумъ сотвори господня десница."[30]

5) Патерик Печерский (ХУ в., восходит к ХШ в.): "И оттоле цвѣтяше и умножашеся мѣсто то праведника молитвами: "праведникъ бо, рече, яко финиксъ процвѣтеть, яко кедръ, иже в Ливанѣ, умножится". Умножаху бо ся оттоле братїа, и цвѣтяше мѣсто то добрыми нравы, и

молитвами ихъ, и инѣмь благочестивымь."[31]

6) "Козмография" ХУП в.: "Въ той же части Азіи, Симовѣ жребии, многія острова на восточномъ морѣ: первый островъ Макарицкій близъ блаженного рая и потому его близъ глаголятъ, что оттуда залетаютъ райскія птицы Гамаюнъ и Ѳиниксъ благоуханія износятъ чюдная."[32]

Обратимся теперь к интерпретации образа Феникса в литературе. Примечательно следующее: легенда о Фениксе была заимствована из Византии с толкованием на основе Пс. 9I,I3: "Праведникъ яко финиксъ процвѣтеть". Между тем, современному исследователю очевидно, что в псалме речь идёт о финиковой пальме Phoenix dactylifera ,[33] название которой омонимично имени птицы (ср. упоминание в этом же стихе ливанского кедра). Почему же ни в Византии, ни на Руси не распознали "ошибочность" физиологического толкования? Только ли благодаря авторитету "Физиолога", приписанного св. Епифанию Кипрскому, и традиции, восходящей к древнейшим апологетам? Это объяснение не может считаться удовлетворительным, так как из него неясно, почему сами составители "Физиолога", эллинизированные христиане-александрийцы, остановились на таком толковании. Представляется, что дело обстоит сложнее, а именно: для отождествления птицы Феникс и пальмы Phoenix имелись определённые историко-мифологические и семантические основания. В пользу этого предположения можно привести следующие доводы:

I) Греческий текст Пс. 9I,I3 (Септуагинта) гласит: δίκαιος ὡς φοῖνιξ ἀνθήσει. Греч. ἀνθήσει явно относится к пальме, ибо связано с ἄνθος "цветок". Между тем др.-евр. оригинал псалма содержит более сложные коннотации: ṣadīk katāmār ifraḥ. Глагол ifraḥ (исходная форма paraḥ) имеет два основных значения: I) пускать почки, цвести; 2) порхать, летать.[34] Ср. "птица" - porahat, акк. parhatā.[35] Таким образом, в семантике глагола-сказуемого содержится определённая двойственность: "процветёт"//"возлетит".

2) Если в др.-евр. языке не обнаруживается характерная для греческого омонимия названий пальмы и птицы, то такая омонимия (или псевдо-омонимия) есть в древнеегипетском: ср. упоминающуюся в Текстах Пирамид птицу Bnt и название пальмы bn(r)t. [36] Характерно также, что изображения птицы bnw делались зелёной краской.[37]

3) Отмечалось, что египетская птица bnw в изображениях почти всегда помещается на дереве. Это не пальма, но сикомора или какое-либо другое дерево.[38] Важно, однако, что дерево составляет необходимый элемент изображения, т.е. связано с птицей в единый функциональный комплекс.[39] Имеются также сведения о совместном культе птицы bnw и пальмы в Гелиополе и даже об их прямом отождествлении (правда, на основе всё той же греческой омонимии -φοῖνιξ): ἐγώ εἰμι τὸ ἱερὸν ὄρνεον φοῖνιξ, ἐγώ εἰμι ὁ ἥλιος, ἐγὼ φυτὸν ὄνομα βάϊς.[40]

4) Подобно птице Феникс, пальма для древних - символ вечности и долгожительства. Ср. орфический фрагмент, приведённый у Плутарха (Sympos. VIII,4,2):

Ζῶον δ' ἴσον ἀκροκόμοισι
φοινίκων ἔρνεσσι.[41]

5) Наконец, известны тексты о Фениксе (или о его функциональном двойнике - грифе), в которых отсутствует мотив смерти и воскресения. Птица здесь бежит перед восходящим на небо солнцем и закрывает землю от палящих лучей своими широко раскрытыми крыльями.[42] Осмелимся провести аналогию с широкими листьями пальм, в тени которых укрываются от зноя египетские оазисы.[43]

К текстам последнего типа, отражающим совершенно оригинальную традицию в восприятии образа Феникса, относятся прежде всего "Книга Еноха" и "Откровение Варуха" (I и II вв. н.э. соотв.) - апокрифические памятники, переведённые на славянский язык с греческого и оказавшие влияние на местные апокрифы.[44]

Рассмотрим трактовку Феникса в "Книге Еноха". Енох, возведённый

на четвёртое небо, видит там колесницу Солнца, сопровождаемую ангелами. "И водѦт его въ дне ·ЄІ· тьмѪ аггль, а въ нощы тисѪща аггль. Комоуждо агглоу по шесть крыль иже ходѦт прѣд колесницеѦ и огнь даѦт емоу сто аггль. И дси летѦще образом двѣю птицу, єдинь Ѣако финексь, и дроугы Ѣако халкедрІи. Образи их львовь, ноге и опаш и глава коркодилоу, видѣнІе их обагрено Ѣако доуга облачна, великота их девѦт сѪт мѣрь, крила их аггльска, и комуждe их по ·BI· крилъ, иже мѪчет колесницѪ слнцоу носѦще росѪ и знои. И Ѣако повелит гь, тако обращаѪт. И нисходит и въсходѦт по нбси и по земли, съ свѣтом лоучь своих." И несколько далее: "И въ ·И· час нощи, приносет аггль, ·Д· ста аггль вѣнець и вѣнчаѪт его. И въспоет стихи (греч. στοιχεῖα -"элементы, стихии мира", а также "духи"- К.М.) рекоми финиксь и халкедри. И того ради всѦ птице въстрепещѪт крыли своими, радуѪщесѦ свѣтодавцоу поѪще глсы своими." [45]

Из этого текста затруднительно понять функции Феникса и Халкедрия. В сокращённой редакции "Книги Еноха" сказано, что "духи... мочать (вар. I70I г.: мчат) колесницу солнцу, носяще росу и зной, и егда повелить Господь Богъ снити на землю съ лучами солнечными." [46]

Иная, более доступная для понимания версия представлена в славянском переводе "Откровения Варуха": "и възѦть мѦ англъ сильныи приведе мѦ отнюдоуже слнце исходить. и показа ми колѣсницю огньноу кони же ти бѦхоу англи крилати. и на колесници сѣдѦше моужь носѦ вѣнець огненъ. гонѦше же колѣсницю англь ·М· и се птица велика зѣло лѣтающи верхоу. и рѣхъ азъ вароухъ къ аньгилоу что есть птица сиѢа. и реч/е/ ми англъ си птица ходить съ слнцмь и щитить огньный зракъ слнцю. аще бы Ѣаж/е/ облаци приемлють и дъждѦть землю. и ростеть плодъ члвкомъ. безоумьнии же глють Ѣако облаци сходѦть въ море и родѦть воды ты и от того дъждѦть. и реч(е) ми

анг҃ль оубо да не прельщаетьсѧ родъ чл҃вчь. всѧка бо вода морьскаꙗ солона есть. да аще бы г҃сь дъждилъ от неꙗ, не быша расли плоды по земли. разоумѣите же ꙗак/о/ от езера сего дъждѧть облаци." [47]

Упоминание в этом отрывке "езера сего", о котором в предшествующем тексте ничего не сказано, заставляет предполагать лакуну, которая и засвидетельствована греч. оригиналом "Откровения" в издании М.Р. Джеймса.[48] Для прояснения слав. текста приведём соответствующий фрагмент греч. оригинала (перевод мой-К.М.):"Когда же я узнал всё это от архангела, он, взяв меня, возвёл на четвёртое небо. И увидел я плоскую равнину, а в середине её озеро водное. И было на нём множество птиц всякого рода, однако не похожих на тех, что здесь. А видел я журавля величиной с большого быка, и все они огромные, превосходящие /величиной/ тех, что в нашем мире. И вопросил я ангела: "Что это за равнина, и что за озеро, и что за множество птиц вокруг него?" И ответил ангел: "Слушай, Варух: равнина эта объемлет собою озеро и другие чудеса - сюда-то и приходят души праведников, и живут здесь, беседуя и водя хороводы. А вода эта именно та, которую облака, воспринимая, изливают дождём на землю, и возрастают плоды." И снова вопросил я ангела Господня: "А птицы эти?" И сказал он мне: "Это те, кто непрестанно воспевают Господа." Исказал я: "Господин, а как же люди говорят, что из моря та вода, которая изливается дождём?" И сказал ангел: "Вода, дождимая от моря и земных вод - это одно, а та, что взращивает плоды - из этого /озера/. Узнай же, наконец, что из этого /озера/ происходит то, что зовётся "роса небесная". [49]

Из приведённого фрагмента очевидно, сколь сильной переработке подвергся при переводе на слав. язык греч. оригинал. В последнем гораздо подробнее разработан и сюжет о Фениксе.[50] Феникс (или, скажем осторожнее, огромная птица) бежит рядом с Солнцем и принимает на крылья жар лучей, из-за чего в конце дня крылья её никнут,

и сама она уменьшается в размерах. Имеется здесь и своеобразно истолкованный мотив червя (σκώληξ). Птица испражняется (ἀφοδεύει) червем, он превращается в киннамон, употребляемый царями и правителями в качестве благовония. Возгласом "Светодавец, дай свет миру" птица будит петухов на земле в тот момент, когда ангелы наряжают Солнце к восходу и отворяют 365 небесных врат.

Отметим также еще один интересный памятник - "Прение Панагиота с Азимитом",[51] имеющий общие черты с "Книгой Еноха" и с т.наз. "Венским Физиологом", греч. текст которого (Cod. Vindob. Theol. gr. № 128)[52] не нашёл отражения в слав. переводах "Физиолога". В "Прении..." содержится следующее повествование о Фениксе: "азимитъ рече. да како слнце истечетъ да сиѥаетъ; панагиоѳъ рече. вдаетъ хс стымъ аггломъ и облачатъ слнце. и абие грипсоси /греч. γρύφι/ огненни птище нбсныи. нарицаемїи финизи и халендри предлетають пред слнцемъ. и помочаютъ крилѣ свои по ·Ч· краты во акианстѣи водѣ и кропѧтъ крылома и погашаютъ слнце да не потопитъ лоучами весь миръ. и сгораютъ птицамъ перїа от огнѧ слнчнаго и бываютъ голи ѥако оскоблени. и паки егда заидетъ слнце. тогда сѧ коупаютъ тыи птица во акианѣ великои рѣцѣ и обновлѧютсѧ. и паки пернатѣютъ крила ихъ. того ради и петел проповѣдникъ именоуетсѧ. имать подъ своима крилами белег перце онѣхъ птицъ. да егда поидетъ слнце от запада к востоку. тогда посвербитъ петела о нозѣ перо. да егда двигнутъ аггли одеждоу от прстла. тогда сѧ чешетъ петелъ. и открывъ главоу пробоуждаетсѧ. и находѧтъ онемъ птицамъ сражденїѧ и плещетъ петелъ крилѣ свои и проповѣдоуетъ мирови воскрснїе. азимитъ рече. что глетъ первое петелъ; панагиоѳъ рече. глетъ Г-жды ПОИДИ СВѢТОДАВЧЕ. в дроугое глетъ хс живъ есть и всѧ свершаетъ ѥакоже и хощетъ. и тако петелъ не спитъ до свѣта."[53]

Как видим, в данном тексте воскресение Христа символизируется не образом Феникса, а восходом Солнца, тогда как функцию привет-

ственного пения, закреплённую в некоторых источниках за Фениксом (напр., в поэме Лактанция De ave phoenice),[54] перенимает петух. Далее, если в "Откровении Варуха" птица будит петухов возгласом в момент перед восходом солнца, то в "Прении..." связь несколько мистифицирована: у петуха в этот момент чешется перо на ноге (в греч. иначе: кровь щекочет подмышечную впадину), а Феникс отступает здесь на второй план и действенно не присутствует.

Помимо названных трансформаций сюжета, обращает на себя внимание также тот факт, что в двух из трёх приведённых текстов (кроме "Откровения Варуха") появляется двойник Феникса - птица Халкедрий. В "Прении..." обе птицы получают родовое обозначение "грипсоси" (в др. ред.: "грипси") - собственно от греч. γρύφ - "гриф, мифическая птица". Примечательно, что в "Физиологе" имеется глава о птице Харадрий - χαράδριος[55] (ред. А - гл. 3,[56] ред. Б (у Пс.-Епифания)- гл. XXШ[57]), причём трактовка Харадрия совпадает в обеих редакциях (в частности, он, как и Феникс, прообразует Христа). Из этого следует, что уже в Византии, достаточно рано, произошло сближение Феникса с Харадрием, в результате чего возникла традиция, совершенно отличная от "физиологической" (в последней с Фениксом и Харадрием связаны различные легенды).

Ещё одна загадка - определение Феникса и Халкедрия в "Прении..." как "грифов" - находит своё объяснение в этимологии греч. γρύφ. Оно, очевидно, представляет собой заимствование из евр. $k^e r\bar{u}\underline{b}$, множ. $k^e ru\underline{b}\bar{I}m$ - "херувим".[58] Отсюда, в Ветхом Завете находим несколько параллелей к символической паре Феникс - пальма. Ср. <u>херувима</u> у врат рая, охраняющего путь к <u>древу жизни</u> (Быт. Ш, 24), а также совместное изображение пальм (φοίνικες) и херувимов в храме Яхве (Иез. XII, I8-26). В "Книге Еноха" Феникс и Халкедрий "мчат колесницу солнцу", в Пс. ХУП, II: "/Яхве/ возсел

на херувимов и полетел". Наконец, Павсаний в "Описании Эллады" (I, 24, 56) со ссылкой на "Аримаспию" Аристея Проконнесского описывает грифов как "зверей, с телом льва и клювом орла"[59]- ср. в "Книге Еноха" о Фениксе и Халкедрии: "образи их львовь". В "Физиологе" гриф, благодаря своей двойственной природе, как и Феникс - символ Христа и воскресения. В византийских рукописях "Физиолога" два летящих рядом грифа интерпретируются как Дева Мария и архангел Михаил[60] - Феникс также мог выступать как символ непорочного зачатия.[61]

Что же касается Харадрия, то его имя восходит, вероятно, к др.-инд. Garuḍā - птица, на которой летает бог Вишну.[62]

Образ Феникса претерпел также определённое смешение с образом орла (в "Физиологе" глава об орле предваряет главу о Фениксе). По-видимому, это облегчалось тем, что орёл упоминается в Пс. 102, 5: "обновитьс/Ѧ/ Ꙗко орлѦ оуность твоꙖ". В связь с этой цитатой, а также с купанием в священном озере и поставлен сюжет об обновлении орла в обеих редакциях "Физиолога".[63] Много общего у орла из "Физиолога" и у Феникса в "Иероглифике" Гораполлона (I, 34 сл.; II, 57). Согласно Амвросию Медиоланскому, орёл воскресает из своих останков: aquila, cum fuerit mortua, ex suis reliquiis nascitur.[64] Имеются упоминания о том, что орёл, как и Феникс, живёт 500 лет, что позволило Ф.Лаухерту сделать вывод о влиянии легенды о Фениксе на образ орла.[65] Может быть, поэтому Феникс в средневековых изображениях имеет зачастую большое сходство с орлом.[66]

Все эти зыбкие, перетекающие один в другой, или, используя известный термин, "нейтрализующиеся" образы представляют собой функциональные варианты универсального символического инварианта - солнечной птицы. Ряд этих вариантов можно было бы продолжить на материале славянской и других культур: ср. сходные составляющие в образе Алконоста, предстающего в изображениях, кстати сказать, обычно вместе со своим двойником Сирином[67] (ср. пару Феникс/Халкедрий).

Можно вспомнить и Финиста русской сказки, и Жар-птицу, и китайского Феникса - птицу Фум, а также Фенг-хуанг.[68] Но это уже выходит за рамки избранной нами темы.

С образом солнечной птицы в мифологии связано дерево - в случае с Фениксом это пальма, представляющая собой вариант "универсального знакового комплекса" (УЗК) "мирового древа".[69] Тем обстоятельством, что инвариант "мировое древо" может реализоваться в вариантах "гора", "лестница", "храм (алтарь)", "дерево" а также другими объектами, маркирующими сакральный центр мира, и объясняется вариативность в описании смерти Феникса - на алтаре храма, в гнезде на вершине пальмы, на высокой скале или горе (см. выше).

Из всего сказанного следует, что образ Феникса в древнеславянской и древнерусской литературе не поддаётся интерпретации без учёта исторических особенностей его функционирования в предшествующие культурные эпохи. Легенда о Фениксе шла из Византии на Русь двумя путями. Первый путь проходил через "Физиолог" и ортодоксально-христианскую интерпретацию этого образа, второй - через греко-иудейскую апокалиптическую литературу и апокрифы. В Древней Руси (а также в других славянских регионах) сделались известными обе традиции, и каждая из них по-своему отразилась в литературных памятниках. В целом, однако, можно констатировать, что образ Феникса представляет собой заимствование, которое, по-видимому, не смогло прижиться и "процвести" в древнерусской литературе. Во всяком случае, нам неизвестны бесспорно самостоятельные трактовки этого сюжета, равно как и других легенд из "Физиолога".[70] Тем не менее, многие из рассмотренных текстов были весьма популярны на Руси.[71] Реконструированный нами сложный символический комплекс, связанный с образом Феникса, едва ли осознавался в то время во всех деталях. Однако, типология архаических типов сознания позволяет предполагать, что и в Древней Руси многие составляющие этого комплекса были усвоены на уровне мифопоэтических архетипов подсознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 A. Rusch. Phoinix. In: Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Hbbd.39, Stuttgart,1941, c.417, 419.
2 См. исчерпывающую монографию: J.Hubaux,M.Leroy. Le mythe du phénix dans les littératures grecque et latine.Liège,1939.
3 R.Syme. Tacitus. Oxford, 1958, vol.2, p.773-774.
4 Впервые у Климента Римского Ad Cor.I,25. О других авторах см. J.Hubaux, M.Leroy, op.cit., p.189.
5 Ср. у Тертуллиана Liber de resurrectione carnis,13. PL,2,857f.
6 В. Мочульский. Происхождение "Физиолога" и его начальные судьбы в литературах Востока и Запада. Варшава, 1889, с.13.
7 А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории "Физиолога". СПб., Изд. ОЛДП, 1890, с.5.
8 См. издания: F.Lauchert. Geschichte des Physiologus. Strassb., 1889, F.Sbordone.Physiologus,R.,1936Статья о Фениксе перепечатана у J.Hubaux, M.Leroy, XXXVIIIf,слав. пер.: А.Карнеев, цит. соч., с. 202-203; рус. пер.: В.Мочульский, цит. соч., с.42.
9 Другое издание - у Миня: PG, 43 (о Фениксе - col. 525-528).
10 А.Карнеев, цит. соч., с. 56-61.
11 Там же, с. 159.
12 Там же, с. 147.
13 См. Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н.С. Тихонравова. М., 1892, стлб. 85-87.
14 См. Толковая Палея 1477 г. Воспроизведение синодальной рукописи № 210. Вып. I. СПб., 1892, л. 22г-23в.
15 См. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI-начала XVII в. Л., Наука, 1975, с.216-217.
16 Издан в кн.: Сказания русского народа, собранные И.Сахаровым. Т.II, кн. 5, с.137-191, о Фениксе - с. 188-189.
17 А.Карнеев, цит. соч., с. 37, 210.
18 Там же, с. 210.
19 КДРС. Здесь представлена несколько иная версия легенды: Феникс сгорает не в храме на алтаре, но в собственном гнезде (то же у Клавдиана в стихотворении Phoenix , Лактанция, в Венском Физиологе (см. ниже)).
20 Перевод у А.Карнеева, цит. соч., с. III-XVI Приложения, о Фениксе - с. VI-VII.
21 Перевод там же, с. XXI-XXXIII, о Фениксе - с. XXV-XXVI.

22 Издан И. Сахаровым (см. прим. 16), с. 7-118, о Фениксе - с. 111-112.

23 А.Карнеев, цит. соч., с. XVII.

24 Палея Толковая по сп. ...1406 г., с. 85.

25 Очевидно, при составлении Толковой Палеи привлекались также источники, восходящие к Псевдо-Епифаниевой традиции.

26 Изданы в кн.: М.Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., Учпедгиз, 1960, с. 158-159.

27 Первоначально в легенде о Фениксе не было мотива самосожжения - новый Феникс нарождался из трупа отца. А. Руш считал, что здесь речь может идти только о трупном черве, который впоследствии был истолкован уже в рамках сюжета о самосожжении как зародыш будущего Феникса (A.Rusch, op.cit., 421).

28 М.Н. Сперанский, указ. соч., с. 155-156.

29 См. Шестоднев Георгия Пизида в славяно-русском переводе 1385 г. ПДП, т. 32, СПб., 1882, с. 34.

30 См. Лицевой букварь Кариона Истомина. Изд. И.Тарабрина. М., 1916, с. 42.

31 См. Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 27, 152.

32 См. Книга глаголемая Козмография, сложена от древних философ, преведена с римского языка. По сп. Хронографа Н.И. Егорова. (А.Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в Хронографы русской редакции. М., 1869, с. 459-476), с. 470.

33 См. например, G.W.H. Lampe. A Patristic Greek Lexicon. Oxf.1961, 1487. Между прочим, рационализирующее уточнение рассматриваемой цитаты имеется в "Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича..." (конец XIУ в.): "...во всемъ мірѣ славенъ бысть, яко кедръ въ Ливанѣ умножися и яко финикъ въ древесѣхъ процвѣте." (Соф. I Летопись) ПСРЛ, т.УI, СПб., 1853, с. 104.

34 В словаре Гезениуса выделены как омонимы, см.: Wilhelm Gesenius' Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. 17. Aufl., Leipzig, 1921, S. 658.

35 О.Н. Штейнберг. Еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого Завета. Т.I, Вильна, 1878, с. 390.

36 Отметим, что в др.-евр. языке некоторые усматривали омонимию в обозначении птицы Феникс (ḵōl) и песка (ḵōl) (W.Gesenius, op.cit., 218). Это затруднило перевод ст. 29,18 Книги Иова,где

сказано: "Я умру в своём гнезде (жилище), и дни мои будут обильны как песок (вар.: как дни Феникса). (См. J.Hubaux, M.Leroy, op.cit., p.49, 102).

37 A.Rusch, op.cit., 417.

38 J.Hubaux, M.Leroy, op.cit., 102. Между прочим, в культе Осириса, вытеснившем со временем культ Ра, наряду с птицей bnw фигурирует тамариск - дерево, растущее на могиле бога (A.Rusch, op.cit.,419). Словарь Эрну-Мейе предлагает для лат. tamarix, icis не очень убедительную этимологическую параллель: Tamarici - народ в Hispania Tarraconensis (A.Ernout et A.Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. T.2, Paris,1951,p.1193). Между тем, можно указать на сходство лат. корня tamaric- с др.-евр. tāmār "пальма Phoenix dactylifera", тем более, что ареал распространения обоих растений примерно один и тот же.

39 По Плинию Старшему, пальма так тесно связана с птицею, что умирает вместе с ней (Nat.Hist.XIII,4). Возможно, однако, что первоначально эта связь не была столь тесной (A.Rusch, op.cit.,419). С этим согласуется также тот факт, что пальма относительно поздно появляется в египетской традиции (там же).

40 M.R. Eisler. Weltenmantel und Himmelszelt, Bd.2,1910, S. 589. А.Руш упоминает в связи с птицей bnw лиственное дерево išd (op. cit.418), вошедшее в культ, возможно, в связи с заимствованием легенды о Фениксе и пальме.

41 E.Abel. Orphica. Leipzig,1885, fr.246. Ср. также Евсевия Кесарийского (со ссылкой на Дионисия Александрийского): PG, 21, col. 1276.

42 Так в одном астрологическом манускрипте БАН: см. Catalogus codicum astrologorum Graecorum. Codices rossicos descripsit M. A.F. Sangin, t. 12, Bruxelles, 1936, p. 107.

43 Ср. в Толкованиях на Псалмы Феодорита Киррского (о пальме φοῖνιξ): σκέπην ἱκανὴν τῷ κεκτημένῳ παρέχουσα (PG, 80, 1860,1621).

44 См. издания: М.Соколов. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. III. Славянская Книга Эноха. ЧОИДР, М., 1899, кн. 4 (191), с. I-112. Его же. Славянская Книга Еноха Праведного. ЧОИДР, М., 1910, кн. 4 (235), с. III-182, исследование - с. I-167. "Откровение Варуха" по рук. XV в.: Сб. ОРЯС, LVIII, № 4, 1895, с. 48-54. О славянских рукописях и изданиях обоих памятников см.: М.И. Соколов. Феникс в апокрифах об Енохе и Варухе. В кн.: Новый сборник статей по славяноведению в ч...

В.И. Ламанского. СПб., I905, с. 395-405.

45 ЧОИДР, М., I899, кн.4 (I9I), с. I0-II, I3.

46 Там же, с. 86.

47 Сб. ОРЯС, LУШ, № 4, 1895, с. 5I-52.

48 Apocrypha anecdota II. Ed. by M.R. James. In: Texts and studies contributions to biblical and patristic literature ed. by J.A. Robinson. Vol. V, N 1, Cambridge, 1897, p. 84-94.

49 Там же, с. 9I-92.

50 Там же, с. 88-90.

5I Греч. оригинал относится ко времени Лионского собора (I274 г.). Слав. перевод XIУ в. опубликован в кн.: А.Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. М., I875.

52 Опубликован F. Sbordone. La fenice nel culto di Helios. Rivista indo-greco-italica, XIX, 1935, 1-2, о Фениксе - p. 28.

53 Текст приведён по 2й ред., см. А.Н. Попов, указ. соч., с. 27I-272; а также ЧОИДР, I9I0, кн. 4 (235), с. I42. Не касаясь черт сходства "Прения..." с "Книгой Еноха" (об этом см. "Материалы и заметки..." М.Соколова), отметим его существенное сходство с Венским Физиологом в рассказе о погружении Феникса в океан. Правда, мотивировка этого различна: в Венском кодексе Феникс опускается в океанскую воду, будучи не в силах вынести жара лучей (μὴ φέρων ὁ φοῖνιξ τὴν θερμότητα τοῦ πυρὸς τοῦ ἡλίου).

54 Её русский перевод, выполненный нами размером латинского подлинника, появится в скором времени в "Вестнике древней истории".

55 Варианты слав. перевода: харадръ, халадреи, халендрии, хальке-дрии. Ср. "харадръ" - в "Сказаниях русского народа" И.Сахарова, с. I89 (см. прим. I6).

56 А. Карнеев, цит. соч., с. I79-I85.

57 PG, 43, col. 532.

58 Заметим, что этимология эта не бесспорна, хотя и весьма вероятна. Ещё В.Гезениус не был уверен в её правильности и предпочёл констатировать заимствование из акк. kāribu "благословляющий, молящийся" (op.cit., S.362). Фр. Делич отверг идею о связи γρύψ с k^erūb в пользу и.-е. grabh- "хватать" (Fr.Delitzsch. Wo lag das Paradies? Leipzig,1881, S.151), но Х.Леви вновь поддержал семитскую этимологию этого слова (H.Lewy. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen, Berlin,1895, 12). Х.Фриск воздержался от однозначного выбора, перечислив различные точки зрения на про-

блему (H.Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd.I., Lief. 4, Heidelberg, S.329). П.Шантрен удовлетворяется приведёнными у Фриска и.-е. соответствиями: англосакс. crumb , д.-в.-н. krump "загнутый, кривой", и сближает γρύφ с греч. γρῦπός (P.Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T.I, Paris, 1968, p.239). В работе Эмилии Массон (E. Masson. Recherches sur les plus anciens emprunts sémitiques en Grec. Paris, 1967) γρύφ не упоминается. Наконец, к семитским параллелям k^erūb и kāribu возвращается Б.Хеммердингер (B.Hemmerdinger. De la Méconnaissance de Quelques Etymologies Grecques. Glotta, XLVIII. Bd., Hf. 1-2, Göttingen, 1970, S. 51).

59 И.Корсунский. Перевод LXX . Его значение в истории греческого языка и словесности. Св.-Троицкая Серг. Лавра, 1898, с. 303. Ср. иконографию грифа - птица огромной величины с головой орла и телом льва (Lexicon der Christlichen Iconographie. Hrsg. von E.Kirschbaum. Bd.II., Rom - Freiburg - Basel - Wien, 1970, S. 202) , а также изображение на вазе Франсуа (МНМ, I, 336).

60 Lexicon der Christlichen Iconographie, Bd. II., S. 202.

61 A.Rusch, op. cit., 422.

62 M.R. James, op. cit., p. LXVI.

63 А.Карнеев, цит.соч., с. 196-202, ср. также PG, 43, col. 524.

64 De poenitentia, II, 2, 8. PL, 16, col. 519.

65 Fr.Lauchert. Geschichte des Physiologus. Strassburg, 1889, S. 9, Anm. 3.

66 Lexicon der Christlichen Iconographie, Bd. III, 1971, S.430-432.

67 МНМ, I,60.

68 G. Jobes. Dictionary of Mythologie Folklore and Symbols. New York, 1962, Part 1, 559,617. Следует, впрочем, осторожно использовать в работе этот словарь ввиду совершенно фантастических этимологий, зачастую предлагаемых автором даже без ссылок на литературу.

69 В.Н. Топоров. Первобытные представления о мире (общий взгляд). В кн.: Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., Наука, 1982, с. 26 сл. Ср. также бронзовое изображение дерева, где вместо птицы в ветвях - солнечное колесо в виде лотоса (Индия, XIУ-ХУI вв.) (МНМ, I, 399). О Жар-птице как одном из вариантов солнечной птицы см. Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Славянские языковые моделирующие семиотические системы,

М., Наука, 1965, с. 141.

70 А.Карнеев, цит.соч., с. 160. С Фениксом, безусловно, связано имя Финиста - героя русской сказки, но этот фольклорный сюжет остаётся за пределами собственно литературной интерпретации образа. Иначе, по-видимому, и не могло быть ввиду ориентации древнерусской литературы на воспроизводство нормативных текстов. Фольклор был гораздо менее скован в своих творческих потенциях.

71 Так, "Физиолог" сохранился только в русских списках (А.Карнеев, цит. соч., с. 159).

А.М.Молдован

Проложная редакция "Жития Андрея Юродивого"

"Житие Андрея Юродивого" (ЖАЮ) принадлежит к числу произведений, известность и авторитет которых в православном мире не ослабевали с момента их создания и удерживались до новейшего времени[1].

Согласно содержащейся в конце этой книги записи, она была написана современником Андрея и его другом, пресвитером константинопольского Софийского собора Никифором.

Справедливо отмечалось, что "ЖАЮ нельзя назвать житием в подлинном смысле слова: жизнеописательного в нем очень мало"[2]. Сочинение построено как цикл, включающий около 100 рассказов[3], по преимуществу нравоучительного содержания. В нем повествуется в жизни купленного и воспитанного константинопольским вельможей Феогностом молодого раба Андрея, отказавшегося от блестящей карьеры и избравшего подвиг юродства Христа ради; о его делах, видениях, чудесах и пророчествах; о его друге знатного рода, молодом монахе Епифании, впоследствии ставшем Константинопольским патриархом; о различных других персонажах и событиях константинопольской жизни. Значительную часть ЖАЮ составляют так называемые Епифаниевы вопросы и ответы блаженного Андрея, касающиеся мирового устройства, разнообразных явлений природы и содержащие толкования Священного Писания, эсхатологические предсказания и др.

Наибольшее распространение у восточных славян получил древнейший перевод ЖАЮ, выполненный, очевидно, в Древней Руси не позднее начала XII в. Сохранилось около 110 полных списков (в том числе более 70-ти отдельных книг) и свыше 100 фрагментов этого перевода. Наиболее ранний из них занимает два столбца в "Изборнике Святослава" 1073 г. (л. 127в-г), куда он был вписан на свободное простран-

ство во второй четверти XIII в. Древнейшая рукопись этого перевода ЖАЮ (ЦГАДА, Тип. 182) датируется концом XIУ в.[4]

Причиной особой популярности ЖАЮ на Руси была не только необыкновенная занимательность его содержания и не только тот факт, что в этом переводе Андрей представлен как славянин (так переведено греческое Σκύθης [5]), а в более поздних списках даже как русин[6] и даже новгородец[7]. Особое значение для книги имело заключенное в ней свидетельство о явлении Богоматери святому Андрею и Епифанию в константинопольском Влахернском храме, на основании которого был установлен на Руси праздник Покрова Богородицы[8].

Для определения места, где был осуществлен древнейший перевод ЖАЮ (основанный, кстати сказать, на наиболее полной версии греческого текста), показательно, что почти все многочисленные списки этого перевода относятся к восточнославянской области[9].

Напротив, второй полный перевод ЖАЮ, сделанный не позднее XIУ в. у южных славян, остался на Руси практически неизвестным: среди восьми сохранившихся списков этого перевода нам удалось обнаружить только один русский список (ГПБ, Соф. 1286, XУI в.).

В южнославянских рукописях встречаются разнообразные краткие варианты ЖАЮ. Один из них - "Избрание мало отъ житїа с҃тго о҃ца нашего Андреа ₰родиваго Х҃са ради, имѣюще҆ вьпросы с҃тго Епифанїа сь ѿвѣтми с҃тго Андреа полезно ѕѣло"[10] - судя по особенностям его содержания и языка, не мог быть сделан на основе известных славянских текстов ЖАЮ и, вероятно, представляет собой перевод греческой сокращенной редакции. В настоящее время известно 6 списков этого текста, в том числе 3 списка XIУ в. Древнейший из них содержится в сборнике попа Филиппа 1345 г. (ГИМ, Син. 38), включающем "Хронику" Константина Манассии[11].

Другой вариант, озаглавленный "Отъ житїа с҃тго Андрѣ҆а, иже Х҃са

ради оуродиваго", является простой выборкой из полного жития, включающей 6 рассказов. Несмотря на тождество содержания, эти рассказы значительно отличаются по языку от обоих полных переводов и, наверное, были самостоятельно переведены вместе с другими рассказами в составе содержащего их сборника. Удалось обнаружить 14 списков этого перевода, в том числе 5 списков XIУ в.

Рукописная традиция этих двух вариантов ЖАЮ, по-видимому, как-то связана с историей "Сводного патерика", поскольку большая часть списков этих текстов присутствует в составе рукописей со "Сводным патериком".

Третий вариант, представляющий собой самостоятельный перевод из заключительной эсхатологической части ЖАЮ, был издан Л.Ковачевичем как "некий апокриф, весьма похожий на слово Мефодия Патарского"[12] по сгоревшей впоследствии (во время второй мировой войны) рукописи Белградской народной библиотеки № 328(513), конца XIУ в.[13], включавшей "Хронику" Георгия Амартола. Текст имел название: "Вьпрось Епифаниꙗ, нареченнаа вь мниш'цѣмь чиноу Еутихїи, и быв'шом патрїархоу Кꙍстандина града, кь ꙍсвештен'номоу Ан'дрею за Христа оуродиваго и всако боуиство ꙍвьштавша ꙍ Кон'стан'динѣ градѣ".

Особый перевод представляет также выборка из ЖАЮ, включающая 6 рассказов, переписанных в качестве прибавлений к сочинениям Симеона Нового Богослова и "Поучениям" аввы Дорофея в рукописи ГБЛ, МДА 154, ХУ в. Общего заглавия в списке нет, начальный рассказ озаглавлен: "Слово Андреево о томь, како взѧть бысть на высоты небесныѧ и на тверди, и егда видѣ кресты и Господу славы престолу поклонисѧ, и еже рече ему три слова".

Мозаичность композиции ЖАЮ, легко разделяющегося на отдельные рассказы и эпизоды, привлекала к нему внимание как к удобному источнику для составления различных сборников. Можно указать десятки,

а, возможно, и сотни сборных по содержанию рукописей, в которых встречаются отдельные рассказы или фрагменты из ЖАЮ[14].

Особую рукописную традицию имели рассказы из ЖАЮ, вошедшие в состав "Пролога". В соответствии с днем памяти Андрея Юродивого (2 октября), фрагменты из ЖАЮ размещены в "Прологе"[15] среди чтений на октябрь. Семь статей из ЖАЮ представлены уже в первой (краткой) редакции "Пролога", сформировавшейся не позднее середины XII в.[16].

ЖАЮ	"Пролог" краткой редакции
"Житїе иже въ свѧтыихъ отца нашего Ан҃дрѣа оуродиваго Христа ради, иже въ Цариграде"[17]	2 октября: "Слово о святѣмь Ан҃дрѣи, како сѧ емоу створи Христа ради похабьство" (Жизнь Андрея в доме Феогноста. Сон. Призвание).
(без заглавия)	3 октября: "Слово о свѧтѣмъ Андрѣи оуродивѣмъ" (Раздрание одежд. Молитва в церкви Анастасии. Избиение бесов).
(без заглавия)	4 октября: "Слово о томъ же Андрѣи, како въ привидѣнїи глагола емоу Христосъ о оуродьствѣ и о вѣчнѣи жизни" (Вкушение сладкой и горькой снеди).
"О тати гробнѣмъ"	5 октября: "Слово святого Андрѣа о тати гробнѣмъ".
"О Рафаилѣ"	8 октября: "Свѧтого Андрѣа о Дьяконѣ Рафаилѣ".
"О блудницахъ"	12 октября: "Слово о милостыни святаго Андрѣа".

"О видевшем свѧтого суща столпа огнена"	16 октября: "Слово о свѧтѣмъ Андрѣи, како молѧшесѧ Господеви за творѧщихъ ему пакости и како видѣ раи".

Наличие этих статей во всех древнейших списках "Пролога"[18] позволяет считать, что они были одновременно включены в "Пролог" на самом раннем этапе его формирования. Вместе с ними в "Пролог" было введено под 1 октября и "Слово на Покров Пресвѧтыѧ Богородицы", написанное на основе содержащегося в ЖАЮ рассказа о видении покрова Богородицы.

Текстологические данные однозначно указывают на то, что все проложные статьи об Андрее Юродивом восходят к древнерусскому полному переводу ЖАЮ (в частности, в "Прологе" сохранено указание на то, что Андрей был "славянин родом").

Статьи об Андрее имеют в "Прологе" обычный для этого жанра объем - от одного до четырех-пяти столбцов. При этом величина статьи не зависит от размеров исходного текста ЖАЮ. Так, пять из семи статей краткой редакции, посвященные собственно жизнеописанию Андрея (статьи под 2, 3, 4, 12 и 16 октября) в совокупности сокращены по сравнению с соответствующим текстом ЖАЮ приблизительно в два-три раза. А небольшие статьи о гробном тате (5 октября) и о диаконе Рафаиле (8 октября) по существу являются прямыми списками соответствующих рассказов из ЖАЮ, что, кстати сказать, делает их полезным источником для определения аутентичного текста ЖАЮ.

За пределами выбора составителей "Пролога" в ЖАЮ осталось множество коротких рассказов, которые не потребовали бы сокращения до объема проложной статьи. Целью составителей было донести до читателей не столько занимательную сторону ЖАЮ, сколько присущий этому произведению напряженный нравственный пафос.

В результате переработки сходного текста ЖАЮ были созданы по существу новые самостоятельные произведения[19]. Указание на жанр этих произведений содержится в их заглавиях, приписанных при включении их в "Пролог": "Слово (о) ..."

Частично изменена последовательность изложения событий. Рассказываемый в "Прологе" эпизод об испытании Андрея блудницами помещен под 12 октября после статьи о диаконе Рафаиле (8 октября). Между тем в ЖАЮ рассказ о блудницах находится в самом начале, а рассказ о диаконе Рафаиле – в середине текста.

Сопоставление проложных статей об Андрее Юродивом с текстом ЖАЮ позволяет выявить направления и приемы работы авторов "Пролога", жанрово=стилистические и языковые особенности проложных статей.

Большая начальная часть ЖАЮ, в которой содержатся биографические сведения об Андрее, не могла быть сокращена без ущерба для содержания. Поэтому редактор прежде всего разделил ее на три части и разместил в "Прологе", перемежая их другими статьями, под 2, 3 и 4 октября. А для того, чтобы вторая и третья часть не потеряли связи с первой, перед началом их вставлены связующие слова: (3 октября) "По ꙗвлении же первемъ..."; (4 октября) "По ꙗвлении свѧтаго Иоанна Богослов'ца и по глаголании его съ нимъ и по мучении онѣхъ бѣсовъ..."

Сокращение исходного текста до необходимых размеров проложной статьи достигалось прежде всего отказом от второстепенных, менее информативных или избыточных элементов – слов, словосочетаний, предложений и целых отрывков. Ср.:

ЖАЮ	"Пролог"
бѣ нѣк'то моужь	быс моужь
єдинъ нѣкто старець	ѥдинъ старець
воста со одра своего, да сѧ помолить	въста на млтвоу

видѣвъ бывшее Андрѣеви, оудивисѧ. оставивъ же водоносъ, шедъ повѣда господиноу своемоу	видѣ бывшее Андреови, и шьдъ повѣда гс҃ноу своемоу
видѣ и се пѧть женъ очивѣсть прїидоша тоу	и се ·е҃· женъ придоша тоу
призва его царь полатъ тѣхъ къ себѣ	призвавъ его царь къ себѣ
въ церковь внидоша кланѧнїа дѣлѧ	въ церковь внидоша.

Последовательно сокращаются изобразительные элементы текста. Ср.:

ЖАЮ	"Пролог"
Чрезъ день же весь праведникъ творѧсѧ несмысленъ, словеса глаголаше, ѥко же похабъ. В тоу же нощь плакатисѧ нача на сердци своемь, кланѧѧсѧ, молѧсѧ моученици Христови.	Въ днь ѥко неистовъ сѧ творѧше, въ нощь же бес престани молѧшетьсѧ ст҃ѣи Анастасии.
Миноув'ше же прочаѧ (больных), прїидоша и къ томоу (Андрею), да преже старець ста, а отъ него свѧтыа оны жены. Зрѧше на нь старець онъ беспрестани очима, сладко нѣчто оулысноусѧ къ немоу, нѣчто добро о немъ промышлѧ, рече же къ женѣ пѧтѣи, къ свѣтлѣишеи, играѧ: госпоже Анастасїе, не лѣкоуеши ли нѣчтоже зде?	Придоша къ Андрѣѥви. И рече старець онъ къ Настасии: не врачюѥши ли сде ничтоже?

Стремясь передать нравоучительный смысл рассказа, редактор настолько свободно обращается с текстом, что нередко пренебрегает сюжетной адекватностью. Так, в рассказе о призвании Андрея в ЖАЮ Христос дает Андрею сначала сладкую снедь, потом горькую и говорит, что горькая - это горести и мучения, которые должен претерпеть христианин, а сладкая - покой и утешение, которые даются страждущим. И в жизни они перемежаются: сладкое сменяется горьким и наоборот. А в проложной редакции (статья под 4 октября) Христос дает Андрею сначала горькую снедь, а потом сладкую и произносит совсем другие слова:

ЖАЮ	"Пролог"
(О горькой снеди:) "Се есть скорбнаго поути образъ"	"То есть поуть скорбныи работающихъ мнѣ в мирѣ семъ"
(О сладкой снеди:) "Въ слад'цѣмъ и добрѣишемъ бываеть хладъ и покои и оутешение страждоущимъ менѣ дѣлѧ"	"Тако ти есть пища работающимъ мнѣ и тер'пѣв'шимъ моужескы до кон'ца и ꙗко же и ты нареченъ, моужескы свер'ши, вмалѣ бо пострадати, а въ вѣкы въ вѣчнѣи жизни пребывати. -

В сюжете о блудницах в ЖАЮ рассказывается о том, как одна из блудниц втащила проходившего мимо Андрея в блудный храм, где окружившие его другие блудницы стали спрашивать его, смеясь: "Како сѧ сътворило тебе се (т.е. юродство)?" - и склоняли его к блуду. Видя, что затея не удается, они оставили было его в покое, тем более, что Андрей, приметив в комнате невидимого для них блудного беса, стал плеваться. В свою очередь бес, досадуя, что совратить Андрея не удалось, начал ругаться, чем вызвал смех у Андрея. Тогда

рассерженные его поведением блудницы стащили с него хорошую одежду и, продав ее, устроили себе пирушку, а на Андрея нацепили рогожу и вытолкали из храма.

В проложной редакции мотив совращения отсутствует, и разговор с блудницами происходит не внутри храма, а около него. При этом появляется прямая речь, которой нет в оригинале. На вопрос блудниц: "Что ради свои ноздри крыеши и сице плюеши?" - Андрей отвечает: "Азъ вижю блоуднаго бѣса, иже вами ѡбладаеть, ако злосмрадною ѡдеждею ѡдень, и того ради не могу смрада ѡбон҃яти". После этого блудницы сдирают с него одежду и, дав рогожу, прогоняют.

В связи с жанровой переориентацией исходного текста ЖАЮ в проложной редакции осуществлена языковая переориентация. Прежде всего, упрощается синтаксис и, в частности, устраняются элементы, непосредственно калькирующие в ЖАЮ греческий оригинал, в частности:

ЖАЮ	"Пролог"
старець, славою многою славимъ (δόξῃ πολλῇ κλειζόμενος)	старець пресвѣтьлъ
на свои же оумъ пакы нашедъ (εἰς ἑαυτὸν οὖν γεγονὼς πίπτει)	очютив сѧ отъ сна
возрѣвъ емоу на лице (εἰς τὴς αυτοῦ ὄψιν)	възрѣвъ на нь
рече къ немоу (πρὸς αὐτόν)	рече емоу

Проведены лексические и словообразовательные замены в соответствии с лексическим узусом, сложившимся в рамках проложного жанра. Обращает на себя внимание определенная "русификация" лексики. Ср.:

ЖАЮ	"Пролог"
восхыщаше	похытахоу
образъ	лице
исповѣда	повѣда
избивають	побивають
на выю	на шию
кладѧзь	стоуденець
амафоръ	коузнь

Редкие или экспрессивные слова, представляющие в ЖАЮ особый интерес, заменены на более известные и нейтральные в стилистическом отношении, в частности:

ЖАЮ	"Пролог"
тош'тотина[20]	скверньнаѧ
дѣмонъ, дѣмоньскыи	ди-аволъ, ди-авольскыи
блискающисѧ	блистающисѧ
дѣлѧ	ради
оустрашисѧ	боисѧ
вѣнчевають	вѣнчають
похабъ	оуродъ
бѣшенъ	нѣистовъ
боль (ἀσθενής)	недоужьныи
из'гнильи старець (о бесе)	ветъхыи синець

Некоторые грамматические замены, представленные во всех древнейших списках "Пролога" и, вероятно, восходящие к его протографу ("реклъ" вместо " есть реклъ", "бысть" вместо "было есть", "блистающьсѧ" вместо "блиста-асѧ" и др.), связаны с эволюцией языковой нормы и тем самым свидетельствуют о хронологической отдаленности проложной редакции от протографа ЖАЮ. Это дает определенные основания относить перевод ЖАЮ к XI в.

При создании в XIII в. второй, пространной редакции "Пролога" в состав октябрьских чтений были добавлены еще 4 статьи из ЖАЮ:

ЖАЮ	"Пролог" пространной редакции
(без заглавия)	6 октября: "Слово отъ житїа свѧтого Андрѣа и Епифанїа" (Исповедь демона о грехах человеческих)
"Поученїе свѧтого о душахъ"	7 октября: "Пооученїе свѧтаго Андрѣѧ къ свѧтомоу Епифанїю о доушахъ человѣческыхъ"
(I) "Видѣнїе богатаго оумерша"	I5 октября: "Слово о свѧтемъ Андрѣи, како видѣ богатаго оумерша".
(2) "О повѣсти ангеловъ"	
(3) "Молитва свѧтаго за оумершаго"	
"О кнѧзи, емоуже мерзѧше свѧтець"	25 октября: "Слово свѧтаго Андрѣѧ иже Христа ради оуродиваго, о нѣкоемь блудницѣ оумершемъ"

Редактирование текста ЖАЮ на этом этапе осуществлялось в принципе так же, как и при составлении краткой редакции. Фрагмент из ЖАЮ, помещенный под 7 октября, ввиду небольшого объема, не редактировался, сохранилось даже его заглавие, включая указание на жанр ("поучение"). Статья об умершем богаче, помещенная в этой редакции под I5 октября, охватывает текст трех глав, имеющих в ЖАЮ самостоятельные заглавия (в "Прологе" они сняты).

Таким образом, всего в "Прологе" пространной редакции представлено II статей, написанных на материале ЖАЮ. Объем исходного материала, переработанного для "Пролога", составляет приблизительно I/7 часть или I5% общего объема ЖАЮ.

Поскольку проложные статьи об Андрее основаны на древнейшем тексте не дошедшего до нас списка ЖАЮ и при этом они сами сохранились в составе достаточно ранних (XШ-XIУ вв.) списков "Пролога", имевших самостоятельную, не зависящую от списков ЖАЮ рукописную традицию, текстологическое изучение этих статей способствует прояснению истории ЖАЮ, позволяет уточнить чтения, относящиеся к протографу памятника, и документировать аутентичные особенности его языка.

Примечания

I О популярности памятника говорит значительное количество (более 50-ти) дошедших до нас греческих его списков, относящихся к периоду с X по XIX в. и представляющих различные его редакции (См.: Murrey S. A Study of the Life of Andreas the Fool for the Sake of Christ. Borna-Leipzig, 1910; Halkin F. Bibliotheka hagiographica graeca. 3-me ed. Bruxelles, 1957. T.1. P.35-37; Ehrhard A. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. 1952. Bd.3. S. 762, 948-950, 980). Число известных списков нескольких славянских переводов ЖАЮ и извлечений из него достигает 240 (не считая списков широко распространенной проложной редакции).

2 Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Т. Ш, № 81-90 // Сб. ОРЯС. 1880. Т. 20, № 4. С. 156.

3 Это число приблизительно, поскольку границы между отдельными эпизодами не всегда могут быть установлены с достаточной определенностью. В древнейшем славянском переводе заголовками выделено только 55 рассказов, а издатель греческого текста болландист

Конрад Яннинг, напротив, разделил его на 245 эпизодов (См.: Migne I.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. Paris, 1863. Vol. 111. P. 621-888).

4 Каталог славяно=русских рукописных книг XI-XIУ вв., хранящихся в ЦГАДА СССР/ Сост. О.А.Князевская, Н.С.Коваль, О.Е.Кошелева, Л.В.Мошкова. М., 1988. Ч. 2. С. 169.

5 Аналогичный пример такого перевода представляют некоторые рукописи Апостола (См.: Mareš F. Byzantský názor o totožnosti Slovanů a Skythů na staré Rusi // Vznik a počátky Slovanů. Praha, 1958. II. S. 7-12; Он же. Z badań nad staro-cerkiewno-słowiańskim tekstem Apostoła // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Językoznawcze. 1960. Z.3 (Filologia. Z.6), nr.24. Pag.275-277; Он же: Раннее свидетельство теории о скифском происхождении славян на Руси и на Балканах // Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1984-1985. VIII-IX. С.37-47).

6 Рукопись Народного дома во Львове № 6. Сборник житий. 1612 г.

7 Ср. читательскую приписку ХУП-ХУШ вв. на поле рукописи ГПБ. Q.I.340 ("Житие Андрея Юродивого". ХУП в.), относящуюся к словам "словѣнина родом": "новгородца із Русиі сѣвѣрнои".

8 См.: Сергий, архиеп. Владимирский. Святой Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова Пресвятой Богородицы //"Странник". 1898. Вып. 9-12. С. 3-33, 193-214, 393-425, 605-652.

9 М.Н.Сперанский, которому этот перевод не встретился ни в одной из просмотренных им древних южнославянских рукописей, высказывал предположение, что "этот старый русский перевод долгое время оставался неизвестным на юге славянства" (Сперанский М.Н. Из истории русско=славянских литературных связей. М., 1960. С. 95). Однако недавно А.А.Туриловым был обнаружен фрагмент этого перевода (глава "О Цариградѣ") в сербской рукописи XIУ в. (БАН, 24.4.23).

10 Текст издан Л.Стояновичем по списку XVII в. (См.: Стојановић Љ. Неколико рукописа из Бечке царске библиотеке // Гласник Српског ученаг друштва. Београд, 1885. Књ. 63. С. 41-73).

11 См.: Радченко К.Ф. Отчет о занятиях рукописями в библиотеках и других ученых учреждениях Москвы и С.-Петербурга в течение сентября и октября 1896 года. Киев, 1898. С. 3-20.

12 Kovačević Ljub. Nekoliko priloga staroj srpskoj književnosti // Starine. Zagreb. 1878. Knj.10. S. 284-293.

13 Л.Ковачевич ошибочно датировал рукопись кон. XV-нач. XVI в. См.: Сперанский М.Н. Указ. соч. С. 96; Богдановић Д. Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI-XVII века). Београд. 1982. С. 191.

14 Определить точное количество этих списков сейчас невозможно, так как содержание сборников при каталогизации обычно не расписывается.

15 Для данной заметки были использованы древнейшие пергаменные списки "Пролога": ГПБ, Соф. 1324, ГИМ, Хлуд. 187, ЦГАДА, Тип. 154, Тип. 155, Тип. 156, Тип. 158, Тип. 160, Тип. 164, Тип. 153.

16 См. статью Е.Ф.Фет о "Прологе" в "Словаре книжников и книжности Древней Руси. Вып. I: XI - первая половина XIV в." (Л., 1987. С. 376-381. С библиогр.).

17 Таково общее заглавие ЖАЮ, значительно варьирующееся в списках, далее в полном переводе текст следует без подзаголовка.

18 Отсутствие статьи под 2 октября в "Лобковском Прологе" (ГИМ, Хлуд. 187) объясняется, судя по всему, лакуной в антиграфе этой рукописи.

19 О проложных житиях как особой разновидности агиографического жанра см.: Сазонова Л.И. Проложное изложение как литературная

форма // Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978. С. 36-53. См. также: Повесть о Варлааме и Иоасафе / Подготовка текста, исслед. и коммент. И.Н.Лебедевой. Л., 1985. С. 70-89.

20 В греч. τὰ σέλη - разновидность бобовых.

А.Л.НИКИТИН

О КУПЧЕЙ НА "ЗЕМЛЮ БОЯНЮ"

В № 3 журнала "Вопросы истории" за 1964 г. было опубликовано сообщение архитектора-реставратора С.А.Высоцкого из Киева о находке им в Апостольском приделе киевской Софии граффито с текстом купчей, в которой речь шла о "земле Бояновой". [1] Позднее, без каких-либо дополнений, эта публикация вошла в первый выпуск свода древнерусских надписей киевской Софии, осуществленного тем же автором. [2] Вот этот текст:

"М(С)ЦЯ ЕНАРЯ ВЪ Л̅ СТГО ИП(ОЛ)ИТА КРИЛА ЗЕМЛЮ КНЯГЫНИ БОЯНЮ ВСЕВОЛОЖАА ПЕРЕДЪ СТОЮ СОФИЕЮ ПЕРЕДЪ ПОПЫ А ТУ БЫЛЪ ПОПИНЪ ЯКИМЪ ДЪМИЛО ПАТЕЛЕИ СТИПЪКО МИХАЛЬКО НЕЖЬНОВИЧ МИХЛ ДАНИЛО МАРКО СЬМЪЮНЪ МИХАЛ ЕЛИСАВИНИЧЪ ИВАНЪ ЯНЬЧИНЪ ТУДОР ТОУБЫНОВЪ ИЛЬЯ КОПЫЛОВИЧЪ ТУДОРЪ БЪРЗЯТИЧЬ А ПЕРЕДЪ ТИМИ ПОСЛУХЫ КУПИ ЗЕМЛЮ КНЯГЫНИ БОЯНЮ ВЬСЮ А ВЪДАЛА НА НЕИ СЕМЬДЕСЯТЪ ГРИВЪНЪ СОБОЛИИ А ВЪ ТОМЬ ДРАНИЦЬ СЕМЬСЪТУ ГРИВЬНЪ"

С.А.Высоцкий перевел его следующим образом:

"Месяца января в 30, на святого Ипполита, купила землю Боянову княгиня Всеволодова, перед святою Софией, перед попами, а тут были: попин Яким Домило, Пателей Стипко, Михалько Неженович, Михаил, Данило, Марко, Семьюн, Михал Елисавинич, Иван Янчин, Тудор Тубинов, Илья Копылович, Тудор Борзятич; а перед этими свидетелями купила княгиня землю Боянову всю, а дала за нее семьдесят гривен собольих, а в этом (заключается) часть семисот гривен". [3]

Отсылая интересующихся к первоисточнику, напомню лишь основные выводы первооткрывателя. Изучение палеографических особенностей надписи привело Высоцкого к выводу, что наиболее вероятным временем ее возникновения является вторая половина XII в., хотя написание отдельных букв характерно и для второй половины XI в. Поскольку преобладающее количество аналогий указывало, как полагал Высоцкий, на XII в., то решающим аргументом в пользу третьей четверти

этого столетия стало упоминание "княгини Всеволодовой", которую автор отождествил с Марией Мстиславной, вдовой князя Всеволода Ольговича, умершей в 1179 г., чье имя известно по Густынской летописи. Подтверждение такому решению он находил и в других именах, содержащихся в тексте. Так одного из "Тудоров" он полагал "Тудором, тиуном вышгородским", одного из Михаилов - "митрополитом киевским", "попа Семьюня" -"духовником киевского князя Ростислава Мстиславича", а "попина Якима Домило" - ставленником Всеволода Ольговича, туровским епископом Акимом, "имя которого читается в летописи (Ипатьевской. - А.Н.) под 1144 и 1146 гг." [4]

Далее, Высоцкий специально останавливался на рассмотрении слова "драниць" (винит. падеж мн. числа), до этого не известного в памятниках древней письменности. Отказавшись от грамматически точного прочтения всей фразы и опираясь на фиксируемое надписью соотношение 70 и 700 гривен как 1:10, исследователь пришел к заключению, что речь идет об уплате церковной десятины от сделки соболями. [5]

Что касается Бояна, то, упомянув о бытовании такого имени на Руси, Высоцкий допускал, что продаваемая земля могла когда-то принадлежать поэту XI в., известному из "Слова о полку Игореве", хотя "ко времени написания граффито Бояна уже не было в живых, но память о нем и местах, связанных с его именем, могла сохраняться в народе." [6]

В.П.Адрианова-Перетц, в одной из своих работ остановившаяся на находке Высоцкого, полностью приняла такую интерпретацию текста, пополнив и развив аргументацию исследователя. По ее мнению определение "Якима Домило" "попином" связано с тем, что после сведения туровского епископа Акима с кафедры в 1146 г. он был "уже не епископ, но и не простой поп", поэтому его именовали "только по происхождению: "попин" - из попов". Она считала вполне вероятным,

что речь идет о земле того самого Бояна, которого вспоминал автор "Слова о полку Игореве", и видела в нем "гусляра в колпаке, в длинной вышитой рубахе", которого "богато одаряли, и что среди этих даров были и земли, которые потомки продали в семью князей-покровителей их знаменитого предка". [7]

Более внимательно к находке С.А.Высоцкого подошел Б.А.Рыбаков. Опираясь на палеографию, историк категорически отверг датировку первооткрывателя, указав на черты, характерные для второй половины XI в., а точнее - для его последней четверти. Еще более важным для определения даты и понимания текста оказались его наблюдения над именами свидетелей с "женскими" отчествами - Михаила Елисавинича и Ивана Янчина. Первого из них Высоцкий не касался, а во втором видел "попа Янчина (т.е. Андреевского. - А.Н.) монастыря" в Киеве. Рыбаков справедливо посчитал этих людей священниками, связанными с великокняжескими семьями: Михаила - духовником вдовствующей княгини Елисавы, матери Святополка Изяславича (умерла 4.I.1107 г.), а Ивана - духовником княжны Янки, дочери Всеволода Ярославича (умерла 3.XI.1112 г.).

Соответственно, и "княгиня Всеволодова" оказывалась не вдовой Всеволода Ольговича, а женой Всеволода Ярославича - Анной. Последнее обстоятельство объясняло выступление клира киевской Софии в качестве гаранта сделки и участие в ее заключении духовников великокняжеских семей, которых определять по именам их духовных дочерей можно было лишь при жизни последних. [8] Тем самым, по количеству и характеру исторических реалий дата надписи, предложенная Рыбаковым - 80-е гг. XI в. - оказывается гораздо более аргументированной, чем предложенная Высоцким.

В отличие от Высоцкого, Б.А.Рыбаков полагал, что "семьдесят гривен собольих" являются не процентами ("десятиной"), идущими в храмовую казну, а задатком от общей суммы в семьсот гривен, кото-

рая была сопоставима с доходом (или стоимостью) с семи небольших городков. В социальном положении это приравнивало Бояна к боярину

"Следует отметить, - писал Рыбаков, - что Бояня земля покупается неизвестно у кого: ее владелец (к моменту купли) не указан. Вероятно, сам Боян к этому времени уже умер, но его имя осталось за его (может быть, выморочной?) землей. Не этим ли объясняется то, что запись о купле сделана так всенародно у самого входа в Софийский собор?" И тут же добавлял: "Текст граффито сам по себе не дает нам права отождествлять Бояна-песнотворца с Бояном-землевладельцем, но хронологическое препятствие теперь устранено: последняя припевка Бояна относится к 1083 г., а Бояня земля могла быть куплена уже в 1086 г." [9]

Как можно заметить из такого краткого обзора, предыдущие исследователи уникального граффито рассматривали лишь отдельные его компоненты, но не весь текст в целом, упустив из виду, что перед ними юридический документ, составлявшийся в строгом соответствии с "формуляром", требовавшем указания не только объекта сделки и покупателя, но также и его продавца, без чего сделка не могла считаться действительной. Равным образом, каждое слово такого акта имело строго определенное значение, не допуская иных толкований, а порядок указания имен свидетелей ("послухов") определял их роль и полномочия. При этом стоит иметь в виду, что покупке "земли Бояна" придавалось совершенно исключительное значение, поскольку написанная на пергамене и скрепленная печатями присутствующих лиц купчая была продублирована на фреске св. Онуфрия в главном соборном храме Киева.

Б результате, без ответа остались следующие вопросы: 1) кто же продавал "землю Бояню", 2) кем были поименованные в тексте "послухи", 3) почему для обозначения покупки использованы два разных глагола - "крити" и "купити", и 4) каковы были финансовые расчеты

при заключении сделки? Попробуем в них разобраться.

Основную трудность вызывает определение продавца земли, имя которого должно находиться в синтагме "землю княгыни Бояню Всеволожаа", выступающей в первом случае с глаголом "крила", а во втором (без упоминания "Всеволожаа") – с глаголом "купила". Следуя нормативам древнерусского языка, С.А.Высоцкий разделил ее на две части ("землю Бояню" и "княгыни Всеволожаа"), каждая из которых грамматически согласована, хотя в тексте они переплетены между собой. Основание для такого их расчленения является сочетание "княгыня Всеволожаа" (именит. падеж ед. числа), выступающее в качестве подлежащего. Сомнение вызывает два обстоятельства: нахождение слова "княгыни" внутри синтагмы "землю... Бояню" и повторение такой же синтагмы без имени "Всеволожаа" в конце купчей. Как я уже упоминал, с точки зрения формуляра отсутствие имени продавца делает купчую недействительной, в то время как имя покупателя, обозначенное в начальных строках акта, в дальнейшем может уже не повторяться. [10]

Другими словами, было бы логично в синтагме "землю княгыни Бояню" видеть указание на продавца ("княгиня Боянова"), если форму "княгыни" рассматривать не как именительный падеж единственного числа, а как винительный при исходном не "княгыни", а "княгыня". Сложность заключается в том, что, начиная с Изборника Святослава 1073 г., где на миниатюре находится древнейшее из пока известных написание "княгыни" (именительный падеж ед. числа), [11] и до XVI в. родительный падеж единственного числа этого существительного представлен формой "княгыне" (или "княгыня") за одним, впрочем, примечательным исключением: в договоре Игоря с греками 945 г. при перечислении послов указан "Искусеви, Ольги княгини". [12] Последнее позволяет предположить древнейшую форму этого слова в именительном падеже единств. числа как "княгиня". Больше того, наблюдения над

склонением существительных этого типа ("земля", "княгыни") в новгородских берестяных грамотах открывает существование норматива, дающего в родительном падеже единственного числа такую же форму - "господыни" (грамота № 84), "полтини" (грамота № 354) и т.д. 13

Такое решение вопроса весьма соблазнительно, поскольку в этом случае Боян оказывается "князем", что, в свою очередь, соответствует оценке его земельных владений Б.А.Рыбаковым. Однако, обращение к заключительной фразе купчей убеждает, что "семьдесят гривен собольих" являются ценой "всей" Бояновой земли, поскольку следующая синтагма "а в томь драниць семьсъту гривьнъ" недвусмысленно указывает, что гривны эти являются эквивалентом семидесяти гривен собольих. Другими словами, в тексте купчей оговорен курс "собольих" гривен при пересчете на курс "драничных" гривен, которые относятся к первым как 10:1. Что собой представляли "драницы" - неизвестно, как неизвестно реальное содержание "собольих гривен", можно только утверждать, что они не были равны "гривнам серебра", которые имел в виду Рыбаков.

Аналогичную оговорку в отношении эквивалента можно видеть в купчей конца XIУ - начала ХУ в. Михайловского Архангельского монастыря на Двине, где отмечено, что "дали... семь рублев, а по сту белки за рубль". 14

В целом же "земля Бояна" оказывается много дешевле, чем предполагалось ранее, тем самым ее оценка никак не может служить аргументом в пользу княжеского достоинства ее владельца, хотя отбрасывать такую возможность не приходится, и вот почему.

До находки С.А.Высоцкого имя "Боян" было известно на территории Восточной Европы только из "Слова о полку Игореве" (Боян - поэт второй половины XI в.), "Задонщины" (куда он попал из "Слова..."), и по двум письменным источникам, связанным с Великим Новгородом -

"рядной" Тешаты и Якима (1266-1291 гг.), в которой Боян упомянут среди "послухов" [15], и по Новгородской Первой летописи, в которой дважды упоминается "Боянова улка" в связи с церковью св. Димитрия - первый раз в 1300 г. в связи с ее постройкой, а несколько лет спустя - в связи с ее пожаром. [16] В последние десятилетия при раскопках Новгорода было найдено три берестяных грамоты с именем двух Боянов, один из которых жил, вероятнее всего, в 1065-1117 гг. (грамота № 526), а другой - в 1150-1181 гг. (грамоты №№ 509 и 516). [17]

Отсутствие имени "Боян" в корпусе древнерусской книжности XI-XVII вв. и дошедших от этого времени документов официального характера как нельзя лучше свидетельствует о малой распространенности этого имени в среде восточнославянских народов, и, наоборот, имя это оказывается чрезвычайно популярно у южных славян, в первую очередь у болгар, где оно широко бытует в качестве антропонима с глубокой древности и по настоящее время.

Пришедшее в болгарскую (славянскую) среду от древних тюрок, имя "Боян" имело определенное сакральное значение [18], бытуя в среде староболгарской знати и более узко - в царской семье. Имя "Боян" носили: 1) сын хана Кубрата (VII в.) [19] 2) болгарский хан, заключивший в 764 г. мирный договор с Византией [20], 3) брат хана Омортага, казненный в 833 г. за приверженность христианству [21], 4) сын того же Омортага [22] и 5) Боян-Вениамин, сын царя Симеона. Последний для нас особенно интересен. По словам кремонского епископа Лиутпранда, посетившего в 949-950 гг. Константинополь, т.е. почти четверть века спустя после упоминаемых им событий, Боян-Вениамин получил блестящее образование в византийской столице, прославившись как поэт, музыкант и - волшебник, который по своей воле мог превращаться в волка или другого хищного зверя. [23] Подобная характеристика, приуроченная к имени Бояна, поразительным образом совпадает с тем, что двести с лишним лет спустя писал автор "Слова о

полку Игореве" о своем предшественнике, который чаровал слушателей игрой на гуслях и "растекался... серым волком по земле и сизым орлом под облаками".

Случайно ли такое совпадение? Если на его основании Ю.Венелин, а вслед за ним и Вс.Миллер, склонны были видеть в Бояне "Слова..." воспоминание о Бояне-Вениамине, заимствованное из болгарского источника [24], то реальный русский поэт, писавший во второй половине XI в. об усобицах "ярославлих внуков", вполне мог быть прямым (хотя и далеким) потомком сына царя Симеона, уехавшего из Болгарии на Русь, только не в результате русско-болгарских войн второй половины X в., как о том писали Н.Балабанов и В.Цундев [25], а значительно раньше. Подобная ситуация могла иметь место, например, в 20-х гг. X.в. в связи с женитьбой русского князя Игоря, если вернуться к так и не решенному вопросу о болгарском происхождении русской княгини Ольги.

Между тем, об этом вполне определенно писали не только архимандрит Леонид (Кавелин), открывший прямое на это указание в летописном тексте [26], но Д.И.Иловайский [27] и М.Н.Тихомиров [28]. В таком случае Боян-Вениамин Симеонович оказывается родным братом Ольги и наиболее вероятным отцом того самого "племянника" ("анепсий"), который сопровождал русскую княгиню во время ее поездки в Константинополь. [29] Сама же ситуация позволяет прояснить многие иначе необъяснимые факты русско-болгарских и русско-византийских отношений, в том числе "дунайские" походы Святослава, когда русский князь выступает не столько завоевателем, сколько соправителем болгарского царя при проведении внутренней и внешней политики в Первом Болгарском царстве. [30]

Потомки Бояна-Вениамина могли и в дальнейшем проживать в Киеве, войдя в среду местной земельной знати (боярства), обладая богатством и занимая достаточно независимое положение в киевском обществе.

К слову сказать, именно они могли быть ладельцами роскошных книг из библиотеки царя Симеона, с которых в 70-е гг. XI в. были сняты копии известного "Изборника" 1073 г., "Евангелия Константина Преславского", Чудовской рукописи со "Словом Ипполита папы Римского" и ряда других. [31]

Сходную характеристику Бояна-поэта можно составить и по "Слову о полку Игореве". Несмотря на попытки представить Бояна песенником-гусляром, развлекавшем дружинников на княжеских пирах [32], большинство серьезных исследователей "Слова..." полагало Бояна именно поэтом, писавшем свои произведения, что не мешало ему исполнять их под аккомпанимент гусель, подобно тому, как труверы и миннезингеры аккомпанировали себе на лютне или других музыкальных инструментах.

Признание литературного характера творчества Бояна позволяет понять, с одной стороны, возможность активного использования (и цитирования) его произведений спустя столетие автором "Слова...", а с другой - увидеть в усвоенных им отрывках из произведений Бояна заимствования последнего из произведений его предшественников (так называемый "дунайский пласт" исторических реалий и реминисценций). Они свидетельствуют о высокой эрудиции поэта XI в., усвоившего не только византийскую образованность, но, как показывают отрывки эпоса о Всеславе, глубокое проникновение в сокровищницу общеславянского эпоса, откуда в "Слове..." появились и архаические персонажи древнеславянской мифологии, вызывающие интерес и удивление исследователей. [33]

Приводя эти факты, я отнюдь не ставлю вопрос о тождественности Бояна купчей и Бояна "Слова о полку Игореве", однако параллели достаточно ярки и красноречивы, чтобы задуматься о вероятности одновременного существования во второй половине XI в. в Киеве двух разных людей, обладавших одним именем и сходными чертами биографий.

Впрочем, упоминание имени Бояна в контекстах "Слова..." и купчей оказывается любопытно еще с одной стороны - на сей раз со стороны социального этикета.

Я уже говорил, что безусловной заслугой Б.А.Рыбакова следует считать выделение им двух послухов с "женскими" отчествами, как духовника вдовствующей княгини Елисавы (Михаил Елисавинич) и духовника княжны Янки Всеволодовны (Иван Янчин).[34] Будучи связаны с великокняжескими семьями, оба они выступали при совершении сделки, скорее всего, от лица покупателя, жены Всеволода Ярославича. Факт этот, сам по себе достаточно интересный, позволяет при дальнейшем анализе расчленить аморфную массу "послухов" на три функционально самостоятельные группы: I) собственно "послухов", представителей софийского клира, 2) лиц, представляющих интересы покупателя и 3) представителей продавца. Поскольку со второй группой мы уже знакомы благодаря Б.А.Рыбакову, остается первая и третья группа.

В переводе и истолковании Высоцкого первая группа, состоящая из священников ("попы"), представлена людьми, названными то по именам то по именам с отчествами. Между тем хорошо известно, что духовные лица, начиная с диакона и кончая митрополитом, в древней Руси назывались только по имени. Высоцкий произвольно объединил их имена и был прав только выделяя из общей массы "попина Якима", открывающего перечень свидетелей, но не потому, что он был "сведенным епископом", а потому, что состоял благочинным (протоиереем) церкви св. Софии.[35] Следом за ним по именам названы остальные попы - Домило, Пантелей, Степан, Михаил, Данило, Марк и Семен. Исключение составляет "Михалько Нежьнович", названный за Степаном, поскольку этим определением требовалось отличить его от следующего за ним попа Михаила указанием на молодость ("Михалько") и, повидимому, целибатом, который в то время допускался православной церковью.

Оставшиеся, таким образом, "послухи" - Тудор Тубмнов, Илья Копылович, Тудор Борзятич - образуют компактную группу и, в отличие от попов, названы не только полными именами, но еще и с отчествами. Последнее указывает на их высокое социальное положение, позволяя считать их боярами. Поскольку из произведенного членения явствует, что только они могли представлять интересы продавца, последний должен был занимать такое же или еще более высокое общественное положение, чем его представители. Однако, у Бояна нет отчества - ни в "Слове...", ни в тексте купчей. Если в первом случае его социальный ранг достаточно неопределенен, то в официальном юридическом документе XI-XII вв. без отчества могли фигурировать I) слуги, 2) духовные лица и 3) князья. Отнесение Бояна купчей к первой категории невозможно по социальному положению представляющих его интересы лиц и по отсутствию уменьшительного суффикса, наличествующего даже в имени одного из попов ("Стипько"); отнесение его к духовенству невозможно по причине "мирского" имени. [36] Таким образом, остается только третий вариант, который находит косвенное подтверждение в социальном ранге представителей Бояна и в специфике их имен, принадлежащих к той же этнической общности, что и имя "Боян".

Действительно, хотя имена эти - "Тудор", "Илья" - можно обнаружить в письменности XI-XII вв., в целом они более характерны для южных, чем для восточных славян. [37]

Так получается, что даже если вернуться к первоначальному прочтению С.А.Высоцким синтагмы, заключающей в себе объект сделки, имя продавца и покупателя ("землю княгыни Бояню Всеволожаа"), анализ остального текста все равно ведет к заключению о высоком социальном статусе Бояна и его связям с болгарским этническим массивом в Киеве XI в. Факт этот в высшей степени интересен как с точки зрения культурных связей киевской Руси, в том числе и в истолкова-

нии фактов, связанных с Ольгой и Святославом, так и в плане событий второй половины XI в.

Сведения, содержащиеся в "Слове о полку Игореве" о Бояне (а теперь нет никаких оснований продолжать игнорировать этот источник), рисуют поэта XI в. сторонником Святослава Ярославича и его сыновей, Романа и Олега, в их борьбе против Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. [38] Естественно, что после победы над племянниками (1079 г.) и с началом единоличного правления в Киеве Всеволод Ярославич мог почувствовать неудобство существования "идейной оппозиции" и предпринял меры к удалению Бояна. Не эта ли интрига завершилась данной купчей, в которой специально оговаривается покупка "всей" земли, т.е. без остатка, где бы тот ни находился?

Все это, не более, чем предположение. Обстоятельства, вынудившие Бояна и его семью расстаться с наследственным владением, могли быть самыми разными, начиная от смерти Бояна (поскольку существует вероятность, что продавцом выступал не он сам, а "княгиня Боянова"), отъезд семьи в Константинополь или на Дунай, где в 80-е годы XI в. в связи с внутренними потрясениями Византии активизировалось патриотическое движение болгар, и кончая отъездом Бояна из Киева к вернувшемуся с Родоса Олегу Святославичу. Однако факт ликвидации наследственного владения налицо и его наиболее вероятной датой мне представляется отрезок времени между 1079 г. (битва на Нежатине Ниве) и 1086 г. (пострижение Янки в Андреевский монастырь), хотя верхняя граница может быть и несколько большей.

Мне представляется, что именно политическая подоплека отторжения "Бояновой земли" от его бывшего владельца заставила поместить "противень" подлинной купчей на одной из фресок главного храма Киева, призвав (во избежание возможных потом протестов) гарантом сделки софийский клир во главе с его благочинным, а вовсе не прак-

тика "утверждения земельных актов церковью", как посчитал Я.Н.Щапов, предположивший даже, что "пергаменного экземпляра (грамоты. - А.Н.) могло не существовать". [39] Присутствие соборных попов в качестве "послухов" никоим образом не дает основания для такого утверждения, тем более, что в самом тексте документа можно найти прямое указание на функцию свидетелей, подтверждавших не столько факт продажи земли, который, в отсутствие продавца и покупателя, осуществляли представители обеих сторон, сколько достигнутое соглашение о ее цене. На последнем стоит остановиться особо.

В купчей при изложении сделки нотарием использовано два глагола - "крити" и "купити" - до последнего времени воспринимаемых лингвистами, как равнозначные, что отмечено во всех словарях древнерусского языка и в словоуказателях к текстам. Действительно, при наличии одного только глагола"крити" ("Шед на търг крити себе ризу" [40]) замена его глаголом "купити", вроде бы, смысла не меняет. Но, исходя из предположения о жесткости формуляра купчей и особого, как можно убедиться, значения этой сделки, следует полагать, что между указанными глаголами существует определенное смысловое отличие, а сами они отражают разные этапы одного процесса.

Глагол "купити", как явствует из его положения в конце акта, употреблен для указания завершения сделки, ее итога, выраженного передачей денег представителям продавца перед свидетелями. Но сделке, как известно, предшествует торг и сговор, что описано с помощью глагола "крити" в первой фразе купчей. Именно для этой, важнейшей части сделки, и требовались свидетели достигнутой договоренности. Поэтому мне представляется, что глагол "крити", будучи юридическим термином, имел значение "сторговаться", "договориться" о цене" (стоит вспомнить, что в прошлом еще веке "рукобитье", скреплявшее договоренность между продавцом и покупателем, обязательно накрывалось полой одежды). В данном случае речь шла о том,

что представители сторон "перед святой Софией и ее клиром" <u>сторговались</u> о цене земли. Достигнутую договоренность и фиксировали "софийские попы" во главе со своим благочинным. Стоит заметить, что приведенный выше пример из словаря соответствует как раз такому значению: некто "шел на рынок сторговать себе одежду".

Теперь, с учетом возможных вариантов, объяснительный перевод записи о продаже "Бояновой земли" можно представить в следующем виде:

"Месяца января 30 (числа), в день святого Ипполита, перед попами святой Софии княгиня Всеволодова сторговала землю Бояна (вариант: "(княгиня) Всеволодова сторговала землю княгини Бояновой"). При этом присутствовал протопоп Яким, (попы) Домило, Пантелей, Степан, Михалко "неженатик", Михаил, Данило, Марк (и) Семен, (тогда как со стороны покупателя были поп) Михаил (духовник княгини) Елисавы (и) Иван (духовник княжны) Янки, (а со стороны продавца были) Тудор Тубынов, Илья Копылович (и) Тудор Борзятич. И перед этими свидетелями княгиня (Всеволодова) купила землю Боянью (вариант: "(княгиня Всеволодова) купила землю княгини Бояновой") всю (т.е. без остатка). А за нее отдала семьдесят собольих гривн, которые равны семистам "драничным" гривнам."

Предлагаемый перевод, как и толкование текста, носят, конечно же, не окончательный характер: купчая на "землю Бояна" является древнейшим документом частного акта Руси, не имея аналогий на протяжении почти трех последующих веков. Мы не знаем ни формуляра таких актов, ни денежного обращения той эпохи ("драницы", "гривны собольи", "гривны серебра" и пр.), ни особенностей синтаксиса и грамматики подобных актов, ни практики помещения "противней" на стенах общественных зданий и храмов. Дошедшие до нас письменные памятники всего этого не знают, и остается надеяться на археологов и реставраторов, в руках которых может оказаться схожий мате-

риал, который позволит уточнить или пересмотреть предлагаемое прочтение. Точно также остается только гадать о событиях, которые привели к этой сделке, и о задействованных в ней лицах.

И все же можно утверждать, что купчая на "землю Бояна" даже на этой стадии ее исследования является исключительной важности документом для истории киевской Руси второй половины XI в. Во первых, это древнейший известный нам земельный акт, дошедший в "противне" своего времени, который знакомит нас с процедурой сделки, ее оформлением, участием представителей сторон и привлечением в качестве свидетелей духовных лиц, причем количество последних - 9 человек во главе с благочинным Якимом - отличается от установлений византийской Эклоги [41], но соответствует рекомендациям "Закона Судного людем" [42], что особенно интересно в связи с признанным юго-славянским (болгарским) происхождением последнего.

Во-вторых, купчая знакомит нас с именами попов софийского клира 80-х гг. XI в., с духовниками великокняжеских семей этого времени и с фактом исполнения ими весьма щекотливых - повидимому - посреднических функций в такого рода сделках, где наиболее вероятно замешана политика. В третьих, документ сообщает нам о проживании в Киеве на положении независимых землевладельцев и в окружении двора потомков болгарских царей, одним из которых был, повидимому, Боян, вынужденный уступить свое наследственное владение жене великого киевского князя.

До сих пор единственным примером жизни на Руси представителя иноземного "царствующего дома" оставалось пребывание в 1165 г. у галицкого князя Ярослава Владимировича на положении почетного гостя Андроника Комнина, которому "на утешение" было выделено несколько городов, доход с которых шел на его нужды. [43] Здесь ситуация была иной и восходила она, как можно думать, к событиям середины X в.

Наконец, и это особенно интересно, наличие в Киеве XI в. "князя Бояна" с его болгарским окружением позволяет, с одной стороны, видеть в нем причину появления в то время феноменов культуры эпохи царя Симеона, о которых я упоминал выше, а с другой - увязать это с наследием Бояна в "Слове о полку Игореве" и заключенным в поэме пластом "дунайских реминисценций", поскольку трудно представить, что в одно и то же время в Киеве жили два Бояна, так совпадающие по своим "функциональным характеристикам".

Примечания

I. Высоцкий С.А. Надпись о Бояновой земле в Софии Киевской. "История СССР", 1964, № 3, с.112-117.
2. Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв. Вып. 1, Киев, 1966, с.60-71.
3. Там же, с.64.
4. Там же, с.65. Следует сказать, что граффито, окружающие купчую и предшествующие ее появлению, к сожалению, не содержат явных датирующих признаков.
5. Там же.
6. Там же, с.71.
7. Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII веков. Л., 1968, с.14-16.
8. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М., 1972, с.415-416.
9. Там же, с.417 и 414. Речь идет о словах Бояна "тяжно ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы", которые Рыбаков считает обращенными к жене Олега Святославича после возвращения того на Русь в 1083 г. Стоит отметить, что в первом выпуске "Словаря книжников и книжности Древней Руси" (Л., 1987) на с.85 приведена только первая часть цитируемой фразы, что позволило Л.А.Дмитриеву представить утверждение Рыбакова о возможности

отождествления Бояна "Слова..." и Бояна надписи в прямо противоположном смысле. Такая же операция была им проделана и в отношении автора настоящей статьи.

10. Примером могут служить двинские купчие середины ХУ в. Мелентия Ефимовича Чеваки на земли и угодья, купленные им у Онцифора Андроникова, Клементия Панкратова и др. (См. "Грамоты Великого Новгорода и Пскова", М.-Л., 1949, № 179 (с.218) и № 184 (с.221-222)).
11. См. Львов А.С. Лексика "Повести временных лет", М., 1975, с.203.
12. ПСРЛ, т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.1, Л., 1926, стб. 46. Примечательно, что в остальном тексте это слово склоняется нормативно.
13. Зализняк А.А. Словоуказатель к берестяным грамотам. В кн.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986, с.266-310.
14. Грамоты Великого Новгорода и Пскова..., № 123, с.182.
15. Там же, № 331, с.317.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.-Л., 1950, с.91, 97 и др.
17. Зализняк А.А. Указ. соч., с.267.
18. См. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве", Л., 1979, с.80-83; Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве", М., 1985, с.143-146,и др.
19. Дуйчев И. Най-ранни връзки между първоболгари и славяни. В кн.: И.Дуйчев. Българско средновековие. София, 1972, с.88.
20. Иречек К. История на българите. София, 1978, с.178.
21. Дуйчев И. Връзки между чехи, словаци и българи. В кн.: И.Дуйчев. Българско средновековие..., с.341.
22. Иречек К. Указ. соч., с.165.

23. Златарски В.Н. История на Българската държава през средните векове, т.I, ч.2, София, 1971, с.495-496.
24. Венелин Ю. Критические исследования об истории болгар. М., 1849, с.263-265; Миллер Вс. Взгляд на "Слово о полку Игореве". М., 1877, с.117-136.
25. Балабанов Н. Стари украино-български литературни отношения. В кн.: Украино-български преглед, ч.I, бр. 5 и 6, 1919-1920; Цундев В. Боянъ Магъосникътъ. София, 1923.
26. Леонид, арх. Откуда родом была св. великая княгиня русская Ольга? "Русская Старина", 1888, июль, с.217.
27. Иловайский Д.И. Вероятное происхождение св. княгини Ольги. В кн.: Д.И.Иловайский. Исторические сочинения, ч.3, М., 1914, с.441-448.
28. "С точки зрения исторической вероятности привод жены к Игорю от болгарского города Плискова понятнее, чем появление Ольги из Пскова, о котором более ничего не известно в X в." Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с.107.
29. Литаврин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополе и "дары" императора. В кн.: "Византийские очерки". Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М., 1982, с.79.
30. Никитин А. "Аз, Святослав, князь руский..." "Наука и религия", 1991, № 9, с.40-45.
31. См. статьи Б.Ангелова, Э.Георгиева, П.Динекова и М.В.Щепкиной в кн.: Изборник Святослава 1073 года. Сб. статей. М., 1977.
32. См. статью Л.А.Дмитриева "Боян" в кн.: "Словарь книжников и книжности Древней Руси". Вып. I (XI-первая половина XIV в.). Л., 1987, с.83-90.
33. Никитин А.Л., Филипповский Г.Ю. Хтонические мотивы в легенде

о Всеславе Полоцком. В кн.: "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-ХУП веков. М., 1978, с.141-147.

34. Возможно, упоминание "Ивана Янчина" в качестве духовника Янки Всеволодовны дает возможность считать 1086 г., когда Янка была пострижена в Андреевский монастырь и тем самым его функции прекратились, в качестве terminus ante quem для заключения сделки.

35. Словари древнерусского и церковнославянского языка ставят знак равенства между "поп" и "попин" (см. словари И.И.Срезневского, Г.Дьяченко, "Словарь русского языка XI-ХУП вв." и др.). Однако, явное выделение "попина Якима" из числа остальных "попов" заставляет видеть в нем протоиерея. Попытка толкования этого слова С.А.Высоцким и В.П.Адриановой-Перетц более чем произвольна.

36. В русских святцах Боян отсутствует. Повидимому, в качестве священномученика его почитала только болгарская Церковь, откуда сведения о нем попали и в византийскую Церковь. (См. Дуйчев И. Връзки между чехи..., с.341, прим.58).

37. В русских летописных сводах имя "Тудор" отмечено только в середине XII в. (Тудор, воевода галицкий; Тудор Сатмазов, воевода берендеев; Тудор, тиун вышгородский), а имя "Илья" (исключая духовных лиц) за то же до-монгольское время - всего один раз в конце XI в. (Илья, новгородец)(см. Указатели к первым осьми томам Полного собрания руских летописей, изданных Археографическою Комиссией. Отдел первый. Указатель лиц. Вып. 1-2, СПб, 1898). В новгородских берестяных грамотах (№№ 561 и 596) имя "Илья" отмечено в XII-начале XIII вв., а вместе с единственным упоминанием "Тудора" (гр. № 348) - в XIII в. (см. Зализняк А.А. Указ. соч.). Наоборот, в Болгарии эти имена принадлежат к наиболее популярным с древности.

38. См. Никитин А.Л. Наследие Бояна в "Слове о полку Игореве". В кн.: "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства..., с.112-133; он же. Точка зрения. М., 1985, с. с.198-278.

39. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989, с.106-107.

40. Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 8, М., 1981, с.59.

41. Семенченко Г.В. Византийское право и оформление русских завещаний XIV-XV вв. "Византийский временник", т.46, М., 1986, с.166.

42. См. главу "О послухах" в издании: "Закон Судный людем" краткой редакции. М., 1961, с. 35,41,49,59 и др.

43. ПСРЛ, т.2, Ипатьевская летопись. СПб, 1908, стб.524.

А.Н.Ужанков

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ "СКАЗАНИЯ" И "ЧТЕНИЯ" О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

Прежде чем приступить к рассмотрению вынесенной в название статьи проблемы, я бы хотел сделать два предварительных замечания.

Первое. Любая претендующая на продвижение в разрешении давней проблемы работа обязана иметь хотя бы сжатый обзор литературы по теме. Но почти за два с половиной столетия, с тех пор как впервые была предпринята попытка датировать "Сказание о Борисе и Глебе" /"Съказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба"/ и Несторово "Чтение о Борисе и Глебе" /"Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба"/, накопилась столь обширная литература, что даже самый сжатый ее обзор превысил бы объем моей статьи в несколько раз. В силу этого обстоятельства, и полагаясь также на достаточную осведомленность читателя в истории вопроса, сведем историографию к минимуму и будем рассматривать основные и существенные исследования по теме в соответствующих местах.

Второе. "Житие" святого /или святых/ не создавались по наитию сочинителя, исходя из одного его желания. Наоборот, принимаемые автором "Жития" на себя обязательства по его написанию были христианским послушничеством, оказанной автору честью.

"Житие" является обязательным компонентом службы святого, и писалось не позднее времени официальной канонизации святого, и, как правило, было приурочено к ней.[I] Это в полной мере относится и к одному из рассматриваемых в этой статье сочинений, написанном в соответствии с православным житийным каноном. Поэтому "Житие" нельзя воспринимать просто как литературный памятник оп-

ределенной эпохи, но как специфический жанр христианской литературы, появление которого обусловлено официальной канонизацией святого, а в нашем случае - святых. Следовательно, одним из главных факторов в датировке канонического "Жития" Бориса и Глеба /какое из двух названных в заглавии статьи сочинений подпадает под это определение, выясним ниже/ является установление времени канонизации святых, ибо, повторюсь, позднее официально признанной канонизации святых, житие возникнуть не могло. На эту связь исследователи не обратили должного внимания, хотя о ней писал еще Е.Е.Голубинский.[I] Возможно, это вызвано тем обстоятельством, что до сих пор точно не установлено время официальной канонизациии Бориса и Глеба. Хотя именно оно и может пролить свет на историю созданий "Сказания" и "Чтения" о Борисе и Глебе. Вот почему рассмотрение вопроса о времени официальной канонизации Бориса и Глеба занимает в статье значительное место.

С него-то и начнем.

Для начала вспомним основные выводы занимавшихся этой проблемой ученых и расположим их, ради удобства сравнения, не в порядке высказывания, а хронологически, по времени предполагаемой канонизации святых.[x]

По мнению А.А.Шахматова, причисление Бориса и Глеба к лику святых связано с актом перенесения тела Глеба с берега р.Смядыни в Вышгород и погребения его в церкви Св.Василия.[2]

---

[x] Более обстоятельный историографический обзор см. в кн.: Х о р о ш е в А.С. Политическая история русской канонизации /XI-XVI вв./. - М., 1986.- С.15-20.

Другой дореволюционный исследователь-В.Васильев - также усмотрел в этом событии свидетельство канонизации князей, но не ограничил процесс одним только 1020 г. и раздвинул его хронологические рамки до 1039 г., увязав канонизацию святых с пастырской деятельностью митрополита Иоанна /1020-1039/.[3x]

Историк русской церкви Макарий полагал, что празднование памяти Бориса и Глеба 24 июля началось вскоре после сооружения в 1021 г. в Вышгороде первой церкви во имя Бориса и Глеба.[4]

Близка этим взглядам точка зрения Г.Федотова.[5]

М.Д.Присёлков высказал предположение о канонизации Бориса и Глеба в 1026 г., когда кн.Ярослав построил взамен сгоревшей церкви Василия, в которой до пожара покоились тела князей, новую церковь специально для гробниц святых.[6] Перенесение мощей, как оно описано в "Сказании о чюдесехъ святою страстотърпьцю Христову Романа и Давида"/князья названы своими христианскими именами/, было пышно обставлено:"И шьдъше съ хрьсты Иоанъ митрополитъ, и князь Ярославъ, и вьсе поповьство, и людие, и пренесоша святая, и цьрьковь (о)святиша, и уставиша праздьникъ праздьновати месяца иулиа въ 24: въньже дьнь убиенъ преблаженый Борисъ, въ тъ же дьнь и цьркы (о)священа, и пренесена быста святая".[7]

Описанные торжества, а главное - приводимые в рассказе чудеса, происходившие у мощей князей, действительно могут быть восприняты как доказательство факта наличия уже в ту пору чина почитания святых церковью. Именно на этом основании строит свои рассуждения Е.Е.Голубинский.[8]

---

[x] В настоящее время митрополичья деятельность Иоанна I в Киеве датируется 1008-1035/36/ гг.

Д.С.Лихачев, отталкиваясь не от какой-то конкретной даты, а основываясь на оценке политической ситуации во времена княжения Ярослава Мудрого, предположил,что канонизация первых русских святых произошла вскоре после 1037 г.:"В 1037 г. Ярослав Мудрый добился учреждения в Киеве особой митрополии константинопольского патриархата. Назначение особого митрополита для молодого Киевского государства было немалым успехом Ярослава, поднимавшим международный престиж Русской земли.<...> Сразу же после 1037 г. Ярослав продолжал свои домогательства в Константинополе, добиваясь расширения прав русской митрополии и постепенного освобождения ее из-под опеки Константинопольского патриарха и византийского императора. Для этого Ярослав стремится к канонизации ряда русских святых.<...>Канонизация русских святых усиливала позиции русской церковной самостоятельности. Она должна была свидетельствовать о том, что русская церковь вышла из младенческого состояния, обладает собственными святынями и не нуждается в пристальной опеке Византии.<...>Ярославу удалось добиться канонизации своих братьев князей Бориса и Глеба (а где тому доказательства?- А.У.) и тем самым увенчать ореолом святости и свою собственную княжескую власть."[9]

К 40-м годам XI в. относит канонизацию Бориса и Глеба В.В.Кусков, также связывая ее с усилиями Ярослава Мудрого.[10]

Все выше перечисленные предположения /быть может, только за исключением гипотезы Е.Е.Голубинского/ не являются результатами специальных исследований, а высказаны мимоходом при рассмотрении иных проблем. Поэтому на их фоне более весомой выглядит аргументированная гипотеза, согласно которой Борис и Глеб причислены к лику святых только в 1072 г./или в скором времени после него, но не ранее/, когда мощи князей из деревянной церкви были торжест-

венно перенесены Ярославичами в новую каменную. Она отстаивается в работах М.К.Каргера, Н.Н.Ильина, М.Х.Алешковского, А.С.Хорошева, уже непосредственно изучающих затронутую нами тему.[11]

Обращает на себя внимание наметившаяся закономерность: в более поздних по времени проведения исследованиях указывается /и отстаивается/ более позднее время канонизации святых - не ранее 1072 г. И если в названных первыми работах заключения выводились из общих рассуждений, основанных на принципе "так могло быть", то в последних уже предпринята попытка обосновать предположения с помощью исторических, археологических и литературных фактов.

Столь растянутый /на пятьдесят лет!/ диапазон предполагаемого времени канонизации Бориса и Глеба - с 1020 по 1072 гг. - порождает сомнения в правильности выбранного подхода к разрешению проблемы.

Все без исключения исследователи при определении времени причтения к лику святых Борича и Глеба отталкивались от конкретных исторических событий, послуживших, якобы, причиной канонизации: перенесения мощей князей-братьев в 1020/21/ или 1072 гг., строительстве новой церкви, политики Ярослава Мудрого или его сыновей, и тому подобных.

Эти события, несомненно, играли свою роль в процессе формирования культа святых, поскольку подготавливали саму канонизацию, но не были ее причиной. Ошибочное восприятие их как причины закономерно приводило к неправильным выводам относительно времени официальной канонизации, поскольку оно отождествлялось с конкретными датами торжественных церемоний перенесения мощей страстотерпцев.

В то же время, существовала единственная причина по которой праведника могли причислить к лику святых - сугубо религиозная.

Поэтому проблему, кроющуюся за чисто религиозным актом, необходимо, мне кажется, рассматривать с чисто религиозных позиций.

Так вот, существовали вполне объективные, с точки зрения церкви, основания для причтения праведника после его смерти к лику святых. Главное из них - прославление подвижника благочестия Божьим даром чудотворений, исходивших от его мощей, то есть, сакральное подтверждение его святости.[12] На долю же верховной власти - князя и церковного клира - выпадало удостоверение этих чудотворений, совершаемых у гроба.[13]

Ко времени принятия Русью христианства в Византии уже установился специальный чин акта канонизации святых, перенятый затем и русской православной церковью, сохранившей, как известно, зависимость от византийской церкви, которая в окончательном итоге и утверждала канонизацию новых святых.

Игнорирование правил канонизации и привело, на мой взгляд, ко многим ошибочным выводам ученых, исходивших в своих рассуждениях не из церковного канона, а из "политической обстановки" или иных субъективных факторов.

К чему же сводился канонизационный процесс?

Сошлюсь при его рассмотрении на авторитет Е.Е.Голубинского, доктора церковной истории:"Производство дела о причислении к лику святых... состояло в том, что подлежащей власти, если она не была очевидицею чудес, совершавшихся при гробе какого-либо подвижника благочестия, доносимо было о сих последних и что власть так или иначе удостоверялась в справедливости донесения.

Само причтение к лику святых состояло в том, что в день успения святого или день открытия его мощей или же в оба дни назначалось ежегодное церковное празднование его памяти.

Для празднования памяти святого нужна была служба ему, а рав-

но требовалось, чтобы написано было /существовало/ и его житие... /подчеркнуто мною - А.У./.

Самый чин или самое празднество причтения к лику святых или канонизации состояло в том, что в назначенный день совершаемо было в храме, в котором, под которым или близь которого находились телесные останки или мощи усопшего подвижника, торжественное богослужение более или менее многочисленным собором нарочно созванного окрестного духовенства с представителем подлежащей власти или с самою властью во главе и в присутствии нарочито оповещенного и приглашенного мирского окрестного населения."[14]

Самой лучшей иллюстрацией сказанному, казалось, могли бы служить описания в "Сказании" и "Чтении" торжеств по перенесению мощей Бориса и Глеба и Ярославом Мудрым; и в 1072 г. его сыновьями Изяславом, Святославом и Всеволодом; и в 1115 г. уже внуками Ярослава - Владимиром Всеволодовичем и Олегом Святославичем...

Но они никак не помогают ответить на вопрос, когда же именно Брис и Глеб были канонизированы: при Ярославе, при его детях, или при его внуках? И даже усложняют его поиск, ведь день памяти святых в каждом случае отмечался и устанавливался разный: 24 июля /день гибели Бориса/, 20 мая и 2 мая /дни перенесения мощей святых/. То есть, речь идет о разных праздниках, внесенных и в синодик. С которым же из них связана канонизация, и для службы в который из этих дней писались имеющиеся жития святых?

На первый взгляд, рассказы из обоих памятников о торжествах 24 июля, связанных с перенесением мощей князей в выстроенную Ярославом Мудрым в честь своих братьев церковь, вполне соответствует описанному Е.Е.Голубинским чину причтения к лику святых. Более того, в дошедших до нас двух служебных минеях XI-XII вв. сохранилась служба святым Борису и Глебу на 24 июля, приписываемая

митрополиту Иоанну I /1008-1035(6)/,[15] То есть, вполне можно говорить о <u>начале</u> процесса сложения культа святых Бориса и Глеба, но пока как местночтимых, а не общерусских и принятых Византией.[16]

Для повсеместно чтимых святых необходимо было их житие /см. выше/, а при Ярославе Мудром оно не составлялось.

Археографическое же исследование церковной службы святым Борису и Глебу на 24 июля позволило Д.И.Абрамовичу заключить, что "на первых порах, судя по древнейшим спискам службы митрополита Иоанна, день памяти свв. Бориса и Глеба был одним из "малых" праздников /"святые со славословием"/; потом отнесен был к "средним" праздникам, обозначаемым в богослужебных книгах знаком креста /"святые с полиелеем"/ и наконец к тем "средним", которые имеют знак креста в полукружии."[17] То есть, история службы святым Борису и Глебу на 24 июля подтверждает высказанное мною предположение о сложении при Ярославе Мудром первоначального культа Бориса и Глеба как местночтимых /в Вышгороде/ святых, а не общерусских.[x]

В определенной степени подтверждением такого положения может служить молчание о первых русских святых тех древнерусских произведений 30-40-х годов XI в., которые затрагивают проблемы русской церкви. Прежде всего, это "Память и похвала Владимиру" мниха Иакова и "Слово о Законе и Благодати" Илариона.

При известной антивизантийской направленности "Слова о Законе и Благодати" его автор не воспользовался весомым аргументом в своих рассуждениях о христианском благочестии Руси и ее праве на ав-

[x] Прав, отчасти, А.С.Хорошев, отметивший, что "гипотетические предпосылки к оформлению борисоглебского культа /как общерусского, а не местного - А.У./ и в 1020 г., и в 1035 г. у Ярослава имелись, однако они не были подкреплены организационной самостоятельностью Киевской митрополии."[18]

тономию от Константинополя. Воздав хвалу Ярославу Мудрому, Иларион и словом не обмолвился о его стараниях по канонизации Бориса и Глеба, не упомянул и их самих, как первых русских святых и покровителей Руси, ибо, скорее всего, тогда, при Ярославе, его усилия не дали ожидаемых результатов: Византия не пошла на канонизацию невинноубиенных русских князей и не признала святыми кровных братьев Ярослава.

На этот существенный факт уже обращали внимание исследователи.[19]

Когда же русские письменные источники стали называть Бориса и Глеба святыми? Никто прежде не задавался этим вопросом, а мне кажется, что ответ на него поможет решить стоящую перед нами проблему.

Древнерусские писатели - православные верующие, в большинстве своем - священники и монахи. И для них упоминание первых русских святых имеет особый смысл, подчеркивает достоинство русского христианина. Поэтому можно предположить, что сразу же после официальной /т.е. признанной и византийской церковью/ канонизации Бориса и Глеба, это событие нашло отражение в древнерусской литературе. И раз их не упоминают "Похвала" Иакова и "Слово" Илариона, то, значит, официального признания святыми Бориса и Глеба в то время еще не было.

Обратимся к основному нашему историческому источнику - "Повести временных лет" и посмотрим, когда в ней Борис и Глеб стали называться святыми.

В летописной повести под 1015 г. сказано:"блаженый Борисъ венець приимъ от Христа Бога съ праведными, причеться съ пророкы и апостолы, с ликы мученичьскыми водворяяся..., воспевая съ ангелы и веселяся с лики святыхъ",[20] то есть, попал в рай к праведникам, но во всей статье ни разу не назван святым. Также и Глеб, который

по кончине "прия венець, вшедъ въ небесныя обители",[21] в то же время, как его убийцы возвратились к Святополку, как "грешници въ адъ".[22] Правда, нужно подчеркнуть, что летописец отметил проявившийся у них дар чудотворений: поскольку они "с верою даета исцеленье: хромым ходити, слепымъ прозренье, болящим целбы, окованым разрешенье, темницам отверзенье"[23] и т.д. То есть, уже автором статьи 1015 г. был положен первый камень в основание их святости.[x]

Однако, до статьи 1072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба в выстроенную Изяславом Ярославичем церковь, "Повесть временных лет" их больше не упоминает, и только в этой статье впервые сказано о князьях как святых:"Пренесоша святая страстотерпця Бориса и Глеба".[24]

Означает ли это, что к 1072 г. князья были причислены к лику святых? Отнюдь нет, поскольку статья, содержащая это утверждение, была написана и внесена в летопись только после 1115 г. В этом легко убедиться.

Прежде всего, обращают на себя внимание следующие слова ее автора:"Совокупившеся Ярославичи: Изяслав, Святослав, Всеволод; митрополит же тогда бе Георги...", а так же предпоследняя фраза:"И бе тогда держа Вышегород Чюдинъ, а церковь Лазорь."[25]

Дважды употребленное автором выражение "бе тогда" указывает, что писалась статья спустя время, как минимум, после 1088 г., по-

[x] В данном случае я опускаю вопрос о времени написания этой статьи, поскольку заметно влияние на нее житий Бориса и Глеба. Однако для меня важно здесь подчеркнуть, что составитель "Повести временных лет" начала XII в., зная уже не только об общерусском почитании святых, но и признании их Византией /см. ниже/, не дерзнул раньше времени назвать их святыми. То есть, что существенно, можно в определенной степени говорить об элементе достоверности в первом упоминании Бориса и Глеба как святых.

скольку только в 1088 г. в жизни вышгородского священника Лазаря произошли изменения, и он стал игуменом Выдубицкого монастыря, а затем, в 1105 г. - епископом Переяславля-Южного.[26]

Когда же именно? Установить время ее написания помогает "ошибка" автора в указании числа месяца описываемых торжеств. В статье указывается 2-е мая, а на самом деле торжества происходили 20-го мая /см. "Чтение" Нестора и древний месяцеслов/. Это не простая описка переписчика спутавшего буквы "како" /20/ с "веди" /2/, а влияние аналогичного события - перенесения мощей Бориса и Глеба уже при Владимире Мономахе в 1115 г., происходившего как раз 2 мая. Стало быть, автор статьи 1072 г. уже знал об этом перенесении мощей святых в 1115 г. Важно отметить, что ни в списках "Повести временных лет", ни в "Сказании о чудесах" - заключительной части "Сказания о Борисе и Глебе", также рассказывающей об этих событиях, нет "обратной" ошибки - датировки торжеств 1115 г. 20-м мая!

Следовательно, статья 1072 г. "Повести временных лет" дошла до нас в обработке второго составителя летописи, работавшего после 2 мая 1115 г., скорее всего, как увидим ниже, игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра.

Следующее упоминание имен Бориса и Глеба приходится на 1086 г. В статье под этим годом рассказывается о гибели князя Ярополка. Он был вероломно убит Нерадцем, и автор замечает, что ранее "блаженный князь" просил Бога дать ему смерть, "якоже двема братома моима, Борису и Глебу, от чюжю руку, да омыю грехы вся своею кровью"[27] и т.д. То есть, Борис и Глеб не названы и здесь святыми, хотя такое определение у летописца было, как говорится, на кончике пера, ибо:"въсприя /кн.Ярополк - А.У./ благая она, их же око не виде, ни ухо услыша, ... еже уготова Богъ любящимъ Его."[28]

И только, наконец, в статье под 1093 г., говоря о битве с половцами и трагедии на Стугне, автор замечает, что случилась эта беда "месяца иуля въ 23. Наутрия же въ 24, въ святою мученику Бориса и Глеба, бысть плачь великъ в граде." [29] И чуть ниже еще более важное для нас замечание:"...якоже ся створи в се лето первое зло на Възнесенье, ...второе же въ праздникъ Бориса и Глеба, еже есть праздникъ новый Русьскыя земля."[30]/Подчеркнуто мной -А.У./

Совершенно очевидно, что если бы праздник установился для всей Русской земли в 1020 или 1021 гг., или даже в 1035 г. при Ярославе Мудром, то спустя 70 или даже 58 лет, то есть, в третьем поколении, он уже не мог быть "новым праздником в Русской земле"! Да даже если бы он был установлен и в 1072 г., то есть, спустя 21 год, он уже был бы не такой уж и новый - целое поколение людей выросло. И кто не давал летописцу сообщить об этом в свое время? К тому же, если вести отсчет от 1072 г., то нужно говорить о дне памяти Бориса и Глеба 20 мая, когда было осуществлено перенесение их мощей, а не 24 июля - дне памяти Бориса.

Исходя из такого расклада и опираясь на упоминание имен Бориса и Глеба как святых в "Повести временных лет", можно предположить, что канонизация Бориса и Глеба произошла после 1086 г. но до 1093 г., и в 1072 г. Борис и Глеб еще не почитались общерусскими святыми.

На это указывает и одно важное обстоятельство /отмеченное тремя источниками: статьей 1072 г., "Чтением о Борисе и Глебе" и "Сказанием о Борисе и Глебе"/, что присутствующий при вскрытии в 1072 г. гробниц Бориса и Глеба митрополит-грек Георгий "бе бо нетвердъ верою к нима". И только удостоверившись в нетленности и благоухании их мощей /немаловажный факт при канонизации/ прославил Бога и просил прощения за свое неверие. При этом акте присут-

ствовал многочисленный клир и три князя - Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи. То есть, торжества происходили в строгом соответствии с церковным каноном.

Однако, освещение этого события в трех источниках - летописной статье 1072 г., "Сказании" и "Чтении" - разное. И различие взглядов авторов на происходящее позволяет определить как тех, чьи интересы они выражали, так и время работы над этими сочинениями.

Итак, собрались в мае 1072 г. Ярославичи: составили свод законов - "Правду Ярославичей" - и приняли участие в торжественном перенесении мощей блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба в новую церковь, построенную Изяславом в Вышгороде. Первыми взяли мощи Бориса, покоившиеся в деревянной раке /немаловажная деталь/. Перенесение сопровождал крестный ход во главе с митрополитом Георгием. В новой церкви раку открыли и все помещение наполнилось благоуханием, укрепившем веру в блаженных митрополита Георгия. Поцеловав мощи Бориса переложили их в каменную раку.

После этого взяли мощи Глеба, находившиеся и до этого в каменной раке /тоже важная деталь/ и перевезли в новую церковь. При внесении их в церковь рака остановилась. После воззвания народа: "Господи, помилуй!"-рака прошла. Эпизод зафиксирован тремя источниками. Братья и духовенство отпраздновали этот светлый праздник и разошлись восвояси.

Это - пересказ относительно нейтральной статьи 1072 г., написанной, как уже было сказано, в XII в. Сравним его с рассказом в "Сказании о Борисе и Глебе". Сюжет, в принципе, общий, но есть два существенных дополнения.

Первое - эпизод с благословением князей Ярославичей рукор Глеба. После народного восклицания "Господи, помилуй!", о котором

упоминается и в летописной статье 1072 г., в "Сказании" далее следует:"И моляхуся Господеви и святыма, и абие повезоша и. И целоваша святааго Бориса главу. А святааго Глеба руку, възьмъ же Георгий митрополит благословяше князе Изяслава и Всеволода. И пакы Святославъ имъ руку митрополичю и дрьжащю святааго руку прилагааше къ вреду, имъ же боляше на шии, и къ очима и къ темени. И по семь положи руку вь гробе. Начаша же пети святую литургию. Святославъ же рече къ Бьрнови:"Нечьто мя на голове бодеть." И сьня Бьрнъ клобукъ съ князя и виде ньгъть святаго и съня съ главы и въдасти и Святославу. Онъ же прослави Бога о благодарении святою."[31]

Пока нам этот эпизод ни о чем не говорит, хотя порождает вопрос: почему князья благославляются рукою Глеба - младшего из братьев-страстотерпцев, а не Бориса, мощи которого перенесли первыми?

Но вот перечень присутствующих на торжествах церковных иерархов заставляет задуматься. Традиционно упомянуты три Ярославича: Изяслав, Святослав, Всеволод и далее:"митрополитъ Георгии Кыевсьскый, другый Неофитъ Чьрниговьскый и епископи Петръ Переяславьскый и Никита Белогородьскый и Михаилъ Гургевьскый и игумени..."[32] и т.д.

Почему "Сказание" говорит о двух митрополитах? Ведь в летописной статье 1072 г. упомянут только один - митрополит Георгий. И в "Чтении" Нестора так же только один Георгий, с существенной ремаркой "тогда пасуща Христово стадо"[33], вроде бы кто-то пытался этот факт оспорить. Ошибка переписчика?

Не думаю, поскольку немногим ниже в "Сказании" при перечислении идущих за ракой Бориса, по отношению к митрополитам употреблено двойственное число:"...а по нихъ диякони, таче и прозвутери, и по сихъ митрополита."[34] То есть, об описке переписчика, сделавшего из черниговского епископа Неофита митрополита, говорить не приходится!

Этот факт позволяет заподозрить автора "Сказания" в умышленном превозношении черниговского епископа и даже в прочерниговской ориентации. И это подозрение становится еще бо́льшим, когда мы сравним эпизод с благословением князей рукой Глеба из "Сказания" с аналогичным эпизодом из "Чтения". Но в нем описано благословление Изяславичей, как ни странно, уже не рукою Глеба, а Бориса!

Митрополит "изя руку блаженаго Бориса, бе бо мощими лежай, и целоваше, прикладая къ очима и къ сердцю. Таче потомъ благослови ею благовернаго князя Изяслава, потомъ же брата его Святослава, и оста ноготь единь на главе его, на благословление ему, потом же пакы боголюбець Всеволода, - тако и вся."[35]

Возникает вопрос: а какая разница? А разница существенная. И нам понадобится некоторое отступление, чтобы во всем разобраться.

После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. его сыновья унаследовали следующие владения:

Старший - Изяслав - занял по старшинству Киевский престол.

Средний - Святослав - Черниговское княжество.

Младший - Всеволод - вокняжился в Переяславле. К нему отошло и Ростовское княжество, бывшее ранее за Борисом. Вот почему впоследствии Борис стал покровителем Всеволодовичей. Сын Всеволода - Владимир Мономах при новом перенесении мощей 2 мая 1115 г. несет раку именно с мощами Бориса, хотя должен был уступить это право по старшинству Давыду Святославичу, старшему в роду. В 1117 г. закладывает церковь на Альте, в своей резиденции, в месте, где согласно "Повести временных лет" был убит Борис. В своем "Поучении" Владимир Мономах называет 24 июля днем Бориса, а не Бориса

и Глеба. В мономаховой семье хранилась драгоценная реликвия - меч Бориса, которым впоследствии безуспешно пытался защититься от убийц внук Мономаха - Андрей Боголюбский.[36] То есть, совершенно очевидно, что Борис был патроном Всеволодовичей.

А что же Глеб? Муромские земли Глеба, как известно, вошли в состав Черниговского княжества, унаследованного Святославом. Глеб выступает покровителем Черниговских князей, и в частности, Святославичей. В свете этих обстоятельств и стал слагаться местный культ Глеба.

Как показали исследования В.И.Лесючевского[37] и особенно М.Х. Алешковского [38], первоначально вообще сложился культ Глеба, а потом Бориса /не случайно при перенесении мощей в 1072 г. Глеб уже был в каменном саркофаге - обязательном условии при канонизации/. Причем культ Глеба возник на Смоленщине /месте его гибели/ и в Чернигове. В Чернигове после 1072 г. появляются кресты-мощевики /энколпионы/, на лицевой стороне которых помещалось изображение Глеба, а не Бориса!

Очень обстоятельно исследовавший эту проблему М.Х.Алешковский пришел к весьма важным для нас выводам, что церковный культ Бориса и Глеба возник только после 1072 г., причем первоначально в Чернигове и как Глебоборисовский. Борисоглебский установился несколько позднее и уже в Киеве.[39] /Когда точно - исследователь не установил/.

Важным подтверждением выводов ученого служит тот факт, что до сих пор не известно ни одной печати XI в. с изображением князей, нет их изображения и на фресках Софии Киевской. То есть, вплоть до 70-х годов XI в. иконография святых еще не выработалась.(x)

(x)Правда, "Чтение" Нестора сообщает, что уже Ярослав Мудрый "повеле же и на иконе святою написати, да входяще вернии людии въ

Нельзя, однако, пройти мимо другого аргумента ученого, который можно подвергнуть сомнению.

В 1050 г. Изяслав Ярославич называет своего сына Святополком - именем убийцы Бориса и Глеба. "Тем самым, - отмечает историк,- в 1050 г. Борис и Глеб еще не были официально канонизированы, а Святополк еще не был предан анафеме." [41] В дошедших до нас списках службы Борису и Глебу на 24 июля Святополк, как убийца братьев, действительно предается церковному осуждению. По мнению М.Х. Алешковского, Изяслав не посмел бы назвать своего сына этим именем, если бы служба была написана до 1050 г. Следовательно, заключает ученый, она составлена не легендарным митрополитом Иоанном I при Ярославе Мудром, а в годы святительства в Киеве Иоанна II /1077-1088/.

Вот по поводу этого вывода М.Х.Алешковского и напрашивается возрожение. До нас дошли службы конца XI - нач. XII вв. в списках XII в., т.е. службы окончательно сложившиеся, прославляющие святых "всю землю русскую просвятивших", [42] их память 24 июля уже официально была причислена к великим годовым праздникам. И по окончательному составу службы нельзя судить, какой она была в 50-х годах XI в. И здесь еще раз уместно сослаться на исследователя службы Д.И.Абрамовича:"С распространением памяти свв.Бориса и Глеба потребовалась более торжественная церковная служба, а "творение"

церковь ти видяше ею образъ написанъ, и акы самою зряще, ти тако с верою и любовию поклоняющеся има." [40] Но тот факт, что до 70-х годов XI в. не выработалась традиция иконописания, только свидетельствует о сложении общерусского культа святых Бориса и Глеба в более позднее время.

митрополита Иоанна дополняется новыми песнопениями и молитвословиями." [43] Не исключено, что именно Киевский Митрополит Иоанн П /1077-1088/ и завершил работу над службами, составленными его одноименным предшественником /об этом еще будет разговор ниже/.

Что же касается использования впоследствии русскими князьями имени Святополка, то утверждение М.Х.Алешковского так же не выдерживает критики. Не только Изяслав Ярославич назвал своего сына этим именем, но и сын Владимира Мономаха - Мстислав Великий /1076-1132/, причем уже тогда, когда Борис и Глеб были официально канонизированы и уже наверняка сложилась полная служба святым на 24 июля с анафемой Святополку. [х]

Но это попутное замечание по поводу слабых аргументов в рассуждениях М.Х.Алешковского.

Для нас же сейчас важен тот отмеченный ученым приоритет, который отдавал черниговец Святослав своему покровителю Глебу Муромскому перед его старшим братом, ибо культ Глеба, как местночтимый, сложился в Чернигове ранее Борисоглебского культа в Киеве. Тогда становится понятным, почему именно Глеб оставляет, согласно "Сказанию", свой ноготь на голове черниговца Святослава в знак своего ему покровительства и благоволения.

Следовательно, события 1072 г. отражены автором "Сказания" с просвятославовых позиций.

Важно напомнить, что в дальнейшем в Киеве и по всей Руси установился Борисоглебский культ, отраженный повсеместно и в церковных праздниках, и в службе, и в проложных сказаниях, и в "Чтении"

[х] Год рождения Святополка Мстиславича не известен. Надо полагать, исходя из возраста отца, он родился в 90-х годах XI в., а умер в 1154 г. [44]

Нестора. Стало быть, начальная часть "Сказания о Борисе и Глебе" /без "Сказания о чудесах"/, заканчивающаяся рассказом о перенесении мощей святых в новую церковь в 1072 г., была написана, во-первых, до официального установления Борисоглебского культа, а, во-вторых, когда официальным заказчиком этого сочинения мог выступить черниговец Святослав.

Когда же это могло произойти?

Обратимся к истории. Через год после рассматриваемых событий, а именно весной 1073 г., Святослав, заручившись поддержкой Всеволода, изгнал из Киева старшего брата Изяслава, нарушив тем самым заповеданный отцом принцип престолонаследования по старшинству.

С вокняжением в Киеве Святослав "умысли създати цьрьковь каменну святыма" взамен деревянной, только год назад выстроенной Изяславом. Совершенно очевидно, что он придавал большое значение культу Глеба и Бориса. И только смерть в 1076 г. помешала закончить это строительство. Стены церкви были возведены на 80 локтей, то есть, на три метра! Довольно интенсивное строительство.

По своему характеру Святослав был очень энергичным князем. За три с половиной года своего княжения он сделал едва ли не больше, чем его брат за 19 лет.

Как мы знаем, питал он интерес и к книгам, о чем свидетельствуют "Изборники" 1073 и 1076 гг. И только в его княжение в Киеве могло появиться проглебовское сочинение с легендой о ногте Глеба, оставленном на его, т.е. Святослава, голове. Это утверждение подтверждается фактом упоминания Неофита Черниговского в сане митрополита.

Как известно, бывший в Киеве митрополит Георгий, упоминаемый тремя нашими источниками, в конце 1072-начале 1073 г. отправился

в Грецию /сообщение об этом имеется и в "Чтении" Нестора, и в "Повести временных лет"/ и больше уже на Русь не возвратился. Его преемник Иоанн II приехал только в 1077 г.

Стало быть, когда в Киеве вокняжился Святослав, митрополичья кафедра пустовала. Может быть, Святослав "назначил" своего черниговского епископа престолоблюстителем на время отсутствия в Киеве митрополита.[x] А работавший именно в это время над "Сказанием" черниговский /или прочерниговский/ автор тут же поспешил возвести епископа Неофита в ранг митрополита.[xx] Трудно допустить, чтобы независимый от Святослава автор "Сказания" написал бы рядом с именем Киевского митрополита Георгия, официально поставленного на Русь византийским патриархом, имя другого - неутвержденного - черниговского епископа Неофита, если бы Георгий пребывал на Руси, а не в Византии, или уже приехал новый митрополит Иоанн. Немаловажно и отношение заказчика, т.е. Киевского князя, к подобным "вольностям" автора. Без его согласия такое "возвышение" Неофита

[x] В этой связи вспоминается похожий эпизод из нашей истории середины XIII в., когда Михаил Черниговский, занявший временно Киев, назначил около 1243 г. на пустовавшую митрополичью кафедру Петра Акеровича и отправил его даже с особыми полномочиями на церковный Собор в Лион.[45]

[xx] То, что "Сказание" было написано не в Киевском Печерском монастыре, совершенно очевидно. Игумен монастыря Феодосий и монахи были сторонниками заповеданного Ярославом Мудрым престолонаследования по старшинству. Они /за исключением Антония/ поддерживали изгнанного Изяслава и осуждали Святослава. Не помогло даже его пожертвование в 100 гривен на строительство Печерской церкви Успения Богородицы. На службе Феодосий по-прежнему поминал первым Изяслава, а за ним - Святослава.

едва ли было бы возможным.

Стало быть, "возведение" черниговского епископа Неофита в митрополиты автором "Сказания" могло произойти только в период отсутствия настоящего Киевского митрополита, то есть, между 1073 и 1077 гг.

Необходимо подчеркнуть, что ни в статье 1072 г. "Повести временных лет", ни в "Чтении" Нестора имя Неофита не упоминается вовсе. Факт весьма красноречивый, ибо свидетельствует, что эпизод с "епископом-митрополитом" Неофитом был важен только черниговцам, то есть ему самому и, возможно, Святославу.

В этой связи знаменательна статья 1073 г. "Повести временных лет":"В се же лето основана бысть церкви Печерьская игуменомъ Феодосьемъ и епископомь Михаиломъ, митрополиту Георгию тогда сущю въ Грьцехъ, Святославу Киеве седящю." О Неофите - ни слова. Очевидно, он был просто ставленником Святослава Ярославича, и, не исключено, именно под его руководством и было написано "Сказание о Борисе и Глебе", точнее, первая его часть, называемая учеными "Сказание о гибели Бориса и Глеба", заканчивающаяся описанием перенесения мощей князей в 1072 г.

Составление "Сказания" могло быть как-то связано со строительством Святославом каменной церкви во имя Глеба и Бориса. Точнее, заказано к торжествам, которые планировались по ее завершении, и выразились бы в очередном перенесении мощей страстотерпцев. Но Святослав неожиданно умер, церковь осталась недостроенной.

В 1076 г. в Киев возвращается Изяслав, за два года не проявивший интереса к новостройке. 3 октября 1078 г. он погиб в битве с сыном Святослава черниговским князем Олегом на Нежатиной ниве.

Киевский престол занимает младший из Ярославичей - Всеволод, княживший до своей смерти 13 апреля 1093 г. Всеволод возобновил

строительство каменной церкви: как и Святослав, он был заинтересован в укреплении культа страстотерпцев, но не Глебоборисовского, черниговского, а Борисоглебского, поскольку Борис был покровителем Всеволода.

За год до его вокняжения в Киеве на Русь приезжает новый митрополит Иоанн II /1077-1088/. "Повесть временных лет" характеризует его как "мужа хытра книгамъ и ученью", был он, по словам летописца,"речисть же, книгами святыми утешая печалныя, и сякого не бысть преже в Руси, ни по немъ не будеть сяк." 46

Во времена его пастырской деятельности в Киеве, видимо, и произошло официальное утверждение святых Бориса и Глеба общерусскими святыми, установление Борисоглебского культа, чему способствовало определение дня гибели Бориса /24 июля/ днем памяти святых и великим годовым праздником, и окончательное сложение службы на этот день. /Напомню, что "Повесть временных лет" под 1093 г. говорит о дне памяти святых 24 июля как о новом празднике в Русской земле/.

Как мы знаем, церковный канон, точнее церковная служба святому, предусматривает наличие жития святого, в нашем случае - святых. Имевшееся уже тогда "Сказание о гибели Бориса и Глеба" не могло претендовать на эту роль, поскольку в жанровом плане не являлось каноническим житием святых, и больше походило на историческую повесть /об этом говорили многие исследователи/. И главным аргументом в этом утверждении выступает тот факт, что в "Сказании о погибели Бориса и Глеба" нет ни одного доказательства проявления Борисом и Глебом своей святости - Божьего дара чудотворения - по перенесении их мощей в новую церковь. В то же время, дар чудотворения - это главное доказательство святости /тем более, что грек Георгий сомневался на сей счет/, а его описание - ключево

эпизод жития святого.

К тому же, видимо, еще не стерлось в памяти и имя заказчика "Сказания" - Святослава Ярославича, силой, а не по старшинству, занявшего Киевский великокняжеский престол, и проглебовские тенденции написанного при нем сочинения. Одним словом, "Сказание о гибели Бориса и Глеба" не подходило под житие святых по всем параметрам.

Необходимое каноническое житие святых Бориса и Глеба создается в стенах Киевского Печерского монастыря его монахом Нестором.

Печерский монастырь, так же как и Всеволод, был сторонником Борисоглебского культа, в котором отражался принцип старшинства в престолонаследовании. Именно поэтому в его стенах не могло быть написано житие типа "Сказания о Борисе и Глебе", в котором хотя бы в одном эпизоде приоритет отдавался младшему брату - Глебу.

Нестор в "Чтении о Борисе и Глебе" расставляет все по своим местам: в описании майских торжеств 1072 г. князья благословляются рукою старшего святого - Бориса /первым и перенесенного в новую церковь/ и в строгой возрастной последовательности: Изяслав, Святослав, Всеволод /в "Сказании", напомню, благословлялись рукою Глеба Изяслав и Всеволод, а Святослав сам покрыл себе голову рукою святого[x]/. То есть, Нестор восстанавливает приоритет Бориса перед Глебом.

Важно также отметить, что Нестор писал именно житие святых, обязательной частью которого было описание чудотворений, происходящих у их гроба. Что таким именно и был план сочинения, свидете-

---

[x] Это проявление самостоятельности Святославом в эпизоде с рукою Глеба вызывает аналогию с другим проявлением самостоятельности Святославом - самовольным захватом Киевского престола.

льствуют слова самого Нестора в конце "Чтения": "Се же азъ, Несторъ грешный, о житии и о погублении и о чюдесехъ святою и блаженою страстотерпцю сею, опасне ведущихъ исписавъ я ..." [48] Автор же "Сказания о гибели Бориса и Глеба" таких задач перед собою не ставил.

Описание чудес, а точнее рассказ Нестора о сухорукой жене - услышанная им от нее самой история о поражении ее Николаем Угодником и исцелении святыми Борисом и Глебом в день Успения Богородицы 15 августа, пришедшемся на воскресенье, позволили А.А.Шахматову датировать "Чтение".

По мнению ученого, "Чтение" не могло быть написано ранее 1081 года, поскольку после перенесения мощей святых в 1072 г. Успение Богородицы приходилось на воскресенье только в 1081 г. Стало быть, "Чтение" с описанием чудес было создано после 15 августа 1081 г., но до 1088 г.[49] Вторая дата появилась в результате следующих рассуждений.

По свидетельству Нестора в "Житии Феодосия Печерского", вначале он написал "о житие и о погублении и о чюдесехъ святою и блаженою страстотрьпьцю Бориса и Глеба", а затем "понудихъ ся и на другое исповедание прийти" - о Феодосии Печерском.

По мнению А.Шахматова, "Житие Феодосия Печерского" было написано до 1088 г. и основанием для такого заключения ему послужили два следующих факта.

Нестор охотно в своих сочинениях забегает вперед в изложении судеб описываемых им лиц, но не сообщает о смерти в 1088 г. игумена Никона и о перенесении в 1091 г. мощей Феодосия Печерского /для жития Феодосия факт знаменательный/.[50]

Несомненно, если бы Нестор писал "Житие Феодосия Печерского" после 1091 г., а тем более после 1108 г., как полагал С.А.Бугос-

лавский [51] и считает А.Г.Кузьмин [52], то обязательно включил бы в "Житие" и "Слово" о перенесении его мощей. Наоборот же, отдельное существование "Слова о перенесении мощей", на мой взгляд, может свидетельствовать о более позднем его написании относительно "Жития" и как самостоятельного дополнения к нему. На такое его положение указывает и место "Слова" в "Киево-Печерском патерике", где оно следует за "Житием Феодосия Печерского", но не объединено с ним.

К наблюдениям А.А.Шахматова добавлю еще два. Нестор, постоянно следящий во всех своих сочинениях за судьбою Стефана, постригшего его в монахи, не сообщает в "Житии Феодосия Печерского" о его смерти 27.04.1094 г., как, впрочем, и в "Слове о перенесении мощей". То есть, оба произведения были написаны до 1094 г.

Наконец, обратим внимание на еще одно замечание Нестора, которое, как мне кажется, так же помогает уточнить время его работы над "Житием Феодосия Печерского": "Се бо елико же выше о блаженемь и велицемь отци нашемь Феодосии опытовая слышахъ от древьниихъ мене отець, бывшихъ въ то время, та же выписахъ азъ грешьныи Несторъ, мьнии вьсехъ в манастыри блаженаго и отца вьсехъ Феодосия." [53]

Нельзя ли эти слова Нестора понимать так, что он, меньший всех в монастыре по возрасту /"мьнии вьсехъ"/ монах, распрашивал старших /"древьниихъ мене"/ за себя отцов-иноков Печерского монастыря о Феодосии, и выше изложил услышанное?

И.И.Срезневский в "Материалах для словаря древнерусского языка" в комментариях к словам "мьнии=мнии=меньшии" дает первым именно значение "младший по возрасту" со следующим примером:"Чловекъ некыи име дъва сына, и рече мьнии сынъ его". [54]

В словах Нестора отчетливо прослеживается сравнение, точнее -

противопоставление возраста его самого, записавшего рассказы о Феодосии, и возраста монахов, от которых он эти рассказы слышал.

Если бы Нестор хотел самоуничижением подчеркнуть свое "низшее" положение в монастыре /и такое значение имеет иногда слово "мьнии"/, то была бы в этой антитезе иная пара слов - "старей-мьний": "Аще къто хощеть старей быти, да будеть вьсехъ мьнии и вьсем слоуга."[55] В первом же случае, у Нестора, противопоставлялись слова "древьниихъ-мьнии" в возрастном значении.

Кстати сказать, Нестор и в "Чтении" использует трижды слово "мьнии" в значении "младший по возрасту", усиливая его другим - "уней": "Сий Давыдъ /христианское имя Глеба - А.У./ мний /вар.- менший/ бе въ братьи своеи и уней в дому отца своего." [56] То есть, меньший /младший/ среди братьев и самый молодой /вар."уней-юнейший"/ в доме.

В этом пассаже Нестора не может быть иной трактовки слова, поскольку очевидно, что он не только говорит о юном возрасте Глеба /"Бе же Глебъ велми детескъ" [57]/, но и всячески подчеркивает этот юный возраст святого, сравнивая Глеба с юным Давидом: "Святому же Глебови отворено имя Давыдъ. Видиши ли благодать Божию изъмлада на детищи? Створиша бо, рече, имя ему Давыдъ: како или кымъ образомъ? Не им же ли: онъ бе мний въ братьи своей /т.е. младший -А.У./, тако же и сий святый. Яко же бо и самъ пророкъ свидетельствуеть, глаголя:"мний бе въ братьи моеи и уней /вар.- юнейший/ въ дому отца моего" и прочее; тако же и сий Давыдъ мний /вар.- менший/ бе въ братьи своеи и уней в дому отца своего." [58]

Важно здесь отметить, что в украинском языке XIУ-ХУ вв. основное значение слова "меньший" было именно как "младший".[59] А позднее, и в современном украинском языке, сохранилось только возрастное значение слова "меньший" [60] при характеристике человека.

Стало быть, и в общей практике, и, что для нас важнее, прак-

тике Нестора слово "мьний-меньший" имело оценочное возрастное значение. То есть, говоря о себе "азъ... Несторъ, мьнии вьсехъ в манастыри", древнерусский агиограф подчеркивал, прежде всего, свой молодой возраст.

На это так же указывает еще одна Несторова антитеза из "Жития Феодосия Печерского", в которой он сравнивает /в противопоставлении/ себя на сей раз со старейшим Никоном, а не всей братией.

Чуть выше приведенных слов Нестора о себе /в том же столбце по "Успенскому сборнику"/, он так говорит о Никоне: "яко же томоу /т.е. Никону - А.У./ старейшю соущю вьсехъ, се бо и блаженыи отець нашь Феодосий от того роукоу пострижения съподобися." 61

Это сравнивающее противопоставление "старейшего вьсехъ" игумена Печерского монастыря Никона и "мьнии вьсехъ" в монастыре инока Нестора очень заметно.

Сравнение с"великим Никоном", известным книжником, делало честь Нестору, хотя и было дерзновенно. Поэтому антитеза и оказалась несколько растянута, хотя и очевидна: Нестор рассказал об избрании в игумены старейшего /по возрасту!/ Никона, и затем поведал и свою историю с поступлением в монастырь. Такое сравнение в духе Нестора. Вспомним, что он первым в древнерусской литературе стал указывать свое имя в агиографических сочинениях, вносить в них автобиографический элемент. А ведь это было нарушением традиций византийской агиографии. Поэтому ничего нет удивительного в том, что молодой Нестор, "множьствъмь греховъ напълненъ сыи от уности" не устоял еще пред одним и подчеркнул свой молодой возраст. Да простится ему этот невеликий грех, помогающий нам установить время работы молодого инока над "Житием Феодосия Печерского".

Нестор родился около 1056-57 гг. и вряд ли бы написал после

1108 г.,[x] когда ему уже было за 50 лет, а число монахов перевалило за сотню, что он "мьнии вьсехъ" - младший по возрасту в монастыре...

Исходя из выше сказанного, я не могу согласиться с мнением С.А.Бугославского и его последователей, что Нестор написал "Житие Феодосия Печерского", а ,стало быть, и "Чтение о Борисе и Глебе" только после 1108 г., и поддерживаю точку зрения академика А.А.Шахматова - оба сочинения были написаны Нестором до 1088 г. - с небольшим уточнением.

Вспомним, что в статье "Повести временных лет" под 1086 г. Борис и Глеб не названы еще святыми. А в 1093 г. день памяти их 24 июля отмечается как новый общерусский праздник. Следовательно, и служба на 24 июля доработанная /расширенная/ митрополитом Иоанном П, и житие святых - "Чтение о Борисе и Глебе" Нестора - как необходимое дополнение к ней, завершены, надо полагать, между 1086 и 1088 гг. То есть, в эти два года, видимо, и сложился полный церковный канон службы святым Борису и Глебу, и они стали официально признанными первыми русскими святыми.

Скорее всего, составление полного служебного канона приурочивалось к новым торжествам по случаю завершения Всеволодом строительства начатой еще Святославом большой каменной церкви в честь святых. В сходной ситуации в бытность самого Святослава было написано "Сказание о гибели Бориса и Глеба". Судя по тому, что Борис был покровителем Всеволода, торжества намечались на день памяти Бориса, т.е. на 24 июля. Но, как мы знаем из "Сказания о чудесах", в ночь после завершения строительства церковь рухнула, и

---

[x] Напомню, что С.А.Бугославский и А.Г.Кузьмин полагали, что Нестор работал над "Житием Феодосия Печерского" после 1108 г. /см. прим. 50,51/.

Всеволод не предпринимал больше попыток восстановить ее.

Новые торжества по перенесению мощей страстотерпцев Бориса и Глеба не состоялись. Тем не менее, усилиями киевского князя Всеволода Ярославича, митрополита Иоанна II и Печерского монастыря[x] день памяти Бориса и Глеба 24 июля стал великим годовым церковным праздником, а святые Борис и Глеб почитаемыми не только во всей Русской земле, но и за ее пределами.

Уже в 1095 г. в церкви чешского Сазавского монастыря был построен придел в честь святых Бориса и Глеба; в конце XI или начале XII в. в Софии Константинопольской находилась икона Бориса и Глеба,

---

[x] Печерский монастырь долгое время не принимал церковной политики Киевского митрополита Иоанна II, ориентированной на единение с католичеством, и потому, видимо, не приглашал его как митрополита, в чьем ведении находился монастырь, освятить церковь Успения Пресвятой Богородицы, заложенную еще в 1073 г. Одиннадцатилетний перерыв между окончанием строительства /1.VIII.1078 г./ и освящением церкви митрополитом Иоанном II /14.VIII.1089 г./ может служить тому подтверждением. Не исключено, что отход митрополита Иоанна от идеи единения западной и восточной церквей, и совместные усилия монастыря и митрополита по официальному утверждению культа общерусских святых Бориса и Глеба, и примирили Печерский монастырь с Киевским митрополитом. Во всяком случае, по смерти он удостоился лестной характеристики в "Повести временных лет" /см. выше/, первоначально составленной в этом монастыре, причем в той ее статье, которая, скорее всего, принадлежит перу самого Нестора. Тем большую ценность имеет эта оценка соавтора службы Борису и Глебу.

а в Испигасе была построена в их честь церковь.[62]

Так-что, думаю, не правы те исследователи, которые относят составление "Чтения" Нестора - первого канонического жития святых - к началу XII в., когда культ святых Бориса и Глеба уже перешагнул границы Руси, т.е. уже был официально признанным даже Византией. А это само собой подразумевало наличие полного, т.е. с житием, служебного канона святым.

Поскольку иного канонического жития святых Бориса и Глеба на то время не было, то приходится с уверенностью признать, что им стало уже во второй половине 80-х годов XI в. "Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба" Нестора.[XV]

Вернемся, однако, к прерванному изложению, чтобы проследить и дальнейшую судьбу рухнувшей церкви, и расширение культа святых Бориса и Глеба в Древней Руси.

Принявший киевский престол после Всеволода Святополк Изяславич, как и отец его, "не дрьзну" на новое церковное строительство. В 1102 г. Владимир Мономах тайно позолотил серебряные саркофаги святых. Его двоюродный брат Олег Святославич взялся завершить начатое отцом строительство и восстановил в 1111 г. церковь, однако Святополк не позволил Черниговскому князю перенести мощи святых Бориса и Глеба из деревянной отцовской, т.е. Изяславовой церкви, в каменную Святославову, "зане не самъ бяше ее създалъ, церькве тоя." [63]

Новые торжества по перенесению мощей Бориса и Глеба в новую каменную церковь, гораздо более пышные, чем в 1072 г., состоялись

[XV] О строгом соблюдении Нестором агиографического канона писали практически все исследователи, занимавшиеся изучением "Чтения", и ставили ему это в вину, хотя нужно было причислить к достоинствам...

2 мая 1115 г., уже во время правления Владимира Мономаха.

Даже сама история строительства каменной церкви в честь святых Бориса и Глеба подчеркивает дифференцированный подход и различные интересы как Ярославичей, так и их сыновей в отношении к культу Бориса и Глеба. Очевидно, что просвятославова тенденция /выражавшаяся в первопочитании Глеба/ не нашла поддержки у последующих киевских князей, а только у его сына Олега, князя Черниговского, закончившего отцово строительство. Но он не был киевским князем и столь влиятелен, как Мономах /правда, в споре, где стоять саркофагам святых, разрешенном с помощью жребия, победил Олег/.

Вся вышеизложенная история со строительством каменной церкви описана во второй части "Сказания о Борисе и Глебе", имеющей в тексте название "Съказание (о) чюдес(ехъ) святою страстотьрпьцю Христову Романа и Давида" или, сокращенно, "Сказание о чудесах", продолжившем первую часть /после заметки "О Борисе как бе възърмь"/, условно названную "Сказание о гибели Бориса и Глеба".

В мои нынешние планы не входит выяснение истории сложения дошедшего до нас полного текста "Сказания о Борисе и Глебе",[64] но несколько замечаний мне все же придется сделать.

Для меня является очевидным, что "Сказание о гибели" и рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба в 1072 г., помещенный уже в "Сказание о чудесах", были написаны в годы княжения в Киеве Святослава, т.е. между 1073 и 1077 гг. И свои рассуждения по этому поводу я изложил выше. Что же касается описаний трех чудес – о хромом, сухорукой жене и слепце из "Сказания о чудесах", то они были сделаны гораздо позднее /и даже не в 80-х годах, когда произошло чудо с сухорукой женой/, и в иной, нежели у Нестора, редакции. К ним примыкает и эпизод о заключенных в темницу, произошедший, якобы, при Святославе Ярославиче /а у Нестора – при

его отце - Ярославе Мудром!/ и рассказ о золочении раки святых Владимиром Мономахом в II02 г., повествование о новом перенесении мощей святых Бориса и Глеба 2 мая III5 г.

Совершенно очевидно, что эта часть "Сказания о Борисе и Глебе" не могла быть написана ранее последней даты.

Помещение описания событий 20 мая I072 г. в более позднее по созданию "Сказание о чудесах", иная, чем у Нестора, редакция трех чудес, иная, по сравнению с Нестором же, интерпретация эпизода с заключенными позволяют сказать, что при написании "Сказания о чудесах" была проделана его автором большая работа по переделке существовавших на то время текстов. Любопытно, что рассказ о сухорукой жене поведан не с ее слов, как у Нестора, а со слов Лазаря, Вышгородского священника, того самого, о котором упоминает и летописная статья I072 г., и "Сказание о чудесах" при передаче торжеств III5 г., но уже как епископа Переяславльского. Нестор же ни разу не упоминает Лазаря. "Разночтения" в описании чуда с сухорукой женой, на которые часто ссылаются исследователи, объясняются просто разными источниками информации, положенными в его основу: у Нестора - рассказа исцеленной, у автора "Сказания о чудесах" - бывшего в то время священником в Вышгороде Лазаря, который, кстати сказать, упоминается в этом небольшом сочинении трижды, что может свидетельствовать о близости автора к Лазарю.

Закономерно возникает вопрос, когда и где "Сказание о чудесах" было написано и объединено со "Сказанием о гибели Бориса и Глеба", то есть, когда и где возникло дошедшее до нас цельное "Сказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба" - второе, соответствующее церковному канону, житие святых?

Совершенно очевидно, что после перенесения мощей святых Бориса и Глеба 2 мая III5 г. Где же была выполнена эта работа и поче-

му в его основу легло "Сказание о гибели Бориса и Глеба", а не каноническое "Чтение"?

В "Сказании о чудесах" ярко выражена промономахова позиция автора; несомненно, он был и соратником, и сторонником Мономаха.[65] Неоднократные упоминания в "Сказании о чудесах" игумена Выдубицкого монастыря Лазаря, впоследствии Переяславльского епископа, дает возможность предположить, что работа над "Сказанием о Борисе и Глебе" велась в Выдубицком монастыре, основанном отцом Владимира Мономаха - Всеволодом.[x]

Из истории сложения "Повести временных лет" мы знаем, что вторая ее, так же промономахова, редакция, датируемая III6-III7 годами, была сделана игуменом этого, т.е. Выдубицкого, монастыря Сильвестром, который, кстати сказать, унаследовал свое игуменство от Лазаря /а по смерти последнего и Переяславльскую епископию/. Нет ничего удивительного, что промономаховы произведения выходили из стен княжьего монастыря Всеволодовичей. Это даже закономерно. Сильвестру, видимо, принадлежит и статья "Повести временных лет" I072 г. о перенесении мощей Бориса и Глеба с упоминанием имени Лазаря в конце.

Когда Нестор писал свое "Чтение", Выдубицкий монастырь еще не был основан /только в I088 г./, поэтому полное /с чудесами/ житие святых Бориса и Глеба было написано в Киевском Печерском монастыре, и оно вполне отвечало тогдашним взглядам княжившего в то время в Киеве Всеволода: отстаивало принцип старшинства в престолонаследовании и Борисоглебский культ.

[x] Н.Н.Воронин считает Лазаря даже автором "Сказания о Борисе и Глебе".[66]

С упрочением позиции Выдубицкого монастыря стало проявляться соперничество двух обителей. Прорусскую позицию, идущую от первого из русских митрополита, а до этого - вышгородского священника Илариона, отстаивал Печерский монастырь, старейший из известных на Руси. Позицию грекофилов Всеволодовичей /"Мономаховичей"/ выражал их княжий Выдубицкий монастырь. Вот почему переработка печерской редакции "Повести временных лет" была произведена по заказу Владимира Мономаха именно в Выдубичах, причем, обращаю внимание, почти в то же самое время, когда было написано "Сказание о чудесах", точнее, "Сказание о Борисе и Глебе" - после III5 г., но до III7 г. - смерти Лазаря, открытии церкви святых на Альте и т. д.[x]

Почему же дорабатывалось "Сказание о гибели Бориса и Глеба", а не переделывалось "Чтение"?

На мой взгляд, это можно объяснить несколькими причинами. Вышедшее из стен Печерского монастыря "Чтение о Борисе и Глебе" являлось строгим каноническим житием святых, написанном для церковной службы на 24 июля, и было трудным для переделок: в нем были и своя концепция событий, и своя идеология - противная выдубичанам. "Сказание о гибели", хорошо известное Мономаху, одно время княжившему в Чернигове, нуждалось в дополнениях - рассказах о чудесах, творимых святыми, и некоторых переделках, направленных на соединение двух произведений в одно целое. Поэтому Выдубицкий монастырь взял за основу "бесхозное""Сказание о гибели Бориса и Глеба".

За 40 с лишним лет после его написания стерлась важная в свое

---

[x]Попутно замечу, что еще А.А.Шахматов указывал на связь "Сказания о Борисе и Глебе" с летописанием этого времени.[67]

время для Святослава Ярославича проглебовская направленность произведения. Установился прочно Борисоглебский культ, и для автора "Сказания о Борисе и Глебе" уже было не актуально, рукой какого святого благословлялись князья, главное, что благословлялись. В то же время появляется статья "О Борисе, как бе въэрьмъ" - об облике покровителя Всеволодовичей, а во второй, видимо, специально написанной части произведения - "Сказании о чудесах" -отчетливо выразилась промономахова позиция писателя. Поэтому и в целом "Сказание о Борисе и Глебе" получилось промономаховым, и вполне удовлетворило княжившего в Киеве Владимира Мономаха.

Создавалось "Сказание о Борисе и Глебе" после торжеств 2 мая III5 г., ибо повествует о них. Эти торжества, по всей вероятности, были призваны затмить своей пышностью предыдущие. Во всяком случае, Владимир Мономах стремился к этому. А задача новосоставленного жития святых, уже соответствующего церковному канону, вытеснить на службе 24 июля "Чтение о Борисе и Глебе", что ему в значительной степени удалось.

Сама же служба на 2 мая сложилась позднее /вот почему новое житие не связано с нею/. Сохранившиеся служебные минеи XII в. на май месяц ее не имеют. Но, видимо, прав Д.И.Абрамович, полагавший, что написана она не позднее II9I г., "когда мощи святых мучеников были перенесены из Вышгорода в Смоленск, на Смядынь. Так, в одной из стихирь на вечерни читаем "Радуйся и веселися, Вышграде, красуися и веселися, святая церкви, в нюже пренесена быста исцелению святая источника..." 68

Подведем итоги всему сказанному.

Со всей достоверностью можно заключить, что "Сказание о гибели Бориса и Глеба", содержащее и рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба 20 мая I072 г. в новую церковь, было написано в княжение

Святослава Ярославича в Киеве между 1073 и 1076 гг., отражало его интересы и Глебоборисовский /черниговский/ культ святых. Оно не могло быть написано позднее, поскольку не соответствовало взглядам /прежде всего - проглебовским/ ни одного последующего Киевского князя, и просвятославовы интересы так четко не отражены ни в одном другом литературном произведении последующего времени.

Для церковного почитания первых русских святых Бориса и Глеба митрополитом Иоанном II между 1086 и 1088 гг. была составлена расширенная служба им на 24 июля - день гибели Бориса. А первая, простая, была написана еще митрополитом Иоанном I до 1035(36)г.

Устанавливался Борисоглебский /киевский/ культ святых.

В это время, т.е. так же между 1086 и 1088 гг., монахом Печерского Киевского монастыря Нестором и было создано полное житие святых - "Чтение о житии и о погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба", в котором так же утверждался Борисоглебский культ. В нем был заинтересован княживший в то время в Киеве Всеволод Ярославич, покровителем которого выступал святой Борис. С этого времени 24 июля - день святых мучеников Бориса и Глеба - стало отмечаться как новый праздник в Русской земле.

Отмечу также, что в "Чтении о Борисе и Глебе", написанном во второй половине 80-х годов XI в., нет еще мотива общерусского значения культа Бориса и Глеба, поскольку и сам культ новоканонизированных святых еще не был широко распространен на Руси. Но он отчетливо выражен в похвале святым Борису и Глебу в "Сказании о чудесах", произведении уже второй половины 20-х годов XII в.

На такое распространение культа святых Бориса и Глеба - от местночтимых до общерусских - указывает и эволюция службы им на 24 июля.[70]

Важно отметить, что в начале XII в. у Нестора не было ни повода /князья уже были официально канонизированы/, ни поддержки в

лице заинтересованного Киевского князя, для создания канонического жития святых. Княживший в Киеве в 1098-1113 гг. Святополк Изяславич не проявлял интереса к распространению культа святых, но и не разрешил Олегу Святославичу перенести их мощи в новую церковь. А мы можем говорить о литературной деятельности Нестора только до 1112-1113 гг. То есть, Нестор, в силу объективных причин, мог работать над первым своим агиографическим сочинением только между 1086 и 1088 годами.

С вокняжением в Киеве в 1113 г. Владимир Мономах повел собственную политику. Это потребовало переделки имевшихся исторических и церковных сочинений. Помогал ему в этом отчий Выдубицкий монастырь, выполнявший литературные заказы князя. В его стенах между 1115 и 1117 гг. и было создано "Съказание и страсть и похвала святую мученику Бориса и Глеба" [71] (куда вошло и промономахово "Сказание о чудесах") близким к епископу Лазарю человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. - Сергиев Посад, 1894. - С.25.

[2] Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. - СПб., 1908. - С.58, прим. 1.

[3] Васильев В. История канонизации русских святых. - М., 1893. - С. 66.

[4] Макарий /Булгаков/. История русской церкви. Т.1. - СПб., 1857. - С.98.

[5] Федотов Г. Святые Древней Руси. - М.,1990. -С.40.

[6] Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X-XII в. - СПб., 1913. - С.71-72.

[7] Абрамович Д.И. Жития святых Бориса и Глеба и службы им. - Пг., ИОРЯС,1916.- С.55.

[8] Голубинский Е.Е. История канонизации... - С.27-32.

[9] Лихачев Д.С. Повесть временных лет.(Историко-литературный очерк) // "Повесть временных лет". Ч.П. - М.-Л., 1950. - С.64-66.

[10] Кусков В.В. История древнерусской литературы. - Изд.4-е. - М., 1982. - С.76.

[11] Каргер М.К. Древний Киев. Т.П. - М.-Л., 1961. - С.316-317; Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник /Опыт анализа/. - М., 1957. - С.44.; Алешковский М.Х. Глебоборисовские энколпионы 1072-1150 гг. // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. - М., 1972.; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. /XI-XVI вв./. - М., 1986. - С.20.

[12] Голубинский Е.Е. Указ. соч. - С.24.

[13] Голубинский Е.Е. Указ. соч. - С.3-4; 24-26.

[14] Голубинский Е.Е. Указ. соч. - С.25.

[15] Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI-XIII вв. - М.,1984. - С.82-83; 128. ; Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XX.; Макарий. История русской церкви. Т.I. - С.102-103; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.I.Ч.I. - М., 1901. - С.839.; Голубовский П.В. Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547-79 гг.//Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн.XIV. Вып.3. - С.127-128.; Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X-XI вв.- СПб., 1906. - С.48. Только М.Х.Алешковский полагал, что автором службы был митрополит Иоанн II /1077-1089/: Алешковский М.Х. Указ. соч. - С.112.

[16] Ср.: Голубинский Е.Е. История канонизации... - С.27-32. Исследователь не разграничивает по предложенной им же классификации, к какому классу были отнесены святые Борис и Глеб при Ярославе.

[17] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XXI.

[18] Хорошев А.С. Указ. соч. - С.17.

[19] Алешковский М.Х. Указ. соч. - С.112.; Поппэ А.В. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // Russia Mediaevalis. - München, 1973. - t.I. - С.6-29.

[20] Памятники литературы Древней Руси. XI- начало XII века. - М.,1978. - С.148.

[21] Памятники ... - С.150.

[22] Памятники ... - С.152.

[23] Памятники ... -С.152.

[24] Памятники ... - С.194.

[25] Памятники ... - С.194.

[26] Воронин Н.Н. "Анонимное" Сказание о Борисе и Глебе // ТОДРЛ., Т.XIII. - М.-Л., - 1957. - С.20.

[27] Памятники ... - С.218.

[28] Памятники ... - С.218.

[29] Памятники ... - С.230-232.

[30] Памятники ... - С.232.

[31] Успенский сборник XII-XIII вв. - М.,1971. - С.62-63.; Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.56.

[32] Абрамович Д.И. Указ.соч. - С.55-56.

[33] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.21.

34 Абрамович Д.И. Указ соч. - С.56.

35 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.22.

36 Хорошев А.С. Указ. соч. - С.24-25.

37 Лесючевский В.И. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // Советская археология. Т.УШ. - 1946.

38 Алешковский М.Х. Глебоборисовские энколпионы 1072-1150 гг.

39 Алешковски М.Х. Указ. соч. - С.112.

40 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.18.

41 Алешковский М.Х. Указ. соч. - С.112.

42 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.145.

43 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XXI.

44 Літопис Руський. - К.,1989. - С.508; См. там же родословную таблицу русских князей по Ипатьевской летописи.

45 Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. - М., 1950. - С.57-62.

46 Памятники ... - С.218.

47 См.: Хорошев А.С. Указ. соч. - С.16,34.

48 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.26.

49 Шахматов А.А. Повесть временных лет. - Пгр.,1916. - Т.I. Вводная часть. - С.L XXIII-L XXVII.

50 Шахматов А.А. Указ. соч. - С.L XXVI-L XXVII.

51 Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС, 1914,-Т.19,-Кн.I.- С.131-186; Кн.III - С.153-191.

52 Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. - М.,1977.- С.133-155, 178-183.

[53] Успенский сборник ... - С.I34.

[54] Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. - Т.2. - Ч.I. - М., 1989. - С.227.

[55] Срезневский И.И. Указ. соч. - С.228.

[56] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.6. Этот пример к слову "мьнии" в значении "низший по положению, рангу, достоинствам" совершенно необоснованно приводит "Словарь русского языка XI-XУП вв.". Вып.9. - М.,I982.- С.89. В Несторовом тексте говорится только о возрасте Глеба, но никак не о его "положении, ранге, достоинствах".

[57] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.5.

[58] Абрамович Д.И. Указ соч. - С.6.

[59] Словник староукраїнської мови XIУ-XУ ст. - Т.I. - К.,I977.- С.585-586.

[60] Ср.: "Менша сестра літ не дійшла"; "Сами, мовляв, і старші, й менші" - "Словарь української мови" под ред. Б.Д.Гринченко. - Т.П. - К.,I908. - С.4I7.

[61] Успенский сборник ... - С.I34.

[62] Лихачев Д.С. Указ. соч. - С.66.

[63] Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.64.

[64] См. разбор разных точек зрения в указ. статье Н.Н.Воронина.

[65] Воронин Н.Н. Указ. соч. - С.50.

[66] Воронин Н.Н. Указ. соч. - С.46-56.

[67] Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах - С.29-97; Черепнин Л.В. "Повесть временных лет", ее редакция и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки.

№ 25. - М.,1948. - С.321.

68 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XXII, 168-176.

69 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.27.

70 Абрамович Д.И. Указ. соч. - С.XXI.

71 Воронин Н.Н. Указ. соч. - С.46.

Л.И.Щеголева

"Путятина минея": от текста к истолкованию

I

Вводные замечания

"Путятина минея" принадлежит к небольшому числу памятников, дошедших от древнейшего периода русской письменности (XI в.). Рукопись хорошей сохранности, хранится в Государственной Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге под шифром Соф. 202 [I]. В ней 135 пергаменных листов размером 26х2[illegible] см. ("в большую четверку"), написанных четким и красивым уставом. Содержание "Путятиной минеи" представляет собой стихотворные гимны церковной службы на май.

Изучение этого бесценного памятника является первоочередной научной задачей, однако здесь имеет место некий замкнутый круг. Поскольку рукопись не опубликована [2], это ограничивает возможнос-

---

[I] Описание рукописи и литературу о ней см.: Гранстрем Е.Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 18. Марков В.М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. С. 6–19.

[2] Опубликовано всего несколько канонов: два канона – в книге В.М.Маркова, с. 266–271 (9 мая – св. пророку Исаии и св. мученику Христофору преп. Феофана Исповедника, лл. 38об.–42об.; 15 мая – преп. Феодору освященному, с двумя стихирами, лл.65об.–69); три канона (с многочисленными ошибками) – в книге: Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1857. Т. I. С. 236–244 (6 мая – прав. Иову св. Иоанна Дамаскина, со стихирами и седальном, лл. 21 об. –

ти ее практического изучения. С другой стороны, публикация такой рукописи сдерживается (кроме всего прочего) тем, что она должна быть научной, то есть основываться на текстологическом, лингвистическом, общефилологическом исследовании текста. Программа исследований переводных славянорусских памятников достаточно точно была определена еще учеными XIX-начала XX в.[3]

Древние переводчики следовали принципу буквальной передачи смысла греческих слов, точного соблюдения синтаксической конструкции вплоть до отражения падежей. Как говорит И.В.Ягич, "они предпочитали угодить форме греческого подлинника, чём требованиям славянского словосочинения"[4]. Отсюда неминуемо получается текст, который ученые квалифицируют как неудовлетворительный, невразумительный, затемненный. "Путятина минея" - не исключение. В ней есть ошибки в передаче значений слов (перевод буквального значения, перевод значения корня, ошибки в выборе значения многозначного слова), сплошь и рядом встречаются ошибки в сочетании слов. На эти неминуемые

продолж. сноски 2

-25 об.; 19 мая - мученикам Патрикию, Полиену, Акакию и Менандру Феофана Исповедника, со стихирами и седальном, л. 82-86 об.; 26 мая - святому апостолу Карпу Иосифа Песнописца, л. 106-109).

[3] См.: Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095-1097 гг. СПб., 1886. С. XXXVII-XCVI. Истрин В.М. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Л., 1930. Т. 2. С. 127-267.

[4] Ягич И.В. Служебные минеи..., С. XXIX.

ошибки буквального перевода накладываются ошибки и описки переписчика и справщика.

Обобщая мысли старых филологов и беря за образец методы их работы над рукописями, можно сказать: к раннему древнерусскому (точнее, славянорусскому) памятнику можно подступать, только вооружившись греческим параллельным текстом. Язык наших первых (переводных) памятников ориентирован на греческий. Он своеобразно отразил в себе лексические и грамматические модели языка-оригинала. Славянорусский текст как бы находится в дополнительном распределении со своим греческим оригиналом[5]. Славянская лексема, будучи выбрана в качестве переводного эквивалента, тем самым брала на себя смысловые связи греческого слова. За ней предполагалось именно то значение, которое было задано греческим контекстом.

Сопоставление с параллельным греческим текстом дает основания как для реставрации текста "Путятиной минеи" (становятся видны ошибки переписки), так и для реставрации ее смысла, ибо: 1) становятся понятны значения тех славянских слов, о которых другим путем узнать невозможно (их нет в имеющихся словарях, а контекстные догадки, как известно, не всегда правомерны; 2) проясняются темные места, сочетающие в себе разноуровневые ошибки.

В настоящей работе представлены результаты исследования "Путятиной минеи" с помощью греческих параллелей. Мы сопоставили всплошную текст 29 листов "Путятиной минеи" (службы первых семи дней) с двумя греческими рукописными минеями и с двумя современными печатными.

---

[5] Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). München. Verlag Otto Sagner. 1987. С. 33 и сл.

1. Рукопись: Минея на весь год, XII в., из собрания Порфирия Успенского. Хранится в ГПБ, в четырех томах, шифр - греч. 227. Том 3, л.л. 69-75 (параллели к 1, 3, 4 и 5, 6 дням) Далее обозначается буквой П.

2. Рукопись: Минея на март - август, XIV в., из собрания Антонина Капустина. Хранится в ГПБ, шифр - греч. 552, л.л. 88 об.-97 (параллели к 1, 4, 5, 6 и 7 дням)[6]. Далее обозначается буквой К.

3. Печатная минея на май по изданию: Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Ἀκολουθίαι Μαίου καὶ Ἰουνίου. Ἐν Ῥώμῃ, 1899. Σ. 3-39. "Римская минея". Далее: Р.

4. Печатная минея на май по изданию: Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Μὴν Μάϊος. Ἐν Ἀθήναις, 1928. Σ. 1-51. "Афинская минея": Далее А.

5. Печатное издание греческих канонов: Analecta hymnica Graeca. Vol. IX. Canones Maii. Roma, 1973. P. 10-18 (параллели к службе 2 мая). Далее обозначается АНУ.

Для сравнения привлекалась также церковнославянская минея на май, по которой ведется церковная служба в наше время: Минея. Май. Издание Московской патриархии, 1987. Ч. первая. С. 5-246. Новая минея. Далее: Н.

Основой сопоставления послужили рукописные минеи. Само собою разумеется, что ни первая, ни вторая из привлеченных нами греческих рукописей не отражает в полной мере протооригинал "Путятиной минеи" и что сопоставление должно проводиться по всем имеющимся гре-

---

6 Их описание и литературу о них см.: Гранстрем Е.Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 4. Рукописи XII века // Византийский временник. М., 1963. Т. 23. С. 201. Она же. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 6. Рукописи XIV века // Византийский временник. М., 1968. Т. 28. С. 248-249.

ческим спискам, известным науке на сегодня. Однако очевидна и практическая трудность (если не невыполнимость без помощи ЭВМ) такой работы, не говоря уже о технических трудностях поиска и получения этих редкостных материалов. Впрочем, со времен В.М.Истрина такая работа не была выполнена ни для одного памятника[7].

Непосредственная цель данной работы - восстановление смысловой ткани "Путятиной минеи" (т.е. устранение ошибок и описок переписчиков и справщиков), расшифровка ее трудных мест, которые не поддаются интерпретации без привлечения параллельного греческого текста, выявление художественных достоинств и недостатков этого памятника, определение доли самостоятельности славянского переводчика.

Исследование художественных особенностей столь архаичного памятника, как "Путятина минея", невозможно без включения вопросов текстологии и лингвистики, что нашло отражение в структуре настоящей работы. После необходимых замечаний о составе служб описывается материал для реконструкции славянского протографа памятника и его греческого оригинала, далее говорится о свободных заменах в переводе и о случаях неадекватного перевода.

Следует подчеркнуть, что весь описываемый материал (ошибки переписки, пропуски, разночтения в греческих списках, свободные замены в переводе) строго документирован. Все разночтения снабжены адресами и представлены в таблично-словарном виде, так что могут выполнять функцию практического словаря к трудным местам "Путятиной минеи". За невозможностью привести в рамках настоящей статьи такие таблицы полностью мы рассматриваем лишь отдельные случаи, выбранные из ряда аналогичных.

---

[7] Стремление к учету всех славянских и греческих списков отличает работы М.А.Моминой. См., например: Момина М.А. Греческие разночтения в славянских гимнографических текстах // Византийский временник. М., 1983. Т. 44. С. 126-134.

II

Состав служебной майской минеи и обеспечение "Путятиной минеи" греческими параллелями

I. О составе служебных миней.

Для ориентации в "Путятиной минее" и для сравнения ее структуры с греческими минеями напомним обычный состав служебных миней. Служебные минеи включают в себя песнопения на каждый день года. В основе службы каждого дня - канон, который состоит из восьми песней (по нумерации - из девяти, но вторая всегда отсутствует[8]). Каждая песнь канона состоит из четырех тропарей, из которых первые три посвящены тому святому (или празднику), чья память отмечается в данный день, а четвертый - Богородице. Тропарь - это минимальная стиховая единица канона, его строфа. Кроме канона, в службу входят стихиры и седален, а также другие стихи, из которых в "Путятиной минее" встречается тропарь и кондак.

Последовательность стихов в составе одной службы отличает "Путятину минею" от греческих миней (а также от новой церковнославянской минеи, по которой ведется служба в наше время). С этой стороны "Путятина минея" представляет собой не только самый древний, но и уникальный тип: "Мне не приходилось видеть ни одной греческой минеи, в которой было бы такое же расположение текста, каким отличается славянская Софийская минея за месяц май XI в., так называемая Путя-

---

[8] О наличии второй песни в архаичных канонах см.: Παπαδόπουλος-Κεραμεύς А. Σχεδίασμα περὶ τῶν λειτουργικῶν μηναίων. Византийский временник. СПб., 1894. Т. I. С. 367-380. См. также: Квирикашвили Л.С. Композиция гимнографического канона. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тбилиси, 1983. С. 10-16.

тина...", - пишет И.В.Ягич[9].

Основные различия в построении службы (почерпнутые нами и из филологических источников, и из изучения самих рукописей) приведены в таблице 1. В "Путятиной минее" (далее сокращенно - ПМ) служба начинается каноном, канон не разбивается вставками, стихиры следуют за каноном. После стихир помещен седален. При наличии в службе других стихов (тропарь, кондак) они помещены в самом конце службы. В греческих (и в новой церковнославянской) минеях порядок обратный: стихиры помещены перед каноном, седален - в середине канона (после третьей песни). Начинается служба стихирами, которых обычно бывает не более трех (за исключением тех случаев, когда празднуется две различных памяти), в то время как в "Путятиной минее" стихир может быть до шести: шесть стихир в службе 2 мая (три - святому Афанасию Александрийскому, три - святым Есперу, Зое и их детям) и в службе 5 мая (святой мученице Ирине). В службе 7 мая (память явления креста в Иерусалиме) - четыре стихиры. Два седальна (что тоже редкость) - в службе 1 мая.

В некоторых песнях (как в греческих минеях, так и в ПМ) отсутствует один из первых трех тропарей (богородичен не опускается никогда). В греческих минеях в канонах 1-7 мая недостает шести тропарей, а в ПМ еще пяти.

В ПМ встречается также перестановка тропарей относительно греческого текста: в песни 3 канона св. муч. Ирине (память 5 мая) порядок тропарей относительно греческого текста: 2-3-1, в песни 9 того же канона - 1-3-2.

---

[9] Ягич И.В. Служебные минеи... С. XVII. Далее И.В.Ягич приводит описание состава службы. Описание состава службы в древнейших греческих минеях (по рукописям X - начала XI веков) сделал А.Пападопулос-Керамеус, с. 360-366. См. также: Нечунаева Н.А. Лингвистический анализ древнеславянского перевода майской минеи. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. Гл. 1.

Каждая песнь канона предваряется ирмосом – строфой того же ритмического строения, что и тропари данной песни. Ирмос, как правило, тематически не связан с содержанием тропарей, хотя перекличка возможна. Набор ирмосов ограничен, поэтому они время от времени повторяются.

Темой для ирмоса каждой песни является определенный библейский сюжет. Так, например, тема ирмоса первой песни любого канона – песнь Моисея после перехода Израиля через Красное море во время бегства из Египта (Исход, глава 15, стих 1-19), третьей – благодарение Анны, родившей Самуила (1 Книга Царств, глава 2, стих 1-10), четвертой – молитва пророка Аввакума (Книга пророка Аввакума, глава 3, стих 2-19) и так далее[10].

В ПМ ирмосы представлены не целиком, а только первыми двумя-тремя словами. ПМ повторяет здесь греческий оригинал, насколько можно судить по рукописным греческим минеям. В рукописи XIV в. ирмосы представлены тоже только первыми двумя-тремя словами, в рукописи XII в. – то начальными словами, то целиком. В "Афинской минее" есть все ирмосы.

Ирмос, начинающий песнь, задает ритм песни. Текст греческих миней ритмически организован и представляет собой силлабо-тоническую структуру своеобразного типа. Тропарь составлен из нескольких (их может быть от четырех до восьми) неравносложных строк, в которых может быть от двух до четырнадцати слогов. Каждая строка имеет свой рисунок ударений. Ритмическая организованность греческого текста строится на повторении не элементов внутри строфы, а всей ак-

---

[10] См. Прохоров Г.М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 37. С. 127. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. [illegible].

центно-слоговой структуры тропаря – все тропари одной песни имеют один и тот же ритмический рисунок, например, такой:

4 мая. Песнь 3.

Тропарь 1	Тропарь 2	Богородичен
∪–́∪–́∪∪–́	∪–́∪–́∪∪–́	∪–́∪–́∪∪–́
∪∪∪ –́∪∪∪–́//–́∪∪	∪∪∪–́∪∪∪–́//–́∪∪	∪∪∪–́∪∪∪–́//–́∪∪
–́∪∪–́//–́∪∪	–́∪∪–́//–́∪∪	–́∪∪–́//–́∪∪
–́∪∪∪–́∪∪–́∪∪	–́∪∪∪–́∪∪∪–́∪∪	–́∪∪∪–́∪∪–́∪∪

В "Путятиной минее" такого ритма нет [11].

2. Обеспечение ПМ греческими параллелями

Для служб 1-7 мая соотношение стихов ПМ со стихами привлеченных греческих миней показано в таблицах 2 и 3.

Начнем с таблицы 3. По ней видно, что 1-й, 4-й, 5-й и 6-й дни имеют параллели в обеих привлеченных греческих рукописях и в новой церковнославянской минее. 3-й и 7-й дни обеспечены параллелями только по одной из двух рукописных греческих миней (такие же службы и в новой славянской минее). Особое место занимает служба 2 мая.

Канон святому Афанасию и святым Есперу и Зое в ПМ составлен особо. Все его богородичны (числом восемь) взяты из канона святому Афанасию, автор которого – Георгий[12] (это имя зашифровано в акростихе, складывающемся из начальных букв каждого богородична[13]). Из это-

---

[11] Есть мнение, что произведения оригинальной древнерусской гимнографии XI-XII вв. были ритмически организованы. См., например: Федотов О.И. О ритмическом строе памятников древнерусской гимнографии киевского периода // Литература Древней Руси: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1986. С. 19-34.

[12] Канон св. Афанасию в греческих (привлеченных нами) майских минеях и в новой славянской минее принадлежит Феофану Исповеднику (ум. в 850 г.).

[13] Этот канон св. Афанасия см.: Analecta hymnica Graeca. P.10–

го же канона взяты первый и второй тропарь каждой песни (представляющие собой соответственно второй и третий тропари песней греческого канона). Каждый третий тропарь, посвященный св. Есперу и Зое, взят из канона, который отсутствует в доступных нам греческих минеях. Параллели к этому канону нами не найдены.

В таблице 2 дан перечень всех греческих параллелей, найденных и использованных нами для сверки стихов ПМ. По таблице 2 видно, что полностью сверены службы 3, 4 и 6 мая. Служба 2 мая менее всего обеспечена параллелями: не сверены третьи тропари всех восьми песней и шесть стихир (их нет в привлеченных нами источниках). Как видно по таблице, из 39 стихов этой службы не сверено 14 стихов (8 тропарей и шесть стихир). Остальные 25 стихов имеют параллели в римском издании неизданных канонов месяца мая (АНУ).

Остались без сверки некоторые стихи других служб. Хотя памяти св. пророку Иеремии, св. Афанасию, св. муч. Ирине и явлению креста (соответственно 1, 5 и 7 мая) не редки, но отдельные их стихи, имеющиеся в ПМ, отсутствуют в доступных нам греческих минеях.

Таким образом, из общего числа 249[14] стихов на текст 1-7 мая нами не сверено с греческим 22. В количественном отношении недостача эта не так велика, но не следует забывать, что речь идет о "Путятиной минее" - древнейшем памятнике русской культуры, каждая строчка которого представляет самостоятельную ценность, - и с этой точки зрения, конечно, должна быть обеспечена греческими параллелями как можно полнее.

---

[14] Для удобства работы мы пронумеровали стихи "Путятиной минеи" сплошной нумерацией; ирмосы, не представляющие собой в ПМ содержательных единиц, не нумеровались.

III

Восстановление протографа "Путятиной минеи"

Необходимым условием для работы над "Путятиной минеей", как и над любым ранним рукописным памятником, является текстологическая достоверность. Прежде всего следует отделить ошибки славянских переписчиков от ошибок перевода и разночтений, возникших на греческой почве[15]. Случаи порчи текста переписчиками можно разделить на две категории: первая - это графические ошибки, вторая - пропуски сравнительно с греческим.

1. Исправление графических ошибок в тексте ПМ

В тексте рукописи ПМ обнаруживается значительное количество явных описок, что отмечено В.М.Марковым[16]. Это замены отдельных букв (а то и пар, троек букв), вставки и пропуски букв, недописанные концы слов, приведшие к затемнению и изменению смысла стихов.

Не останавливаясь на ошибках грамматического согласования ("м҇ч тлѣ оумрьтвивъша" ПМ 12 об. вм. *м҇ч тлю), ошибочном повторении слогов и слов ("женьньскоѥ" ПМ 17 об. вм. *женьскоѥ , "низъложьши оного зъложьши оного зълобоу" ПМ 18 вм. *низъложьши оного зълобоу), пропусках гласных букв на стыке слов или морфем ("варени" ПМ13 вм. *варении , "примъши" ПМ 13 вм. *приимъши), - во всех этих случаях правильный облик слова легко восстанавливается без опоры на греческую параллель, - перейдем сразу к графическим ошибкам, в результате которых получились другие слова, произошла смысловая замена, напри-

---

[15] О реконструкции переводного текста см.: Истрин В.М. Книгы временьныя... Т. 2. С. 251-267; Лихачев Д.С. Текстология. Л., 1983. С. 462-478.

[16] Марков В.М. К истории... С. 9.

мер, из *мвѣ получилось "мви" (ПМ3), из *сы - "си" (ПМ4 об.), из *създа ны - "създание" (ПМ7), из *мякы - "мчнкы" (ПМ10 об.), из *съслужителю - "сужителю" (ПМ 13), из *ты - "тъ" (ПМ 16 об.), из *незъданию - "нъ зъданию" (ПМ 22) и т.д.

В этих случаях восстановление исходного слова производится с помощью греческого оригинала. Обнаружить смысловую подмену без сверки с греческим здесь не удается. Такие замены в общем не нарушают осмысленность текста, хотя можно заметить, что они менее удачны, чем их греческие соответствия, более грубы по смыслу, пожалуй, не соответствуют "перу" автора. Во всех этих случаях смысловое равенство с греческим позволяет восстановить графический вид с полной достоверностью. Дополнительным критерием правильности восстановленного текста оказываются его более высокие художественные достоинства.

Проиллюстрируем эту категорию графических замен анализом наиболее заметных смысловых и художественных сдвигов. На первые 7 дней ПМ мы обнаружили около десятка случаев, которые можно отнести к этому типу замен. Вот некоторые из них.

ПМ22об.:	Подстрочник греческого (П74об[а],К95[в]):
Довълньıи образъ	Достаточным примером
и стълпъ дшевьнъ	и столпом одушевленным
самъ дѣлателю	для нас добродетелей
Йовъ непорочьнъ	Иов непорочный
⟨...⟩ юви сѧ	⟨ныне⟩ явился.

Как видно, следование греческому здесь образцовое, но две графические замены привели к значительному переосмыслению этого стиха. Из-за замен *намъ → "самъ" и *(добро)дѣтели → "дѣлателю" получилось: "Сам Иов явился одушевленным столпом делателю (или делателя)". В этом стихе можно отметить ряд смысловых и художествен-

ных потерь. Прежде всего, исчезла метафора "живой столп добродетелей" (στήλη ἔμψυχος ἀρετῶν); утрачено лирическое "я" автора, передаваемое в оригинале местоимением "нам" (ἡμῖν); двусмысленна синтаксическая привязка слова "дѣлателю": дательный ли это непрямого объекта при глаголе "ꙗви сѧ" (для кого явился столпом?) или несогласованное определение при существительном "стълпъ"? Кроме того, из-за пропуска наречия "ныне" (νῦν) потеряна конкретная временна́я привязка прославления. Указанные отличия ПМ от греческого оригинала можно с уверенностью отнести к потерям и представить первоначальный славянский текст по параллельному греческому стиху.

В тропаре 3 песни 6 того же канона из-за замены *бес → "нбсъ" образ бесконечного веселья после смерти ("к бесконечному веселью, Иов, ты перешел" πρὸς ἄληκτον εὐφροσύνην Ἰὼβ μεταβέβηκας П74об[в], К95об[в]) заменен на образ "веселья в небесных пределах": "И на нбсъ коньць веселиѥ Иѥве прѣстави сѧ" (ПМ23об.). Образ бесконечности во времени заменен на более конкретное представление о месте пребывания праведника. Вторичное происхождение слова "нбсъ" и титла над ним несомненно. В исходном славянском тексте было, как в греческом.

7 мая. Песнь 9, тропарь 3.

ПМ28:	К97[в] (подстрочник):
О тебѣ надеждꙋ приимъше	О тебе надеждой облачась,
избърании людиѥ <...>	избранный народ <твой>
тебѣ на молениѥ крта	тебе на моление крест
и страш'нъ <...> цр[к]вї	и страшную <твою> кровь
прѣдлагаѥмъ	выставляет.

Не останавливаясь на явных неточностях в падежных окончаниях, обратимся к образу "страшной церкви", очевидно возникшему из *страшьнꙑѩ кръве (τὸ φρικτὸν αἷμα). Замена понятия "кровь"

на "церковь" в ПМ оказалась допустимой ввиду большой абстрактности этого стиха. Появление слова "цркве" (далее испорченного в "црквї") могло быть поддержано ассоциацией с выше стоящим "крта". Получилось даже логично: предлагаются крест и церковь. Понятие церкви здесь более соответствует ожиданиям, чем кровь. Видна сознательная редакторская работа над этим местом: под титло вынесена буква "к", которая оказалась внутри нового слова; пропущено местоимение "твою" (σου), как бы ставшее неуместным в получившемся контексте.

Замена одной буквы "е" → "ъ" (6 мая, песнь 1, тропарь 2) превратила отрицательную приставку "не" в союз "но":

ПМ22:	П74об[а], К95[а]:
нъ зъданию бо ıазыкъ тѧ	ибо несозданный язык тебя
бочьстию истинѣ <...>	благочестивым, истинным, <непорочным>
нарече	назвал

Славянский стих сильно отступает от греческого, хотя все отступления - грамматические и графические. "Несозданный язык" авторского стиха - это Священное писание, в котором Иов - персонаж одноименной библейской книги - назван непорочным, справедливым и богобоязненным (Иов 1. 1.). В ПМ это "язык создания" (результат переписки). Что касается эпитетов праведного Иова, то в обеих рукописных греческих минеях это соответственно "благочестивый", "истинный" и "непорочный": в ПМ последний эпитет опущен, первый и второй поняты не как две отдельные характеристики Иова, а как одна: "назвал благочестием истины". Так под пером славянских переписчиков изменилась реминисценция из Священного писания.

На обороте этого же листа ПМ находим обратную замену: *нъ → "не", что на содержательном уровне выразилось в замене союза "но" отрицанием "не" и привело в результате к смыслу, равному исходному, но с обратным знаком: "не сълага себѣ коварьства хвалıаи сѧ бечи

льно" ПМ22об. вм. "но обманулся коварством безмерно хвалящийся (о змии, искушавшем Иова)" (ἀλλ' ἐψεύσθη τῆς πανουργίας ὁ ἐξ ἄμετρα καυχώμενος П74об[a], К95[a]). Отметим, что в этом месте перевод отступает от принципа буквальности: глагольное определение поставлено после глагола.

То, что мы относим к разряду графических ошибок, может быть сделано сознательно кем-то из позднейших редакторов, который именно так понял текст. На эту мысль нас наводят случаи, когда за отклонением в графике стоит новая, отличная от греческой образность.

Богородичен песни 6 канона пророку Иеремии (память 1 мая) построен на противопоставлениях (П69[в], К89об.[а]):

от Отца —— прежде веков — бесплотно — рожденное
Слово
из тебя, Чистая, — во времени — во плоти — рождается

Противопоставляется божественное и человеческое естество Христа: божественное - от Бога-Отца, не имеет начала и рождено бесплотно; человеческое - от Богородицы, существует во времени и рождается во плоти.

Если придерживаться той же графической формы, то этот стих в "Путятиной минее" (2об.) будет выглядеть так:

ѥже ис оц҃а — пръж'де вѣкъ — бесплътьно — рождено
слово
ис тебе ч҃ст҃а — въ тѣло — плътьскы — раждаѥть сѧ

Напрашивается предположение, что в первоначальном славянском тексте временно́е противопоставление в этом стихе было передано: "прѣж'де вѣкъ" → *въ лѣто (πρὸ τῶν αἰώνων – ἐν χρόνῳ). По-видимому, слово "лѣто" в дальнейшем было переосмыслено и переписано как "тѣло". Перестановка слогов отмечается и в других ранних переводных памятниках (ср., например, замену *въ Н[illegible]хъ → "въ Рѣкахъ"

в славянорусском переводе "Хроники" Георгия Амартола). Из-за переделки *лѣто —► "тѣло" в ПМ утратилось авторское противопоставление "прежде веков" - "во времени", зато два раза получило обозначение плотское начало в Христе.

Итак, среди графических замен есть такие, в результате которых текст, отраженный в ПМ, претерпел содержательное изменение сравнительно с первоначальным переводом, приобрел в этих местах другой, иногда противоположный смысл. Некоторые нюансы авторского стиха, переданные в первоначальном переводе, в ПМ отсутствуют, взамен них появились новые.

Все это отличает ПМ как древнейший памятник древнерусской литературы не только от греческого оригинала, но и от первоначального древнеславянского перевода майской минеи.

2. Восстановление пропусков

Практически на каждом листе ПМ можно найти пропуски слов сравнительно с греческим текстом. Так, на первые 13 листов рукописи ПМ (с оборотами) приходится более двух десятков пропущенных слов.

Чаще всего пропускаются местоимения, шаблонные эпитеты, члены перечисления. Такие пропуски лишь слегка обедняют содержание, но не искажают его. Вопрос об их славянском происхождении нельзя решить однозначно: не существенные для смысла фрагменты могли теряться или вводиться переписчиками греческих миней, хотя это менее вероятно из-за ритмической организованности греческих стихов.

Пропуски, ставшие причиной затемнения смысла, в тексте первых семи дней ПМ совершенно единичны. Интересно, что там, где есть пропуск, как правило, имеются и другие отклонения от греческого. Пропуски, создающие синтаксическую и смысловую неполноту, являются красноречивым указанием на плохое понимание места - иногда переводчиком, иногда переписчиком.

Проанализируем здесь несколько пропусков из числа тех, которые влекут за собой смысловые и художественные потери.

3 мая. Песнь 4, тропарь 2.

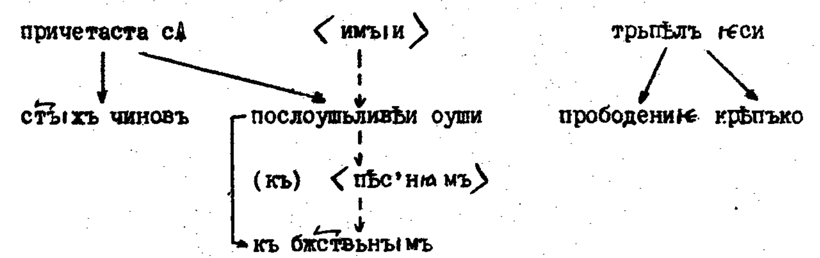
ПМ 10:	П72[а] (подстрочник):
ст҃ыихъ чиновъ причетаста сѧ	К святых воинству причтенный
послоушьливѣи оуши	и послушливые уши
къ бж҃ствьныимъ	к божественным
⟨...⟩	⟨песням имея, славный,⟩
и прободениѥ крѣпъко	прободение стойко
трьпѣлъ ѥси Тимоѳеѥ	ты вытерпел, Тимофей.

Если восстановить пропущенные слова по греческой минее (ὕμνους ἔχων ἔνδοξε П72[а]), то текстуально они могут выглядеть так: "пѣс'нимъ имꙑи слав'не", а может быть, и иначе. Собственно графический их вид в данном случае не так важен: достаточно восстановить утраченный смысл. Опущенное место имеет разночтение в греческих минеях: по печатной "Римской минее" вместо "песням" читается "законам" (Р39). Так и в новой славянской минее (Н155). Неизвестно, какой именно вариант был в оригинале ПМ, "песни" или "законы", но пропуск сказался на смысле стиха: с пропуском того, что́ названо "божественным", фраза приобрела более обобщенный и неопределенный смысл.

Второй существенный пропуск - пропуск второго предиката, к которому в греческом относится прямое дополнение "послушливые уши". Синтаксическая структура стиха в ПМ не рухнула из-за этих пропусков лишь благодаря искусной замене единственного числа "причтенный" (т.е. Тимофей) на двойственное "причетаста сѧ", что создало возможность соотнести этот глагол со словосочетанием "послоушьливѣи оуши".

Смысловой сдвиг и соответствующую синтактическую перестройку покажем графически (в угловые скобки заключены утраченные в ПМ лек-

семы, пунктирными стрелками обозначены исходные, утраченные в ПМ синтаксические связи):



Наложение синтаксических схем греческого и путятинского стиха наглядно показывает происшедший сдвиг. Словосочетание "послоушьливѣи оуши" в ПМ не может быть прямым дополнением, как в греческом ("терпеть уши" семантически невозможно). Согласование в числе с глаголом "причетаста сѧ" делает возможным понимание этого словосочетания как обращения: "Уши, послушные божественному, вы причислились к святым чинам". Таким образом, в получившемся стихе ПМ "послушные уши" не могут синтаксически быть ничем иным, кроме как образным названием самого Тимофея.

В следующем тропаре той же песни – три пропуска:

ПМ10:	П72[е] (подстрочник):
възнесоша тѧ на дрѣво	Вознося на древо тебя,
безоумьнии воини	безбожнейшие
и въложиша камень тѧжькъ	отягчают камнем
⟨...⟩ славьныи Тимоѳеѥ	⟨голову⟩, славный Тимофей.
оукрѣп'лѧше же тѧ ⟨...⟩	Но укреплял тебя ⟨Христос⟩,
своѥю силою	божественной страстью
⟨...⟩	⟨прославляемого⟩.

Первый пропуск "(на) голову" (τὴν κεφαλήν) лишил картину конкретности, и только. Во втором случае пропущено подлежащее "Христос" – и это полностью изменило все содержание стиха: получилось,

что камень укрепляет Тимофея своей силой. С третьим пропуском - "прославляемого" - связана свободная замена "своей силой" (ПМ) на месте "божественной страстью".

В результате пропуска и стечения нескольких ошибок возникло следующее очень невразумительное место с пропуском предиката: "Соупроуга изѧщьны вѣщи привѧзаного игомъ г҃немъ льгъкымъ <...> коупьно на вы м҃ч҃ка" (ПМ11об.). Сопоставление с греческим позволяет реконструировать этот стих с хорошей точностью. Кроме пропуска предиката в этой фразе наложилось несколько других отклонений от греческого: описка (или сознательная правка) "на вы" (из авторского и исходного славянского "на выю"), передача обстоятельства "явно" (σαφῶς) им. падежом прилагательного "вѣщи" (ср. передачу греческого σαφένεια - "ясность" словом "вѣщтаниѥ" в славянорусском переводе "Хроники" Георгия Амартола) , перестройка флексий. В таком виде этот стих сильно отступает по смыслу от греческого:

П72[в] (подстрочник):

Супружеством благородным явно
связанные,
иго Господа легчайшее
вы <подняли> вместе на шею,
мученики.

Авторский стих построен с использованием несколько переосмысленного образа из Нового Завета: "Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко" (Евангелие от Матфея, глава 11, стих 30). В ПМ понятие легкого ига сохранено, но его синтаксическая привязка не совсем ясна.

Во втором тропаре седьмой песни службы 4 мая два пропуска в сочетании с семантическим сдвигом удалили перевод от авторского стиха, привели к затемнению синтаксических отношений. Вот этот стих.

ПМ15:	П74[а], К94[в] (подстрочник):
ꙗко пещь съкръвеноѥ	Как печь раскаленное,
мⷱце <...>	мученица, <орудие>,
бж҃иѥѭ раждегома любьвиѭ	божественной разжигаемая любовью
<...>	<к Христу>,
трьпѧщи зъваше	претерпевая, ты взывала

Пропуск прямого дополнения "орудие" в этом стихе, как можно думать, связан с заменой греческого "раскаленное" на "сокровенное" (об этой замене будет подробнее сказано в своем месте): "сокровенное" плохо вяжется с "орудием", тем более непонятно, что такое "терпеть сокровенное орудие". Для сравнения приведем этот стих в варианте, который донесла до наших дней новая церковнославянская минея: "Пещным образом, / сокровенным, мученице, органом, / Божественною распалаема любовию Христовою, / терпящи, взывала еси" (Н 162). Как видно, смысл этого стиха еще дальше от греческого, чем в ПМ, хотя здесь и нет пропусков.

Пропуск всего одного слова в тексте такой тонкой художественной образности, какой отличается византийская литургическая поэзия, может привести к потере всего художественного смысла стиха, как, например, в следующем тропаре: "Възвѣси сѧ на кр҃тѣ <...> прѣполов'льшѭ сѧ д'ни ѥго же видѣ чювьствьноѥ сл҃нце лоуча своꙗ съкрыло ѥсть" (ПМ27-27 об.).

7 мая. Песнь 7, тропарь 1 . Сравним смысл стиха ПМ с греческим:

ПМ27-27об. (подстрочник):	К97[а] (подстрочник):
Вознесся на кресте	Вознесенное на крест
<...> в середине дня,	<солнце> в середине дня,
которого видя,	которое видя,
чувственное солнце	чувственное
лучи свои скрыло.	лучи скрыло солнце.

Стих построен на параллелизме "солнце-Христос" - "солнце видимое": вознесся на крест солнце-Христос - скрылось солнце видимое. Здесь имеется в виду тьма, наступившая на земле во время распятия Христа (как это описано в Евангелии от Матфея, глава 27, стих 45). В ПМ из-за пропуска эпитета "солнце" (ὁ ἥλιος) художественные акценты стиха исчезли.

Укажем на обширные пропуски в ПМ сравнительно с греческими минеями в службе 7 мая. Песнь 7 канона 7 мая в ПМ содержит три тропаря вместо обычных четырех, так как второй и третий тропари соединены в один таким образом, что от второго осталась только первая строка, которой была заменена первая строка третьего:

Иже бовидьць въ ог'ни — из тропаря 2
⟨...⟩
свѣтъ съприс'носѫщьствьнъ въсиꙗ
и прѣчьстьнъıмъ своимь свѣтомь — из тропаря 3
крта своѥго прослави побѣдоѫ
прѣ^{пѣ}тъı (ПМ28).

Вот эти тропари в полном виде (К97[а]):
"С боговидцем в огне
⟨некогда говоривший и во мраке,
крестообразной молнией
как Бог прославляемый сегодня,
Препетый ...
Из света и в свете⟩
свет соприсносущно сияющий
и пречистым своим светом
креста своего прославивший победу,
Препетый

Как видно, сохранившиеся отрывки в ПМ соединены механически. Это свидетельствует о том, что соединение произошло, скорее всего, на славянской почве, в процессе переписки минеи.

В первой стихире этой службы пропущен отрезок в пять слов. Пропуск механический, попытки соединить синтаксически разорванные части не видно; вот параллельные строки.

ПМ28об:	К96[а]:
ц҃ркы х҃ва вѣрꙋющи чтеть тебе	церковь Христова чтет, почитая,
съвыше хранꙗщѫмоу ѭ	свыше ее хранящий
⟨...⟩	⟨крест божественный и предивный;
⟨...⟩ оукрѣплꙗѥми	его́ силой⟩ укрепляемые,
къ вл҃цѣ пристꙋпимъ	к Владыке приступим

Итак, о проанализированных пропусках можно сказать то же самое, что и о графических ошибках в тексте ПМ: они возникли на славянской почве, в процессе переписки майской минеи; они приводят к затемнению и искажению смысла, затрудняют понимание стиха.

IУ

Смысловые расхождения между "Путятиной минеей" и греческими минеями

Реконструкция греческого оригинала

Сплошная пословная сверка текста ПМ с текстами греческих майских миней с точки зрения смысловой адекватности выявила большое количество случаев, когда славянское слово (словосочетание) не является смысловым эквивалентом параллельного греческого слова (словосочетания). Исследование причин этих смысловых отступлений обращает нас, с одной стороны, к греческой текстологии, с другой, позволяет приоткрыть завесу над обстоятельствами древнего перевода.

За смысловыми отступлениями стоят разнородные явления; частью они восходят к разночтениям в греческих списках, частью выглядят как свободные смысловые замены в процессе перевода, частью могут быть объяснены как переводческие ошибки или особенности, проистекающие из принципов древнего перевода. В этом разделе мы остановимся на материале греческих разночтений – как реально имеющихся в привлеченных источниках, так и восстанавливаемых по "Путятиной минее".

1. Как известно, в греческих рукописях служебных миней имеется много разночтений[17], естественных и неизбежных, если принять во внимание практические функции гимнографической литературы. Ко времени перевода на древнеславянский язык греческие минеи существовали во множестве списков. В привлеченных нами греческих источниках выявлено более 50 (на первые семь дней мая) очевидных смысловых вариантов. Сопоставление этих вариантов с древним переводом, отраженным в ПМ, дает ответ, какой именно вариант был представлен в том греческом списке, с которого делался перевод. Так достоверно восстанавливается 50 смысловых и текстовых фрагментов оригинала "Путятиной минеи". Если в соответствии с "прѣхвальна " (ПМ15) находим греческое " πανεύφημε " – "прехвальная" (в рукописной минее XIУ в. и в обеих печатных греческих минеях) и " πανένδοξε " – "преславная" (в рукописной греческой минее XП в.), это значит, что в более поздней рукописи отражен более ранний вариант.

Как видно уже по приведенному примеру, рукопись XП в. не ближе к ПМ, чем рукопись XIУ в. Смысловым соответствием к слову ПМ оказывается слово то более ранней, то более поздней греческой рукописной

---

[17] Из современных исследований можно упомянуть: Момина М.А. Греческие разночтения... С. 133.

минеи. Бывает и так, что, минуя обе рукописные минеи, ПМ обнаруживает связь с печатными греческими минеями. Возможны различные соотношения:

1) П ⟶ ПМ; К, Р, А ⟶̸ ПМ
2) К ⟶ ПМ; П, Р, А ⟶̸ ПМ
3) П,К ⟶ ПМ; Р, А ⟶̸ ПМ
4) Р,А ⟶ ПМ; П, К ⟶̸ ПМ
5) П,Р,А ⟶ ПМ; К ⟶̸ ПМ
6) К,Р,А ⟶ ПМ; П ⟶̸ ПМ

Следовательно, более древняя по времени рукопись не является списком более древней редакции, как не является им и более поздняя. При сличении с ПМ каждая из них дает фрагменты, с достоверностью относимые ко времени перевода греческой минеи на древнеславянский язык.

Приведем примеры достоверного восстановления оригинала ПМ по привлеченным источникам. Проиллюстрируем при этом, что печатные греческие минеи то противостоят обеим рукописным, то поддерживают одну из них (более раннюю или более позднюю), то дают третий вариант, как раз и являющийся оригиналом ПМ.

παναχραντε Р4, А2 'пречистая' ⟶ прѣчста ПМ1 (в П69^{в}, К89^{а} замена: πανάμωμε 'пренепорочная');

ἄναρχος К89^{в}, Р4, А2 'безначальный' ⟶ без'началынъ ПМ1об. (в П69^{в} замена: ἄχραντος 'чистый');

ἐνδέδυσαι П73об^{в} 'надела' ⟶ ωблѣче сѧ ПМ14 (в К94^{а}, Р21, А26 замена: ἐκδέδυσαι 'сняла');

ἐξέχεεν П73об^{в}, Р21, А27 'вылил' ⟶ излиꙗ ПМ14об. (в [illegible] замена: ἐνέχεεν 'влил');

στερρῶς Р26, А30 'твердо' ⟶ крѣпъко ПМ16об. (в П73[illegible] замена: ἀνδρείως 'мужественно', в К93^{в} замена: θερμῶς 'горячо').

Замены слов (или словосочетаний) в греческих минеях подчиняются определенным формальным и содержательным закономерностям. В подавляющем большинстве случаев разночтения в греческих минеях основываются на ритмическом сходстве исходного и заменившего его фрагмента (в тексте первых семи дней ПМ на 50 разночтений встретилось только два исключения из этого правила).

Многие замены основаны на фонетическом сходстве, есть и точные рифмы: στρατευθεῖσα (П, К) - νυμφευθεῖσα (Р, А), σοφῶς (К) - σαφῶς (Р, А), ὑμνολογήσας (П, К, А) - ὁμολογήσας (Р) и т.д. (всего в нашем материале 9 рифмующихся вариантов).

Фонетическое сходство может основываться не на рифме, а на одинаковых приставках и окончаниях, например: πανάμωμε (П, К) - πανάχραντε (Р, А); συνανεκράθης (П, Р, А) - συνηριθμήθης (К); πάντοτε (П) - πάνσοφε (К, Р, А) и др.

Между варьируемыми фрагментами может не быть фонетического и графического сходства, заменяются просто равносложные слова, как правило (но не обязательно) с одинаковым местом ударения. Так заменяются в греческих текстах *контекстуально равноценные эпитеты и* именования восхваляемых святых, Богородицы и Христа: πάνσοφε 'премудрый' - ἔνδοξε 'славный', μάρτυς 'мученица' - νύμφη 'невеста', δεσπότης 'владыка' - νυμφίος 'жених', πρόσκαιρος '(существующий) во времени' - ἔνδοξος 'славный', θεόπτης 'боговидец' - προφήτης 'пророк', μάρτυς 'мученица' - σεμνή 'честная' ἁγνή 'чистая' - ναέ 'храм'. Имеются среди замен и другие контекстуальные синонимы: εὐμένειαν 'милость' - ὁμόνοιαν 'единомыслие', μέλπουσα 'поющая' - βοῶσα 'вопиющая', θαυμασίων 'чудес' - ἐγκωμίων 'похвал', κάλλος 'красоту' - τόνον 'силу'.

Лексическая замена может сопровождаться заменой грамматической категории, варьируются синтаксически разнородные словосочетания. Бы

вает, что варианты не имеют между собой ничего общего, кроме равенства числа слогов (варьируются шаблонные концовки тропарей).

2. Рассмотрим далее случай, когда славянское слово не имеет соответствия ни в одном из наших греческих источников:

(П, К, Р, А, АНУ) —/→ ПМ

Описанные выше принципы замен слов в греческих списках дают основание для гипотетического восстановления греческого слова по его славянскому переводу, представленному в "Путятиной минее":

(П, К, Р, А, АНУ) —/→ ПМ
*Гр. - - - - - - →

В тексте первых 7 дней "Путятиной минеи" к этому случаю можно отнести 15 смысловых несоответствий.

Уверенность в правильности реконструкции достаточно высока, если восстановленное греческое слово и параллельное греческое место (из П, К, Р, А, АНУ) равноценны ритмически, фонетически (или графически) сходны, рифмуются. Вот примеры таких замен:

παστάδος П73^{в}, К93^{в}, Р28, А33 'чертога' —/→ очьства ПМ19об.
*πατρίδος 'отечества' - - - - - - →

εὐσεβείας П69об^{в}, К89об^{в}, Р6, А4 'благочестия' —/→ блазѣи вѣрѣ ПМ3
*εὐπιστείας 'благоверия' - - - - - - →

κατεσκήνωσεν П73^{в}, К93^{в}, Р26, А33 'поселил' —/→ осѣнилъ ѥсть ПМ19 об.
*κατεσκίασεν 'осенил' - - - - - - →

Славянский перевод соответствующих мест следует признать точным, и сохранившиеся в ПМ славянские соответствия являются указанием на оригинал славянского перевода.

Среди восстановленных нами греческих фрагментов есть несколько

таких, привязку которых к греческому исходному тексту можно оспаривать. Две реконструкции содержат на один слог больше, чем их варианты в наших греческих минеях, а кроме того, не являются их контекстными синонимами. Это делает проблематичным их отнесение к греческой вариантивности:

προσεκαμένη П73об[а], К93об[в], Р20, А26 -/-> принесъши ПМ13об.
'принявшая'
*προσηνεγκαμένη 'принесшая'
βασιλέα κτίστην П72об [а], К92[в], Р23, А28 -/-> цр͡с тво неиздаємоѥ ПМ20
'Царя Создателя'
*βασιλείαν ἄκτιστον 'царство несозданное'

Оба примера могут быть истолкованы как смешение греческих слов при переводе, ошибка восприятия греческих слов переводчиком, который принял " προσηκαμένη " за "προσηνεγκαμένη ", а " βασιλέα κτίστην " - за " βασιλείαν ἄκτιστον.

Сходные сомнения возникают при анализе ритмически равных замен:

κραταιῶς АН9И6 'крепко' -/-> дрьжавох ти ПМ7
* κράτει σου 'силой твоей
σῷ νυμφίῳ П72об[в], К92об[є], Р24, А29 -/-> ꙗко (женихоу) ПМ16об.
'своему (жениху)'
*ὡς νυμφίῳ 'как (жениху)'

Где возникло восстановленное нами греческое слово: на византийской почве или на пути от греческого к славянскому тексту в результате искажения информации? На этот вопрос, по-видимому, невозможно ответить однозначно.

Среди смысловых неравенств (П, К, Р, А, АН9) -/-> ПМ есть и такие, когда сильно перестроена синтаксическая конструкция, так что восстанавливать греческий фрагмент неинтересно.

3. Более десятка слов "Путятиной минеи", не являясь переводом

параллельных греческих мест (если судить по нашим четырем минеям) совпадают по смыслу и лексически с соответствующими словами новой славянской минеи:

Н ←/— (П, К, Р, А, АНУ) —/→ ПМ
*Гр

Совпадение Н = ПМ можно расценивать как сигнал того, что ПМ дает точный перевод своего оригинала. Если был такой оригинал для новой славянской минеи, то был и для древней. Таким образом, наши реставрации находят опосредованную поддержку. Приведем некоторые примеры.

σαφῶς П69[а], К89[а], Р4, А1 'явно' ——→ прѣмꙋдре ПМ1
*σοφέ 'мудрый' — — — — → мудре Н6

μάρτυς П72[а], Р15, А14 'мученик' —/→ блжне ПМ9об.
*μάκαρ 'блаженный' — — — → блаженне Н154

(πρὸς) τὰς μονάς П73об[в], К93об[а] —/→ (оу) источьникъ ПМ16
'(у) обителей'
*(πρὸς) τὰς πηγάς '(к) источникам' — — → (к) источником Н159

σεμνή П74об[в] 'честная' —/→ чт҃а ПМ23
*ἁγνή 'чистая' — — — → чистая Н194

πάνσοφε П71об.[в] 'премудрый' ——→ слав'не ПМ12об.
*ἔνδοξε 'славный' — — — → славне Н153

4. Итак, в славянском переводе, дошедшем до нас в составе "Путятиной минеи", отразился один из вариантов греческой минеи; вариант этот или представлен текстуально в наших греческих источниках, или восстановлен нами, как это описано выше. Восстановленные фрагменты вместе с общей для всех миней основой можно считать оригиналом для славянского перевода.

Восстановленные таким образом фрагменты оригинала рассмотрим

теперь с точки зрения их принадлежности исходному, авторскому тексту. ПМ в одних случаях доносит до нас авторский стих в его первоначальном виде, в других - переосмысленный, испорченный. Греческий оригинал древнеславянского перевода был художественно неоднородным. Критерием отнесения варианта к авторскому стиху является смысловая уместность слова, единство художественных приемов внутри строфы.

Проанализируем наиболее убедительные примеры того, как при наличии вариантов в греческих минеях "Путятина минея" доносит до нас авторский стих в его первоначальной красоте.

1 мая. Песнь 3, богородичен.

Через тебя, Пречистая,

надсущественный, безначальный (П чистый) Сын Божий,

соблаговолил

жить среди людей (П69[в], К89[а], Р4, А2).

В "Капустинской рукописи" и в обеих печатных минеях 'безначальный', так и в "Путятиной минее"; в "Порфирьевской минее" 'чистый'. Что же здесь первично? Что имел в виду создатель стиха? "Безначальный Сын Божий" (без'началънъ сн҃ъ б҃жии ПМ1об.) - более изящное и тонкое выражение, чем "чистый Сын" Порфирьевской минеи; определение "безначальный" дополняет предыдущее "надсущественный" и контрастирует с последней строкой, создавая излюбленное в богородичных противопоставление вневременного бытия Христа как Бога и временного его пребывания на земле. Стертый эпитет "чистый" явно заменил определение "безначальный"; он не несет никаких семантической и художественной нагрузки и стирает противопоставление. Более естественным следует признать путь от конструкции с подчеркнутым противопоставлением к упрощению. И этот аргумент позволяет приписать первую создателю стиха, а вторую - последующим переписчикам. Таким образом, в руках славянских переводчиков была минея, в которой это место зву-

чало в авторском варианте.

4 мая, Песнь 6, тропарь 1.

Законно

Христу невестой став (П, К Христом вооружившись),

ты завершила мучения путь,

призывая своего Жениха (П73об[в], К94[в], Р21, А27).

Вариант "законно став невестой Христу" (законно Хви невѣста бы[с] ПМ14об.) намекает на реалии жития мученицы Пелагии, из канона которой взят этот тропарь: Пелагия тайно приняла крещение и отказалась от земного супружества, посвятив себя небесному "жениху", т.е. Христу. Этот вариант поддерживается также упоминанием о "женихе" в четвертой строке того же тропаря. Вариант "вооружившись Христом" кажется менее уместным еще и потому, что не слишком понятна связь этой причастной группы с обстоятельством "законно": "законно вооружившись" - семантически несуразное сочетание, "законно став невестой" - почти юридически точное.

Таким образом, вариант "став невестой", скорее всего изначален, а "вооружившись" - позднейшая порча. Если это предположение верно, то данный пример интересен еще и тем, что авторский стих дошел до нас лишь в печатных греческих минеях, а обе рукописи дают испорченный вариант (тропарь приведен полностью в Приложении). ПМ отражает авторский стих.

Тема Христа жениха продолжена в стихире 3 той же службы. Автор этой стихиры создает сложную, запутанную синтаксическую конструкцию со сложным переплетением смысловых связей:

Невестой

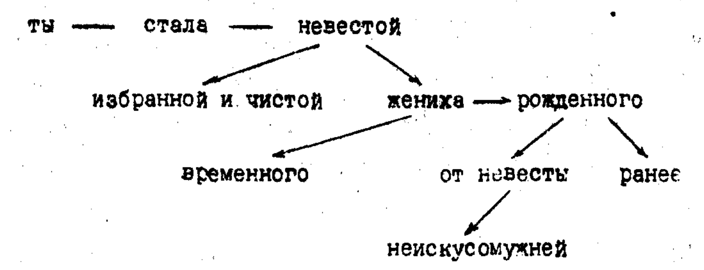
избранной и чистой

от неискусомужней рожденного невесты

ты стала

ранее временного (К славного) жениха (П73об[в], К93об[а], Р, А нет).

Если распутать нить авторской мысли, то содержание стиха таково: Пелагия образно называется невестой того жениха, который до этого ("ранее") был рожден для "временной", земной жизни от "неискусомужней невесты", т.е. Богородицы:



В этом стихе подчеркивается мотив рождения Христа для временной жизни. В минее XIУ в. этот мотив утрачен, эпитет "временный", несущий большую смысловую нагрузку, заменен стандартным эпитетом "славный". ПМ отражает стих в его подлинном виде (см. Приложение).

5 мая. Песнь 6, богородичен:

Предсказал таинство твоего рождения

боговидец (К пророк),

горящую купину видя и не сгорающую,

Богородица чистая, Приснодева (П73[а], К93[в], Р26, А30)

Взаимозаменимые эпонимы для Моисея "боговидец" - "пророк" все-таки не совсем равны в контексте данного стиха. Речь здесь идет о видении Моисея во время пребывания его в Египте: "И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает" (Исход, глава 3, стих 2). Это видение толкуется отцами церкви (Григорий Нисский, блаженный Феодорит) как прообраз таинства воплощения[18]. В эпониме "бо-

---

[18] См. Толковая Библия. ПТб., 1904-1907. Т. 1. С. 262.

говидец" подчеркивается, что Моисей видел Бога (в данном случае - "в среде куста", Исход, глава 1, стих 4); слово "боговидец" посылает свои смысловые связи в последующие строки: "видел Бога" - "увидел горящую купину (в которой увидел Бога)". Слово "пророк" тянется своими смысловыми связями к началу стиха, к предикату "предсказал". Но основная тема стиха - видение Моисея; подчеркивание же пророчества в Моисее создает как бы другой смысловой центр в стихе, что разрушает его смысловое единство. На основании сказанного можно сделать вывод, что в ПМ отражен стих в его подлинном виде:

Прогла таиньство твоѥмоу рож'дению
бовидьць
распалꙗѥмоу коупинѫ прозираꙗ
и неопалиѥмоу
бце чста прис'нодваꙗ (ПМ18об.).

3 мая. Песнь 4, богородичен:

Чтыи домъ и жилище влкы вьсѣхъ
прѣкъ в'сѣхъ проповѣданиѥ
боблгдтьнаꙗ црквы
пожштихъ тѧ оущедрии (ПМ10).

В этом стихе Богородица названа "богоблагодатным храмом" (боблгдтьнаꙗ црквы) - так в печатных греческих минеях (θεοχαριτωτε ναε Р16, А14). В "Порфирьевской минее" "богоблагодатная чистая" (θεοχαρίτωτε ἁγνή П72а). Этот вариант отражен и в новой славянской минее (Н155). Обращение "богоблагодатный храм" выглядит более уместным и синтаксически, и по смыслу: оно продолжает ряд синонимических сравнений, начатый в первой строке: "дом" (σκήνωμα), "жилище" (κατοικητήριον),"храм"(ναέ). Получается, что вариант "Порфирьевской минеи" вторичен. ПМ отражает авторский стих.

3 мая. Песнь 6, богородичен:

Прѣблгаꙗ влдчце

прѣблгго ба плътию рождьшиꙗ

озлоб'ленаго грѣхъми моего срдца оублажи (ПМ11).

Что считать первичным в контексте этого стиха: "преблагая владычица", как в ПМ, или "пресвятая владычица"? Вариант "преблагая" (πανάγαθε) имеет место в печатных греческих минеях (Р17, А15); так и в новой славянской минее (Н156), в то время как в "Порфирьевской минее" находим "пресвятая" (παναγία П72[а]). В ПМ, как и в соответствующих греческих минеях, обращает на себя внимание не только перекличка "прѣблгаꙗ" (πανάγαθε) - "прѣблгго" (πανάγαθον), но и противопоставление "прѣблгаꙗ влдчице" (πανάγαθε δέσποινα) - "озлоб'лєнаго ... срдца" (κεκακωμένην ... καρδίαν). Вариант " παναγία δέσποινα" выглядит вторичным еще и из-за того, что в нем смещено ударение и нарушена ритмическая схема первой строки, которая должна быть такой: ◡–◡◡–◡◡. Учитывая все сказанное, мы склонны видеть в ПМ отражение авторского стиха.

Восстанавливаемый по ПМ греческий оригинал не всегда представляет собой авторский стих. Приведем несколько примеров отражения в ПМ уже испорченного текста.

3 мая. Песнь 6, тропарь 3:

Съвѧзаєма м҄ка

в'сѧ ѫзы вражиꙗ

мѫжьскы раздрѫшиста

и любъвиѭ съвршеноѭ хвоѭ

дшѫ съвѧзаста (ПМ11).

На месте слов съвѧзаєма и ѫзы греческие минеи дают "мучимые" (στρεβλούμενοι) и "муки" (στρέβλας) (П72[в], Р17, А15). Основа жития - описание изощренных мучений, которым по приказу правите-

ля Ариана подверглись церковный чтец Тимофей и его молодая супруга Мавра из села Перапеи (Фиваида Египетская) во время гонения на христиан при императоре Диоклетиане (284-305). Логично предположить, что и в данном стихе речь идет о мучениях святых вообще, а не об их конкретном связывании (о чем в житии не говорится). Впрочем, вариант ПМ поддерживается новой славянской минеей, в которой на этом месте - "связаеми" и "вязания" (Н156). Можно придать метафорический смысл словам "узы", "связывать" и видеть здесь противопоставление "разрушили узы врага" - "связали души любовью к Христу". Но при таком понимании повисает в воздухе первая строка.

Интересно разночтение "сокровенное" (славянские минеи) - "раскаленное" (греческие минеи) в службе 4 мая, песнь 7, тропарь 2 (этот тропарь приведен выше, в связи с описанием пропусков). В основе этого разночтения лежит смешение греческих причастий "κεκαυμένον" - "κεκρυμμένον". Понятие "сокровенное" представляется в данном контексте ("терпела сокровенное") менее уместным несмотря на то, что этот вариант подтвержден современной службой. Напротив, образ раскаленного орудия соответствует данным жития святой муч. Пелагии из города Тарса Киликийского (в Малой Азии). Раскаленные орудием в авторском стихе назван "медный бык" - орудие казни, в котором мученица была сожжена (ок. 290 г.) по приказу императора Диоклетиана.

Этот вариант поддерживается также и его более высокой художественностью. Несмотря на сложность синтаксической конструкции в греческом стихе обращает на себя внимание смысловая перекличка: "претерпевала раскаленное орудие" - "разжигаемая любовью к Христу". Такая смысловая рифма - свидетельство мастерства. Вариант, отраженный в обеих славянских минеях, выглядит как отход от первоначальной красоты.

Несмотря на то, что в данном случае обе славянские минеи согла-

ны между собой и противостоят греческим, нет оснований относить вариант "сокровенное" на счет славянской порчи. Порча эта - греческая, и славянские минеи донесли до нас ее отголосок.

В богородичне песни 6 канона 4 мая говорится об искуплении первородного греха: грех прародителей образно назван "ядом", который "в уши Евы влил коварнейший змий" - это реминисценция из Библии (Бытие, глава 3, стих 1-5); Богородица же, родив Искупителя этого греха, по словам автора канона, "вытряхнула этот яд обратно". Стих строится на противопоставлении "влил (змий) - вытряхнула (Богородица)". Это противопоставление отражено в минее XIУв., а также в печатных греческих минеях. В "Порфирьевской минее" и в славянских минеях оно исчезает: "Яд некогда в уши Евы вылил лукавый змей; ты же одна его вытряхнула обратно..." Несмотря на то, что этот вариант допустим в контексте, он представляется позднейшей порчей, которая и отражена в славянских минеях. Итак, " ἐνέχεεν " - "влил" выглядит первичным, ἐξέχεεν - "вылил" - вторичным. ПМ отражает вторичный стих.

В первом тропаре песни 4 канона 4 мая противопоставляется жизнь временная, земная и жизнь истинная, "пакибытие", достигаемое "через купель крещения". О принятии Пелагией крещения и об отказе ее от преходящих радостей жизни говорится так: "Ты совлекла с себя всю сладостную багряницу жизни и через купель крещения облеклась в багряницу пакибытия (παλιγγενεσίας)". Тема "ссвлекания багряницы" перекликается еще с двумя мотивами из жития св. муч. Пелагии: с мотивом отказа ее от брака с наследником императорского престола (то есть от царской пурпурной одежды) и с мотивом совлечения с нее одежд по приказу императора Диоклетиана. Таким образом, "совлекла" (ἐκδέδυσαι) минеи XIУ в. и печатных греческих миней выглядит первичным, а "надела" (ἐνδέδυσαι) "Порфирьевской минеи" и обеих славянских миней - вторичным (см. Приложение).

В первом тропаре песни 9 канона 1 мая о пророке Иеремии говорится: "Ты слился с неслияннейшим светом божественным сиянием, блаженный". "Неслияннейший" (ἀκραιφνέστατος) в данном случае - это эпитет Бога[19]. Автор подчеркивает буквальное значение этого слова, употребив непосредственно перед ним однокоренной глагол: "ты слился" (συνανεκράθης). Этот вариант отражен в "Порфирьевской минее" (П69об.[в]), а также в печатных греческих минеях (Р7, А4) и в новой славянской минее (Н10). В минее XIV века глагол " συνανεκράθης " - "ты слился" заменен на синоним " συνηριθμήθης " - "ты сочетался", в результате чего смысловая поддержка для "неслияннейший" исчезла. Это дает основание считать вариант "ты сочетался" вторичным. ПМ отражает вторичный вариант. Автор славянского перевода идет дальше в разрушении художественной структуры стиха. Слово "ακραιφνεστατος" - "неслияннейший" передано в славянском переводе его производным значением: "чистейший", так что смысловая перекличка "ты слился" - с "неслияннейшим" полностью исчезла: "свѣтх ты съчетова сѧ прѣчистованхоумх бжьствьномъ свѣтомъ блже" (ПМ3об.).

У

Смысловые замены славянского происхождения

Рассмотрим теперь те смысловые несоответствия в ПМ, которые не могут быть отнесены на счет греческой вариативности: их греческий эквивалент (насколько он может быть восстановлен) грубо нарушал бы размер стиха. Конечно, в каких-то отдельных случаях остается теоретическая вероятность того, что замена имела место в том греческом списке, с которого делался перевод, но в целом это не так, потому что среди реальных греческих вариантов не наблюдается грубо нарушающих ритм.

Есть и другие критерии отнесения слова к свободной замене, как

---

19 Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1952. P. 64

это будет видно на конкретных примерах. Замен этой категории примерно столько же, сколько и греческих вариантов, реальных и восстановленных (которых и тех и других набирается по полсотни). Кроме замен-синонимов, подобных тем, которые встречаются среди греческих вариантов, здесь наблюдаются и другие отношения между заменяемыми понятиями: переход к контекстному синониму; переход к более общему, обедненному понятию; переход к более конкретному понятию, выявляющий разумение и эмоции славянского книжника; переход от нейтрального слова к оценочному; переход от абстрактного понятия к конкретному; просто контекстно допустимая замена (в том числе из-за незнания греческого слова); замены целых выражений неясного происхождения.

Греческая литургическая поэзия отличается сложной образностью, обилием описательно-поэтических выражений, тонкой игрой слов, использованием параллелизмов и антитез. Смысловые замены привели в одних случаях к огрублению или утрате исходного образа, заменяемого на точное обозначение понятий, в других - дали новые образы, возникшие на славянской почве. И тот, и другой результат интересен, давая возможность оценить долю самостоятельности славянского книжника, его собственное художественное творчество в процессе переосмысления византийского оригинала.

1. Замена образно-описательных выражений конкретно-предметными

1 мая. Песнь 8, тропарь 1.

ПМ 3:	П69об[в], К89об[а]:
На нб҃са възиде весело	На небеса ты взошел, радуясь,
бг҃дх'новене Иеремиѥ	боговдохновенный Иеремия,
съ агг҃лы	и с бесплотными
прѣстолꙋ бж҃ию	вокруг престола Владыки всех
прѣдъстоиши	кружишься.

В синонимических заменах "бесплотные" ——> "ангелы", "Владыки

всех" ——→ "Бог" обозначено одно и то же понятие, но потеряны описательно=поэтические признаки.

Еще одна замена в этом стихе - "кружишься" (περιπολεύεις) ——→ "предстоишь" (прѣдъстоиши). В греческой минее пребывание праведных на небесах мыслилось и как кружение вокруг престола Божьего (χορεύειν , περιπολεύειν), и как статическое пребывание рядом с ним (παρίσθασθαι). Для славянского восприятия образ "вращения", видимо, был не свойственен, что выразилось и в переосмыслении глагола "ликъствовати" (который первоначально употреблялся для перевода греческого " χορεύειν " - "кружиться") в "ликовать", "радоваться".

2 мая. Песнь 1, тропарь 2.

ПМ5:	АНУ 10:
гл҃ъ твоихъ стрѣлы	Слов твоих стрелы
въдроужи въ Ариѥво срд҃це	ты вонзил в Ариево сердце
доб'лии Аѳанасиѥ	доблестно, Афанасий,
и хоульноѥ вѣштаниѥ ѥго	и хулы его
иноплѥменьникъ п'лъкъ	враждебную скверну
поразилъ ѥси	поразил.

В конкретный план переведено понятие "враждебную скверну": слово "враждебную" (ἀλλόφυλον прил. вин. ед.) передано буквально (и со сменой категории): "иноплѥменьникъ" (род. мн.); абстрактное понятие "скверна" (ἄγος) заменено на вещественное "п'лъкъ" (этому соответствовало бы " παρεμβολήν ", см. "еретичьскыꙗ плъкы" ПМ5об., равное по смыслу " τῶν αἱρέσεων παρεμβολάς " АНУ13).

Как видно по контексту, эта замена произведена без учета смысла целого стиха.

3 мая. Песнь 3, тропарь 2.

ПМ9об.:	П72а:
Бжиѥнѫ любъвиѭ	Божественной любовью
дшѫ раждьгъ мчче	душу разжигая, мученик,
ог'нь мчниѭ	с огнем мучений
трьпѣлъ ѥси крѣп'ко	ты беседуешь стойко.

Сложная метафора "ты беседуешь с огнем мучений" (τῷ πυρὶ τῶν βασάνων προσομίλεις – речь идет о мучении святого Тимофея) в ПМ утрачена, вместо нее появилась простая предикатная связь: "терпел огонь мучений".

4 мая. Песнь 4, тропарь 2.

ПМ14:	П73об^{в}, К94^{а}:
Любы нбсныхъ красотъ	Стремление к небесным красотам
земныхъ похоти омрачила ѥси	земные омрачило стремления,
страстотрьпице	страстотерпица,
тѣмь и къ Хоу възиде	поэтому ты окрылилась Христом

Смелый образ "окрылилась Христом" (ἐπτερώθης Χριστῷ) в ПМ исчез, вместо него появилось нейтральное "къ Хоу възиде" (полностью тропарь приведен в Приложении).

Несомненная удача переводчика в этом тропаре – перевод одного и того же греческого "πόθος" – "стремление" двумя разными словами: "любы" – когда речь идет о небесном, "похоти" (вин. мн.) – о земном.

5 мая, Стихира 3.

ПМ20:	П72об^{в}, К92об^{а}:
И кꙋмиры възненавидѣла ѥси	И богов возненавидела
и ꙗзыкы бездꙋшьныхъ тѣлесъ	языческих, и бездушные изваяния,
Иринии прѣслав'наꙗ	Ирина славная.

Общее наименование "боги" переведено более конкретным "куми-

ры", слово "языческие" попало в другую синтаксическую группу (после союза "и"), вероятно, из-за того, что оно отделено от определяемого слова, и из определения стало определяемым - эта синтаксическая перестройка не очень удачна, так как непонятно, что такое "ꙗзыкы бездѹшьныхъ тѣлесъ". Слово "тѣлесъ" является, по-видимому, переводом греческого варианта " σώματα " - "тела" (вместо " ξόανα " - "изваяния", как в П72об[в], К92об[а]).

6 мая, Песнь 1, тропарь 3.

ПМ22:	П74об[а], К95[а]:
М'невъ богатьствомь	Считая, что он богатством
оградима	ограждаем,
под'виж'но	в борьбе
развращати правьдьнаго	ниспровергнуть праведного
испроси зълы бѣс'	испрашивает (позволения) губитель

В этом изощренно сложном и по смыслу, и по синтаксису тропаре из канона праведному Иову (автор - знаменитый византийский поэт и богослов VIII в. Иоанн Дамаскин) дьявол назван образно "губителем" (ὁ ἀλάστωρ), в переводе дано точное название, подчеркнутое эпитетом "зълы" (вм. *зълыи).

2. Замена образов.

1 мая. Песнь 6, тропарь 3.

ПМ2об.	П69[в], К89об[а]:
Съмрьть спса си	Смерть Избавителя
провъзвѣсти таино	ты провозвестил тайно,
бгогласе	богоречивый:
ꙗко аг'нꙗ бо на дрѣвѣ.	ведь как агнца на древо
Ха распѧша ба.	Христа вознес,
жиз'ни начальника	жизни начальника,
ликъ безаконьныи июдѣискы	народ беззаконный иудеев,
блгодѣтелꙗ в'сеꙗ твари	благодетеля всякого создания

Это песнопение на тему 19-го стиха одиннадцатой главы библейской книги пророка Иеремии: А я, как кроткий агнец, ведомый на заклание, и не знал, что они составляют замыслы против меня, говоря: "Положим ядовитое дерево в пищу его и отторгнем его от земли живых, чтоб и имя его более не упоминалось" (Книга пророка Иеремии, глава 11, стих 19). Церковь издавна считает, что в этом месте Иеремия является прообразом страждущего Христа[20], что и отразил автор стиха. В этом контексте "Избавитель" и "Спаситель" являются равноценными в качестве эпонимов Христа, но ритмически они в греческом стихе неравноценны - из-за различия в ударении: " τοῦ λουτρωτοῦ " (так в П69[в]; К89об[а], Р5, А2) - " τοῦ σωτῆρα ".

2 мая. Песнь 8, тропарь 1.

ПМ7:	АНУ16:
Нечьстивъıмъ главъı	Нечестия головы
мечемь оусѣкаѩ дх҃ов'нъıмь	отсекая мечом умственным
своимь оучениѥмь прм҃дре	своих учений, мудрый...

В этом тропаре из канона святому Афанасию Александрийскому речь идет о борьбе Афанасия против арианской ереси. В греческом стихе поучения Афанасия образно названы "мечом умственным", в ПМ "мечом духовным". Замена равноценная.

3 мая. Песнь 6, тропарь 1.

ПМ10об.	П72[а]:
Ст҃аѩ мч҃ка	Святые мученики,
правиломь крьстьнъıмъ	парусом креста
дх҃в'номь въспереѥма	духовно окрыленные,
искоус'ноуѫ поучинѫ	искушений море
без врѣда вѣроѫ прѣплоуста	невредимо верой переплыли...

---

[20] См.: Толковая Библия. Т. 2. С. 49.

Заменив "парус" (τῷ ἱστίῳ) на "руль" (правиломь), переводчик сохранил при этом образ "окрыленности" (въспере҄нема), не заметив несообразности получившегося сочетания "окрыляемые рулем". Впрочем, "прави́ло" (руль) вызывает другие ассоциации - с однокоренными "исправлени҄е", "оуправити сѧ", которые (в частности, в тексте ПМ) несут в себе я́вную положительную оценку; см., например, тропарь 2 песни 3 канона св. мученице Пелагии: "Оуправи сѧ ꙗко избьранаꙗ къ вл҃дцѣ и б҃оу потъщав'ши сѧ м҃ч҃це Хва слав'наꙗ" (ПМ13об.) (полностью тропарь приведен в Приложении).

Образ "прави́ла" (руля) встречается также в каноне 4 мая (песнь 1, тропарь 1), заменяя собой образ "духовного дуновения" (αὔραν τοῦ πνεύματος):

ПМ13:	П73об[а], К93об[в]:
Пꙋчинѫ твоихъ чюдесъ	По морю твоих чудес
пловѫщѫ правиломъ д҃хов'нѥмъ	плывущему, дуновение духа
нꙑнꙗ подаждь ми	ныне подай мне,
м҃ч҃нце Хва	мученица Христова,
Пелагиѥ прѣхвальна	Пелагия прехвальная

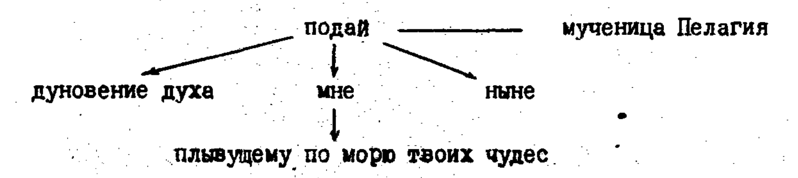
Тропарь является первым в каноне и единственным, где автор (Феофан Исповедник) говорит о своем творчестве и от первого лица обращается к воспеваемой им святой. В житии мученицы Пелагии описывается несколько чудес: чудесным образом Пелагии встретился в лесу епископ Клинон, который совершил над ней обряд крещения; чудесным образом из земли забил источник, в котором Пелагия была крещена; во время сожжения ее тело растопилось и наполнило весь город благоуханием; останки святой, брошенные за городом, остались невредимыми: четыре льва охраняли их от диких зверей и птиц[21]. По-

---

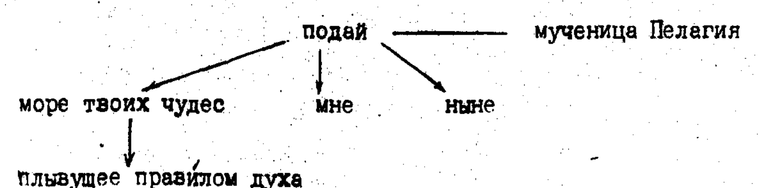
[21] См.: Житие святой мученицы Пелагии. М., 1902.

этому автор сравнивает составление канона в память святой с плаванием по морю ее чудес. В основе этого сравнения - игра слов " πελαγία " - "Пелагия" и " πέλαγος " - "море". Тема моря перекликается также с ирмосом этой песни, первые слова которого - "Моря красную пучину неувлажненными стопами древний перешел Израиль". Автор просит святую о помощи, которую он образно называет "духовным дуновением" (как бы духовным попутным ветром в паруса плывущего). С заменой духовного дуновения" на "духовное правило" (руль) изменилась и образность стиха, и его синтаксическая конструкция. Представим это на схемах.

Ролевая структура греческого стиха:



Ролевая структура стиха ПМ:



Здесь "правило" (руль) ПМ, как и в предыдущем примере, подчеркивает правильность пути, избранного воспеваемой святой.

4 мая. Песнь 1, тропарь 2.

ПМ13об.:	П73об[а], К93об[в]:
Из'млада разоумьно	Измлада провидчески
творьцү си	Творцу своему
приложи сѧ чьстьно	посвященная, честная,

и мимотекоущихъ	к тленному
отъврьже сѧ любъве	ты отвергла любовь,
Пелагиа прѣслав'наꙗ	Пелагия преславная

В основе характеристики земных благ в греческом стихе - признак "тления", в стихе ПМ - признак "временности", "недолговечности". Такая же замена имеет место в седальне той же службы: в греческом "сняла порфиру тленную" (ἀπεδύσω πορφύραν τὴν φθειρομένην К94[а]) - в ПМ "извѣче сѧ (вм. "извлѣче сѧ") ис прапрѫдꙑ мимотекоущаꙗ" ПМ16об.

6 мая. Песнь 7, тропарь 1.

ПМ23об.:	П75[а], К95об[в]:
Не съкрꙑвъ тꙑ на земли	Не скопив на земле,
нъ на нбсехъ надеждѫ	но на небесах надежду,
въ прьсть въврьже злато	прахом ты счел (К не счел) золото

Сравнение золота с прахом восходит к библейской Книге пророка Захарии: "Накопил серебра, как пыли, и золота, как уличной грязи" (глава 9, стих 3). В данном тропаре оно употреблено автором для того, чтобы подчеркнуть равнодушие Иова к земным богатствам. В значении "считать (золото прахом)" употреблен глагол " κατατάσσω ", который буквально означает "ставить, помещать (что=л. куда=л.)". Именно этому, буквальному значению переводчик придает эмоциональную окраску: "въ прьсть въврьже злато". Глаголу "въврьже" точно соответствовало бы " κατέβαλες ". Отметим интересный вариант в минее XIУ в.: "прахом ты не счел золото" (εἰς χοῦν οὐκ ἔταξας χρυσόν).

Проанализируем два парадоксельных случая, когда свободная замена не только не является синонимом заменяемого слова, но несет в себе прямо противоположный смысл.

6 мая. Песнь 8, тропарь 2.

ПМ24:	П75[а], К95об[в]:
Сѫгоубилъ тебѣ г҃ь вѣньцѧ	Удостоил тебя двойного венца -
на земли и на н҃бси	на земле и на небе
страдальце	Награждающий за подвиги,
б҃гомѫдре Иове	богомудрый Иов ...

В этом тропаре употреблено образно-описательное название Бога: " ἀθλοθέτης " - "подвигоположник", которое можно понять как "устанавливающий подвиги" или "награждающий за подвиги". В ПМ ему соответствует слово страдальце (уже об Иове), то есть не тот, кто устанавливает подвиги или награждает за них, а напротив, тот, кто их претерпевает (ἀθλοφόρε). Слово, бывшее в предложении подлежащим, превратилось в обращение. Но переводчику удалось избежать анаколуфа с помощью весьма искусной и уместной перестройки синтаксиса: добавлено слово "г҃ь", ставшее подлежащим. Славянский вариант синтаксически проще, яснее, прозрачнее оригинала: не так далеко, как в греческом, разнесены подлежащее и сказуемое, подлежащее не сливается непосредственно с обращением - но зато потеряно образное название Бога, исчезла перекличка "награждающий за подвиги - удостоил двойного венца".

7 мая. Песнь 1, тропарь 1.

ПМ25об.:	К96[в]:
Разоумиѫ непьрьнѫ	Разума непокорного
кр҃тмъ избавитель	крестом Избавитель
раздроуши злобоу	разрушил соблазн

Рассмотрим перевод слова " ἀπειθοῦς " (род. ед.) - "непокорного" словом "непьрьнѫ" - "бесспорного". При сохранении структуры слова (отрицание "ἀ" передано частицей "не-") смысл получился противоположный. Уникальность такого перевода заставляет предположить порчу в славянском тексте: "непьрьнѫ" из "непокорьнѫ ". Если это

так, то видна сознательная работа переписчика (или справщика) над этим местом. Видимо, понятие "разум" (которое передано в этом месте редким, может быть, характерным в этом значении только для ПМ словом "разоумиѥ"[22]) само по себе предполагало положительную оценку и в сознании переписчика (или справщика) не вязалось с отрицательным эпитетом "непокорный".

Это предположение подтверждается следующим примером. В песни 5 (тропарь 1) канона святому Афанасию Александрийскому говорится о борьбе Афанасия против арианской ереси: "Молниями слов твоих, Афанасий, еретиков глаза и разум ты ослепил" (АНУ 13). В ПМ оставлены только "глаза еретиков" (слова́ "и разум" опущены): "Блистаниѥмь словесъ твоихъ Аѳанасиѥ еретикомъ очи <...> ослѣпи" (ПМ6) – не потому ли, что понятия "еретики" и "разум" в сознании переписчика (или справщика) являлись взаимоисключающими?

При переводе " θέμις " – "позволено" (П75[а], К96[а]) также получился противоположный смысл: "неоудь" (из "неоудобь"): "ѧко неоудь чл҃комъ видѣти славꙋ твою ꙋзьрѣвъ невидимоу-ꙋ " (ПМ24об.) в соответствии с греческим "как позволено людям увидеть, славу Твою увидев бессмертную (К невидимую)" (П75[а], К96[а]). Славянский перевод "с точностью до наоборот" не лишен новой логики: в нем библейский Иов, который за свою праведность удостоился видеть славу Бога, как бы противопоставляется остальным людям, которым видеть ее не позволено ("неоудобь").

Из общего количества более чем пятидесяти свободных замен всего две вызваны, как можно думать, тем, что переводчик не мог адекватно передать смысл греческого слова. Для слов " στάδιον " – "ста-

---

[22] В словаре И.И.Срезневского на это значение приведены примеры только из ПМ.

дион" и " θέλγω " - "привлекать, очаровывать" (в положительном смысле)" славянских соответствий не было (как нет их, строго говоря, и в современном русском языке).

В песни 1 (тропарь 3) канона мученикам Тимофею и Мавре (3 мая) автор обращается к святым: "Христа на стадионе мужественно вы проповедовали" (τὸν Χριστὸν ἐν σταδίῳ ἀνδρικῶς ἀνεκηρύξατε) (П71об.[в]). Стадион как центр общественной жизни играл очень большую роль в Римской империи (и позже в Византии). В первые века христианства стадион являлся ареной мученических подвигов гонимых за веру христиан. На стадионе, судя по греческому стиху, происходило и мучение святых Тимофея и Мавры. Однако в славянском мире эта реалия была неизвестна: для нее не было даже названия в древнеславянском языке. У переводчика была возможность оставить слово в греческой форме (стадии), однако он пошел по пути свободной замены этого слова: "Ха҃ въ моукахъ пропов ѣдаста" ПМ9об. (обстоятельство "мужественно" - "ανδρικῶς " пропущено).

В стихире 3 святой мученице Ирине говорится, что она "была очарована любовью к Христу" (ἐθέλχθης τῷ ἔρωτι Χριστοῦ П72об.[в], К92об.[а]). В ПМ это передано так: "ıави сѧ любъвиѭ х҃вѹѭ" (ПМ20). Это тот редкий случай, когда переводчик не справился с синтаксисом (нарушено управление). Слово " θέλγω" - "очаровывать", для которого не было соответствия в древнеславянском книжном языке, вызывало затруднения не только у переводчика майской минеи. Например, в "Хронике" Георгия Амартола оно дважды переводится как фонетически сходное с ним " θέλω " - "хотеть" (и тоже разрушает синтаксическую конструкцию).

Итак, свободные замены вызваны (за единичными исключениями) не затруднениями переводчика в передаче значений греческих слов, а переосмыслением оригинала. Свободные замены, как правило, не ведут

к нарушению синтаксической конструкции в переводе: при необходимости они сопровождаются перестройкой синтаксиса. Свободные замены, создавая в переводе новую образность, придают переводу свой характерный облик, отличающий его от греческого оригинала.

УI

Неточный перевод

В тексте ПМ, как и в других ранних переводных памятниках, есть лексемы, которые можно отнести к разряду неточностей перевода. На первые 29 листов ПМ таких лексем совсем немного: "приложи сѧ" для "ανατεθεῖσα" - "посвященная"; "разоумьно" для "προγνωστικῶς" - "пророчески"; "течениѥ" для "δρόμος" - "путь"; "притече" для "παρέδραμες" - "прошла мимо"; "старьı злодѣи" для "ἀρχέκακος" - "родоначальник зла"; "съзъданоѥ" для "διεῖργον" - "разделяющее"; "скоро" для "σπουδῇ" - зд. "старательно"; "знамениꙗ" для "στίγματα" - зд. "раны"; "приложи" для "προσέβαλεν" - "напал"; "разоумиѥ" для "ἔμφασις" - зд. "отражение".

Для перевода соответствующих греческих слов это явно необычная лексика, она порождена принципом буквальности перевода, являя собой или буквальную передачу греческих корней (с большим или меньшим пренебрежением к приставкам и суффиксам), или промахи при переводе многозначных греческих слов.

Обе модели образования слов характерны для раннего периода славянских переводов с греческого. Например, для такого почти светского памятника, каким является "Хроника" Георгия Амартола, набирается изрядный словарь таких слов. В тексте первых семи дней "Путятиной минеи" таких слов, напротив, исчезающе мало.

1. Перевод по корню представляет собой интереснейшее явление древнего перевода. При переводе по корню славянская словоформа ус-

троена так, что стоящий за ней смысл затруднительно понять без обращения к семантической модели параллельного греческого слова. В имеющихся словарях такие явления не отражены, а попытка распознать значение по контексту может повести по ложному пути.

Следует отметить, что в "Путятиной минее", в отличие от некоторых других текстов, перевод по корню не приводит к грубым ошибкам, не создает впечатления неумелости переводчика: он лишь расставляет по-иному акценты, порождает свои ассоциативные связи, отличные от греческих, в той или иной степени меняет впечатление от стиха. В этих местах как нигде ощущается живое присутствие переводчика.

Проиллюстрируем сказанное примерами.

4 мая. Песнь 1, тропарь 2.

ПМ 13 об.:	П73об.[а], К93об.[а]:
Из'млада разоумьно творьцꙋ си приложи сѧ чьстьно	Измлада провидчески Творцу своему посвященная, честная...

Рассмотрим перевод " ἀνατεθεῖσα " - "посвященная" словом "приложи сѧ". В словаре И.И.Срезневского отмечено одиннадцать значений для слова "приложити" и пять для возвратного "приложити сѧ" (данного примера из ПМ нет), и все они отражают развитие производных значений из слова "класть" по славянской (и русской) модели. Любое из этих значений и современный носитель русского языка узнáет в контексте: "отдаться" (дат.), "присоединиться" (к+дат.), "войти в соглашение" (с+тв.), "примениться" (к+дат.), даже "совокупиться". Можно понять в рамках этого набора значений и "приложи сѧ": "отдала себя Творцу". Обратимся, однако, к греческой параллели.

Буквальное значение глагола " ἀνατίθημι " - "класть поверх", из него развилось переносное "жертвовать, посвящать" (первоначально о жертвах языческого культа, которые возлагались на алтари бо-

гов, затем о жертвах в христианском понимании). Итак, путь от значения "класть поверх" к "жертвовать, посвящать" явно неизвестен в славянском: здесь на основе корня "класть/положить" не развилось никакого "жертвовать" или "посвящать". Но переводчик, связанный буквальным значением корня " τίθημι " - "класть", переводит " ανατεθεῖσα " глаголом с этим корнем. Может быть, за своим "приложи сѧ" он и подразумевал как раз значение "была посвящена", как в греческом " ἀνατεθεῖσα ", но для древнеславянского и древнерусского читателя слово "приложи сѧ" обладает другим набором значений, о которых было сказано выше. Интересно, что при переводе приставки " ἀνα-" переводчик отошел от буквальности - это маленькое отступление от точного калькирования сделало перевод и более изящным, и вполне уместным в контексте. Для сравнения приведем это место в варианте новой славянской минеи: "Зиждителю твоему возложившися" (Н160). Здесь "возложившися" - точная калька греческого " ἀνατεθεῖσα ", столь же далекая от значения "посвященная", как и "приложи сѧ", но получившееся "возложитися Зиждителю" звучит более искусственно, чем вариант "Путятиной минеи".

Слово "разоумьно" в этом стихе иллюстрирует тот же способ словообразования: взято значение корня греческого наречия " προγνωστικῶς " - "провидчески" (" γνῶσις " - "знание" или "разум") и от него образовано славянское наречие, по значению далекое от греческого. Приставка "προ-" - "перед", сообщившая греческому слову новый переносный смысл "знания наперед", то есть "пророчески, провидчески", в переводе не отражена.

4 мая. Песнь 6, тропарь 1.

ПМ14об.:	П73об.[в], К94[в]:
Законьно	Законно
Хви невѣста бы҃с	вооружившись Христом,
прѣиде м҃чнско течение	ты прошла мученичества путь

Рассмотрим последнее слово этого отрывка (полностью тропарь приведен в Приложении). Слово "течение" "Путятиной минеи" соответствует греческому " δρόμον " и точно передает его буквальное значение: "бег". Но " δρόμος " может означать также "путь, расстояние", и именно в этом переносном значении слово употреблено в данном стихе, причем метафорически: "путь мученичества". Можно думать, что слово "течение", являясь буквальным переводом греческого, для переводчика одновременно обнимало и его переносное значение.

Попытаемся восстановить логику переводчика в следующем случае буквального перевода (из седальна 5 мая).

ПМ21:	П72об.^{в}:
Доброты твоꙗ Хе	Красотой твоей, Христос,
дваꙗ Ꙋꙗз'ви сѦ	дева уязвленная,
при^{те}че скоро	пренебрегла старательно
къ видимѣи добротѣ	видимой красотой.

В славянском "притече" точно отражен корень греческого " παρέδραμες " букв. "прошла мимо", перен. "пренебрегла" ("τρέχω" - "бежать", слав. "тещи"). Однако приставка переведена неадекватно; вместо "движения мимо" получилось "движение в определенном направлении", что повлекло за собой переосмысление отношения к "видимой красоте". Такой перевод изменил смысл стиха на противоположный: вместо равнодушия и презрения к видимой красоте, о которых говорит автор стиха, получилось "стремление к видимой красоте". Противопоставление любви к красоте Христа и пренебрежения к красоте мира исчезло. Утратилась не только поэтическая фигура - утратилась идея исключительности любви к Христу.

Не следует думать, что в эпоху перевода майской минеи в древнеславянском языке не было слова, адекватно отражающего понятие "пройти мимо, пренебречь", или что переводчик затруднился в переводе глагола " παρατρέχω ". В стихире службы 4 мая это слово переве-

дено точно: "добротъı мирьскъıꙗ небрьгъши" (ПМ16) в соответствии с греческим " τὰ κάλλη κόσμου παρέδραμες " (П73об.[а], К93об.[а]). Глагол "притече" отражает не грубость перевода, а сознательную переработку смысла. Фраза оформлена синтаксически правильно, падеж дополнения соответствует славянской модели управления глагола "притещи".

6 мая. Песнь 3, тропарь 3.

ПМ22об.:	П74об.[а], К95[а]:
Бесѣдоѭ женьскоѭ приложи	Словом жены напал
ꙗко пьрьвородьнѹ	как на первородного
старъıи злодѣи змии ти	родоначальник зла змий на тебя

Смысл этого стиха в переводе испорчен в результате откровенно буквального перевода " προσέβαλεν " - "напал (на тебя)": "приложи (ти)". Глагол " προσβάλλω " буквально означает "приставлять, прикладывать", что и отражено в переводе. Но у славянского "приложити" нет значения "напасть", хотя переводчик, возможно, именно это значение и хотел передать.

Вторая неточность - перевод эпитета змия " ἀρχέκακος " - "родоначальник зла" словосочетанием "старъıи злодѣи". В греческом стихе эпитеты Адама и змия имеют одинаковую структуру: " ἀρχέγονος " - "первородный", т.е. "родоначальник (людей)" (об Адаме); " ἀρχέκακος - "начальник зла" (о змии). Оба эпитета - composita , в первой части которых использован один и тот же корень: " ἀρχή " - "начало". Лексический параллелизм как поэтическое средство можно было бы передать, если задаться этой целью. Но славянский переводчик такой цели перед собой не ставит, видно, что все силы сосредоточены на подборе лексем. В ПМ змий назван не "начальником зла", а "старым злодеем", - и понятно, почему: корень "ἀρχ-" переводчик связал не с " ἀρχή " - "начало", а ошибочно с однокоренным " ἀρχαῖος " - "старый". Переводчик пренебрег оформляющей морфемой. Таким обра-

зом, параллелизм этих эпитетов в ПМ утрачен, зато эпитет змия получился эмоционально окрашенным.

В стихире 3 службы 7 мая (память явления креста в Иерусалиме) говорится о "средостении", разделявшем людей и ангелов до прихода Мессии, которое "было разрушено крестом" - искупительной страстью Христа: "Сегодня радуются лики ангельские с людьми, ибо разделяющее средостение, крестом разрушенное, воедино все явно свело". "Разделяющее средостение" (διεῖργον μεσότειχον К96[а]) греческого стиха в переводе передано так: "създаноѥ посредѣ стѣна" (ПМ29); причастие " διεῖργον " - "разделяющее" было переведено так, как будто оно связано с корнем " ἔργον " - "дело, создание", а не с " εἴργω" - "затворять, запирать".

Если глагол " διείργω " - "разделять, разобщать" был действительно связан переводчиком с корнем " ἔργον ", то это, по-видимому, единственный случай ложного этимологизирования (перевода по неправильно выделенному корню) на текст первых 29 листов ПМ. Это очень мало, что само по себе свидетельствует о высоком качестве перевода. Сравним эту цифру с количеством переводческих ошибок в "Хронике" Георгия Амартола (этот памятник также был исследован нами методом сплошной сверки славянского текста с греческим): здесь один такой переводческий огрех приходится в среднем чуть ли не на каждый лист рукописи.

2. Неадекватный перевод многозначных слов

При установке на пословный перевод у переводчика не было критериев для выбора значения многозначного слова. В такой ситуации следует удивляться не огрехам перевода, а успехам, мастерству переводчика там, где ему удавалось перевести многозначное слово адекватно.

В рассмотренном выше стихе из седальна 5 мая наречие "скоро"

соответствует греческому " σπουδῇ ", которое имеет альтернативные значения "быстро" и "старательно". Последнее согласуется по смыслу с предикатом "прошла мимо, пренебрегла", но наречие "скоро" в ПМ не выглядит неуместным, будучи глагольным определением к предикату "притече": в этом контексте оно даже более уместно, чем "старательно".

5 мая. Песнь 8, тропарь 2 (ПМ19):

Своѥго жениха послѣдовала ѥси
сего страсти и мѫкы и знамениꙗ
на тѣлѣ своѥмь носѧщи

Слово "знамениꙗ" является точным переводом греч. " στίγματα " в значении "отметины (на теле)", но в данном случае " στίγματα " означает скорее раны, нанесенные Христу:

... Позади своего Жениха ты последовала,
Его страдания, мученица, и раны
на плоти своея неся" (П73[в], К93[в]).

1 мая. Песнь 9, тропарь 1.

ПМ3об.:	П69об.[в], К89об.[в]:
Свѣтѫ ты съчетова сѧ	Свету ты сопричетался
прѣчистованѫоумѫ	неслияннейшему
бжcтвьномъ свѣтомъ бл҃жне	божественным сиянием, блаженный,
ѥгоже на земли разоумиѥ	которого на земле отражение
ꙗсно имѧше	ты ясно получил

Рассмотрим перевод греческого слова "отражение" (ἔμφασις) славянским "разоумиѥ". У греческого " ἔμφασις " есть значения "отражение" и "смысл". Переводчик выбирает последнее, передавая его славянским словом "разоумиѥ" в значении "смысл". Но это значение не сочетается с предикатом "получил" ("имѧше"): "получить смысл" невозможно. Вследствие этого в славянском слове актуализи-

руется в данном контексте его другое значение – "понимание" (которого нет у греческого "ἔμφασις"). Таким образом, переводчик формально не отступает от принципов буквального перевода (у греческого слова и его славянского эквивалента есть общее значение), но при этом переделывает смысл стиха по своему разумению.

С утратой значения "отражение" утратилась и смысловая перекличка с темой "зеркала" из предыдущей песни (тропарь 3): "отражение (божественного сияния) желающим ты посылаешь, как бы зеркалом многосветным являясь" (П69об^{в}, К89об^{в}) – "възгъвениѧ любѧштимъ даѥши ꙗко зрьцало ꙗв'лѥно м'ногосвѣтьло" (ПМ3 – 3 об.).

Примеры такого рода можно продолжить. Будучи собраны вместе, они могут служить словарем этих интересных лексических соответствий.

С точки зрения перевода многозначных слов перевод майской минеи, отраженный в ПМ, следует признать образцовым – по меркам буквального перевода и насколько об этом можно судить на материале первой четверти всей майской службы.

Настоящее изложение имело своей целью показать не только плодотворность, но и необходимость метода чтения переводного славянского памятника с помощью греческого параллельного текста:

I) Текст "Путятиной минеи" значительно испорчен вследствие графических ошибок и пропусков. Восстановление правильного облика испорченных мест с помощью греческого параллельного текста продвигает исследователя в понимании содержания переводного памятника (глава Ш);

2) При общей установке на буквальный перевод у переводчика тем не менее имеется возможность проявить свободу и самостоятельность, в результате чего славянский перевод (отраженный в ПМ) при-

обрел новые художественные достоинства по сравнению с греческим оригиналом (глава У);

3) Материал первых семи дней ПМ дает основания говорить о высоком уровне мастерства переводчика: на этом отрезке текста почти нет переводческих ошибок, единичны случаи буквального неудачного перевода (глава УI);

4) "Путятина минея" дает материал для реконструкции греческого оригинала первого славянского перевода майской минеи и даже для суждений о качестве того греческого текста, с которого делался перевод (глава IУ).

УII

О публикации "Путятиной минеи"

Исследование, результаты которого частично изложены в настоящей статье, было бы технически невозможным, если бы предварительно нами не были приготовлены транскрибированные отображения как самой ПМ, так и соответствующих фрагментов греческих рукописей. Иными словами, исследование велось как бы на прообразе будущей публикации ПМ. Тем самым известные принципы публикации древнего переводного памятника приобрели в отношении ПМ конкретные очертания. Очевидно, что для современных исследовательских целей публикация ПМ должна содержать не менее четырех текстов: факсимиле рукописи, ее транскрипцию, транскрипцию греческого параллельного текста и перевод на современный русский язык. Наиболее удобным для работы представляется параллельное расположение текстов, при котором их сопоставление можно производить, не листая книги.

Принципы транскрипции и сопровождающую нотацию можно видеть по образцу, приведенному в Приложении к настоящей статье. Мы приводим транскрибированное отображение службы одного дня из ПМ - св. мученице Пелагии из Тарса. В ПМ эта служба помещена под 4 мая, а в греческих минеях - под 5 мая.

По условиям настоящего издания тексты не могли быть помещены в параллельных столбцах. Они расположены один за другим: транскрипция ПМ, русский подстрочник к греческому тексту, транскрипция греческой рукописной майской минеи. Строки по всем текстам идентичны.

Служба 4 мая выбрана в качестве образца потому, что все ее стихи удалось обеспечить греческими параллелями: часть по рукописи XII в. (П), часть – по рукописи XIУ в. (К).

Автор канона – знаменитый византийский гимнограф IX в. преп. Феофан Исповедник. В оригинале канон имеет акростих, складывающийся из начальных букв каждого тропаря (включая богородичны). Его русский перевод: "Пелагии похвалу заслуженно сплетаю". В ПМ акростиха нет.

Служба состоит из канона, трех стихир и седальна – типичный состав для"Путятиной минеи". Все песни этого канона, кроме первой и последней, состоят только из трех тропарей вместо обычных четырех, что частично обусловлено оригиналом.

Публикуемый текст ПМ разделен нами на слова и разбит на стихотворные строки в соответствии со строками греческого оригинала. Разделительные знаки рукописи сохранены. Титла, выносные буквы и точки над гласными сохранены.

Греческий параллельный текст публикуется по рукописи XII в. с разночтениями и недостающими стихами по рук. XIУ в. Греческий текст (минускульное письмо) также разбит нами на слова и на стихотворные строки в соответствии с обозначениями в рукописях (конец стихотворной строки обозначается в сплошном тексте рукописи точками в верхней части строки). Орфография обеих греческих рукописей упорядочена нами в соответствии с правилами издания греческих текстов. Графические разночтения не отмечаются. Титла раскрыты. Лексические разночтения даются в подстрочных примечаниях. Стихи, отсутствующие в "Путятиной минее", опущены. Пропуски в греческих рукописях отно-

сительно ПМ восстановлены по печатной "Афинской минее" и заключены в квадратные скобки. Пропуски в ПМ относительно греческих маркируются угловыми скобками.

На полях даются наименования стихов службы, а также отсылки к листам рукописей.

Автор выражает искреннюю благодарность М.Ф.Мурьянову, который был инициатором работы над "Путятиной минеей". Автор благодарит также В.А.Матвеенко за ценные обсуждения и критические замечания, основательно повлиявшие на отработку настоящего вида статьи.

Таблица I. Расположение стихов службы:

а) в "Путятиной минее" (вверху)

б) в греческих минеях (внизу)

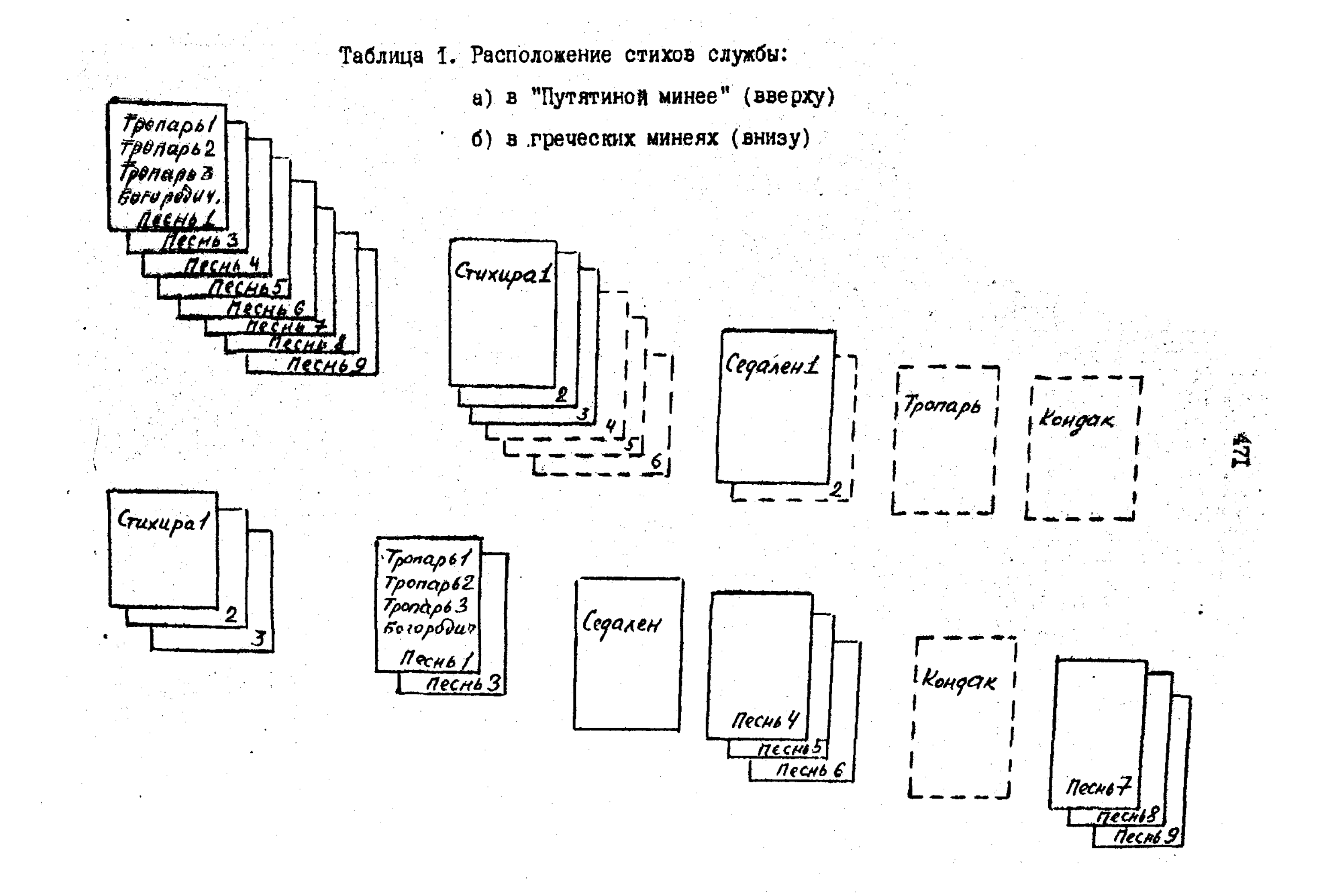


Таблица 2. Обеспеченность ПМ греческими параллелями (I-7 мая)

ПМ	П	К	Р,А	АН	Н
1 мая. Канон св. пророку Иеремии					
Песнь 7. Тропарь 2	-	-	+	-	+
Песнь 9. Тропарь 2	-	+	-	-	+
Богородичен	-	-	+	-	+
Стихира 3	-	-	-	-	-
Седален 2	-	+	-	-	+
Остальные 32 стиха	+	+	+	-	+
2 мая. Канон св. Афанасию и св. Есперу и З.					
Песни 1-9. Тропари 1, 2, богородичен	-	-	-	+	-
Тропарь 3	-	-	-	-	-
Стихиры 1-3	-	-	-	-	+
Стихиры 4-6	-	-	-	-	-
Седален	-	-	-	+	-
3 мая. Канон св. муч. Тимофею и Мавре					
Все 36 стихов	+	-	+	-	+
4 мая. Канон св. муч. Пелагии					
Песнь 3. Богородичен	-	+	-	-	+
Седален	-	+	-	-	-
Остальные 30 стихов	+	+	+	-	+
5 мая. Канон св. муч. Ирине					
Стихиры 4-6	-	-	-	-	-
Седален 2	+	-	-	-	-
Тропарь, кондак	-	-	-	-	-
Остальные 41 стих	+	+	+	-	+
6 мая. Канон праведному Иову					
Песнь 1. Богородичен	+	-	-	-	-
Песнь 5. Богородичен	+	-	-	-	-
Седален	+	-	-	-	+
Остальные 34 стиха	+	+	+	-	+
7 мая. Канон явлению креста					
Песнь 1. Богородичен	-	-	+	-	+
Стихира 4, седален 1	-	-	-	-	-
Остальные 32 стиха	-	+	+	-	+

Таблица 3. Памяти в ПМ (1-7 мая) и их соответствие в греческих минеях

ПМ	П	К	А	Н
1 мая. Память св. пророка Иеремии	совп. с ПМ	совп. с ПМ	совп. с ПМ	совп. с ПМ
2 мая. Память св. Афанасия (канон Георгия) и св. Еспера и Зои	Память св. Афанасия (канон Феофана)	совп. с П	совп. с П	совп. с П.
3 мая. Память св. муч. Тимофея и Мавры	совп. с ПМ	Память св. Севастианы	совп. с ПМ	совп. с ПМ
4 мая. Память св. муч. Пелагии	Память св. муч. Ирины (в ПМ 5 мая)	совп. с П	совп. с П	совп. с ПМ
5 мая. Память св. муч. Ирины	Память св. муч. Пелагии (в ПМ 4 мая)	совп. с П	совп. с П	совп. с ПМ
6 мая. Память св. прав. Иова	совп. с ПМ	совп. с ПМ	совп. с ПМ	совп. с ПМ
7 мая. Память явления Креста	Память св. Акакия	совп. с ПМ	совп. с ПМ	1) совп. с П 2) совп. с ПМ

Приложение

4 мая | Мѣц то ж въ ·ꙉ· | ПМ 13
Канон | Кан стыꙗ мчцѧ Пелагиꙗ:~
Песнь I | Глас ·ꙉ· Пѣс ·а·
Ирмос | Морѧ чрьмноуѭ поучи:~
Тропарь I | Пѫчинѫ твоихъ чюдесъ·
пловѫщѫ правиломъ дховномъ·
нынѣ лопаѭць ми мчнце Хва·
Пелагиꙗ прѣхвальна·
къ пристанищѫ <...>
твоихъ похвалении привеци мѧ:~ //
Тропарь 2 | Изъмлаца разоумьно творьщѫ си· | ПМ 13 об.
приложи сѧ чьстьно
и мимотекоущихъ отвръже сѧ любъвиꙗ·
Пелагиꙗ прѣслав'наꙗ·
ꙗко мѫжь страсти·
божиѥѭ силоѭ попьрала ѥси:~
Тропарь 3 | Баню желаѭщи приꙗти
крьщениꙗ·
свтла Хва обрѣтъши·
притекла ѥси Пелагиꙗ·
и примъши бгс
свѣтоу божиѭ мчца исплънь:~
Богородичен | Стымь стѣнии бгс
Дво прста·
стымь стаго Ха
въ обѧти носивъши·
бжтвьнами силами·
вьсѫ тварь одрьжащаго:~

Песнь 3 Пѣ҇с .г҃. Веселить сѧ о тебѣ : ~
Тропарь 1 ꙗко зем'лꙗ <...> бл҇гаꙗ ·
принесъши словесьныхъ сѣменъ ·
м҇чце Хв҇а прѣмѫдраꙗ ·
тѣхъ обило насѣꙗла ѥси : ~
Тропарь 2 Оуправи сѧ ꙗко избьранаꙗ ·
къ вл҇дцѣ и б҇оу потъщав'ши сѧ ·
м҇чце Хв҇а слав'наѩ ·
б҇жиѥмь наоучениѥмь оукрѣп'лꙗѥма : ~ //
Богородичен Въскрѣсила ѥси чьстьнаꙗ · ПМ14
падъшѫ моу моѥмоу образоу ·
рождьши ꙗвѣ виноу ·
вꙑше ѥстьства въскрьсениѥ ·

Песнь 4 Пѣ҇с .д҃. Въздвиже на тѧ цр҇кꙑ : ~
Тропарь 1 Вл҇дчнѥнѫ прапроудоѭ ѡблъчена ·
банѥнѫ прѣславьнаꙗ
пакꙑ бꙑтиꙗ ·
в'сѣхъ житиꙗ сего красотѫ ·
въ прапроудоу ѡблѣче сѧ ·
Пелагиѥ м҇чце прѣкрас'наа : ~
Тропарь 2 Любꙑ нб҇снꙑхъ красотъ ·
земьнꙑхъ похоти омрачила ѥси ·
страстотрьпице ·
тѣмь и къ Х҇оу възиде ·
въпиѭщи <...>
слава силѣ : ~
Богородичен Неискѫсомѫжьно родивъши о д҇во ·
и по рожствѣ ꙗви сѧ
дѣвьствоуѭщи пакꙑ ·

тъмь немлъчьныими гласы •
радость тебѣ влчце
вѣрож несж м'нож възываиемъ: ~

Песнь 5 Пѣс .е. Ты ги ми свѣтъ : ~
Възможе вражие
раздроушити шатание •
прѣхвальная Пелагие •
кртмь влдчн'емь
и блгодѣтию // оукрѣпльши сѧ : ~ ПМ14об.

Тропарь 2 Нынѧ радоуеши сѧ въистинж •
причетавъши сѧ женихоу си прѣсвѣтьлая •
мжчениемь твоего двства •
свѣтьла имж штии : ~

Богородичен Гь въ тѧ
дво мти в'сели сѧ •
члкы об'нав'ляя •
тьлѣниемь падъшая •
прѣльщениемь з'миином : ~

Песнь 6 Пѣс .ꙅ. Пожьрж ти съ гласомъ :~

Тропарь 1 Законьно
Хви невѣста быс •
прѣиде мчнческо течение •
зовжщи своего жениха •
и въ пристанище
того тихааго приста : ~

Тропарь 2 Оувѧзе сѧ
твоемоу в'рьхж красьныи вѣньць •
правьдьныи •
бомждрая Пелагие •

мч҇це вѣньценосице ·
ибо вѣрѫ
даже и до коньца съхранила ѥси ⟨...⟩ : —

Богородичен Ꙗдъ дрѣв'нѥ
въ оуши Ѥѵжинѣ ·
излиꙗ лѫкавъıи з'мии ·
ты же ⟨...⟩ отътрьсе
бо҇мти ·
гоубителꙗ сего рождьши : —

Песнь 7 пѣ҇с ·ӡ҇· Въ пещи аврамь : —

Тропарь 1 Облачаꙗ н҇бо облакы ·
слав'наꙗ ⟨...⟩
об'нажена б҇жиѥю ѡ// дежденѫ · ПМ15
озари сѧ поѭщи ти ·
бл҇нѫ : —

Тропарь 2 Ꙗко пещь
съкрьвеноѥ ·
мч҇це ⟨...⟩
б҇жиѥѭ раждегома любъвиѭ ⟨...⟩
трьпꙗщи въваше ·
бл҇нъ : —

Богородичен Вышьнꙗго
с҇щеноѥ ⟨...⟩ селѥниѥ ·
радоуи сѧ
тобоѭ бо дасть сѧ радость
б҇це въпиѭщимъ ·
бл҇на ты въ женахъ ·
прѣнепороч'наꙗ : —

Песнь 8 — П҃ѣс ·н̂· Рꙋцѣ распростьръ :—

Тропарь 1 — Ꙗко м҃чца великаꙗ без лъжа·
Х҃ва прѣхвальнаꙗ·
и сиꙗꙋ нєго
благовѣстила єси в'сѣмь·
бо҃мꙋдрьно ꙋчащ'ї
и на бл҃гчьстиє люди възвела єси
поющѧ·
бл҃те :—

Тропарь 2 — Ꙗвѣ обрꙋчи сѧ Х҃ви·
томителєво ꙋстрьмлєниє
в'се погаси·
прѣмꙋдрости поучиноу истачающи·
Пелагиє в'сеслав'наꙗ·
и вѣньци трьми оукраси сѧ поюще·
бл҃те :—

Богородичен — Ѡ оч҃а безначальна сн҃а·
и д҃хъ ст҃ыи
исповѣдаємъ вѣрьни·
ис тебе прѣнепорочьна г҃же
въплъщьша безначальна·
єдиносꙋщна слова оч҃а·
и б҃жиꙗ д҃ха // въпиємь· ПМ15об.
бл҃те :—

Песнь 9 — П҃ѣс ·ѳ̂· Камы нерꙋкосѣче :—

Тропарь 1 — Слово издрешти <...> можеть
твоихъ похвалъ Пелагиє·
поучинꙋ бо чоудомъ истачаєши·
своєго жениха силоꙋ·

	и бл҃гдѣтиѭ •
	нѥгоже нынѧ моли •
	<...> сп҃сти сѧ почитающимъ тѧ :~
Тропарь 2	Стоиши въ свѣтѣ невѣсто •
	вѣньцьносѧщи Пелагиѥ •
	желающи оукромьныхъ сподобити сѧ •
	м҃че прѣдьстоиши Х҃оу •
	и пищѫ приѩла ѥси
	вѣч'наго насыщениѩ :~
Тропарь 3	Мирови миръ да подасть •
	своѥмоу женихоу моли сѧ •
	м҃че Пелагиѥ божиѧ драѩ •
	црк҃вь хранити ѿ искоушениѩ •
	и бл҃гдѣтиѭ
	тебе почитаѩ озари :~
Богородичен	Ꙗви сѧ д҃во <...>
	выше ѥстьства •
	бомт҃и слово зачьныши о҃че •
	въплъщено родивъши •
	имьже нынѩ сп҃саѥми •
	тѧ б҃це величаѥмъ :~
Стихиры	Стих • гла с • в •
Подобен	Под • Ѥгда ѿ древа :~
Стихира 1	Ѥгда ПМ16
	мановениѥмь бж҃иѥмь •
	бж҃иихъ оуслыша гл҃ъ
	бобл҃жнаѩ •
	ѩко земля слав'наѩ •
	тоуч'наѩ приѩтъ
	ср҃дчныѩ браз'ды •

сѣмѧ словес'ноѥ
и сторичьствоуѭщ[т]и •
класъ проѩбла ѥси
<...> вѣрьно чтѫщимъ тѧ •
м[ч]це <...> Пелагиѥ •
ср҇дца бл҇гдтиѭ питаѥш[и] : —

Стихира 2

Ѥдинѫ
рачительнѫ добротоу •
Хв҇ѫ изискавъши •
доброты мирьскыѩ небрѣгъши •
оу приснохивѫ щихъ источьникъ почала ѥсꙑ •
ст҇аго крьщений
сего насытивъши сѧ •
жаж'деѭ страстьничьскоѭ •
абиѥ ражьже сѧ
тѣмь зѣло въ ражьженьи
съсѫдъ възиде •
и любъвиѭ коньчинѫ бла[ж]нѫѭ съподоби сѧ
приꙗти : —

Стихира 3

Невѣста
из'бьранаꙗ чиста бы[с] •
из невѣсты нейскѫ сомѫжьны •
рождьшаго сѧ прѣж'де врѣменьнаго жениха •
слав'наꙗ обычаѥмь правым' нерождьши •
зем'нѫѭ же прапрѫдьнѫю одежду •
тѣмь вѣч'нѫѭ славѫ •
и одеж'дѫ нетьлѣньнѫю •//
м[ч]це Пелагиѥ ныниꙗ приꙗла ѥси : — ПМ16об.

Сл[д].гла[с] .д҃.

Подобен	По^д^. Възнесом сѧ на кр^с^ъ : ~
Седален	В пѫчинѫ чьстьныхъ твоихъ под'вигъ .
	фара^о^нъ оум'ныи <...>
	въпадъ погыбе съ щитьмь . <...>
	тъ бо жениха си
	краснаго добротоѭ
	<...> възлюбивъши .
	извѣче сѧ ис прапрѫдъı мимотекоущаѩ .
	и въ истовѫѭ ѡб'лѣче сѧ .
	Ха величаѭщи : ~
4 мая	В четвертый день того же месяца
Канон	Память святой мученицы Пелагии
Песнь 1	Песнь 1. Глас 4.
Ирмос	Моря красную [пучину].
Тропарь 1	По морю твоих чудес
	плывущему дуновение духа
	и ныне (К мыне мне) подай, мученица Христова,
	Пелагия прехвальная,
	к пристанищу <тихому>
	твоих восхвалений приведя.
Тропарь 2	Измлада провидчески Творцу своему
	посвященная, честная,
	к тленному ты отвергла любовь,
	Пелагия преславная,
	мужественно страдания
	божественной силой ты попрала.
Тропарь 3	Купель божественную (К желая), преславная, (К принять)
	крещения,
	священника отыскав Христова,

	Пелагия, ты пришла
	и, причастившись, стала
	светом божественным, мученица, исполненной.
Богородичен	Святее святых ты стала,
	Дева Пречистая,
	Во святых святого Христа
	в объятиях носившая,
	божественными силами
	все творение охватывающего.
Песнь 3	Песнь 3. Радуется о Тебе.
Тропарь 1	Как земля <некая> избранная (К благая)
	приняв словесных овец (К словесные семена),
	мученица Христова пречестная (К премудрая),
	ее обильно ты возделала.
Тропарь 2	Ты направилась как избранная,
	к Владыке и Богу спеша,
	мученица Христова славная,
	Божьими укрепляемая научениями.
Богородичен	Ты воскресила, Честная,
	падшую мою оболочку,
	родив явного Виновника
	надприродного воскресения.
Песнь 4	Песнь 4. Вознесенным Тебя видящая.
Тропарь 1	Владыки порфирой облачась
	через купель крещения, (К преславная)
	возрождения,
	всю жизни приятную
	порфиру ты одела (К сняла),
	мученица Пелагия прехвальная (К преславная).

Тропарь 2	Стремление к небесным красотам земные омрачило стремления, страстотерпица поэтому ты окрылилась Христом, вопия ⟨и говоря⟩: слава силе ...
Богородичен	Не зная брака ты родила, о Дева, и после рождества явилась девствующей снова. Поэтому немолчными звуками "Радуйся" тебе, Владычица, с верой не сомневающейся мы вопием.
Песнь 5	Песнь 5. Ты, Господи, мне свет.
Тропарь I	Ты сумела вражью разрушить гордыню, прехвальная Пелагия, крестом Владыки укрепленная и благодатью.
Тропарь 2	Ныне ты радуешься воистину, сочетавшись с Женихом своим, пресветлая, мученичества и твоей девственности светильники держа.
Богородичен	Господь в тебя, Дева-Мать, вселился, человека воссоздавший (К воссоздающий), в погибель впавшего обманом змия.
Песнь 6	Песнь 6. Принесу Тебе жертву с воплем.
Тропарь I	Законно

Христом вооружившись,
ты прошла мученичества путь,
призывая своего Жениха,
и в пристанище
тишайшее Его пристала.

Тропарь 2

Сплетён
для твоей головы прекраснейший венец
праведности,
богомудрая Пелагия,
мученица венценосная,
ибо веру
до конца ты сохранила ⟨неуязвленной⟩.

Богородичен

Яд некогда
в уши Евы
вылил (К влил) хитрейший змий.
Ты же ⟨его одна⟩ вылила (обратно),
Богоматерь,
Губителя его родив.

Песнь 7

Песнь 7. В печи Авраам⟨овы отроки⟩.

Тропарь I

Облачающий небо облаками,
славная ⟨мученица⟩,
обнаженную, божественной одеждой
украсил тебя, поющую:
"Благословен..."

Тропарь 2

Как печь
раскаленное,
мученица, ⟨орудие⟩,
божественной разжигаемая любовью ⟨к Христу⟩,
претерпевая (К взойдя), ты вопияла:
"Благословен..."

Богородичен Вышнего
священное <божественное> селение,
радуйся,
тобой ведь дается радость,
Богородица, вопиющим:
"Благословенна [ты в женах,
пренепорочная].

Песнь 8 Песнь 8. Руки распростерший.

Тропарь I Как мученица как (К ты) великая неложная
Христова, прехвальная,
Его силу
ты провозгласила всем,
богомудро научая
и к благочестию людей привлекая,
поющая (К поющая, привлекая):
"Благословите..."

Тропарь 2 Явно (К мудро) обрученная Христу,
мучителя натиск
весь ты погасила,
премудрости море источая,
Пелагия преславная,
и венцами тремя, мученица, украсилась.
Благословите...

Богородичен От Отца Безначального Сына
и Дух Святой
мы исповедуем верно (К верные),
"Из тебя, Пренепорочная, - говоря, -
воплотилось Собезначальное
Единосущное Слово Отца (К к Отцу)

	и Божьему Духу", - и вопием (К вопия):
	"Благословите..."
Песнь 9	Песнь 9. Камень нерукосечный.
Тропарь I	Слово высказать ⟨не⟩ может
	твоих похвал, Пелагия:
	море чудес ведь ты источаешь
	своего Жениха (К Владыки) силой
	и благодатью,
	Которого и (К нет) ныне умоли
	⟨всех⟩ спасти (К спасти всех) воспевающих тебя.
Тропарь 2	Ты достигла желаемого, мученица (К невеста)
	венценосная Пелагия,
	из желаемых Высшему удостоенная,
	мученица, предстоять,
	и наслаждение получила
	вечного удовольствия.
Тропарь 3	Миру мир подать
	своего Жениха умоли,
	мученица Пелагия богомудрая,
	церковь хранить от искушения
	и благодатью
	тебя воспевающих озарить.
Богородичен	Ты явилась Девой ⟨и Матерью⟩
	надприродно,
	Богородица, Слово зачав Отчее,
	Воплощенное же Его родив,
	Которым ныне спасаемые (К которым спасаемые),
	тебя, Богородица, мы величаем.

Стихиры	Стихиры святой. Глас 2.
Подобен	Когда от древа.
Стихира I	Когда
	мановением божественным
	Божьими ты огласилась словами,
	богоблаженная,
	как земля, славная,
	тучная ты приняла
	в сердечные бразды
	семя словесное
	и сторицею
	колос взрастила,
	<всех> верно тебя чтущих,
	мученица <истинная> Пелагия,
	сердца благодатью питая.
Стихира 2	Единственную
	возлюбленную Христову красоту
	взыскуя,
	красоты мира ты презрела,
	у вечноживущих селений почила
	святого крещения
	<и>, им преисполнившись,
	жаждой подвига
	снова загорелась.
	Поэтому в страшно раскаленное
	орудие взойдя
	с готовностью, кончины блаженной ты удостоилась.
Стихира 3	Невестой
	избранной и чистой
	из не познавшей мужа рожденного Невесты

ты стала прежде временного Жениха,
славная разумом правым, ты, презревшая
земной порфиры одежду.
Потому вечную славу
и одежду нетленную,
мученица Пелагия, ныне ты приняла.

Седален — Седален. Глас 4.
Подобен — Вознесшийся на кресте.
В море честных твоих подвигов
фараон мысленный, Пелагия,
впав, погиб с шумом, честная,
ты вещь Жениха своего,
прекрасного красотой,
мученица, возлюбив,
сняла порфиру тленную
и в истинную облеклась
Христа величая.

5 мая — Τῇ δ΄ τοῦ αὐτοῦ μηνός. — П73об.[а]
Μνήμη τῆς ἁγίας μάρτυρος Πελαγίας. — К93об.[в]
Канон — Ὁ κανὼν [τῆς ἁγίας], οὗ ἡ ἀκροστιχίς·
Акростих — Πελαγία τὸ αἶνον εἰκότως πλέκω.
Ποίημα Θεοφάνους.
Песнь I — Ὠιδὴ α΄. Ἦχος δ΄.
Ирмос — Θαλάσσης τὸ ἐρυθραῖον.
Тропарь I — Πελάγει τῶν σῶν θαυμάτων
πλέοντι αὔραν τοῦ Πνεύματος·
[1]⁻καὶ νῦν⁻[1] παράσχου,
μάρτυς τοῦ Χριστοῦ,

I νῦν μοι

Πελαγία πανεύφημε·
[1-]πρὸς τὸν[-1] λιμένα <εὔδιον>·
τῶν σῶν ἐπαίνων καθοδήγησον.

Тропарь 2 — Ἐκ βρέφους προγνωστικῶς τῷ κτίστῃ σου·
ἀνατεθεῖσα σεμνή·
τὴν φθαρτικὴν[2] ἀπέῤῥιψας στοργήν·
Πελαγία πανένδοξε·
ἀῤῥενοπῶς τὰ πάθη δέ·
θείᾳ δυνάμει κατεπάτησας.

Тропарь 3 — Λουτρὸν [3-]<τὸ θεῖον>[-3] ἐπιποθοῦσα ἔνδοξε[4].
πρὸ[5] τοῦ ῥαπτίσματος·
ἱερουργὸν εὑροῦσα τὸν Χριστόν[6].
Πελαγία προσέδραμες·
καὶ μετασχοῦσα γέγονας·
φωτὸς ἐνθέου μάρτυς ἔμπλεος.

Богородичен — Ἁγίων ἁγιωτέρα γέγονας[7].
Παρθένε ἄχραντε·
τὸν [8-]ἐν ἁγίοις[-8] ἅγιον Χριστόν·
ἐν ἀγκάλαις βαστάσασα·
τὸν θεϊκαῖς δυνάμεσι·
πᾶσαν τὴν κτίσιν περιέποντα[9].

Песнь 3 — Ὠιδὴ γ΄. Εὐφραίνεται ἐπὶ σοί.

---

[1] καὶ πρὸς [2] τῶν φθαρτῶν [3] νῦν [4] δέξασθαι [5] τὸ [6] Χριστοῦ [7] πέφηνας [8] τῶν ἁγίων [9] περιέχοντα

Тропарь 1 Γῆ ὥσπέρ <τις> ἐκλεκτή[1]·
προσηκαμένη λογικὰ πρόρατα[2]·
μάρτυς Χριστοῦ πάνσεμνε[3]· //
ταύτην δαψιλῶς ἐγεώργησας. П73об[b]

Тропарь 2 Ἰθύνθης ὡς ἐκλεκτή· К94[a]
πρὸς τὸν δεσπότην καὶ θεὸν σπεύδουσα·
μάρτυς Χριστοῦ ἔνδοξε·
θείοις ῥωννυμένη διδάγμασιν.

Богородичен Ἀνέστησας ὦ σεμνή·
τὴν πεπτωκυῖάν μου σκηνὴν
τέξασα· τὸν προφανῶς αἴτιον·
τῆς ὑπερφυοῦς ἀναστάσεως.

Песнь 4 Ὠιδὴ δ΄. Ἐπαρθέντα σε ἰδοῦσα.

Тропарь 1 Τὴν τοῦ δεσπότου πορφύραν ἐνδεδυμένη·
διὰ λουτροῦ βαπτίσματος[4]·
παλιγγενεσίας·
πᾶσαν τὴν τοῦ βίου τερπνήν·
πορφύραν ἐνδέδυσαι[5]·
μάρτυς Πελαγία πανεύφημε[6].

Тропарь 2 Ὁ πόθος τῶν οὐρανίων ὡραιοτάτων·
τοὺς ἐπὶ γῆς ἠμαύρωσε· πόθους
ἀθλοφόρε·
ὅθεν ἐπτερώθης Χριστῷ·

---

[1] ἀγαθή [2] πρόβατα [3] πάνσοφε [4] πανένδοξε [5] ἐκδέδυσαι [6] πανένδοξε

ροῦσα <καὶ λέγουσα>·
δόξα [τῇ δυνάμει] ...

Богородичен 'Απειρογάμως ἐκύησας ὦ Παρθένε·
καὶ μετὰ τόκον ὤφθης·
παρθενεύουσα πάλιν·
ὅθεν ἀσιγίτοις φωναῖς·
τὸ χαῖρέ σοι δέσποινα·
πίστει ἀδιστάκτῳ κραυγάζομεν.

Песнь 5 'Ωιδὴ ε΄. Σὺ κύριέ μοι φῶς.

Тропарь 1 Ἴσχυσας τοῦ εχθροῦ·
καταλῦσαι τὸ φρύαγμα·
πανεύφημε Πελαγία·
τῷ σταυρῷ τοῦ δεσπότου·
ρυσθεῖσα καὶ τῇ χάριτι.

Тропарь 2 Νῦν χαίρεις ἀληθῶς·
συναφθεῖσα νυμφ//ίῳ σου· ὑπέρλαμπρε K94[b]
μαρτυρίου· καὶ τῆς σῆς παρθενίας·
τὰς λαμπάδας κατέχουσα.

Богородичен 'Ο κύριος ἐν σοί·
θεομῆτορ ἐσκήνωσε·
τὸν ἄνθρωπον ἀθαπλάσας[1]·
τὸν φθορᾷ πεπτωκότα·
ἀπάτῃ τῇ τοῦ ὄφεως.

---

[1] ἀναπλαττων

Песнь 6	Ὠδὴ ϛ΄. Θύσω σοι μετὰ φωνῆς.
Тропарь 1	Νομίμως·
	τῷ Χριστῷ στρατευθεῖσα
	διήνυσας· τοῦ μαρτυρίου τὸν δρόμον·
	ἐπικαλουμένη τὸν σὸν νυμφίον·
	καὶ λιμένι·
	γαληνοτάτῳ τούτου προσώρμισας.
Тропарь 2	Ἐπλάκη·
	σῇ κορυφῇ ὡραιότατος στέφανος·
	δικαιοσύνης
	θεόφρον· Πελαγία
	μάρτυς στεφανηφόρε·
	τὴν γὰρ πίστιν·
	μέχρι τέλους ἐτήρησας <ἄτροτον>.
Богородичен	Ἰὸν πρίν·
	ταῖς ἀκοαῖς τῆς Εὔας
	ἐξέχεεν[1]. ὁ σκολιώτατος ὄφις·
	σὺ δὲ <τοῦτον μόνε> ἐξετινάξω·
	Θεομῆτορ·
	τὸν ἀναιρέτην τούτου κυήσασα.
Песнь 7	Ὠδὴ ζ΄. Ἐν τῇ καμίνῳ ἀβραμ[ιαῖοι].
Тропарь 1	Καμίνου δίκην·
	τὸ κεκαυμένον

---

[1] ἐνέχεεν

μάρτυς <ὄργανον>·
θείῳ πυρουμένη[1] ἔρωτι <τοῦ Χριστοῦ>·
[2-]ὑπομένουσα ἐκραύγαζες[-2].
εὐλογημένος ...

Тропарь 2 — Ὁ περιβάλλων· τὸν οὐρανὸν νεφέλαις[3]
ἔνδοξε· <μάρτυς>·
γυμνωθεῖσαν θείᾳ περιβολῇ·
κατεφαίδρυνέ σε ψάλλουσαν·
εὐλογημένος ...

Богородичен — Τὸ τοῦ ὑψίστου·
ἡγιασμένον <θεῖον> σκήνωμα·
χαῖρε·
διὰ σοῦ γὰρ δέδοται ἡ χαρά·
Θεοτόκε τοῖς κραυγάζουσιν·
εὐλογημένη [συ· ἐν γυναιξὶ
πανάμωμε].

Песнь 8 — Ὠιδὴ η΄. Χεῖρας ἐκπετάσας.

Тропарь 1 — Ὡς μάρτυς ὡς[4] λίαν ἀψευδής·
Χριστοῦ πανένδοξε[5].
τὴν τούτου δύναμιν·
ἐθεολόγησας ἅπαντας·
θεοφρόνως ἐκδιδάσκουσα·
καὶ πρὸς εὐσέβειαν λαοὺς

---

[1]πυρσουμένη [2]ὑπελθοῦσα ἀνεκραύγαζες [3]ἐν νεφέλαις [4]συ [5]πανεύφημε

1-εἵλκυσας ψάλλουσα-1.
εὐλογεῖτε ...

Тропарь 2 Σαφῶς[2] μνηστευθεῖσα τῷ Χριστῷ·
τὴν τοῦ τυράννου ὁρμήν·
πᾶσαν κατέσβησας· //
σοφίας πέλαγος βρύουσα· K94об[a]
Πελαγία πανσεβάσμιε·
καὶ διαδήμασι τρισὶ μάρτυς κεκόσμησαι·
εὐλογεῖτε ...

Богородичен Πατρὸς ἐξ ἀνάρχου Υἱόν·
καὶ πνεῦμα ἅγιον·
ὁμολογοῦμεν πιστῶς[3].
ἐκ σοῦ πανάμωμε λέγοντες·
σεσαρκῶσθαι τὸν συνάναρχον·
μονογενῆ λόγον Πατρός[4].
5-θείῳ τε-5 πνεύματι· καὶ βοῶμεν[6].
εὐλογεῖτε ...

Песнь 9 Ὠιδὴ θ΄. Λίθος ἀχειρότμητος.

Тропарь 1 Λογος ἐξειπεῖν <οὐκ> ἰσχύει·
τοὺς σοὺς ἐπαίνους Πελαγία·
πέλαγος θαυμάτων γὰρ βρύεις·
τοῦ σοῦ Νυμφίου[7] ῥώμῃ

---

[1]ψάλλουσα εἵλκυσας [2]σοφῶς [3]πιστοί [4]Πατρί [5]καὶ θείῳ [6]βοῶντες [7]δεσπότου

καὶ χάριτι·
ὅνπερ καὶ[1] νῦν δυσώπησον[2]·
[3-]<πάντας> σωθῆναι[-3] τοὺς ὑμνοῦντάς σε.

Тропарь 2 — Ἔστης τῆς ἐφέσεως μάρτυς[4]·
στεφανηφόρε Πελαγία·
τῷ τῶν ὀρεκτῶν ἀκροτάτῳ ἀξιωθεῖσα·
μάρτυς παρίστασθαι·
καὶ τὴν τρυφὴν ἀπείληφας·
τῆς αἰωνίου ἀπολαύσεως.

Тропарь 3 — Κόσμῳ τὴν εἰρήνην βραβεύειν·
τὸν σὸν Νυμφίον ἐκδυσώπει·
μάρτυς Πελαγία θεόφρον·
τὴν ἐκκλησίαν διαφυλάττεσθαι· ἐκ πειρασμῶν
καὶ χάριτι·
τοὺς σὲ ὑμνοῦντας καταυγάζεσθαι.

Богородичен — Ὡράθης Παρθένος <καὶ μήτηρ>·
ὑπερφυῶς
Θεογεννῆτορ· Λόγον συλλαβοῦσα τοῦ Πατρός·
σεσαρκωμένον [5-]δὲ τοῦτον τέξασα[-5].
[6-]δι' οὗπερ νῦν σωζόμενοι[-6].
σὲ Θεοτόκε μεγαλύνομεν.

Стихиры — Στιχηρὰ [τῆς ἁγίας]. Ἦχος β΄. — П73об[а]

---

[1] нет [2] ἐκδυσώπησον [3] σωθῆναι πάντας [4] νύμφη [5] τε καὶ κυήσασα [6] δι' οὗ περισωζόμενοι

Подобен | Ὅτε ἐκ τοῦ ξύλου. | ΚΘ3[a]

Стихира 1

Ὅτε·
ἐπινεύσει θεικῇ·
θείων ἐνηχήθης ῥημάτων·
θεομακάριστε
γῆ· καθάπερ ἔνδοξε
πίων εἰσδέδειξαι·
τῆς καρδίας ταῖς αὔλαξι·
τὸν σπόρον τοῦ λόγου·
καὶ ἑκατοστεύοντα·
στάχυν εβλάστησας·
<πάντων> τῶν πιστῶς σε τιμώντων·
μάρτυς <ἀληθῶς> Πελαγία·
τὰς καρδίας χάριτι ἐκτρέφουσα.

Стихира 2

Μόνον·
τὸ ἐράσμιον Χριστοῦ· κάλλος
ἐκζητοῦσα
τὰ κάλλη· κόσμου παρέδραμες
πρός· τὰς ἀειζώους μονὰς κατέπαυσας·
τοῦ ἁγίου βαπτίσματος·
<καὶ> τούτου πλησθεῖσα·
δίψει τῆς ἀθλήσεως·
αὖθις ἐκκέκαυσαι·
ὅθεν τῷ σφοδρῷς ἐκκαέντι·
σκεύει ἐπιβάσα

προθύμως· τέλους μακαρίου κατηξίωσαι.

Стихира Э Νύμφη·

ἐκλεκτὴ καὶ καθαρά·

τοῦ ἐξ ἀπειράνδρου τεχθέντος· νύμφης

γεγένησαι·// πρότερον τοῦ προσκαίρου[1] К93об[b]

νυμφίου·

ἔνδοξε διανοίας εὐθύτητι σὺ βδελυξαμένη·

τὴν τῆς ἐπιγείου τε πορφύρας περιβολήν·

ὅθεν αἰωνίζουσαν δόξαν·

καὶ καταστολὴν ἀφθαρσίας·

μάρτυς Πελαγία νῦν ἀπείληφας.

Седален **Κάθισμα.** Ηχος δ΄. К94[a]

Подобен Ὁ ὑψωθεὶς ἐν τῷ σταυρῷ.

Ἐν τῷ πελάγει τῶν σεπτῶν σου ἀγώνων

ὁ Φαραὼ ὁ νοητὸς <Πελαγία>·

περιπεσὼν ἀπόλετο μετ' ἤχου <σεμνή>·

σὺ γὰρ τὸν Νυμφίον σου·

τὸν ὡραῖον ἐν κάλλει

<μάρτυς> ἀγαπήσασα·

ἀπεδύσω πορφύραν· τὴν φθειρομένην

καὶ τὴν ἀληθῆ· περιεβάλλου

Χριστὸν μεγαλύνουσα.

---

[1] ἐνδόξου

Зак. 5р Тир. 400 Тип. Мин-ва култ)